Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2015 – № 2

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – № 2. – 207 с.
2015, № 2. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, первый проректор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью МГЛУ; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности МГПУ; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **О. С. Егорова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. А. Ермолин**, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. И. Жельвис**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. проф. д-ра А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Т. Г. Кучина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Белоруссия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций МУБиНТ (Ярославль); **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108
Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № ФС 77–62331 от 3 июля 2015 г.

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2015
© Авторы статей, 2015

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 2 – 2015

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Иванова О. Е. Крымско(?)татарский: история кодификации 8

Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии 14

Северская О. И. Современная электронная переписка в зеркале русского эпистолярного наследия и сетикета 20

Суханова И. А. Стихотворение М. Кузмина «Благовещенье» с интермедиальной точки зрения 28

Цумарев А. Э. Нужны ли пометы и ремарки области знания в толковом словаре общего назначения? 35

Шаронов И. А. Формы множественного числа существительных на –а/-я: ретроспективный взгляд и современная ситуация 41

Шмелева Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании 46

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Василенко А. П. Языковая и культурная действительность фразеологизмов (на материале французского и русского языков) 53

Викулова Л. Г., Васильева Е. Г. Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.) 58

Вишневская Г. М., Загороднова О. А. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи 65

Емельянов А. А. Особенности образования и функционирования английского рифмующегося сленга 70

Жельвис В. И. Иллокутивная роль стихотворного перевода на мотив оригинала (на материале переводов В. С. Курочкина) 75

Лукин О. В. Теория частей речи: лингвистический и лингвоисториографический статус 83

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Антонова Л. Г. Лебедева Е. А. Стратегии самопрезентации языковой личности блогера 89

Горошко Е. И., Павлова Л. В. Особенности использования невербальных средств в англоязычной политической интернет-коммуникации 94

Панченко Н. Н., Наумова М. М. Особенности коммуникативного поведения конфиданта в ситуации откровенного разговора 106

Тортунова И. А. Современная российская бизнес-пресса как разновидность деловой коммуникации 112

Цветкова О. Л. Маркетинг личности в гуманитарном поле современности 118

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бокарев А. С. Система циклообразующих связей в книге стихов А. Цветкова «Песни и баллады» 124

Болдырева Е. М. Автобиографическая орнаментальность: принципы лейтмотивной организации романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» 130

Бурнашева Н. И. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»: из опыта толстоведа-текстолога 138

Гаврилова Л. А. Двунаправленность авторского замысла в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 145

Кошемчук Т. А. О Бахтине, карнавализации, Рабле и Достоевском 151

Филипповский Г. Ю. Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве» 157

Шутая Н. К. Роль хронотопа «присутственное место» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 166

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Злотникова Т. С. Живая власть: от ненависти до любви 170

Летина Н. Н., Киселева Н. В., Моцевик А. С. Расовая и этническая идентификация персонажей художественного фильма Д. Кэмерона «Аватар» 178

Мариничева М. Е. Вузовский музей как фактор присутствия интеллигенции в провинциальном городе 184

Скибинская О. Н. Н. Островский в региональном историко-культурном контексте: от актуального образа автора-героя к мемориализации 188

Хренов Н. А. Утопия по-советски: хилиастическая изнанка революционного авангарда 194

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Борисова Е. Г. Лингвопрагматика сегодня: заметки с XIV конференции Международной прагматической ассоциации (Антверпен, Бельгия, июль 2015 года) 200

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 202

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 206

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky

Verhnevolzhski Philological Bulletin: scientific journal. – Yaroslavl: YSPU, 2015. – № 2. – 207 pages

2015, № 2. – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Deputy Rector, K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl (YSPU), Honoured Scientist (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU; **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, MSLU; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, MSPU; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, N. Chernyshevsky Saratov National State University; **O. S. Egorova**, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Head of department, YSPU; **E. A. Ermolin**, Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism and Publishing Department, YSPU; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **V. I. Zhelvis**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Department of Cultural Studies, YSPU, Honoured Scientist of Russian Federation; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Prof. Dr. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee**; G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **T. G. Kuchina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108
Tel.: (4852) 30–55–96 (research department), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

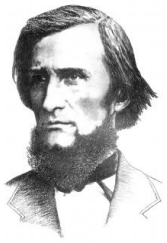
Certificate of mass media registration

(Russian Federation Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communication)
PI № FS 77-62331, 3 July 2015

© FSBEE HPE/ FGBOY VPO "Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky", 2015
© Authors of the articles, 2015

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 2 – 2015



"The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…"
K. D. Ushinsky

THE CONTENT

RUSSIAN LANGUAGE

Ivanova O. E. *Crimean(?)tatar*: codification history 8

Razumov R. V. On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy 14

Severskaya O. I. Modern e-mail correspondence in the mirror of russian epistolary heritage and netiquette 20

Sukhanova I. A. M. Kuzmin's poem Blagoveshchenye (Annunciation) from the point of view of intermediality 28

TsumarevA. E. Field labels and remarks in general purpose explanatory dictionary: do we need them? 35

Sharonov I. A. -A/-ya noun plural forms: retrospective view and contemporary situation 41

Shmeleva E. YA. Internet communication: new trends in russian word formation 46

THEORY OF LANGUAGE

Vasilenko A. P. Linguistic and cultural reality of phraseological units (based on the French and Russian languages) 53

Vikulova L. G., Vasileva E. G. The name choice as an instrument to reinforce the dynastic power in the Early Middle Ages (France, V–X cc.) 58

Vishnevskaya G. M., Zagorodnova O. A. Metalinguistic features of discourse markers in different speech styles 65

Emelianov A. A. Peculiarities of English rhyming terms: formation and functioning 70

Zhelvis V. I. Illocutive role of poetic translation to the motif of the original (on V. S. Kurochkin's translation practice) 75

Lukin O. V. Theory of parts of speech: status in linguistics and linguistic historiography 83

COMMUNICATION THEORY

Antonova L. G., Lebedeva E. A. Self-presentation strategies of a blogger's linguistic personality 89

Goroshko E. I., Pavlova L. V. Peculiarities of non-verbal communication through congressional web-sites 94

Panchenko N. N., Naumova M. M. Features of a confidant's communicative behavior in the situation of frank conversation 106

Tortunova I. A. Modern Russian business press as a type of business communication 112

Tsvetkova O. L. Marketing personality in the modern humanitarian field 118

LITERARY CRITICISM

Bokarev A. S. The system of cycle-forming bonds in the book of poetry «Songs and Ballads» by A. Tsvetkova 124

Boldyreva E. M. Autobiographic ornamentation: leitmotif organization principles in I. A. Bunin's novel «The Life of Arseniev» 130

Burnasheva N. I. «Following the thoughts of a great man is the most interesting science»: from the experience of a Tolstoy textual critic 138

Gavrilova L. A. Bidirectional author's intent in «A Writer's Diary» by F. M. Dostoevsky 145

Koshemchuk T. A. On Bakhtin, carnivalisation, Rable and Dostoevsky 151

Filippovskij G. JU. Modern problems in «The Igor`s Tale» research 157

Shutaya N. K. The role of chronotope «public office» in F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» 166

CULTURAL SCIENCE

Zlotnikova T. S. Live power: from hatred to love 170

Letina N. N., Kiseleva N. V., Motsevik A. S. Race and ethnic identity of characters in D. Cameron's feature film «Avatar» 178

Marinicheva M. E. University museum to indicate the existence of intelligentsia in a provincial town 184

Skibinskaya O. N. N. Ostrovskiy in the regional historical and cultural context: from the actual image of the author-hero to memorialization 188

Khrenov N. A. Utopia Soviet style: chiliastic underside of revolutionary avant-garde 194

ACCOUNTS AND REVIEWS

Borisova E. G. Pragmatics today: XIV conference of International Pragmatics Association (Antwerp, Belgium, July 2015) 200

AUTHORS 204

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL "VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN" AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS 207

РУССКИЙ ЯЗЫК

С 2007 года отдел культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН проводит Международные научные конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»). В разделе публикуется часть материалов IV конференции, которая состоялась 6–8 ноября 2014 года

УДК 811.161.1

О. Е. Иванова

Крымско(?)татарский: история кодификации

Статья написана в рамках проекта «Орфографическое комментирование русского словаря», грант РГНФ № 15-04-12001

Материал IV Международной научной конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»), которая состоялась 6–8 ноября 2014 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В статье рассматривается история орфографической кодификации прилагательного *крымско-татарский*, написание которого активно обсуждается пользователями интернета. В связи с этим обращается внимание на возможность новой интерпретации правил правописания сложных прилагательных.

Ключевые слова: орфография, сложные прилагательные, правила правописания, орфографический словарь, кодификация.

RUSSIAN LANGUAGE

The Department of the Russian Language Culture of V. V. Vinogradov Russian Language Institute has been organizing International scientific conferences "Culture of the Russian Language" ("Grotovskie chtenija") since 2007. This section contains some materials from IV Conference which took place on 6–8 November 2014

O. E. Ivanova

Crimean(?)Tatar: codification history

The article is devoted to a problem of spelling norm of the word Crimean-Tatar (krymsko-tatarski) which is hotly debated in the Internet. The author pays attention to the fact that there is a possibility of a new interpretation of spelling rules for compound adjectives.

Keywords: spelling, compound adjectives, spelling rules, spelling dictionary, codification.

В словарях современного русского языка, являющихся источниками орфографической нормы, прилагательное *крымско-татарский* пишется через дефис. Назовем эти источники: «Орфографический словарь русского языка» (*Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К.* М. : АСТ-ПРЕСС, 2008); «Русский орфографический словарь» (Институт русского языка им.

© Иванова О. Е., 2015

В. В. Виноградова РАН. Изд. 1–4. М., 1999–2012). Кроме того, дефисное прилагательное *крымско-татарский* содержится в ГОСТ 7.75-97. «Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Коды наименований языков».

При этом в практике письма широко бытует слитное написание *крымскотатарский*. Правда, в данных интернет-поисковиков и так достаточно условных, значительна доля ресурсов домена ua. На просторах Сети противоречие между кодифицированной нормой и реальным употреблением активно обсуждается с привлечением фактов культуры, истории, этимологии, лингвистики и научной письменной практики (то есть, например, как писали / пишут это слово в своих научных трудах авторитетные этнологи, языковеды). Интересно, что дело о правописании этого прилагательного в системе Википедии рассматривалось в ее арбитражном комитете, решившим спор в пользу слитного написания для статьи «Крымскотатарский язык» со следующей мотивировкой: «В вопросе правописания слова "крымско?татарский" с точки зрения русского языка сохраняется путаница, охватившая множество официальных словарей, хотя формально официальным правильным написанием является слитный вариант: "крымскотатарский"» [1]. Упоминаемое «формально официальное правильное» написание вытекает из применения к этому слову правила 1956 г.: «если отношения между частями сложного прилагательного подчинительные – пиши слитно, если сочинительные – через дефис». В одной интернетовской дискуссии было высказано безапелляционное утверждение, что если «крымскотатарский – имеющий отношение к *крымским татарам*», то «крымско-татарский – имеющий отношение к *Крыму* и *татарам*». На самом деле дефисное написание не задает однозначного понимания отношений между частями сложного прилагательного как исключительно сочинительных (см. об этом далее). Вообще вокруг дефисного написания данного слова противники дефиса воздвигают сооружение из псевдонаучной риторики. (Вот типичные примеры рассуждения: «Дефисный язык, дефисный народ – это даже семантически неверно для единой народной общности и их языка»; «Дело с грамматической стороны крайне просто: те же правила, которые прописывают использование "железнодорожный" от "железная дорога", а не "железно-дорожный" (от "полужелезный, полудорожный" или "железный против дорожного"), – те же правила говорят о том, что правильно писать "крымскотатарский" (от "крымские татары"), а не "крымско-татарский" (от "полукрымский, полутатарский" или "крымский против татарского")»). Итак, пишущие применяют правила, рассуждают о семантике дефиса, принимают решение о написании. А что говорят об этом слове словари?

В «Орфографическом словаре русского языка», опубликованном параллельно с правилами в 1956 г., данного слова нет (впрочем, как и многих других слов). Слово *крымско-татарский* стало достоянием нормативного орфографического словаря лишь в 1999 г., когда появился академический «Русский орфографический словарь» (М., 1999–2012). Его первое издание, впитавшее в себя предыдущий академический словарь, охватило до 60 тысяч новых для орфографической лексикографии слов, многие из которых отразили социальные, культурные, политические сдвиги в российском обществе на исходе XX в. К числу таких слов принадлежит и прилагательное *крымско-татарский*.

В грамотном письме до 1956 г. слово *крымско(?)татарский* оформлялось с дефисом. Таково, например, написание в названиях трудов «Полный русско-татарский словарь крымско-татарского наречия» (*О. Заатов.* Симферополь, 1906) и «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (*А. Н. Самойлович.* П., 1916). Позднее в довоенных изданиях Большой и Малой советских энциклопедий само прилагательное не встречается, а вместо него употребляется описательное сочетание «языки казанских, касимовских, <...> крымских татар». В еще более позднюю советскую эпоху оно было отражено в изданиях энциклопедического типа, прежде всего, в «Большой советской энциклопедии» (в 30 т. 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978), где помещена статья: **«Крымско-татарский язык,** язык татар, живших до 1944 г. в Крыму ...», а также в изданном на ее основе «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1979). Однако этот однотомник в 80-е гг. подвергался различного рода коррекциям, в результате в 4-ом издании, например, данное прилагательное в названии статьи написано уже слитно. Современная «Большая российская энциклопедия» дает слово в прежнем дефисном написании – статьи «Крымско-татарская литература» и «Крымско-татарский язык» (2010. Т. 16, с. 169). Специализированное научное издание 60-х гг. «Языки народов СССР» (в 5 т. М. : Наука, 1966–1968 / Гл. ред.

В. В. Виноградов; Отв. ред. Н. А. Баскаков; Институт языкознания АН СССР) во втором томе содержит статью «Крымско-татарский язык», а спустя двадцатилетие на исходе века «Лингвистический энциклопедический словарь» (М. : Советская энциклопедия, 1990 / Гл. ред. В. Н. Ярцева) обозначает язык как *крымскотатарский*. В это же время издаются и специальные научные труды, преимущественно содержащие в названии слово *крымскотатарский* в слитном написании. В начале XXI в. в употреблении этого слова в общенаучной речи также не наблюдается однородности, о чем свидетельствуют данные Научной библиотеки РИНЦ (39 публикаций с дефисным написанием данного слова в названии и 16 публикаций – со слитным на декабрь 2014).

Из специальных лингвистических изданий прилагательное было отмечено в начале 70-х гг. в справочнике Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой и Л. К. Чельцовой «Слитно или раздельно? (опыт словаря-справочника)» (М. : Советская энциклопедия, 1972) сначала в слитном написании, измененном при последующих переизданиях (например, см. 3-е изд., испр. и доп. М., 1982) на дефисное (рядом приведено прилагательное аналогичной структуры *крымско-турецкий*). В 80-е гг. прошлого века дефисно пишущееся прилагательное *крымско-татарский* давалось также и в популярном «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М. : Русский язык, 1985; 6-е изд., испр. и доп., 1987).

Таким образом, письменная история слова *крымско(?)татарский* достаточно пестра. Энциклопедические издания на протяжении прошлого и в начале нынешнего столетия показывают склонность к дефисному написанию (БСЭ, СЭС, БРЭ, Языки народов СССР) при наличии отдельных колебаний в пользу слитного (СЭС, ЛЭС). Лингвистические словари русского языка различного толка, отмечая данное слово лишь с начала 70-х гг., преимущественно рекомендуют дефисное написание. Если же говорить о письменной практике вообще, то здесь наблюдается пестрота и чересполосица употребления, определяемая целой гаммой различных условий и преференций. В частности, в публикациях на территории Украины господствует написание слитное, на территории России много дефисных написаний. Можно считать, что до «Русского орфографического словаря» (1999) слово *крымско(?)татарский* существовало без кодификации, что отчасти объясняет колебания в написании. Но и кодификация в академическом словаре не принесла с собой желаемого единообразия в написание (а единообразие написания всегда желательно для средств литературного языка). Сказываются устойчивые традиции различного написания на разных территориях и в разных социальных и этнических группах при отсутствии общекультурного навыка следовать указаниям словарей. Однако в данном вопросе существует еще и чисто лингвистическая сторона.

Дискуссия по поводу написания данного слова показывает желание пишущих, во-первых, следовать имеющемуся правилу (при подчинительном отношении слов в исходном словосочетании *крымские татары* сложное прилагательное пишется слитно *крымскотатарский*) или, во-вторых, хотя бы увидеть обсуждаемое слово в списке исключений (если уж надо писать *крымско-татарский*). Но соответствующее правило далеко от совершенства, а полного списка исключений к нему нет и быть не может. Решая вопрос о выборе правильного варианта написания, апеллируют к «Правилам русской орфографии и пунктуации» 1956 г. (далее – Правила), которые до сего дня являются единственным законодательно утвержденным сводом правил русского правописания. Однако они уже давно оцениваются специалистами как неполные и в части случаев не соответствующие современному состоянию письма. В частности, и та норма в § 80 п. 2, которая регулирует написание сложных прилагательных («пишутся слитно сложные имена прилагательные, образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому»), стала нарушаться едва ли не с первых лет существования Правил. Уже в первом издании «Орфографического словаря русского языка» в том же 1956 г. пишутся через дефис, несмотря на легко устанавливаемое подчинительное соотношение частей, например, такие слова: *буржуазно-демократический* (хотя *буржуазная демократия*), *военно-исторический* (хотя *военная история*; и мн. др. слова с первой частью *военно-*), *врачебно-консультационный* (хотя *врачебная консультация* или *консультация врача*) и *врачебно-контрольный, врачебно-наблюдательный, дорожно-строительный, жилищно-кооперативный, конституционно-демократический, парашютно-десантный, союзно-республиканский, стрелково-спортивный, субъективно-идеалистический, уголовно-процессуальный* и др. Позднее появились и многие другие прилагательные, пишущиеся не по правилу, к примеру: *авторско-правовой, валютно-*

*обменный, врачебно-консультативный, генно-инженерный, государственно-монополистический, гражданско-правовой, дорожно-ремонтный, дорожно-сигнальный, конституционно-монархический, лечебно-физкультурный, молочно-животноводческий, партийно-номенклатурный, ракетно-технический, химико-технологический, экспериментально-психологический, электронно-лучевой, ядерно-энергетический***.** В справочниках и пособиях по орфографии никогда не давались списки исключений из данного правила, поскольку просто не представляется возможным отследить все отступления при столь динамично развивающемся словарном составе языка. Считается, что дефисному написанию таких слов способствует наличие в первой основе суффиксов относительных прилагательных *-н-, -енн-, -ов-, -ск-* [5, с. 138]. Остается также и проблема сложности определения смыслового соотношения основ сложного прилагательного – сочинение или подчинение. Действительно, можно ли однозначно определить отношение основ в словах *абстрактно-гуманистический* (абстрактный гуманизм? или абстрактный и гуманистический?), *абстрактно-нравственный* (абстрактная нравственность или абстрактный и нравственный), *абстрактно-философский* (абстрактный и философский или абстрактная философия), *аварийно-сигнальный* (аварийные и сигнальные работы или сигнализирующие об аварии работы). Положение таково, что для всех слов, в которых соотношение основ не имеет однозначной трактовки или же установление семантического соотношения вообще затруднено (что нередко для слов-терминов), ведущим критерием оказывается наличие суффикса, что и ведет к предпочтению здесь дефиса.

Итак, правило, на которое ссылаются для объяснения слитного написания *крымскотатарский*, имеет слишком много отступлений, чтобы считаться безусловным руководством к действию. Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая взамен него предложили другое правило, основанное не на принципе семантико-синтаксического соотношения частей, а на формальном критерии. В основе его лежит наличие / отсутствие суффикса в первой части сложного прилагательного как показатель ее грамматической оформленности (ср.: «дихотомичности орфографического оформления соответствует дихотомичность языкового выражения: есть суффикс в первой части сложного прилагательного – пиши через дефис, нет суффикса – пиши слитно» [4, с. 12–13]). Авторы этой идеи, реализованной в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», отмечали, что «формальный критерий не является и не может быть панацеей от всех бед <...> он может служить руководством лишь в тех случаях, когда написание неизвестно или когда имеются колеблющиеся написания» [3, с. 14]. Но и это правило не привело к снятию всех проблем. Так, совсем не просто бывает иногда отличить суффикс прилагательного от суффикса существительного, что определяет написание слова, ср.: *брюшинно-промежностный* и *брюшиносердечный* (подробнее см., например, [3]). Таким образом, наша орфография продолжает жить в условиях отсутствия адекватно сформулированных правил написания сложных прилагательных при очень значительном количестве словарных написаний. Была высказана даже мысль, что полное описание орфографии сложных прилагательных возможно лишь в словаре [3, с. 91].

Однако в русском письме, по нашему мнению, устойчивый сегмент написания сложных прилагательных «по правилам» существует. Он формируется при наложении двух основных факторов – смысловом соотношении основ и наличии / отсутствии суффикса в первой части. В той области письма, где эти факторы действуют совместно, в одном направлении, написание прилагательного (слитное или дефисное) предсказуемо и, самое главное, совпадает с действующей нормой письма. Там же, где имеет место рассогласование этих факторов, их разнонаправленное действие, написание непредсказуемо, не выводится из правил, определяется только по словарю (впервые сформулировано в [2, с. 192–193]). Итак, **(I)** наличие суффикса в первой части (⇒дефис) при сочинительном отношении основ (⇒дефис) дает дефисное написание прилагательного (*весенне-летний, испанско-русский, плодово-овощной, плоско-выпуклый*); **(II)** отсутствие суффикса в первой части (⇒ слитно) при подчинительном отношении основ (⇒ слитно) дает слитное написание прилагательного (*бронетанковый, валютообменный, грузосборочный, стрессоустойчивый*); **(III)** наличие суффикса (⇒дефис) при подчинительном отношении основ (⇒ слитно) или отсутствие суффикса (⇒ слитно) при сочинительном отношении основ (⇒дефис) дают словарное написание (*горнорудный* и *горно-геологический, конноспортивный* и *военно-спортивный, газогидрохимический* и *органо-гидрохимический, дачно-строительный, длинно-волновый, крымско(?)татарский, глино-*

песчаный, голеностопный). Понятно, конечно, что зона словарных написаний среди сложных прилагательных весьма обширна (хотя их много и среди сложных существительных, и среди наречий). Словарными, помимо слов с традиционным устоявшимся написанием, являются и те слова, написание которых выбрано лингвистами из двух или нескольких реально бытующих – на основании определенных критериев кодификации. Прилагательное *крымско-татарский* как раз принадлежит к числу вторых. Выбор дефисного написания данного слова опирался на фиксацию в универсальных изданиях нашей страны – «Большая советская энциклопедия» и «Языки народов СССР», на фиксацию в ГОСТе, на реальные узуальные предпочтения русскоязычного письма на территории России, на факт существования лексической парадигмы – других однотипно образованных прилагательных сходной семантики, которые пишутся с дефисом.

А таких слов немало. Перечислим некоторые прилагательные, построенные по типу «первая часть, производная от топонима + вторая часть, производная от названия этноса». Их дефисное написание или преобладает в реальном использовании, и/или кодифицировано в орфографическом словаре русского языка, например: *волжско-финский* и *финно-волжский* (от *волжские финны*), *горно-марийский* (*горные марийцы*), *лугово-марийский* (*луговые марийцы*), *казанско-татарский* (*казанские татары*), *литовско-татарский* (*литовские татары*), *немецко-поволжский* (*поволжские немцы* – с перестановкой компонентов, *немцы Поволжья*), *поволжско-татарский* (*поволжские татары*), *прибалтийско-финский* (*прибалтийские финны*), *уральско-казачий* (*уральские казаки*), *уральско-тюркский* (*уральские тюрки, тюрки Урала*), *чулымско-тюркский* (*чулымские тюрки*) и др. При этом важно, что употребление данных прилагательных не ограничено сочетаемостью со словами *язык* или *говор* (так, существуют или существовали в истории *волжско-финские* и *финно-волжские языки, прибалтийско-финские языки, казанско-татарский язык, поволжско-татарский язык, чулымско-тюркский язык*), это может быть и *культура*, и *литература*, и *кухня*, и *обычаи*, и *костюм*, и *традиции*, и *печать*, и *свадьба* и пр. В дискуссии на полях интернета один из участников без тени сомнения заявляет о слове *сибирско-татарский*: «сибирско-татарским называют не язык, а диалект, а диалекты пишутся намеренно через разделяющий дефис, не в смысле “сибирские татары”, а в смысле “татары в Сибири”». Но, во-первых, в научном сообществе ничего не известно о закономерности писать названия диалектов через дефис, а во-вторых, как сообщает сайт Конгресса татар Тюменской области ktto.ru, «сибирско-татарский язык вышел на просторы интернета».

Есть и еще один важный аспект данной темы. Упомянутые в самом начале статьи нормативные словари зафиксировали для русского литературного языка как государственного языка РФ один из двух бытующих на письме вариантов – вариант с дефисом. Так слово и пишется в тексте Указа Президента РФ № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» от 21 апреля 2014 г. Кодификация состоялась.

Библиографический список

1. Арбитраж: крымскотатарский против крымскотатарского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:К_переименованию/12_июня_2014#.D0.9A.D1.80.D1.8B.D0.BC.D1.81.D0.BA.D0.BE.D1.82.D0. – (Дата обращения 14.12.2014).

2. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М. : Азбуковник, 2011.

3. Борунова, С. Н. О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации [Текст] // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. – М. : Азбуковник, 2009. – С. 73–99.

4. Букчина, Б. З., Калакуцкая, Л. П. Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов [Текст] / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая // Нерешенные вопросы русского правописания. – М. : Наука, 1974. – С. 5–14.

5. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник [Текст] / Под ред. В. В. Лопатина. – М. : ЭКСМО, 2007.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Arbitrazh: krymskotatarskij protiv krymskotatarskogo [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vikipedija:K_pereimenovaniju/12_ijunja_2014#.D0.9A.D1.80.D1.8B.D0.BC.D1.81.D0.BA.D0.BE.D1.82.D0. – (Data obrashhenija 14.12.2014).

2. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Russkoe pis'mo v pravilah s kommentarijami. [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. – M. : Azbukovnik, 2011.

3. Borunova, S. N. O napisanii slozhnyh prilagatel'nyh v russkom jazyke. Iz istorii kodifikacii [Tekst] // Lingvisticheskie osnovy kodifikacii russkoj orfografii: teorija i praktika / Pod red. V. V. Lopatina. – M. : Azbukovnik, 2009. – S. 73–99.

4. Bukchina, B. Z., Kalakuckaja, L. P. Lingvisticheskie osnovanija orfograficheskogo oformlenija slozhnyh slov [Tekst] / B. Z. Bukchina, L. P. Kalakuckaja // Nereshennye voprosy russkogo pravopisanija. – M. : Nauka, 1974. – S. 5–14.

5. Pravila russkoj orfografii i punktuacii. Polnyj akademicheskij spravochnik [Tekst] / Pod red. V. V. Lopatina. – M. : JeKSMO, 2007.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 811.161.1’373.211.5 + 811.161.1’373.46

Р. В. Разумов

Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии

Статья посвящена рассмотрению проблем определения объема термина *урбаноним* в современной российской ономастике. Автор анализирует границы этого понятия в публикациях по городской ономастике. В статье уточняется понятие *урбанонима*, предлагается относить к этому разряду онимов лишь названия топографических объектов. Автор считает недопустимым использование термина для обозначения названий коммерческих объектов и линейных объектов и площадей в сельской местности. В статье также анализируется употребление ряда терминов, входящих в урбанонимическое поле. Автор рассматривает проблемы использования термина *ойкодомоним*, подчеркивается недопустимость его употребления как синонима термина *эргоним.*

Ключевые слова: ономастика, топонимика, собственное имя, городское онимическое пространство, урбаноним, виконим, ойкодомоним, эргоним.

R. V. Razumov

On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy

The article is devoted to determining the scope of the term *urbanonym* in modern Russian onomastics. The author analyses this concept in publications on urban onomastics and clarifies the concept *urbanonym.* It is stated in the article that only the names of topographical objects can refer to this category of onyms. The author considers it unacceptable to use this term to denote the names of commercial properties, linear objects and village squares. The article also analyses the use of certain terms from urbanonymic field. The author examines the use of the term *oikodomonym* and points out unacceptability of using it as a synonym to the term *ergonym.*

Keywords: onomastics, toponymy, a proper name, city onymic space, urbanonym, viconym, oikodomonym (names of buildings), ergonym.

Одной из актуальных задач, стоящих перед российскими ономатологами, остается упорядочение существующей ономастической терминологии. По мнению В. И. Супруна, она «нуждается в теоретическом осмыслении и практическом лексикографическом изложении» [22, с. 138]. Упорядочение терминологии необходимо, так как со времени публикации 2-го издания «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [13] прошло уже более 25 лет, отмеченных появлением новых терминов, употребление которых необходимо привести в систему. Безусловно, возникают трудности и в использовании терминов, зафиксированных в указанном словаре (см., например: [17], [18]). Словарные дефиниции терминов, не прошедших стадию регулярного употребления в исследованиях ученых, претерпели в некоторых случаях значительные трансформации. Особенно проблемными являются зоны ономастического пространства, развитие которых активизировалось в течение последних нескольких десятилетий. На наш взгляд, требует упорядочения существующая терминология, используемая при описании собственных имен, функционирующих в пределах городского и сельского ономастиконов.

Целью настоящей статьи является анализ функционирования термина *урбаноним* – ключевого термина городского онимического пространства, а также определение круга собственных имен, которые могут рассматриваться в качестве разновидностей данного разряда собственных имен.

Наш анализ мы начнем с истории появления термина *урбаноним* в отечественной ономастике.

На протяжении долгого периода для обозначения названий внутригородских объектов исследователями использовались описательные обороты *названия улиц* или термины *микротопоним* и *топоним*. Например, в сборнике «Микротопонимия» [7] в названиях статей встречаются следующие терминологические сочетания: *названия географических объектов, названия улиц* и *географические названия.* Отсутствие специального термина для

© Разумов Р. В., 2015

данной группы собственных имен было обусловлено, на наш взгляд, тем обстоятельством, что названия внутригородских объектов в то время не привлекали внимания ученых, оставаясь преимущественно уделом краеведов-любителей.

В 1960–1970-е гг. начали появляться первые лингвистические работы, анализирующие особенности номинации внутригородских объектов. По этой причине, вероятно, возникла потребность в создании специального термина, который позволил бы обозначить данную группу собственных имен. Он был предложен в работах Н. В. Подольской «Урбонимия Центра» и «Урбанонимия центральных областей РСФСР», опубликованных соответственно в сборниках «Топонимия Центра» [15] и «Топонимия Центральной России» [14]. Как видим, в названиях статей, изданных с разницей всего в 2 года, представлены различные формы этого термина, которые отражают поиск исследователем наиболее удачного звукового облика. Первый вариант был отвергнут, вероятно, из-за того, что он был, по мнению А. Г. Широкова, структурно менее правильным [23, с. 11]. Случаи его использования в ономастических исследованиях единичны, он обычно встречается в работах ученых, плохо знакомых с ономастической терминологией. Вариант *урбаноним* постепенно получил более широкое распространение, он был зафиксирован Н. В. Подольской в качестве основного уже в 1-м издании «Словаря русской ономастической терминологии»: вариант *урбаноним* поставлен первым, а вариант *урбоним* – помещен в скобки [12, с. 154]. Во 2-м издании словаря используется уже только форма *урбаноним* [13, с. 139].

Интересно проследить использование вариантов *урбоним / урбаноним* в библиографических справочниках по ономастике, издававшихся в СССР. Если в 1-м выпуске (1976 г.) в раздел «Указатель основных терминов и понятий» включены термины *урбоним, урбонимическая система, урбонимия* [9, с. 159], то во 2-м выпуске (1978 г.) – термины *урбаноним* (*урбоним*)*, урбанонимика, урбанонимия* [10, с. 201–202]; в 3-м выпуске (1986 г.) – термины *урбаноним, урбанонимика, урбанонимическая модель, урбанонимическая система, урбанонимия* [11, с. 178]. Любопытно, что во 2-м выпуске указателя в названии статьи Н. В. Подольской допущена ошибка: вместо варианта *урбанонимия* («***Урбанонимия*** *Центральных областей РСФСР*») указан вариант *урбонимия* («***Урбонимия*** *центральных областей РСФСР*») [10, с. 81].

Несмотря на появление специального термина, исследователи продолжили использовать различные варианты описательных оборотов или термин *топоним*. Показательно, что в сборнике «Географические названия в Москве» [3] в названиях статей термин *урбаноним* не встречается ни разу. Во вступительной статье «Изучение московской топонимии» и текстах, включенных в сборник, он также не употребляется. Исключение составляет статья А. В. Суперанской «Типология именования внутригородских объектов Москвы», в котором он встречается однократно [20, с. 162].

Ситуация с употреблением термина изменилась в 2000-е гг.: он начинает регулярно использоваться в названиях диссертаций и научных статей, в перечнях ключевых слов к публикациям, посвященным рассмотрению особенностей городских топонимов. Так, он встречается в названиях 9 из 18 диссертаций, защищенных в Российской Федерации в 2000-е гг. по данной тематике. По сведениям Научной электронной библиотеки [8], термин *урбаноним* употребляется в 60 публикациях, в 33 из них он указан в качестве ключевого слова.

Как мы уже отмечали выше, словарное описание термина *урбаноним* впервые было дано в 1-м издании «Словаря русской ономастической терминологии». Н. В. Подольская приводит следующее его толкование: «Вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [12, с. 154]. Во 2-м издании словаря основная часть определения воспроизведена без каких-либо изменений, уточнен лишь состав собственных имен, признаваемых разновидностями урбанонимов: «агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [13, с. 139]. Как видим, описательный терминологический оборот *название отдельного здания* был заменен автором однословным термином *ойкодомоним*, а еще один термин (*экклезионим*), зафиксированный уже в 1-м издании словаря в качестве самостоятельного типа онимов, во 2-м издании был отнесен к внутригородским объектам.

Основная часть словарного толкования термина («*собственное имя любого внутригородского топографического объекта*»), на наш взгляд, довольно точно определяет суть обозначаемого явления. Тем не менее, анализ употребления термина в научных публикациях показывает три возможные трансформации указанного значения: ‘название города’, ‘название любого

внутригородского объекта, в том числе название коммерческого объекта: магазина, кафе, ресторана и т. п.', 'название внутрисельского объекта'.

Первый вариант трансформации значения отмечен в 1-м издании словаря самой Н. В. Подольской: «иногда этот термин применяется вместо ойконима или вм. астионима» [12, с. 154]. Подобное употребление, вероятно, является окказиональным, оно практически не подтверждается исследовательской практикой, поэтому, как нам кажется, и было исключено из 2-го издания словаря.

Второй вариант трансформации значения – отнесение к урбанонимам абсолютно всех типов собственных имен, функционирующих в пределах городского пространства. Например, Т. В. Шмелева в исследовании «Ономастикон российского города» [24] относит к урбанонимам названия социальных институций, то есть объединений людей по их деятельности различной направленности [24, с. 6], которые принято обозначать термином *эргоним*. Схожее понимание встречается и в диссертациях Г. Х. Исмагиловой [4] и Л. Н. Рабадановой [16]. Впервые подобное толкование встречается, по-видимому, в работе А. М. Мезенко «Урбанонимия Белоруссии» [6]. Под урбанонимей исследователь понимает «совокупность всех названий внутригородских объектов <…> Это названия линейных (улиц, переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т. п.), территориальных (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов и т. п.) и масштабных объектов (церквей, костелов, монастырей, кинотеатров, гостиниц, кафе, памятников и т. п.)» [6, с. 4]. Возможно, данная трактовка восходит к ошибочному пониманию определения термина, содержащегося в одной из научно-популярных работ А. В. Суперанской: «Всю совокупность названий внутригородских объектов принято называть урбанонимы» [21, с. 72]. Заметим, что сама исследовательница в этой публикации не относит названия учреждений к урбанонимам: «Необходимо отметить разницу между названиями некоторых зданий и находящихся в них учреждений. *Сенат* как здание – урбаноним. *Сенат* как учреждение может заседать в другом месте (в школе), а в здании Сената в чрезвычайных обстоятельствах может разместиться госпиталь. Названия организаций, предприятий, учреждений – эргонимы составляют самостоятельную группу собственных имен, лишь отчасти пересекающуюся с урбанонимами» [21, с. 75].

Ключевым для понимания сущности *урбанонима*, на наш взгляд, является слово *топографический*, включенное в определение термина. В «Словаре современного русского литературного языка» указано следующее значение слова: «относящийся к топографии; предназначенный для топографии» [19, с. 640]. Словарная статья к слову *топография* содержит два значения: (1) «отдел геодезии, изучающий земную поверхность и способы ее измерения» и (2) «совокупность признаков, характеризующих населенный пункт или административно-территориальную единицу в географическом отношении» [19, с. 640–641]. Таким образом, *топографическим* может считаться лишь такой объект, который имеет точную географическую привязку к определенной точке земной поверхности, способен реализовывать адресную функцию онима. Очевидно, что эргонимы не могут быть признаны топографическими объектами, поскольку, в отличие от урбанонимов, относятся не к ядру, а к периферии ономастического пространства города, они не привязаны к определенному месту, легко изменяются и быстро исчезают, могут переноситься с одного объекта на другой. Заметим, что одно и то же название коммерческой структуры может одновременно принадлежать нескольким объектам в населенном пункте (сетевые названия «*Магнит*», «*Перекресток*», «*Мировой*» и др.). Кроме того, один и тот же коммерческий объект может неоднократно менять свое название из-за смены собственника сети («*Копеечка*» → «*Пятерочка*», «*Эконом*» → «*Ярославские магазины*» → «*Дикси*» и др.). Наконец, многие коммерческие структуры занимают сравнительно небольшие помещения, то есть на территории одного здания может располагаться несколько различных учреждений и организаций.

Третий вариант трансформации значения термина – 'названия внутрисельских объектов' – появился в последние годы. Подобное неоправданное изменение значения часто встречается, например, в школьных и студенческих докладах. Так, на одной из студенческих конференций был представлен доклад с названием «Урбанонимы с. Казанское Тюменской области» [2]. Заметим, что недопустимость подобного употребления заложена уже в самой форме термина. Его употребление в текстах исследований, посвященных анализу названий сельских улиц, происходит, вероятно, из-за того, что в словаре Н. В. Подольской отсутствует специальный термин для данного типа онимов. Термин же *годоним* («название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [13, с. 52]) менее известен, поэтому редко употребляется в отечественной ономастике. Нам

представляется необходимым включение в словарь термина *виконим,* который был предложен А. М. Мезенко [5] для обозначения названий внутрисельских топографических объектов (улиц, переулков, площадей).

При подготовке нового словаря ономастической терминологии необходимо, на наш взгляд, пересмотреть и состав собственных имен, которые могут рассматриваться в качестве разновидностей урбанонимов. Во 2-м издании «Словаря русской ономастической терминологии» к данному типу онимов отнесены агоронимы, годонимы, хоронимы городские, экклезионимы, ойкодомонимы [13, с. 139]. Включение всех перечисленных собственных имен в разряд урбанонимов не вызывает сомнений, так как все они являются топографическими объектами, имеют точную привязку к городской территории. Некоторые проблемы возникают лишь с термином *ойкодомоним*, который иногда неоправданно употребляется в значении ‘собственное имя коммерческого объекта’. О недопустимости подобной трактовки мы уже писали ранее [18], поэтому в данной публикации не будем останавливаться на рассмотрении этого вопроса.

Процитированное определение, очевидно, содержит перечисление не всех возможных типов внутригородских топографических объектов, имеющих собственные имена. Это отмечает и Т. В. Шмелева: «Однако очевидно, что описать значимые и поименованные городские сооружения с помощью этих двух терминов – *ойкодомоним* и *экклезионим* – невозможно» [24, с. 8]. Далее автор перечисляет группы онимов, для обозначения которых отсутствуют специальные термины: названия мостов, вокзалов, станций метро, рынков, кладбищ, парков, городских садов [24, с. 8]. Перечень Т. В. Шмелевой, на наш взгляд, необходимо дополнить названиями памятников, фонтанов, остановок общественного транспорта. Из него, как нам кажется, следует исключить названия рынков, которые относятся к эргонимам.

Отсутствие терминов для указанных типов собственных имен обусловлено их периферийным положением в городском онимическом пространстве. Многие из них представлены в населенных пунктах единичными примерами, поэтому не привлекали внимания лингвистов. Считаем необходимым предложить вниманию коллег термины для некоторых из перечисленных разрядов собственных имен.

Прежде всего заметим, что для одного из перечисленных типов онимов – названий мест погребения (кладбищ) – термин в ономастике уже существует, хотя и редко используется. Подобные собственные имена в словаре Н. В. Подольской предлагается обозначать с помощью термина *некроним* [13, с. 86].

Для названий парков, садов, скверов может быть использован термин *дримоним*, включенный в оба издания словаря Н. В. Подольской: «собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи (греч. δρυμός – ‘дубовая роща, лес, роща’ + оним)» [13, с. 57]. Для обозначения принадлежности внутригородскому пространству в термин может быть включен элемент *урбо-* (*урбодримонимы*) или добавлено прилагательное *городской* (*городской дримоним*) по аналогии с термином *городской хороним*.

Для обозначения названий мостов может быть введен термин *гефюроним* (от греческого γέφυρα – ‘мост’), любезно подсказанный нам В. И. Супруном. Поскольку мосты являются принадлежностью не только городского пространства, термин для них может быть также представлен двумя вариантами: *урбогефюроним* или *городской гефюроним*.

Еще одну группу собственных имен образуют названия памятников, монументов и мемориальных комплексов. Для подобных онимов мы предлагаем ввести термин *монументоним* (от латинского monumentum – ‘памятник’).

Итак, определение термина *урбаноним* в словарях ономастической терминологии должно обязательно содержать указание на *топографичность* обозначаемого ими объекта и принадлежность их к разряду топонимов. Недопустимо относить к данному разряду собственных имен любые эргонимы. В качестве разновидностей урбанонимов в словаре ономастической терминологии должны быть указаны агоронимы, годонимы, городские гефюронимы, городские хоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, городские дримонимы, некронимы, монументонимы, названия фонтанов, названия остановочных комплексов. Необходимо продолжить обсуждение вопросов развития урбанонимической теории, приступить к созданию обобщающих исследований. Важно начать работу над подготовкой нового словаря русской ономастической терминологии.

Библиографический список

1. Белорусская ономастика. Топонимия [Текст] : учебное пособие / Под общ. ред. А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

2. Вагина, М. С. Урбанонимы с. Казанское Тюменской области [Электронный ресурс] / М. С. Вагина // Режим доступа: http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/10344.pdf. – (Дата обращения: 01.05.2012).

3. Географические названия в Москве [Текст] / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М. : Мысль, 1985. – 224 с.

4. Исмагилова, Г. Х. Языковые особенности наглядно-информационной атрибутики города в рамках реализации закона о языках Республики Татарстан: на примере казанских урбанонимов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Х. Исмагилова. – Казань, 2011. – 22 с.

5. Мезенко, А. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы [Текст] / А. Мезенко // Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / ред. A. Cieślikowej [и др.]. – Kraków : PANDIT, 2007. – С. 379–390.

6. Мезенко, А .М. Урбанонимия Белоруссии [Текст] : автореф. дисс. … докт. филол. наук / А. М. Мезенко. – Минск, 1991. – 35 с.

7. Микротопонимия [Текст] / Отв. ред. О. С. Ахманова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1967. – 156 с.

8. НЭБ – Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://elibrary.ru. – (Дата обращения: 01.05.2012).

9. Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 гг. [Текст] / Отв. ред. Н. В. Подольская. – М., 1976. – 206 с.

10. Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1971–1975 гг. с приложением за 1918–1962 гг. [Текст] / Отв. ред. Р. Р. Мдивани, Н. В. Подольская. – М., 1978. – 304 с.

11. Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1976–1980 гг. [Текст] / Отв. ред. Р. Р. Мдивани, Н. В. Подольская. – М., 1984. – 268 с.

12. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.

13. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

14. Подольская, Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР [Текст] / Н. В. Подольская // Топонимия Центральной России (Вопросы географии. Сб. 94) / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М. : Мысль, 1974. – С. 123–129.

15. Подольская, Н. В. Урбонимия Центра [Текст] / Н. В. Подольская // Топонимия Центра: тезисы докладов. – М., 1972. – С. 26–27.

16. Рабаданова, Л. Н. Урбанонимы Махачкалы: историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Рабаданова. – Махачкала, 2012. – 22 с.

17. Разумов, Р. В. К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии [Текст] / Р. В. Разумов // Ономастика Поволжья: материалы XIII междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сентября 2012 г.). – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 46–51.

18. Разумов, Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов [Текст] / Р. В. Разумов // Имя собственное в жизни и литературе : Мат-лы IX Междунар. Святогорских ономастических и IX Междунар. Михайловских литературно-ономастических чтений. – Киев : Изд-кий дом Дм. Бураго, 2015. – С. 115–123.

19. Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. – Т. 15. – М. ; Л., 1963.

20. Суперанская, А. В. Типология именования внутригородских объектов [Текст] / А. В. Суперанская // Географические названия в Москве. – М. : Мысль, 1985. – С. 160–170.

21. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 178 с.

22. Супрун, В. И. Размышления над ономастической терминологией [Текст] / В. И. Супрун // Известия ВГПУ. – 2011. – №8. – С. 133–138.

23. Широков, А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: Апеллятивно-онимические комплексы [Текст] : дис. … канд. филол. наук / А. Г. Широков. – Волгоград, 2002.

24. Шмелева, Т. В. Ономастикон российского города [Текст] / Т. В. Шмелева. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 138 с.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Belorusskaja onomastika. Toponimija [Tekst] : uchebnoe posobie / Pod obshh. red. A. M. Mezenko. – Minsk : Jelajda, 2012. – 260 s.

2. Vagina, M. S. Urbanonimy s. Kazanskoe Tjumenskoj oblasti [Jelektronnyj resurs] / M. S. Vagina // Rezhim dostupa: http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/10344.pdf. – (Data obrashhenija: 01.05.2012).

3. Geograficheskie nazvanija v Moskve [Tekst] / Otv. red. E. M. Pospelov. – M. : Mysl', 1985. – 224 s.

4. Ismagilova, G. H. Jazykovye osobennosti nagljadno-informacionnoj atributiki goroda v ramkah realizacii zakona o jazykah Respubliki

Tatarstan: na primere kazanskih urbanonimov [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / G. H. Ismagilova. – Kazan', 2011. – 22 s.

5. Mezenko, A. Vikonimika kak razdel topo-nimiki: sostojanie, perspektivy [Tekst] / A. Mezenko // Nowe nazwy własne – nowe ten-dencje badawcze / red. A. Cieślikowej [i dr.]. – Kraków : PANDIT, 2007. – S. 379–390.

6. Mezenko, A .M. Urbanonimija Belorussii [Tekst] : avtoref. diss. … dokt. filol. nauk / A. M. Mezenko. – Minsk, 1991. – 35 s.

7. Mikrotoponimija [Tekst] / Otv. red. O. S. Ahmanova. – M. : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1967. – 156 s.

8. NJeB – Nauchnaja jelektronnaja biblioteka eLIBRARY.RU [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://elibrary.ru. – (Data obrashhenija: 01.05.2012).

9. Onomastika: Ukazatel' literatury, izdannoj v SSSR s 1963 po 1970 gg. [Tekst] / Otv. red. N. V. Podol'skaja. – M., 1976. – 206 s.

10. Onomastika: Ukazatel' literatury, iz-dannoj v SSSR v 1971–1975 gg. s prilozheniem za 1918–1962 gg. [Tekst] / Otv. red. R. R. Mdivani, N. V. Podol'skaja. – M., 1978. – 304 s.

11. Onomastika: Ukazatel' literatury, izdannoj v SSSR v 1976–1980 gg. [Tekst] / Otv. red. R. R. Mdivani, N. V. Podol'skaja. – M., 1984. – 268 s.

12. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj ono-masticheskoj terminologii [Tekst] / N. V. Podol'skaja. – M. : Nauka, 1978. – 200 s.

13. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj ono-masticheskoj terminologii [Tekst] / N. V. Podol'skaja. – 2-e izd., pererab., dop. – M. : Nauka, 1988. – 192 s.

14. Podol'skaja, N. V. Urbanonimija cen-tral'nyh oblastej RSFSR [Tekst] / N. V. Podol'skaja // Toponimija Central'noj Rossii (Voprosy geografii. Sb. 94) / Otv. red. E. M. Pospelov. – M. : Mysl', 1974. – S. 123–129.

15. Podol'skaja, N. V. Urbonimija Centra [Tekst] / N. V. Podol'skaja // Toponimija Centra: tezisy dokladov. – M., 1972. – S. 26–27.

16. Rabadanova, L. N. Urbanonimy Mahachkaly: istoriko-kul'turologicheskij, strukturno-semanticheskij i sopostavitel'nyj aspekty [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / L. N. Rabadanova. – Mahachkala, 2012. – 22 s.

17. Razumov, R. V. K voprosu ob uporjado-chenii terminologii v oblasti jergonimii [Tekst] / R. V. Razumov // Onomastika Povolzh'ja: materialy XIII mezhdunar. nauch. konf. (Jaroslavl', 13–14 sentjabrja 2012 g.). – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012. – S. 46–51.

18. Razumov, R. V. Ojkodomonimy kak razno-vidnost' gorodskih onimov [Tekst] / R. V. Razumov // Imja sobstvennoe v zhizni i literature : Mat-ly IX Mezhdunar. Svjatogorskih onomasticheskih i IX Mezhdunar. Mihajlovskih literaturno-onomasticheskih chtenij. – Kiev : Izd-kij dom Dm. Burago, 2015. – S. 115–123.

19. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Tekst] : v 17 t. – T. 15. – M. ; L., 1963.

20. Superanskaja, A. V. Tipologija imenova-nija vnutrigorodskih ob#ektov [Tekst] / A. V. Superanskaja // Geograficheskie nazvanija v Moskve. – M. : Mysl', 1985. – S. 160–170.

21. Superanskaja, A. V. Chto takoe toponimi-ka? [Tekst] / A. V. Superanskaja. – M. : Nauka, 1985. – 178 s.

22. Suprun, V. I. Razmyshlenija nad onoma-sticheskoj terminologiej [Tekst] / V. I. Suprun // Izvestija VGPU. – 2011. – №8. – S. 133–138.

23. Shirokov, A. G. Russkaja urbanonimija v diahronicheskom osveshhenii: Apelljativno-onimicheskie kompleksy [Tekst] : dis. … kand. filol. nauk / A. G. Shirokov. – Volgograd, 2002.

24. Shmeleva, T. V. Onomastikon rossijskogo goroda [Tekst] / T. V. Shmeleva. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 138 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.07.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81’271.2

О. И. Северская

Современная электронная переписка в зеркале русского эпистолярного наследия и сетикета

Материал IV Международной научной конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»), которая состоялась 6–8 ноября 2014 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В статье рассматриваются особенности современной деловой переписки, которые наиболее ярко проявляются в структуре обращений адресанта к адресату. Автор обращается к русской эпистолярной традиции, выявляя основные этикетные формулы на основе корпусного исследования, а также к сетевым этикетным нормам. Речь идет о влиянии на современную эпистолярную практику как иноязычных моделей, так и гибридизации устной и письменной форм деловой коммуникации.

Ключевые слова: эпистолярная традиция, деловое письмо, доминирующий вариант, обращение к адресату, узус и норма.

O. I. Severskaya

Modern e-mail correspondence in the mirror of Russian epistolary heritage and netiquette

The article looks at peculiarities of modern business correspondence which are most clearly manifest in a sender’s addressing patterns. The author turns to Russian epistolary tradition to identify basic etiquette formulas and considers network etiquette rules. The author analyses foreign language models and hybridization of oral and written forms in business communication and their influence on modern epistolary practice.

Keywords: epistolary tradition, business letter, dominating variant, addressing an addressee, usage and norm.

Современная электронная переписка, особенно в деловой сфере, – это интересное поле исследования, в котором можно наблюдать процесс изменения нормы. Как отмечают многие исследователи, в частности, Т. С. Жукова, этикет электронного письма в российской деловой интернет-коммуникации окончательно не сложился [1, с. 7] и испытывает влияние как регламентированных, так и стихийных норм [Там же, с. 5], а также кодексов корпоративной культуры и корпоративных стандартов [Там же, с. 19]. Несмотря на то, что сегодня существуют пособия по деловой переписке, ориентированные на нормы, регламентированные ГОСТами [5], а также руководства, учитывающие прагматическую составляющую делового письма и связывающие его содержание и форму воедино [4], электронная сфера нормируется не ими.

Электронное деловое письмо сегодня не имеет четкой структуры. Нормируется только концовка: после заключительной формулировки *«С уважением»* идет подпись адресанта именем и фамилией, с указанием занимаемой должности в компании и контактной информации (как правило, эта формульная часть воспроизводится автоматически как шаблон почтового сервиса). Основная часть, скорее, напоминает записку. Именно эта часть письма в наибольшей степени отражает отмеченную В. Г. Костомаровым [6] господствующую тенденцию к гибридизации устной и письменной разновидностей речи в «письменно-некнижных» коммуникативных интернет-жанрах (хотя С. А. Лысенко и говорит об электронной почте как жанре наиболее консервативном, а потому дольше других сопротивляющемся «орализации», то есть подчинению речевым стандартам устного общения [7, с. 14]). Особый интерес представляет начало письма, а именно структура обращения к адресату. Она, несмотря на замечания исследователей о наличии множества одновременно функционирующих вариантов [1, с. 8–9], в известном смысле стереотипна.

Это показывают примеры деловых писем, полученных автором в разное время из разных компаний[1]. Так, деловые предложения двух разных менеджеров структурированы практически идентично, ср.:

(I) «Ольга Игоревна, добрый день! ***Меня зовут Елена С.****, я курирую в бизнес-школе ABC*

© Северская О. И., 2015

программы корпоративного обучения. К нам поступил запрос о проведении корпоративного семинара-тренинга «Деловая переписка» в г. Белгороде. Приглашаем Вас принять участие в проекте в качестве преподавателя. В случае Вашей заинтересованности готова согласовать детали проекта. Буду признательна за оперативный ответ. *Заранее благодарна. С уважением, Елена С.*, Центр корпоративных и инновационных программ бизнес-школы АВС»;

(II) «**Ольга, добрый день!** ***Меня зовут Елена А.,*** *и я занимаюсь организацией обучения в компании XYZ*. Нас интересует возможность организации семинара по этикету деловой переписки. Скажите, пожалуйста, возможна ли организация занятий на английском языке? *Спасибо заранее! Елена А.*, Senior HRD Coordinator, XYZ-Russia».

Хотя в первом случае адресат назван по имени-отчеству, а во втором – по имени в полной паспортной форме (в соответствии с корпоративными правилами российской и западной компаний), оба менеджера используют формулу «обращение + приветствие», и это общее место в современной деловой переписке. Вариации могут касаться порядка компонентов: «Ольга, *добрый день!* / *Добрый день*, Ольга!», или времени, в которое осуществляется приветствие: «Ольга, *добрый день*! / Ольга, *добрый вечер*!», или самой приветственной формулы: «Ольга / Ольга Игоревна, *здравствуйте*!»

Обращение иногда сопровождается эпитетом:

(III) «**Уважаемые члены жюри, здравствуйте**! Отправляю вам Программу дополненную, но пока не окончательную. *С уважением, Регина*, менеджер по работе с региональными телекомпаниями».

Но может и вообще опускаться:

(IV) «**Добрый день!** Ознакомьтесь, пожалуйста, с программой конференции. *С уважением, кафедра языкознания*».

В том случае, если адресант и адресат переписки придерживаются разных норм оформления начала письма, может происходить настройка на адресата.

Например, стандартная бизнес-формула под влиянием ответных писем адресата иногда уступает той, что связана с эпистолярной традицией:

(V) «**Ольга, Добрый вечер!** Как договаривались, посылаю свои координаты. *С уважением,* И. Ш. <…> **Добрый вечер!** У нас наконец-то готов проект договора – посмотрите, пожалуйста. *С уважением,* И. Ш. <…> **Дорогая Ольга!** Спасибо, все получила. Когда все подготовим, я сообщу, и надо будет встретиться лично. А пока – привет из Нарьян-Мара (с сайта Администрации НАО), с анонсом встречи с “известным филологом-лингвистом”. *Всего хорошего!* И. Ш.».

Однако есть примеры и того, как адресант, обычно придерживающийся строго фиксированной в его культурной среде эпистолярной нормы, «уступает» инокультурному узусу, принимая доминантный вариант за нормативный. В частности, это происходит при переходе от польского стандарта деловой переписки к русскому, что хорошо видно в следующих примерах:

(VI) «**Szanowni Państwo**, dziękując za przyjęcie naszego zaproszenia na tegoroczną konferencję, w załączniku wysyłam program oraz informacje organizacyjne. *Pozdrawiam serdecznie z Opola*, Marzena M. ‘**Уважаемые господа**, благодарю за принятие нашего приглашения на конференцию и высылаю в приложении ее программу и организационную информацию. *Сердечно приветствую из Ополе*, Мажена М.’»;

(VII) «**Уважаемая Ольга!** Спасибо большое за заявку, я передам ее председателю Оргкомитета. *С уважением*, Гизела Г. <…> **Добрый день!** От имени Организационного комитета Международной научной конференции «Русская литература и культура в Европе XXI века» хотим сердечно поблагодарить за участие в ней и уже сегодня пригласить участвовать в следующих научных конференциях, организуемых Институтом Русистики Варшавского университета. *С уважением*, Гизела Г.».

Как следует из приведенных примеров, в русском узусе формула «обращение + приветствие» сегодня доминирует. Но внедряться она стала сравнительно недавно: с конца 1990-х гг. Можно назвать две причины ее быстрого распространения. Во-первых, сказывается влияние западных моделей (ср.: «**Hi**, Zoya! ‘**Привет**, Зоя!’»), вошедших в узус со страниц учебных пособий для вновь возникших в России бизнес-школ и программ обучения MBA и ретранслированных многочисленными сетевыми ресурсами[2]. Рекомендации, данные для коммуникации «бизнес для бизнеса», постепенно становятся релевантными и для сферы частной переписки. Вот что, например, советует пользователям популярный интернет-портал «КакПросто!»: «В начале письма вежливо поприветствуйте адресата. Если человек не принадлежит к какой-то особой культуре, для приветствия подойдут традиционные “здравствуй”, “здравствуйте”» [2]. Во-вторых, в этом

как раз просматривается «орализация» письма (то есть влияние на стандарты переписки устных этикетных форм общения): адресант обращается к своему партнеру так, как если бы говорил с ним по телефону (ср.: «Ольга? *Добрый день / Здравствуйте*…») или же входил с деловым предложением или просьбой в комнату переговоров, то есть приветствовал партнера при личной с ним встрече. «Разговорность», присущая личному общению, явно различается и в переписке хорошо знакомых и симпатизирующих друг другу партнеров, между которыми возникают достаточно близкие и неформальные отношения, как в следующем примере:

(VIII) «**Олечка, приветствую Вас**! Надеюсь, у Вас все замечательно! Удалось отдохнуть? У нас снова горячая пора. Строим планы. Поэтому хочу обсудить с Вами наше дальнейшее сотрудничество. <…> *Всего самого доброго. Надеюсь, до связи. Ваша*, Г. М.».

Однако нельзя сказать, что доминантный вариант уже превращается в нормативный, поскольку в отдельных корпоративных культурах все еще действуют нормы русской эпистолярной традиции. И примеры деловой переписки с использованием традиционных этикетных формул обращения все же можно привести:

(IX) «**Дорогие коллеги!** 1-й Бриковский сборник вышел в свет. <…> Сердечно благодарим за участие, желаем счастливого года, всего самого доброго! *От имени редколлегии,* Алиса М., редактор»; «**Уважаемая Ольга Игоревна!** Мы начинаем подготовку 2-го Бриковского сборника, который планируем издать до конца 2013 года. Надеемся на Ваше участие и просим прислать статью. *С уважением, от Оргкомитета,* Мария С., секретарь. <…> **Дорогая Ольга Игоревна,** помню, очень-очень давно отправляла Вам верстку статьи и просила просмотреть ее и прислать свои замечания. Так уж сложилось, что подготовка 2-го Бриковского сборника сильно затянулась, и в печать мы его отдадим только через две недели. В связи с этим я возвращаюсь к своей старой просьбе и прошу Вас сообщить о замеченных в верстке недостатках. *С благодарностью и добрыми пожеланиями,* Маша С.».

Авторы подобных писем, не принимая во внимание рекомендации «быть внимательными к употреблению эпитетов, таких как “дорогой”», следуют традициям русского делового письма. Традиции же эти легко проследить, обратившись к материалам Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Наиболее распространенной в дореволюционной России формой обращения к адресату была этикетная формула *милостивый государь / милостивая государыня*. Как правило, обращение сопровождалось титулованием: «*Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!* Начинаю опять чувствительнейшею благодарностию за присланные журналы. Я раза три уже прочел их и давно отослал бы их к Вашему Превосходительству, если б мне не сказали, что Вас не было в городе. Зная множество Ваших занятий, боюсь упоминать о новой присылке, а вместо того осмеливаюсь покорнейше просить, если мне суждено пробыть здесь еще несколько времени, исходатайствовать мне высочайшее позволение заняться составлением Английско-Российского Словаря и Английской Грамматики» [А. О. Корнилович. Письмо (1928)], к которому часто добавлялось и имя-отчество адресата: «*Ваше Превосходительство Милостивый Государь Павел Алексеевич*. В конце октября – начале ноября в Берлине появился Князь Авалов (Бермонд), обыкновенно проживающий в Гамбурге и права въезда в Пруссию не имеющий. Факт появления его в Берлине имел место уже неоднократно, и я обратил внимание только на то обстоятельство, что обыкновенно добиваясь в том или ином виде свидания со мной и ведя себя конспиративно, он на этот раз скрывал от меня свое пребывание в Берлине и в то же время бывал в русских ресторанах, иногда афишируя себя громкими разговорами на русские политические темы. Заинтересовавшись этим вопросом, я выяснил, что Князь Авалов (Бермонд) всюду и везде подчеркивает свой переход в лагерь Великого Князя Кирилла Владимировича и, по-видимому, не имеет мужества сказать это мне лично» [А. А. фон Лампе. Письмо П. А. Кусонскому (1924)], или же указанием на должность: «*Милостивый государь, господин профессор!* Я желал бы пройти курс физики в таком объеме, чтобы впоследствии, продолжая работы по интересующим меня вопросам, иметь возможность исполнять обязанности лаборанта в каком-нибудь высшем учебном заведении. Не зная, отчего зависит получение разрешения заниматься в Вашей лаборатории, а также полноты оборудования ее (в смысле возможности достижения преследуемой мною цели), обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбой сообщить какие-либо данные о том и о другом. С искренним уважением Дм.» [Д. С. Штейнберг. Письма (1912)].

При личном обращении указание имени-отчества было обязательным: «Министр Финансов – Его Превосходительству П. А. Столыпину 14 января 1911 года № 440 Срочное *Милостивый Государь Петр Аркадьевич*. Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копии: рескрипта Августейшего Управляющего Русским музеем Императора Александра 111-го, Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича, от 11-го сего января за № 11, и письма преподавателя фотохимии и фотографии в С.-Петербургском Технологическом институте Императора Николая 1-го, Прокудина-Горского, по вопросу о приобретении в казну составляемой последним коллекции фотографических снимков, в натуральных цветах, достопримечательностей России, назначенному к рассмотрению в Совете министров на 20-е сего января. *Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности*. В. Н. Коковцов [В. Коковцов. Письмо к П. А. Столыпину (1911)]. Опускалось именование в циркулярных письмах: «21 июня 1909 г. Секретно. Циркулярно. В дополнение к циркуляру от 5-го июня за № 130827 Департамент Полиции при сем препровождает *Вам, Милостивый Государь*, для сведения копию не подлежащей, по постановлению Совета Партии, опубликованию резолюции по вопросу об организации террористической борьбы. Подписал: За Директора Виссарионов Скрепил: За Заведующего Отделом Рукавичников Верно: За Помощника Делопроизводителя Целицо [Сопроводительное письмо департамента полиции начальникам охранных отделений (1909)]. Или же в письмах строго официального характера, если в намерения адресанта входило подчеркнуть дистанцию с адресатом и свое критичное к нему отношение: «1894 г. Февраля 28–25. Москва. *Милостивый государь*. Пишу вам о деле детей Хилковой, отнятых у матери противно всем законам божеским и человеческим и с жестокостью, свойственной только каким-нибудь диким курдам или зулусам. Описывать этого дела я не стану. Ваша совесть, вероятно, не переставая напоминает вам об этом зверстве и вашем участии в нем» [Л. Н. Толстой. Письма (1894)].

Еще одним широко используемым обращением был эпитет *любезный / любезная*, указывавший на близкие отношения адресанта и адресата: «*Любезная Софья Александровна*; до самого нынешнего дня я был в ужасных хлопотах; ездил туда-сюда, <…> рассматривал город по частям и на лодке ездил в море – короче, я ищу впечатлений, каких-нибудь впечатлений! Преглупое состояние человека то, когда он принужден занимать себя, чтоб жить, как занимали некогда придворные старых королей; быть своим шутом!» [М. Ю. Лермонтов. Письмо С. А. Бахметевой (1832)]; «*Любезный и уважаемый г-н Гец*. Очень рад случаю, напомнившему мне мою обязанность сердечно благодарить вас за ваше любезное содействие мне по переводу письма о Г. Джордже. Очень бы желал быть вам чем-нибудь полезным и потому очень рад тому, что письма мои могут вам пригодиться. Печатайте их где и как хотите» [Л. Н. Толстой. Письма (1894)]; «*Любезный ПеКа*, <…> весьма счастлив, что Харитоша удостоился английского одобрения…» [Н.Н. Семенов. Из переписки с П. Л. Капицей (1927)], что нередко подчеркивалось и одновременным употреблением притяжательного местоимения первого лица: «1862 г., января 18 дня. Петровский Завод. ***Мой*** *любезный, дорогой* ***мой*** *Евгений Петрович!* Прости великодушно, что пропустил два месяца и не отвечал тебе; я твое письмо получил 18 ноября, оно было с деньгами для Дмитрия Насонова. От 28 сентября, вместе же с твоим письмом, получил я и от княгини Наталии Петровны, и на которое с прошедшей почтой отвечал. Не знаю, как благодарить, не нахожу слов, как выразить мою благодарность за ваши письма» [И. И. Горбачевский. Письмо Е. П. Оболенскому (1862)].

Использовался в обращениях и эпитет *уважаемый / уважаемая* – в сочетании с указанием должности: «*Уважаемый господин библиотекарь, мой государь***.** Прошу не поставить мне в вину, что я вторично направляю вам предложенное мною на обсуждение ранее посланное мнение о переводе книги, ведь мне сообщили, что первый курьер был ограблен в пути разбойниками... [В. Н. Татищев – И. Д. Шумахеру (1735)], с обращением *господин / госпожа* с фамилией: «*Уважаемый господин Легра***,** очень благодарю вас за ваше письмо. Статья, о которой я вам говорил, еще не закончена. Как только она будет закончена, вышлю ее вам. Я знаю, что она будет в хороших руках и что я буду иметь удовольствие увидеть ее в прекрасном переводе» [Л. Н. Толстой. Письма (1894)], с обращением по имени-отчеству: «*Уважаемый Петр Николаевич***,** Сегодня мы получили от Вашего механика г. Чибисова прибор Фрелиха. К сожалению, я не был на Ваших демонстрациях этих опытов» [Н. П. Слугинов. Письма (1894)]. В послерево-

люционной России распространилось обращение *уважаемый товарищ* (как в изолированном употреблении, без указания имени, отчества и фамилии: «*Уважаемый товарищ!* Много писем, несомненно, теперь идут к Вам со всей России – и мое, среди них, для Вас, вероятно, будет иметь не большее значение, чем и другие…» [М. И. Сосновский. Письмо В. И. Ленину (1921)], так и при назывании адресата по фамилии: «*Уважаемый тов. Рудин***,** Отвечаю на Ваши вопросы. Сознательно ли я стремился раскрыть смысл трудно-понимаемых сонетов или такое "комментирование" текста было актом бессознательным, стихийным?» [С. Маршак. Избранные письма (1952)]). Употреблялся эпитет и в сочетании с обращением по имени-отчеству, что позволяло адресанту «приблизиться» к адресату, сделать коммуникацию менее формальной: «члену Президиума ЦК КПСС А. И. Микояну. *Уважаемый Анастас Иванович!* Поздравляю Вас с днем рождения. Желаю Вам долгих лет Вашей благородной жизни, посвященной на благо народа. Я осмелилась обратиться к Вам с большой просьбой о деле, которое тяготит всю мою семью уже долгие годы. <…> Прошу Вас, *уважаемый Анастас Иванович*, ускорить дело о реабилитации Артузова А. Х. и снять тяжесть с нашей семьи» [Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны (1937–1960)].

Обращение, включающее эпитет *дорогой*, в царской России могло использоваться и в сугубо деловой переписке, становясь маркером доверительности и известной близости адресанта и адресата: «Письмо И. Каподистрии министру иностранных дел России К. В. Нессельроде с просьбой о предоставлении Греции финансовой помощи. Эгина, 14 (26) февраля 1829 г. *Дорогой граф, я пишу Вам частное письмо потому, что не могу найти время для переписки с Вами полуофициальным образом***.** Я, как обычно, обременен делами, хлопотами, неприятностями и вдобавок плохим состоянием здоровья. Тем не менее я стараюсь выполнять свои обязанности и главное не отступать перед окружающими меня трудностями» [И. Каподистрия. Письма (1829)]. С 1910-х гг. эпитет уже не только указывает на личные отношения участников переписки, но и используется как средство создания эффекта сближения адресанта с адресатом, от которого ждут личного участия. Особенно это заметно в переписке родственников репрессированных с первыми лицами советского государства – М. И. Калининым и И. В. Сталиным: «*Дорогой Михаил Иванович***,** поймите мое состояние, как трудно и неприятно мне, советской гражданке, выросшей в Советском Союзе, воспитанной пионерской организацией, Ленинским комсомолом, считаться высланной и иметь на своей биографии такое пятно. Я еще молода, хочу работать, жить там, где мне хочется, и там, где, мне кажется, я принесу больше пользы, ведь учили меня для чего-то 12,5 лет. Прошу Вас, *уважаемый Михаил Иванович*, снимите с меня и моей старушки-матери эту высылку; *Дорогой наш товарищ Сталин!* Ровно два года тому назад, 12 марта 1937 г., в Свердловске были арестованы наши мама и папа: Матвей Иванович Василенко (он был заместителем командующего Уральским военным округом) и Евдокия Викентьевна Василенко. <...> *Дорогой наш товарищ Сталин*, мы Вас просим только одно, верните нам нашу дорогую единственную мамочку. Я с братом совершенно уверены, что *только Вы, дорогой наш***,** вернете нам мамочку. Ина Василенко, уч. 8 кл. [Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны (1937–1960)].

Если формы *милостивый государь* и *любезный* вышли из употребления, то две другие, укорененные в русской эпистолярной традиции, встречаются и по сей день. Эпитет *уважаемый / уважаемая* используется в сочетании с именем: «*Уважаемая Наталья!* Прошу подтвердить бронирование одного 2-местного «полулюкса» в пансионате «Глубокая речка» с 11.08.2003. по 13.08.2003 для нашего клиента N. Оплату гарантируем. С уважением, Вера» [Просьба подтвердить бронирование номера в гостинице (2003)], обращением *господин / госпожа* и фамилией: «*Уважаемый г-н N!* В соответствии с ранее достигнутой договоренностью высылаем Вам макет рекламы нашей продукции» [Сопроводительное письмо к пакету рекламы (2002)], указанием на некую страту в деловом сообществе: «*Уважаемые акционеры!* В соответствии с решением Совета Директоров ОАО "Мосстеклопром", 21 октября 2002 года в 10 часов 00 минут состоится общее собрание акционеров ОАО "Мосстеклопром"…» [Уведомление о проведении годового общего собрания акционеров (2002)]; «*Уважаемые клиенты!* Спешим сообщить о проведении акции "Лето'2002"…» [Предложение о льготе летнего тарифа (2002)]. Эпитет *дорогой / дорогая* также употребляется в деловой переписке, но в узких рамках ситуаций, в кото-

рых теплота общения не только не возбраняется, но и приветствуется, например, в поздравительных письмах: «*Дорогая Елена!* Московский спортивно-развлекательный клуб «XXX» поздравляет Вас с Днем рождения! Желаем Вам здоровья, отличного настроения и побед в пейнтбольных баталиях! Эта открытка дает Вам право бесплатной игры в Клубе в один из удобных для Вас дней в мае–июне 2005 г.» [Приглашение пейнтбольной фирмы (2005)]; «*ДОРОГИЕ И ЛЮБИМЫЕ НАШИ ЖЕНЩИНЫ!* Много замечательных слов о Вас сказано за тысячелетия в лучших произведениях писателей, поэтов, философов, кинорежиссеров. В Вашу честь написаны многие живописные шедевры. Сотворены прекрасные скульптуры, а порой, как в старину, совершаются подвиги и просто красивые поступки» [Поздравление с 8 марта (2003)]; «*Дорогие друзья!* В дни празднования 60-летия высадки союзных войск в Нормандии выражаю от имени всего российского народа огромную, искреннюю благодарность за ваш исторический подвиг. Открытие "Второго фронта" стало важным вкладом в нашу общую Победу. Вы, вместе с воинами Красной Армии, до конца исполнили свой долг, разгромили агрессора, вернули народам Европы мир и свободу» [В. В. Путин. Послание ветеранам государств-союзников по антигитлеровской коалиции (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.07.27]. Подобная адресация характерна и для рекламных листовок и обращений, например, к своим потенциальным клиенткам Слава Зайцев адресуется как к *дорогим / милым женщинам*.

Общество неоднозначно относится к таким лично окрашенным формам. Показательно обсуждение возможности использования в переписке обращения *дорогой / дорогая* на профессиональном интернет-форуме «Город переводчиков» [9], во время которого были высказаны полярные мнения: «<Osoka> все эти дорогие, милейшие – фамильярность; <Игорь Дубинский> в письмах я обращаюсь "уважаемая (-ый)" к совершенно незнакомым людям; к тем, с кем уже веду переписку, обращаюсь "дорогая (-ой)", как в любом письме знакомой (-ому); <Dziadek> Мне не известно, что вкладывает мой собеседник / корреспондент в обращение "дорогой". Возможно, он хотел меня поддержать, или выразить дружеские чувства, или обозвать, или поставить на место. А может, он просто использовал фигуру речи; <Sunshine> Лично я никакой жеманности или иронии в этом не усматриваю, если люди говорят искренне. Если мне человек действительно дорог, почему бы мне не напомнить ему об этом? При этом я на уровне подсознания четко разграничиваю, когда я кому-то в самом деле дорога и когда это не более чем принятая в деловых кругах форма обращения (что, собственно, идет из английского – "Dear Sirs/Mr./Mrs./etc.", – ведь в русском испокон веков все "уважаемые")».

Последнее замечание кажется особенно интересным, поскольку сообществом, явно ориентирующимся на англоязычные эпистолярные образцы, слепо заимствуется одна форма – а именно, обращение по имени с приветствием (в НКРЯ между тем нет ни одного примера такого употребления), и оспаривается правомерность другой. Между тем руководства по созданию деловых писем на английском языке настоятельно рекомендуют строго официальные по тону и содержанию письма начинать с *Dear / My dear Sir / Madam* 'уважаемый / глубокоуважаемый (-ая) господин / госпожа', в официальных письмах к незнакомым людям, фамилии которых не известны, использовать формы *Dear Sir / Madam / Sir or Madam* 'уважаемый (-ая, -ые) господин / госпожа / господа', в приветствиях к малознакомым или незнакомым людях употреблять вежливое обращение и фамилию *Dear Mr. / Mrs. / Miss Smith* 'уважаемый (-ая, -ые) господин / госпожа Смит', в полуофициальной переписке возможны такие формы, как *Dear Colleage* 'дорогой коллега', *Dear Reader / Editor / Publisher* 'уважаемый читатель / редактор / издатель' [14].

Реальное употребление тех или иных обращений отражено в диссертационном исследовании Т. С. Жуковой, проанализировавшей тексты 115 электронных писем сервисных служб различных компаний и получившей интересную статистику. По ее данным [1, с. 15–17] чаще других (в 31 % случаев) используется (с эпитетом *уважаемый (-ая)* или без него) обращение по полной (паспортной) форме имени, второй по частоте (16 %) является форма обращения по имени-отчеству, третьей (14 %) – модель, использующая имя и фамилию адресата; очень активно (в 15 % случаев) используется обращение по признаку переменной социальной роли – к *клиентам, покупателям, читателям* и т. д.; наименее частотными (9 %) оказываются обращения, строящиеся по модели «господин / госпожа + фамилия». Между тем именно последнюю модель (наряду с обращением к клиенту или партнеру по переменной социальной роли – с обязательным сочетанием с эпитетами *уважаемый* или *дорогой*)

Т. С. Жукова рекомендует [Там же, с. 19] к широкому употреблению.

Сетевые справочные ресурсы дают свои рекомендации. Например, портал «Клерк.ру» также настаивает на употреблении эпитета *уважаемый,* разрешает использовать эпитет *дорогой* в эмоционально окрашенных эпистолярных жанрах и уточняет: «В тех случаях, когда деловое письмо не является официальным документом, а носит личностный характер, в обращении указываются только имя и отчество. Включение же в обращение такого письма еще и фамилии адресата придает письму вежливо-официальный характер» [12]. Приведем и цитату из профессионального журнала «Секретарское дело»: «В основном мы обращаемся так: “Уважаемый Иван Иванович”. Эта общеупотребительная фраза – самое универсальное обращение – предпочтительна при обращении к хорошо знакомому лицу, к давнему партнеру и в письмах полуофициального характера. <…> Обращение “дорогой” имеет неофициальный, достаточно фамильярный характер. “Дорогой” вы можете написать очень близкому человеку. <…> “Господин”, как правило, используется в официальной обстановке. Это обращение лишено какого-либо личностного оттенка, более того, отражает некую напряженность в отношениях. Такие письма, как правило, имеют натянутый характер: это может быть выяснение каких-то отношений, претензия» [10].

На первый взгляд, рекомендации бизнес-сообщества и языковедов, специалистов по речевому этикету, совпадают. На деле же, как показывает приведенный материал, начинается постепенное вытеснение рекомендуемых этикетных форм теми, что складываются стихийно в узусе под влиянием иноязычных моделей и вследствие гибридизации устной и письменной форм речи в интернет-сфере, но не поддерживаются русской эпистолярной традицией. Получит ли со временем вариант, которому отдают предпочтение носители современной бизнес-культуры, статус нормативного, станет ясно позже. Пока же налицо конфликт языковых вкусов «поколения текста» и «поколения текстинга».

Библиографический список

1. Жукова, Т. С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы [Текст] : автореферат … канд. дисс. / Т. С. Жукова. – М. : ИРЯ РАН, 2015.

2. Письмо – это отписка, самое главное – человеческий фактор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sekretarskoe-delo.ru/index.php?id=575. – (Дата обращения: 21.09.2015).

3. Электронное деловое письмо. Особенности и правила [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.doc-style.ru/DP/?id=1.25. – (Дата обращения: 21.09.2015).

4. Язык и этикет искусной деловой переписки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.klerk.ru/print/383526/. – (Дата обращения: 21.09.2015).

5. Как написать письмо незнакомому человеку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kakprosto.ru/kak-81920-kak-napisat-pismo-neznakomomu-cheloveku. – (Дата обращения: 21.09.2015).

6. Как правильно написать электронное письмо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delo-ved.ru/deloproizvodstvo/oformlenie-dokumentov/kak-pravilno-napisat-elektronnoe-pismo.html. – (Дата обращения: 21.09.2015).

7. Карепина, А. Искусство делового письма. Законы, хитрости, инструменты [Текст] / А. Карепина. – М. : Иванов, Манн и Фербер, 2010. – 224 с.

8. Деловая переписка [Текст] : учебное пособие / М. В. Кирсанова [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 144 с.

9. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности [Текст] / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2014. – 330 с.

10. Лысенко, С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации [Текст] : автореферат … канд. дисс / С. А. Лысенко. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2010.

11. Образец электронного письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inetedu.ru/lessons/3-mail/191-template-of-eletter.html. – (Дата обращения: 21.09.2015).

12. Обращение «дорогой/дорогая» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=55&t=29431. – (Дата обращения: 21.09.2015).

13. Direct-mail: Как правильно написать письмо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dmpochta.ru/faq/statiya/pismo.php. – (Дата обращения: 21.09.2015).

14. English Letters. Greetings. Письма на английском языке. Приветствия в письмах и email [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.englishelp.ru/component/content/article/118.html. – (Дата обращения: 21.09.2015).

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Zhukova, T. S. Obrashhenija v reglamentirovannyh sferah obshhenija: stanovlenie novoj normy [Tekst] : avtoreferat … kand. diss. / T. S. Zhukova. – M. : IRJa RAN, 2015.

2. Pis'mo – jeto otpiska, samoe glavnoe – chelovecheskij faktor [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sekretarskoe-delo.ru/index.php?id=575. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

3. Jelektronnoe delovoe pis'mo. Osobenno-sti i pravila [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.doc-style.ru/DP/?id=1.25. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

4. Jazyk i jetiket iskusnoj delovoj perepis-ki [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.klerk.ru/print/383526/. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

5. Kak napisat' pis'mo neznakomomu che-loveku [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.kakprosto.ru/kak-81920-kak-napisat-pismo-neznakomomu-cheloveku. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

6. Kak pravil'no napisat' jelektronnoe pis'mo [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://delo-ved.ru/deloproizvodstvo/oformlenie-dokumentov/kak-pravilno-napisat-elektronnoe-pismo.html. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

7. Karepina, A. Iskusstvo delovogo pis'ma. Za-kony, hitrosti, instrumenty [Tekst] / A. Karepina. – M. : Ivanov, Mann i Ferber, 2010. – 224 s.

8. Delovaja perepiska [Tekst] : uchebnoe posobie / M. V. Kirsanova [i dr.]. – M. : INFRA-M, 2008. – 144 s.

9. Kostomarov, V. G. Jazyk tekushhego momenta: ponjatie pravil'nosti [Tekst] / V. G. Kostomarov. – SPb. : Zlatoust, 2014. – 330 s.

10. Lysenko, S. A. Vzaimodejstvie ustnoj i pis'mennoj formy sushhestvovanija jazyka v internet-kommunikacii [Tekst] : avtoreferat … kand. diss / S. A. Lysenko. – Voronezh : Voronezhskij gos. un-t, 2010.

11. Obrazec jelektronnogo pis'ma [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://inetedu.ru/lessons/3-mail/191-template-of-eletter.html. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

12. Obrashhenie «dorogoj/dorogaja» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=55&t=29431. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

13. Direct-mail: Kak pravil'no napisat' pis'mo [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://dmpochta.ru/faq/statiya/pismo.php. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

14. English Letters. Greetings. Pis'ma na anglijskom jazyke. Privetstvija v pis'mah i email [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.englishelp.ru/component/content/article/118.html. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

Дата поступления статьи в редакцию: 22.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

[1] В целях соблюдения конфиденциальности в приводимых примерах изменены названия компаний и сокращены до инициала фамилии адресантов.

[2] Так, портал «Стиль документа» предлагает заменить традиционные обращения приветствием: «Приветствие и персональное обращение к адресату создает доверие и придает письму персональную направленность. Игнорирование имени адресата воспринимается как некорректность, а полное отсутствие приветствия указывает на некоторую небрежность или невоспитанность отправителя. Приветствие следует писать отдельной строчкой, отделяя от основного текста письма. Наиболее распространенным считается приветствие "*Здравствуйте, ...*", оно более нейтрально по отношению ко времени суток по сравнению с приветствиями "*Доброе утро*" или "*Добрый вечер*", использование которых уместно лишь в случаях, когда вы точно знаете, что ваш собеседник получает письма моментально или во вполне определенное время. <…> Допускается не ставить приветствие, когда переписка ведется продолжительное время в течение дня, и представляет собой чередование вопросов и ответов» [8]. «Delo-ved.ru» дает похожий совет: «Начните письмо с приветствия. Для деловой переписки «Здравствуйте, уважаемый господин Залихватский» или «Добрый день, уважаемая Алена Игоревна» то, что нужно» [3]. Ресурс «Академия Интернет» предлагает шаблон с такой же формулой обращения: «Здравствуйте (Добрый день), [имя человека, к которому происходит обращение]!» [11], портал «Деловая почта» утверждает: «Первая строка любого директ-маркетингового обращения: "Здравствуйте, уважаемый Владимир Петрович!"» [13] и т. д.

УДК 811.161.1’42+821.161-3

И. А. Суханова

Стихотворение М. Кузмина «Благовещенье» с интермедиальной точки зрения

Статья продолжает ряд работ, посвященных проблеме интермедиальных связей поэтического текста с произведениями изобразительного искусства. Стихотворение М. Кузмина «Благовещенье» из цикла «Праздники Пресвятой Богородицы» анализируется на предмет выявления в тексте вербализованных элементов знаменитых произведений западноевропейской живописи (итальянское и северное Возрождение), а также традиционной византийской и русской иконописи. Автор предполагает, что картины и иконы могут быть источником стихотворного текста наряду с Евангелием и апокрифами. Материальными носителями интермедиальной связи оказываются конкретные лексические единицы, и анализ таких единиц приводит автора статьи к заключению, что западноевропейская живопись повлияла на текст стихотворения в значительно большей степени, чем традиционная иконопись.

Ключевые слова: интермедиальные связи, лексические единицы, вербализация элементов картины, материальные носители интермедиальной связи поэтического текста, поэзия русского Серебряного века, стихотворение М. Кузмина «Благовещенье».

I. A. Sukhanova

M. Kuzmin’s poem Blagoveshchenye (Annunciation) from the point of view of intermediality

The paper continues a series of works concerning the problem of intermedial liaisons of poetic text with the works of the Fine Arts. M. Kuzmin’s poem *Blagoveshchenye* (*Annunciation*) from the cycle *Prazdniki Presvyatoy Bogoroditsy* (*The Feasts of Saint Virgin Mary*) is examined to identify the verbalized elements of famous West European paintings (of Italian and Northern Renaissance) and those of traditional Byzantine and Russian icons. The author supposes that the paintings and icons may be the source of poetic text as well as the texts of The Gospels and apocrypha. Concrete lexical units appear to be the material basis of intermedial liaisons, the analysis of such units in the given text brings the author of the paper to the conclusion that West European paintings had influenced the poem much more than traditional icons.

Keywords: intermedial liaisons, lexical units, verbalization of the elements of f picture, material basis of intermedial liaisons of poetic text, Russian poetry of The Silver Age, M. Kuzmin’s poem *Blagoveshchenye* (*Annunciation*).

Мы уже обращались к стихотворному циклу М. Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы» (1909) (небольшая часть этих наблюдений была опубликована в [14]). Однако представляется целесообразным вернуться к этому материалу на новом этапе наших исследований интермедиальных связей, с учетом того, что не входило в задачи исследования прежде.

Цикл «Праздники Пресвятой Богородицы» состоит из шести стихотворений: «Вступление», «Рождество Богородицы», «Введение», «Благовещенье», «Успение», «Заключение (Одигитрия)» [7, с. 108–115]. В некоторых изданиях к этому же циклу относят стихотворение «Покров» [8, с. 46–47]. Основными источниками цикла являются Евангелие и апокрифы, то есть словесные тексты, однако и роль произведений изобразительного искусства здесь достаточно значительна. Именно этой роли и касается наш исследовательский интерес. Подчеркнем, что изобразительное искусство не является единственным источником рассматриваемых текстов М. Кузмина: мы **ограничиваем** предмет нашего исследования именно интермедиальными связями. Заметим также: почти любая связь полигенетична, наличие связи с одним источником отнюдь не исключает других связей; в каждом конкретном случае вполне могут сочетаться интермедиальные и интертекстуальные связи (мы считаем интермедиальную связь не разновидностью интертекстуальной связи, а явлением того же уровня [15, с. 6–7]). Однако сопоставление интермедиальных и собственно интертекстуальных связей – отдельная задача, причем задача следующих этапов исследования.

Известно, что в мировой художественной культуре существуют две основные традиции воплощения христианских сюжетов, значительно

© Суханова И. А., 2015

отличающиеся друг от друга: западноевропейская традиция религиозной картины, сложившаяся в эпоху Возрождения, и восточнохристианская традиция иконописи, получившая особое развитие в русском средневековом искусстве, прочно забытая к XVIII в., вытесненная западноевропейской традицией и вновь открытая в начале XX в. (см. [1, 6, 16, 18]). Подчеркнем, что, говоря об источниках данного стихотворения и всего цикла, мы имеем в виду не конкретные произведения иконописи или живописи, а именно традицию, иконографический тип. Конкретные же произведения изобразительного искусства привлекаются нами для примера как частные случаи воплощения традиции.

«Икона – прежде всего вероучительный текст, призванный помочь постижению истины» [18, с. 15]; текст в иконе передан с помощью символов – деталей изображения, имеющих определенное значение. Иконопись опирается на строгий канон, поэтому детали-символы повторяются во множестве конкретных икон и фресок. Западноевропейская религиозная живопись, при всем ее принципиальном отличии от русской иконы, развилась, тем не менее, из той же византийской традиции, что и русская иконопись, и имеет сходную функцию. Поэтому и религиозная картина использует устойчивые символы при трактовке одного и того же сюжета в разных конкретных картинах. Эти две традиции (в большей степени, нежели конкретные произведения), на наш взгляд, нашли отражение в цикле М. Кузмина.

Само название цикла – «Праздники Пресвятой Богородицы» – может пониматься в нескольких значениях, в том числе иметь интермедиальный характер: *праздниками* сокращенно называют *праздничный ряд* русского высокого иконостаса. По сюжетам «иконы праздников – история воплощения Спасителя» [1, с. 203]. «Основу ряда составляют иконы, посвященные двунадесятым праздникам (четыре – в честь событий из жизни Богородицы: Рождество Богородицы, Введение Богородицы во храм, Благовещение, Успение Богородицы …)» [17, с. 22]. Как видим, названия сюжетов именно те, которые встречаются в цикле М. Кузмина. Исключение составляет «Одигитрия» – эта икона не входит в праздничный ряд, но может присутствовать в других рядах иконостаса.

В настоящей работе мы обратимся к стихотворению «Благовещенье». Именно оно представляется наиболее насыщенным интермедиальными связями; для этого текста изобразительное искусство является столь же значимым источником, как и Евангелие от Луки (Лк 1:26–38). Приведем это стихотворение полностью [7, с. 112].

Благовещенье

Какую книгу Ты читала
И дочитала ль до конца,
Когда в калитку постучала
Рука небесного гонца?
Перед лилеей Назаретской
Склонился набожно посол.
Она глядит с улыбкой детской:
«Ты – вестник счастья или зол?»
Вещает гость, цветок давая:
«Благословенна ты в женах!»
Она глядит, не понимая,
А в сердце радость, в сердце страх.
Румяной розою зардела
И говорит, уняв испуг:
«Непостижимо это дело:
Не знаю мужа я, мой друг».
Спасенья нашего начало
Ей возвещает Гавриил;
Она смиренно промолчала,
Покорна воле вышних сил,
И утро новым блеском блещет,
Небесны розы скромных гряд,
А сердце сладостно трепещет,
И узким кажется наряд.
«Вот я раба – раба Господня!»
И долу клонится чело.
Как солнце светится сегодня!
Какой весной все расцвело!
Умолкли ангельские звуки,
И нет небесного гонца.
Взяла Ты снова книгу в руки,
Но дочитала ль до конца?

Стихотворение типично для творчества М. Кузмина: выразительные поэтические строки соседствуют в нем с откровенно неудачными. Так или иначе, интермедиальная природа этого текста не вызывает сомнения.

Как объясняют авторы журнала «Православные святые и праздники», вып. 39 («Благовещение Пресвятой Богородицы»), «[ц]ентром иконографии праздника Благовещения являются две фигуры – Девы Марии и архангела Гавриила, который пришел к Матери Божией с благой вестью. Архангел пишется в образе юноши с большими крыльями за спиной. Его фигура изображается в движении. Правой рукой он благословляет Деву Марию <…> Образ Девы Марии пишется, напротив, в покое. Матерь Божия сми-

ренна и молчалива перед вестником Божиим, но это молчание – знак послушания воле Божией. Голова Пречистой Девы чуть склонена перед архангелом Гавриилом – это тоже символ смирения, готовности услышать и исполнить повеление Бога» [12, с. 8].

Источником иконописного сюжета «Благовещения» специалисты называют не только Евангелие от Луки, но и апокрифы, главным образом, Протоевангелие Иакова. «К нему же восходит и другой образ – благовещение у колодца, или предблаговещение <…> Кроме образов Благовещения и Благовещения у колодца в средневековом искусстве существовала иконография явления Архангела Пресвятой Деве Марии, читающей Священное Писание. Этот мотив взят из апокрифического Евангелия Псевдо-Матфея. Но в православном искусстве сюжет развития не получил, став типичным только для западноевропейской живописи» [3, с. 25]. Однако именно этот вариант отразился в стихотворении М. Кузмина.

Стихотворение вызывает ассоциации с множеством картин итальянской школы на сюжет Благовещения (Фра Анджелико, Филиппо Липпи, Джованни Чима да Конельяно, Франческо дель Косса, Боттичелли, Филиппино Липпи, Леонардо да Винчи и др.), а также с рядом произведений так называемого Северного Возрождения (Конрад фон Зест, Герард Давид, Робер Кампен и др.). В тексте номинированы необходимые детали большинства этих картин, в первую очередь *книга* («*Какую* ***книгу*** *Ты читала / И дочитала ль до конца…*»[здесь и далее выделено нами – И. С.], «*Взяла Ты снова* ***книгу*** *в руки, / Но дочитала ль до конца?*») и *цветок* («*Вещает гость,* ***цветок*** *давая…*» – не лучшая строчка в стихотворении, но очень показательная с точки зрения интермедиальных связей). Слово *цветок* продублировано гипонимом *лилея* («*Перед* ***лилеей*** *Назаретской / Склонился набожно посол*»), здесь *лилея (лилия)* – традиционная метафора Девы Марии. На западноевропейских картинах *книга*, как правило, раскрытая, изображается в руках Марии, или на ее коленях, или на пюпитре (конторке). (Книга может быть и закрытой, как в диптихе Боттичелли из Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, или приоткрытой и «заложенной» пальцами, как на одной из фресок Фра Анджелико в монастыре Сан-Марко во Флоренции (воспроизведены в [10, с. 36]) – Мария оторвалась от чтения и, складывая руки на груди, поспешно «заложила» книгу пальцами той руки, в которой книга осталась.) Ангел может держать в руке цветущую белую *лилию*, либо букет *лилий* изображен в вазе на полу. *Лилия* – менее обязательный атрибут, чем *книга* (так, на картине Франческо дель Косса из Дрезденской галереи, 1470, есть закрытая книга, лежащая на столике, но нет лилии в руках благословляющего коленопреклоненного ангела), однако встречается в большинстве картин на интересующий нас сюжет. Так, на картине Фра Филиппо Липпи (ок. 1443. Мюнхен, Старая Пинакотека) раскрытая книга лежит на конторке, Ангел изображен дважды – в дверях и коленопреклоненным перед Девой, оба раза – с веткой белых лилий в руке, причем во втором случае – с более распустившимися цветами, около конторки стоит вазочка с небольшими розами. И книга, и лилия в руке Ангела присутствуют на ранней картине Леонардо да Винчи в галерее Уффици (Флоренция) и в приписываемом ему же «Благовещении» в Лувре. Лилия в руке Ангела имеется в упомянутом выше диптихе Боттичелли из ГМИИ. Примеры можно продолжать до бесконечности. Заметим, что Ангел протягивает – *дает* – лилию, в основном, в картинах итальянской школы; в картинах же Северных школ у Ангела в руках чаще изображается жезл, а лилии стоят в вазе на полу: например, картины в ГМИИ – неизвестного немецкого мастера, 1470–80, и Мастера из Хоогстратена, Нидерланды, XVI в., или Конрада фон Зеста в алтаре Городского Собора в Бад-Вильдунгене, 1403 (воспроизведена в [19, с. 9]). Назовем также «Благовещение» Герарда Давида (1506, воспр. в альбоме [2], страницы не нумерованы, местонахождение не указано) или Робера Кампена (1420–1430, музей Метрополитен, Нью-Йорк)). Ваза с лилиями имеется на знаменитом «Благовещении» Симоне Мартини, 1333, в галерее Уффици. На всех упомянутых картинах изображена книга.

Заметим, что в евангельском тексте обе детали – *книга* и *цветок (лилия)* отсутствуют и, как отмечалось выше, в иконах русско-византийской традиции обычно не изображаются: в руках Марии могут быть веретено и пряжа, в руке Ангела – жезл. (См., например, икону середины XVI в. в Ярославском Художественном музее; на иконе первой половины XVI в. из Ярославского Музея-заповедника прядет служанка, чья маленькая фигурка помещена в нижнюю часть композиции. Композиции XVI в. со служанкой есть и в собрании Ярославского Художественного музея, причем на одной из них пряжа и веретено, тем не менее, находятся в руках Богоматери). В более поздней иконописи под влиянием европейского искусства встречаются и книга, и

лилия. Так, на иконе второй половины XVI в. из Ярославского художественного музея ангел держит в протянутой руке букет из трех ярких цветков, раскрытая книга на конторке присутствует на иконах XVIII и XIX вв. из того же собрания. Характеризуя икону XIX в. из собрания ЯХМ, искусствоведы О. Б. Кузнецова и А. В. Федорчук отмечают: «В западноевропейской традиции сложился особый извод Благовещения, в котором рядом с Богоматерью изображался стол с раскрытой Библией. Со второй половины XVII столетия этот иконографический вариант встречается в русской иконописи» [11, с. 64]. О «Благовещении» середины–второй половины XVIII в. (ЯХМ) А. В. Федорчук говорит: «Сцена Благовещения на иконе представлена на фоне роскошного дворца. Богоматерь архангел Гавриил застает за чтением книги пророка Исайи, предсказывавшем приход в мир Спасителя от Пречистой Девы. Перед престолом Богоматери – вазон с цветами, напоминающий об одном из эпитетов прославления Девы Марии в акафисте – «неувядаемый цвет» <…> Икона явно следует западноевропейским образцам по иконографии, но в живописи, в рисунке одежд, с дробными мелкими складками, в написании личного мастер остается верен традициям ярославской иконописи конца XVII столетия» [5, с. 36]. (Интересно, что в написанной в конце XIX в. книге С. Снессоревой «Земная жизнь Пресвятой Богородицы» [4] есть примечание: «На иконах Благовещения Пресвятая Дева изображается с развернутою пред Нею книгою» [4, с. 23]. На с. 128 книги Снессоревой воспроизведена чудотворная икона, явленная при Иване Грозном – с книгой и лилией, на с. 129 – традиционная композиция с пряжей; на с. 23 – изображение Благовещения с лилией).

Поза Ангела в стихотворении («*Склонился набожно посол*») также восходит к картинам, а не к иконам: картины часто изображают ангела коленопреклоненным (Косса, Липпи), на иконах же ангел делает энергичный шаг и, держа жезл в левой руке, правой благословляет Марию – назовем «Благовещение с акафистом» первой половины XVI в. из Спасо-Преображенского собора в Ярославле и Царские врата последней четверти XVII в. из Церкви Ильи Пророка в Ярославле (обе в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике). Три иконы Благовещения имеются в иконостасе церкви Ильи Пророка, на всех трех Ангел шагает: деталь царских врат, 1650 – с книгой, икона местного ряда (Федор Зубов?, 1660–1662) – с пряжей и икона праздничного ряда (сер. XVII в.) – со свитком.

Еще несколько моментов относят стихотворение именно к европейской традиции. К ней, в частности, отсылают такие строки: «*Небесны розы скромных гряд*» (характерный для Кузмина прием: краткая форма – *небесны* – образована от относительного прилагательного); «*Какой весной все расцвело!*» На картинах действие иногда происходит на террасе или в саду среди цветущих растений; в одном из «Благовещений» Фра Анджелико (Музей Диочезано, Кортона, воспр. в [10, с. 16]) Дева и Ангел находятся в портике, занимающем бóльшую часть картины; слева, за пределами портика вверху – сцена Изгнания из Рая, внизу – лужок с маргаритками, а в центре левого края картины – сад с заборчиком, из-за которого видны пальма и плодовые деревья, перед оградой – цветущие розы. *Роза* – другой символ Девы Марии, отсюда в тексте сравнение: «*Румяной розою зардела*». Ограда, напоминающая дощатый забор, есть в другом «Благовещении» Фра Анджелико (одна из двух фресок на этот сюжет в монастыре Сан-Марко, Флоренция воспр. в [10, с. 70]). А если есть «огражденный сад Hortus conclusus – как и лилии – символ чистоты Марии, непорочного зачатия» (Т. А. Седова о «Благовещении» Фра Филиппо Липпи [13, с. 200]), значит, возможна и *калитка* («*Когда в калитку постучала / Рука небесного гонца*»). Огражденный сад имеется на многих западноевропейских картинах, однако огражден он чаще не забором, как у Анджелико, а неким парапетом, как, например, в двух упомянутых выше ранних картинах Леонардо да Винчи. Огражденная территория обычно пестрит цветами (Анджелико, Леонардо и др.). У фра Филиппо Липпи в мюнхенской картине имеется мраморный парапет, но не вокруг сада – сад изображен в перспективе.

Заметим, что «вертоград заключенный» встречается и на иконах, но изображение носит другой характер. Воспользуемся данным в книге О. В. Губаревой и др. описанием синайской иконы XII в., где в композиции Благовещения присутствуют на заднем плане высокие палаты с цветущим садом внутри: «Огражденный сад внутри города указывает на ветхозаветный прообраз Пресвятой Девы Марии: «*вертоград заключенный» (3 Цар. 10, 18),* то есть «огражденный сад». Экзегеты соотносили Богородицу с этим садом, потому что ограда – это всегда знак спасения, изолированность от греха. Вместе с тем, огражденный сад можно символически предста-

вить как девственную утробу Пресвятой Девы Марии, внутри которой зарождается сад жизни, воплощенный Христос» [3, с. 36]; то есть основное действие на иконе происходит **вне** сада.

Реакция Марии в стихотворении отсылает также к западноевропейской живописи. «*Она глядит с улыбкой детской*» – улыбки на картинах, как правило, нет, здесь отсылает к картинам эпитет *детской*: Богоматерь часто изображается – и не только в сюжете «Благовещение» – подчеркнуто молодой, почти девочкой (например, флорентийское «Благовещение» Леонардо, картины Лоренцо ди Креди, многочисленные Мадонны Боттичелли или Герарда Давида).

«*Румяной розою зардела*» – румянец на щеках Девы особенно заметен на обеих фресках Фра Анджелико.

«*В сердце страх*», «*уняв испуг*» – на некоторых картинах Дева отстраняется от Ангела, в этом смысле наиболее показательно «Благовещение» Боттичелли из галереи Уффици, к которому, возможно, относится ироническое замечание Леонардо: «… я видел на днях ангела, который, казалось, намеревался своим благовещением выгнать Богоматерь из ее комнаты …» [9, с. 84].

«*И долу клонится чело*» – в ряде картин голова Марии наклонена (Луврское «Благовещение», приписываемое Леонардо, обе фрески Фра Анджелико, мюнхенская картина Фра Филиппо Липпи и др.). На упоминавшейся картине Конрада фон Зеста Мария, склонив голову, как будто отстраняется от Ангела ладонью. Слегка склоненная голова – в диптихе Боттичелли (ГМИИ), в картине Симоне Мартини (Уффици, Флоренция). Иногда Мария, принимающая Благую Весть, сама стоит на коленях (фреска Боттичелли в Уффици, картина, приписываемая Леонардо, в Лувре), на картинах северных мастеров – перед конторкой, на которой лежит книга (Немецкий мастер XV в. и Мастер из Хоогстратена, обе – ГМИИ, Герард Давид – воспр. в [2]). Примечательно, что склоненная поза Марии одновременно может быть воспринята как отсылка к византийско-русскому канону, однако в контексте большого количества отсылок к европейской живописи такое предположение, видимо, не очень убедительно, тем более, что поза не противоречит европейской традиции.

В обеих традициях (в иконописи – обязательно) встречается характерный жест Марии – открытая ладонь, обращенная к Ангелу. В иконописи этот жест имеет точное значение: «приятие благодати» [1, с. 61]. Если не знать или игнорировать это значение и основываться только на изображении, можно принять его за жест отстранения, вызванный испугом, – именно так он может быть воспринят в западноевропейской картине, унаследовавшей часть символов от иконописи (см. приведенное выше ироническое замечание Леонардо).

«*Страх*», «*испуг*» могут иметь источник и в живописи Нового Времени: укажем, например, на «Благовещение» Данте Габриэля Россетти (1850, Галерея Тейт, Лондон), где Мария изображена сжавшейся от страха.

Источник строки «*И узким кажется наряд*» можно также найти в живописи, например, в «Благовещении» неизвестного немецкого мастера второй половины XV в. из ГМИИ имени А. С. Пушкина: здесь Мария изображена уже беременной – в картине совмещены временные пласты.

Таким образом, среди невербальных источников стихотворения практически нет традиционной иконы византийско-русского типа, отмечаются отсылки только к западноевропейской традиции или к поздней русской иконе, воспринявшей влияние западноевропейской религиозной картины. Это определяется по номинациям деталей, что позволяет считать эти номинации материальными носителями интермедиальной связи.

Поиски и установление факта отсылки к тому или иному произведению или традиции – не самоцель. Для читателя, находящегося в контексте живописи и иконописи, все эти образы и символы сами собой разумеются, читатель же, пребывающий вне контекста, скорее всего, стихи не воспримет. Интерес здесь чисто исследовательский. Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: если по имеющимся в тексте языковым единицам можно определить, к какой именно изобразительной традиции принадлежит тот или иной элемент, вербализованный в тексте, значит, элемент этот действительно встраивается в словесный текст подобно цитате. Те случаи, когда точно определить традицию оказывается невозможно, объясняются не особенностями текста, а родством традиций. (Так, западная религиозная картина произошла из византийской иконы, а произошедшая из того же источника отличная от картины русская традиция на определенном этапе испытала влияние западноевропейской – главным образом, через гравюры). Языковые средства, вербализующие встраиваемый элемент, и являются материальным носителем интермедиальной связи.

В следующей работе мы обратимся к интермедиальным связям других стихотворений цикла М. Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы».

Библиографический список

1. Барская, Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи [Текст] / Н. А.Барская. – М. : Просвещение, 1993. – 223 с. : ил.

2. Герард Давид. Альбом [Текст]. – М. :Белый город ; Воскресный день. 2013.

3. Губарева, О. В. Благовещение Пресвятой Богородице [Текст] / О. В. Губарева, Н. Н. Невзорова, И. К. Языкова. – СПб. : Метропресс, 2012. – 78 с.

4. Земная жизнь Пресвятой Богородицы [Текст] / сост. С. Снессорева. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. – 460 с.

5. Иконы Ярославля 17–18 веков из собрания Ярославского художественного музея: Каталог выставки [Текст] / Авт.-сост. А. В. Федорчук. – Ярославль : ООО «ВЕРШИНА-ЭКСПО», 2009. – 48 с. : ил.

6. Евсеева, Л. История иконописи [Текст] / Л. Евсеева [и др.]. – М. : АРТ-БМБ, 2002. – 287 с. : ил.

7. Кузмин, М. А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / М. А. Кузмин. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 368 с.

8. Кузмин, М. А. Стихи и проза [Текст] / М. А. Кузмин. – М. : Современник,1989. – 431 с. : портр.

9. Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве [Текст] / Леонардо да Винчи. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 224 с.

10. Поуп-Хенесси Д. Фра Анджелико [Текст] / Джон Поуп Хенесси. – М. : СЛОВО/SLOVO, 1996. – 80 с. : ил. (Великие мастера итальянского искусства).

11. Похвала Богоматери: Иконы Ярославля 13–20 веков из собрания Ярославского художественного музея: Каталог выставки [Текст] / Авт.-сост.: О. Б. Кузнецова, А. В. Федорчук. – М. : Северный паломник, 2003. – 80 с. : ил.

12. Православные святые и праздники, вып. 39 (Благовещение Пресвятой Богородицы) [Текст]. М. : ООО «ГК «КАРДОС», 2013. – 16 с.

13. Седова, Т. А. Старая Пинакотека в Мюнхене [Текст] / Т. А. Седова. – М. : Искусство, 1990. – 278 с. : илл. – (Города и музеи мира).

14. Суханова, И. А. Вербализация элементов произведений изобразительного искусства в стихотворном цикле М. Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы» [Текст] / И. А. Суханова // Язык и культура : материалы международной конференции «Чтения Ушинского». – Т. 1. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2004. – С. 76–80.

15. Суханова, И. А. Интермедиальные связи трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» [Текст] : монография / И. А. Суханова ; под науч. ред. Н. А. Николиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 307 с.

16. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе [Текст] / Князь Евгений Трубецкой. – М. : ИнфоАрт, 1991. – 112 с. : ил.

17. Юрьева, Т. В. Ярославский иконостас [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль : Мастерская рекламы, 2007. – 240 с. : ил.

18. Языкова, И. К. Богословие иконы [Текст] / И. К. Языкова. – М. : Издательство Общедоступного Православного Университета, 1995. – 212 с.

19. Domscheit, M. Konrad von Soest [Текст] / M. Domscheit. – VEB Verlag der Kunst Dresden, 1988. – 32 с.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Barskaja, N. A. Sjuzhety i obrazy drevnerusskoj zhivopisi [Tekst] / N. A.Barskaja. – M. : Prosveshhenie, 1993. – 223 s. : il.

2. Gerard David. Al'bom [Tekst]. – M. :Belyj gorod ; Voskresnyj den'. 2013.

3. Gubareva, O. V. Blagoveshhenie Presvjatoj Bogorodice [Tekst] / O. V. Gubareva, N. N. Nevzorova, I. K. Jazykova. – SPb. : Metro-press, 2012. – 78 s.

4. Zemnaja zhizn' Presvjatoj Bogorodicy [Tekst] / sost. S. Snessoreva. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1994. – 460 s.

5. Ikony Jaroslavlja 17–18 vekov iz sobranija Jaroslavskogo hudozhestvennogo muzeja: Katalog vystavki [Tekst] / Avt.-sost. A. V. Fedorchuk. – Jaroslavl' : OOO «VERShINA-JeKSPO», 2009. – 48 s. : il.

6. Evseeva, L. Istorija ikonopisi [Tekst] / L. Evseeva [i dr.]. – M. : ART-BMB, 2002. – 287 s. : il.

7. Kuzmin, M. A. Stihotvorenija. Pojemy [Tekst] / M. A. Kuzmin. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989. – 368 s.

8. Kuzmin, M. A. Stihi i proza [Tekst] / M. A. Kuzmin. – M. : Sovremennik,1989. – 431 s. : portr.

9. Leonardo da Vinchi. Suzhdenija o nauke i iskusstve [Tekst] / Leonardo da Vinchi. – SPb. : Azbuka-klassika, 2006. – 224 s.

10. Poup-Henessi D. Fra Andzheliko [Tekst] / Dzhon Poup Henessi. – M. : SLOVO/SLOVO, 1996. – 80 s. : il. (Velikie mastera ital'janskogo iskusstva).

11. Pohvala Bogomateri: Ikony Jaroslavlja 13–20 vekov iz sobranija Jaroslavskogo hudozhestvennogo muzeja: Katalog vystavki [Tekst] / Avt.-sost.: O. B. Kuznecova, A. V. Fedorchuk. – M. : Severnyj palomnik, 2003. – 80 s. : il.

12. Pravoslavnye svjatye i prazdniki, vyp. 39 (Blagoveshhenie Presvjatoj Bo-gorodicy) [Tekst]. M. : OOO «GK «KARDOS», 2013. – 16 s.

13. Sedova, T. A. Staraja Pinakoteka v Mjunhene [Tekst] / T. A. Sedova. – M. : Iskusstvo, 1990. – 278 s. : ill. – (Goroda i muzei mira).

14. Suhanova, I. A. Verbalizacija jelementov proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva v stihotvornom cikle M. Kuzmina «Prazdniki Presvjatoj Bogorodicy» [Tekst] / I. A. Suhanova // Jazyk i kul'tura : materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». – T. 1. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2004. – S. 76–80.

15. Suhanova, I. A. Intermedial'nye svjazi trilogii D. S. Merezhkovskogo «Hristos i Antihrist» [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova ; pod nauch. red. N. A. Nikolinoj. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – 307 s.

16. Trubeckoj, E. N. Tri ocherka o russkoj ikone [Tekst] / Knjaz' Evgenij Trubeckoj. – M. : InfoArt, 1991. – 112 s. : il.

17. Jur'eva, T. V. Jaroslavskij ikonostas [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl' : Masterskaja reklamy, 2007. – 240 s. : il.

18. Jazykova, I. K. Bogoslovie ikony [Tekst] / I. K. Jazykova. – M. : Izdatel'stvo Obshhedostupnogo Pravoslavnogo Universiteta, 1995. – 212 s.

19. Domscheit, M. Konrad von Soest [Tekst] / M. Domscheit. – VEB Verlag der Kunst Dres-den, 1988. – 32 c.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.06.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81-374.3

А. Э. Цумарев

Нужны ли пометы и ремарки области знания в толковом словаре общего назначения?

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного РГНФ
(№ 15-04-00434 «Лексикографическое представление современного русского литературного языка»)

Материал IV Международной научной конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»), которая состоялась 6–8 ноября 2014 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В статье критически рассматриваются две взаимосвязанные идеи, восходящие к 17-томному «Словарю современного русского литературного языка» и оказывающие влияние на лексикографию начала XXI века. Первая идея заключается в необходимости отказа от помет области знания, который аргументируется затруднительностью атрибутировать многие термины ввиду их междисциплинарного характера. Вторая идея состоит в том, что толкование может самостоятельно указывать на область употребления специального слова. Автор статьи предпринимает попытку обосновать целесообразность использования специализированных указаний (помет и ремарок) для маркирования необщеупотребительных слов терминологического и профессионального характера в толковом словаре общего назначения.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, толковый словарь, словарная помета, словарная ремарка, толкование, специальная лексика, терминология.

A. E. Tsumarev

Field labels and remarks in general purpose explanatory dictionary: do we need them?

The article considers two interconnected ideas originating from 17-volume Dictionary of the Modern Russian Literary Language which influence the lexicography of the early XXI century. The first idea is the necessity to give up field labels which results from the difficulty to attribute a lot of terms due to their interdisciplinary character. The second idea is that the explanation itself can identify the field the specialist word belongs to. The author seeks to prove the necessity to use special indicators (labels and remarks) in a general purpose explanatory dictionary in order to mark the words which are not in common use such as terminology and professional lexis.

Keywords: the Russian language, lexicography, explanatory dictionary, word label, word remark, explanation, specialist lexis, terminology.

Настоящая статья посвящена одному из спорных вопросов лексикографической стилистики (термин предложен Г. Н. Скляревской). В данной работе для краткости используется обозначение «пометы области знания», под которыми понимаются сокращенные указания на употребление слова или устойчивого сочетания в какой-либо специальной сфере знания или деятельности (в науке, технике, производстве, искусстве, спорте, религии и нек-рых др.). Это такие пометы, как, например, *Биол*. (биология), *Воен*. (военное дело), *Ж.-д*. (железнодорожный термин), *Информ*. (информатика), *Кулин*. (кулинария), *Мед*. (медицина), *Метал*. (металлургия), *Охот*. (охотничий термин), *Рел*. (религия), *Спорт*. (спортивный термин), *С.-х*. (сельскохозяйственный термин), *Тех*. (техника), *Торг*. (торговля), *Экон*. (экономика), *Юр*. (юридический термин) и др. Соответственно, примерами ремарок (обычно стоящих перед толкованием) могут служить: «В стихосложении: …», «В строительном деле: …», «В текстильном производстве: …», «В богословии: …», «В боксе: …», «У горняков: …» и т. д.[1].

Использование особых указаний при единицах специальной лексики является в отечественной лексикографии давней традицией: отраслевые ремарки впервые были введены в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг., пометы – в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г., после чего они стали использоваться в толковой лексикографии русского языка, сложным образом распределяясь в пределах каждого отдельно взятого словаря. Несмотря на эту тра-

© Цумарев А. Э., 2015

диционность, как оказывается, лексикографы второй половины XX – начала XXI в. по-разному оценивают необходимость этих средств и, следовательно, ответ на вынесенный в заглавие нашей работы вопрос не столь уж очевиден. Рассмотрим различные точки зрения и изложим собственный взгляд на поставленный вопрос.

Прежде всего полезно вспомнить некоторые факты из истории 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965). Как известно, начиная с четвертого тома (1955) концепция словаря была пересмотрена. В частности, авторы отказались от богатой (ок. 90 единиц) системы помет для специальной лексики. В предисловии к четвертому тому говорилось: «…терминология часто принадлежит разным отраслям знаний и техники, так что нередко трудно бывает приурочить тот или иной термин к определенной области. Вследствие этого Словарь для подобной терминологии сохраняет одну помету *спец.*, то есть специальное слово, отказываясь точнее приурочивать то или иное слово к терминологии морской, авиационной, военной и т. п. Подобная приуроченность, если она возможна или необходима, достигается самим толкованием слова. Например: **Жаростóйкость.** *Спец.* Свойство выдерживать сильный нагрев; **Жезл. 3.** *Спец.* Металлический стержень из автоматического прибора для регулирования движения поездов; **Жи́ро.** *Спец.* В денежном обращении передаточная надпись на векселе или чеке; **Задра́йка.** *Спец.* Откидной болт с гайкой, служащий для закрепления иллюминаторов, люков и т. п. на суднах» [6: IV–V].

Заметим, что авторы не отказались от указания на специальный характер слова, чему служила помета *Спец.* Более того, знакомство с обновленным словарем свидетельствует об использовании в ряде случаев отраслевых ремарок, которые квалифицировались как части толкований, например:

ПАЛАТАЛИЗА́ЦИЯ… *Спец.* В языкознании – смягчение согласных путем добавочного участия средней части языка (поднятия ее к небу); **3. ПАТРО́Н…** *Спец.* **1.** В швейном и скорняжном деле – образец для выкройки. **2.** В ткацком производстве – трафарет рисунка по ткани.

Однако считать ремарки частью толкования можно весьма условно. На самом деле их статус противоречив: синтаксически они включены в толкование, но на понятийном уровне содержание ремарок не является необходимым компонентом толкуемого понятия. Очевидно, что области знания задаются экстралингвистически.

С критикой принятого авторами четвертого тома решения выступила А. П. Евгеньева. Она подчеркивала, что, во-первых, переход к единственной помете *Спец.* является отступлением от мировой академической лексикографической традиции, в ходе развития которой был определен круг указываемых в толковом словаре специальных областей и были предложены соответствующие им пометы. Во-вторых, по мнению А. П. Евгеньевой, «помета *“Спец.”* в таком общем виде приобретает резко ограничительный характер и по существу выводит слово из состава литературного языка, тогда как обозначение той или иной области применения слова дает более правильную характеристику его места по отношению к литературному языку, потому что одни области имеют более узкий и отграниченный от литературного языка характер, другие – значительно шире и во многих своих сторонах находят отражение в литературном языке» [2, с. 174]. Наконец, если частная помета «очень помогает в формулировке определения», то «“глухая” помета *“Спец.”* требует более развернутого определения» [Там же].

Применение отраслевых ремарок в обновленном «Словаре современного русского литературного языка» соответствовало вышедшей с некоторым запозданием инструкции по его составлению, в которой было сказано следующее: «…Специальные слова имеют свою стилистическую окраску и занимают свое особое место в стилистической системе литературного языка. Помета *Спец.* не может быть заменена частными пометами “медицинское”, “морское”, “военное” и т. п., поскольку последние указывают не на стилистическую особенность слова, а на приуроченность слова к определенной отрасли хозяйства, техники, науки. Приуроченность слова к какой-либо специальной области деятельности, если она возможна и необходима, дается в Словаре в толковании значения слова, например: **Нивели́р**, а, м. *Спец.* В геодезии – прибор для определения относительных высот различных точек земной поверхности. Помета *Спец.* применяется в Словаре, когда термин не является широкоупотребительным, не перешел в разряд обычной нейтральной лексики современного литературного языка…» [3, с. 43]. Тем самым была предпринята попытка разграничить два типа информации о слове и закрепить за каждым из них свое средство выражения. Для сравнения можно

сказать, что в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой каждая отраслевая помета одновременно служит указанием на область знания и сигналом необщеупотребительного характера слова (то есть становится более чем пометой отрасли знания), а употребление пометы *Спец.* определялось следующим правилом: «Если слово, имеющее специальный характер, употребляется в ряде областей, а также если затруднительно определить узкую сферу его употребления (причем оно не имеет широкого распространения в литературном языке), при нем (или при его значении) ставится помета, имеющая общее значение, *спец.*, то есть специальное слово (или значение)…» [5, с. 10].

На практике новый принцип соблюдался в 17-томном словаре не всегда: необщеупотребительные термины и профессионализмы могли оставаться без пометы *Спец*. и при этом иметь или не иметь при себе отраслевую ремарку, например:

ИНВА́ЗИЯ… Заражение организма человека, животных и растений животными паразитами; **ИННЕРВА́ЦИЯ…** Обеспеченность какого-л. органа или ткани нервными клетками; **КУМУЛЯ́ЦИЯ…** В медицине – скопление в организме лекарственных средств или ядов от длительного их употребления, усиливающее их действие; **ПОТЯ́ЖКА… 1.** В речи рыбаков – движение лесы, когда рыба, схватив приманку, начинает ее тянуть. **2.** В речи охотников – замедленное, настороженное приближение собаки к дичи.

Таким образом, маркирование необщеупотребительных терминов в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» не было последовательным: необщеупотребительные термины могли не иметь ни пометы *Спец.*, ни ремарки (см., например, выше термин *инвазия*), они могли иметь при себе только помету (см., например, выше термин *жиро*) или только ремарку (см., например, выше термин *кумуляция*), наконец, они могли снабжаться пометой *Спец*. и отраслевой ремаркой одновременно (см., например, выше термин *палатализация*). Поскольку в словаре имелись не регулируемые никаким ясным правилом случаи, когда термин не имел ремарки, и случаи, когда он снабжался ремаркой, то следует заключить, что идея о том, что отраслевая приуроченность термина «достигается самим толкованием слова», в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» сколько-нибудь последовательно реализована не была.

В дальнейшем вопрос о маркировании специальных слов решался в разных толковых словарях по-разному. Довольно последовательно (в соответствии с декларированными во введении к словарю принципами) лексика терминологического и профессионального характера маркировалась в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой. Некоторые немаркированные специальные необщеупотребительные слова в нем следует расценивать скорее как результат недосмотра, например: **АЛЛОТРО́ПИЯ…** Существование одного и того же химического элемента в виде двух или нескольких простых веществ, различных по строению и свойствам; **БИНОКУЛЯ́РНЫЙ**, *-ая, -ое*. ◊ **Бинокулярное зрение** – обычное зрение двумя глазами. **Бинокулярный микроскоп** – микроскоп, снабженный двумя окулярами (для правого и левого глаза).

Обратимся к толковым словарям начала XXI в. Сложная картина наблюдается в новом «Большом академическом словаре русского языка» [1]. В нем одни необщеупотребительные термины имеют особые указания («комментарии»), которые, согласно правилу, декларированному авторами словаря во введении, не должны сочетаться с пометой *Спец.*, например «В медицине», «В авиации», «В литературоведении»:

ГИПЕРЕМИ́Я… В медицине – избыточное наполнение кровью сосудов какого-л. органа или ткани, вызываемое притоком артериальной крови или затрудненным оттоком венозной крови; **ГЛИССА́ДА…** В авиации – траектория полета самолета, вертолета, планера и т. п. при снижении; **ГНО́МА…** В литературоведении. **1.** В античной трагедии – изречение, заканчивающее монолог. **2.** Двух- или четырехстишие, заключающее в себе оригинальную философскую мысль.

Вместе с тем многие другие термины не имеют подобных указаний, например: **ГИДРО́ЛИЗ…** Реакция ионного обмена (обменное разложение) между веществами и водой; **ГИПЕРО́Н…** Нестабильная элементарная частица, масса которой больше массы нейтрона; **ГИПОКИНЕЗИ́Я…** Ограничение двигательной активности вследствие характера трудовой деятельности.

Отсутствие пометы или ремарки при термине вполне понятно, если этот термин детерминологизирован, однако говорить об общеупотребительности таких терминов, как *гидролиз, гиперон, гипокинезия* и т. п., вряд ли возможно. Таким образом, установить какую-либо закономерность, объясняющую наличие или отсутствие ремарки, здесь затруднительно. В случае со словами *гид-*

ролиз, гиперон, гипокинезия и т. п., вероятно, предполагалось, что их толкования сами по себе несут необходимую информацию о прикрепленности этих слов к терминологическому фонду химии, физики, медицины и т. д.

В 2014 г. вышел новый толковый словарь особого типа – «Словарь специальной лексики русского языка», предназначенный «широкому кругу читателей». Попытка создания такого словаря, безусловно, интересна и полезна. Вместе с тем обращает на себя внимание следующее высказывание во введении: «При терминах редко указываются названия наук, дисциплин, так как в наше время многие термины принадлежат одновременно ряду смежных наук» [7, с. 6]. Мы видим, что авторы этого лексикографического труда пользуются знакомым нам по 17-томному словарю аргументом и, как показывает анализ «Словаря специальной лексики…», действительно добиваются весьма умеренного использования особых указаний на сферы функционирования описываемых специальных слов.

Заметим, что редкие случаи употребления ремарок разнородны. Выделяются ремарки, которые способствуют снятию многозначности (при отсутствии указания на то, в каком значении употреблено в толковании многозначное слово), уточнению того, в какой сфере языка, области знания и деятельности допустима передача данного значения при помощи именно этой языковой формы, например: **АТРИБУ́Т…** В грамматике – определение; **ДИСПОЗИТИ́ВНЫЙ…** В юриспруденции – допускающий выбор[2].

Обращают на себя внимание ремарки, без которых установление области употребления термина, как кажется, более или менее доступно так называемому среднему носителю языка: **МАНТИ́ССА…** Дробная часть десятичного логарифма в математике; **НОМИНАТИ́В…** В языкознании именительный падеж (ср., однако без ремарки: **ГЕНИТИ́В…** Родительный падеж); **ОРИГИНА́Л-МАКЕ́Т…** В полиграфии – предварительный (до изготовления тиража) образец книги или журнала (при необходимости с расклейкой всех элементов текста и иллюстраций), подготовленный для печати.

Число примеров, когда толкование, видимо, достаточно успешно справляется не только со своей основной задачей – представить значение слова, но и с отсылкой к области употребления слова (информатике, медицине, астрономии и т. д.), можно увеличивать, ср.:

АРХИВА́ЦИЯ… Создание копий файлов, преобразованных по специальному алгоритму в целях уменьшения занимаемого ими объема; **РЕМИ́ССИЯ²…** Временное ослабление болезни; **САТЕЛЛИ́Т…** Спутник какой-л. планеты.

Однако всегда ли читателю достаточно толкования для получения представления о сфере употребления специального слова? Ответ на этот вопрос нам, по существу, уже дали словарные статьи слов *атрибут* и *диспозитивный*. Примеры слов, знания толкования которых недостаточно для знания о сфере их употребления, также можно множить. Так, встречая в толковом словаре общего назначения при одном из значений слова *дефиле* толкование «ущелье или узкий, тесный проход», вряд ли всякий читатель легко догадается, что данное слово является военным термином. Читатель, незнакомый с соответствующей терминологией, вряд ли будет способен извлечь какую-либо стилистическую информацию о сфере (а тем более сферах) употребления слова из следующих толкований: **РЕЦЕССИ́ВНЫЙ…** Слабо проявляющийся, скрытый (биология); **ИЗГОТО́ВИТЬСЯ…** Привести себя в состояние готовности к чему-л.; приготовиться (военное дело и спорт); **КРЕПИ́ТЬ…** Прочно привязывать, закреплять (морское дело и авиация).

Среди разрядов профессиональной лексики нужно назвать особую группу единиц – т. н. характеризмов, «не выражающих специальных понятий, а называющих общие, известные литературному языку понятия, но выражаемые совершенно особым способом, характерным для той или иной профессиональной области или ситуаций общения» [9, с 70–71]; ср., например, *препозиция* (‘положение перед чем-либо’) в языке лингвистики, *извлечь* (‘вычислить’) в языке математики, *майна* (‘опускай!’) при разгрузочно-погрузочных работах (у грузчиков, строителей) и т. п. Сюда же, по-видимому, следует отнести упомянутые слова *изготовиться* (вместо *приготовиться*) и *крепить* (вместо *закрепить*). Толкования подобных слов не могут сообщить нам ничего об их специальном характере и о сфере их употребления, поскольку не выражают специального содержания.

Коль скоро, как мы видим, не все определения могут донести до пользователя толкового словаря информацию о сфере употребления специального слова, то в соответствии с принципом системности все единицы, составляющие объект лексикографического маркирования, должны получить необходимую помету или ремарку.

Объектом маркирования, в зависимости от установки лексикографа, могут стать: 1) все слова одной лексико-семантической группы, 2) все термины какой-либо области знания (независимо от степени их употребительности в общелитературном языке), 3) все термины, квалифицируемые как ограниченные в своем употреблении, 4) стилистически окрашенные термины, выявляемые в их сопоставлении с их неспециальными синонимами.

Последовательная разметка единиц, составляющих выбранный объект маркирования, дает целостное представление о нем и при необходимости позволяет произвести автоматическое извлечение интересующих нас терминов. Что касается описания в толковом словаре слов терминологического и профессионального характера, то все три характеристики специальной единицы: область применения, степень употребительности в общелитературном языке, стилистическая окрашенность – могут и должны отражаться в толковом словаре. Выработка способов такого маркирования – одна из актуальных задач толковой лексикографии. Некоторые предварительные рекомендации были даны нами в работе [8].

Кроме того, на наш взгляд, если термин не относится ко множеству наук (обозначение которых длинным перечислительным рядом помет затруднительно), предпочтительным является использование не общего, неопределенного маркера *Спец.*, а конкретных помет (или ремарок) областей знания, а также сочетаний помет (в случае если термин относится к нескольким областям знания). Радикальный отказ от частных помет и ремарок со ссылкой на то, что «многие термины принадлежат одновременно ряду смежных наук», нам кажется неверным, поскольку то, что верно лишь для части терминов, необоснованно распространяется на все (или почти все) термины: упомянутые выше специальные слова *атрибут* (языкознание), *диспозитивный* (юриспруденция), *мантисса* (математика), *номинатив* (языкознание), *оригинал-макет* (полиграфия), как и множество других, не оставляют сомнений в том, к какой области знания относится каждое из них.

Необходимо добавить, что использование специализированных указателей сферы употребления специального слова (помет или ремарок), отделенных от толкования, способствует большей структурированности словарной статьи.

Обобщая все сказанное, считаем, что на вопрос, вынесенный в заглавие данный работы (нужны ли пометы и ремарки области знания в толковом словаре общего назначения?), следует дать положительный ответ. Использование этих помет и ремарок согласно принятым в толковом словаре тщательно продуманным правилам должно быть как можно более последовательным.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка [Текст] / Под ред. А. С. Герда. – Т. 1. – М. ; СПб., 2004.

2. Евгеньева, А. П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР [Текст] / А. П. Евгеньева // Лексикографический сборник. – Вып. II. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – С. 167–177.

3. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка»: в 15 т. [Текст]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 86 с.

4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 2000. – 856 с.

5. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4 изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.

6. Словарь современного русского литературного языка: в 15 т. – Т. 4 [Текст]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958.

7. Словарь специальной лексики русского языка [Текст] / Под ред. А. С. Герда, У. В. Буторовой. – СПб. : Русская коллекция, 2014. – 250 с.

8. Цумарев, А. Э. Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях [Текст] / А. Э. Цумарев // Терминология и знание. Выпуск IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, ИРЯ РАН, 6–8 июня 2014 г.). – М. : Вест-Консалтинг, 2014. – С. 255–273.

9. Шелов, С. Д. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции [Текст] : учеб. пособие / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик. – СПб. : СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. – 96 с.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. A. S. Gerda. – T. 1. – M. ; SPb., 2004.

2. Evgen'eva, A. P. O nekotoryh leksikograficheskih voprosah, svjazannyh s izdaniem bol'shogo

Slovarja sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka AN SSSR [Tekst] / A. P. Evgen'eva // Leksikograficheskij sbornik. – Vyp. II. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1957. – S. 167–177.

3. Instrukcija dlja sostavlenija «Slovarja sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka»: v 15 t. [Tekst]. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1958. – 86 s.

4. Krysin, L. P. Tolkovyj slovar' inojazych-nyh slov [Tekst] / L. P. Krysin. – M. : Russkij jazyk, 2000. – 856 s.

5. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Tekst] / Pod red. A. P. Evgen'evoj. – 4 izd., ster. – M. : Rus. jaz. ; Poligrafresursy, 1999.

6. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 15 t. – T. 4 [Tekst]. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1958.

7. Slovar' special'noj leksiki russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. A. S. Gerda, U. V. Butorovoj. – SPb. : Russkaja kollekcija, 2014. – 250 s.

8. Cumarev, A. Je. Ob usovershenstvovanii markirovanija special'noj leksiki v tolkovyh slovarjah [Tekst] / A. Je. Cumarev // Terminologija i znanie. Vypusk IV. Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, IRJa RAN, 6–8 ijunja 2014 g.). – M. : Vest-Konsalting, 2014. – S. 255–273.

9. Shelov, S. D. Terminologija i professional'naja leksika: sostav i funkcii [Tekst] : ucheb. posobie / S. D. Shelov, V. M. Lejchik. – SPb. : SPbGU. RIO. Filologicheskij fakul'tet, 2012. – 96 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

---

[1] Рассмотрение вопроса о выборе пометы, ремарки или сочетания пометы с ремаркой выходит за рамки данной статьи.

[2] В оригинале тире между ремаркой и собственно толкованием отсутствует. Отметим, что иногда роль уточнителя берет на себя речение, например: «**ОСТЕНСИ́ВНЫЙ…** Наглядный, такой, который можно продемонстрировать. *Остенсивное толкование*». Более точным является следующее описание: **ОСТЕНСИ́ВНЫЙ…** *филос., лингв.* Наглядный, такой, который можно продемонстрировать. *Остенсивное толкование слова* (толкование при помощи чертежа, рисунка и т. п. называемой словом вещи с объяснением этого чертежа, рисунка) [4, с. 496].

УДК 811.161.1

И. А. Шаронов

Формы множественного числа существительных на –а/–я: ретроспективный взгляд и современная ситуация

Материал IV Международной научной конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»), которая состоялась 6–8 ноября 2014 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В статье рассматривается одна из самых активно обсуждаемых тем в русистике XX в. – проблема экспансии форм существительных мужского рода мн. ч. с окончанием на –а/–я. Дается краткая история появления и распространения данного варианта окончания, его лингвистический анализ, отношение нормы к этому грамматическому явлению, и ставится вопрос о положении дел в последнюю четверть века.

Ключевые слова: стилистика русского языка, грамматическая вариативность, норма и узус, варианты существительных.

I. A. Sharonov

-A/-ya noun plural forms: retrospective view and contemporary situation

The article is devoted to one of the most frequently discussed problems of Russian Linguistics in XX century – to the expansion of ending –a/–ya in nouns of masculine gender, nominative / accusative, plural forms. A short historical description precedes linguistic analysis and orthological evaluation of the forms under discussion. And the question is bound to arise – what is the situation nowadays with the competition between traditional and new endings.

Keywords: Russian stylistics, variations in grammar, norms and usage, variant forms of Russian nouns.

Изучение изменений в языке и процессы его нормализации шли в течение XX в. «рука об руку». Первым опытом комплексного описания грамматической вариативности была работа В. И. Чернышева [17]. Исследователь выделил широкий ряд тенденций в русской грамматике, активно развивавшихся в течение XX в., и дал им оценку с позиций литературной нормы. Нормативные предписания в XX в. можно разделить на *констатирующие* и *реагирующие.* Относительно спокойно нормативисты приняли ослабление и постепенный уход из языка второго родительного, сужение второго предложного падежа и некоторые более частные случаи. Наряду с этими случаями заметны попытки затормозить некоторые процессы изменения в грамматической системе, сохранить старые формы слов в словарях и справочниках через негативную (в той или иной степени) оценку новых форм.

В данной статье мы вернемся к одной из самых активно обсуждаемых в XX в. тем – проблеме экспансии форм существительных мужского рода мн. ч. с окончанием на –а/–я. Кратко остановившись на истории появления и распространения данного варианта окончания, его лингвистическом анализе, отношении нормы к этому грамматическому явлению, рассмотрим положение дел в последние два десятилетия.

Процесс активизации ударных окончаний существительных мн. ч. им. п. на –а/–я, их конкуренции со стандартными безударными окончаниями –ы/–и исследован в его исторической перспективе достаточно подробно. В обобщающем исследовании Т. А. Ивановой [8, с. 115–161] указывается, что данные формы впервые получили отражение в письменных текстах с конца XV в. и могут рассматриваться как общерусская тенденция, поскольку, с одной стороны, аналогичной тенденции в украинском и в белорусском языках не наблюдалось, а с другой стороны, она проявилась почти во всех русских говорах. Наиболее вероятной считается гипотеза о происхождении окончания –а/–я в результате утраты категории двойственного числа [см. об этом подробнее в 1].

Практически во всех исследованиях, посвященных рассматриваемой проблеме, отмечается, что бóльшая часть существительных, поменявших традиционное окончание –ы/–и или допускающих

© Шаронов И. А., 2015

варьирование – это двух- и трехсложные слова м. р. с ударением на предпоследнем слоге. Очень активно подверженными рассматриваемой тенденцией оказываются заимствования. Еще А. Х. Востоков [3] отмечал в своей грамматике, что заимствования на *–ман* и *–ер, –ор* (*катер, кивер, кучер, мастер, флюгер, доктор, ректор, фактор* и пр.) получают преимущественно окончание –а/–я в формах мн. ч. им. п. Корме того, склонность менять окончания на –а/–я отмечается у слов с предметным значением [16].

К. С. Горбачевич [5] пишет о сильном росте числа форм с окончаниями –а/–я со второй половины XIX в. В 70–80-е гг. XIX в. стали широко распространяться формы *гетмана́, лектора́, фактора́, конюха́, смотрителя́* и т. д., многие из которых, правда, в дальнейшем стали «изгоняться» из языка. Следующий «взрыв» отмечается в 40–70-х гг. XX в., когда в двусложных, трехсложных и некоторых других словах принятые литературные окончания –ы/–и активно заменялись на –а/–я: *се́кторы – сектора́, ру́поры – рупора́, сле́сари – слесаря́, то́кари – токаря́, те́норы – тенора́, реда́кторы – редактора́* и т. д. В словаре Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской [6] представлена наиболее полная коллекция грамматических вариантов существительных им. п. мн. ч. Процент употребления вариантов позволяет получить объективное представление о реальном узусе. В словаре собрано 72 слова, которые устойчиво употребляются с окончанием –а/–я, и более 300 вариантов, колеблющихся в форме им. п. мн. ч. Отмечается, что очагом распространения рассматриваемых форм являются профессиональная речь и просторечие, поэтому формы на –а имеют обычно разговорную или профессиональную окраску в отличие от форм на –и/–ы, которые нейтральны. Из 72 слов на –а/–я, утративших варианты окончаний –ы/–и, 4 – четырехсложные (*автопоезда, агитпоезда, бронепоезда, бронекатера*), 6 – трехсложные, 49 – двусложные и 13 – односложные. Доминанта двусложных в процессе перехода окончания очевидна.

Просторечное происхождение вызывало негативное отношение лингвистов к формам на –а/–я. В. И. Чернышев [17, пар. 144], собрав 150 слов с окончанием –а/–я в им. п. мн. ч., рекомендовал в случаях вариативности использовать литературный вариант окончания –ы/–и. Известный лингвист следующего поколения С. П. Обнорский [14] резко нападает на активизировавшиеся в 30–40-х гг. формы *инженера́, офицера́, договора́, бухгалтера́, крейсера́, катера́, прожектора́, свитера́, примуса́* и многие др. Даже признавая некоторые из них в качестве профессионализмов, ученый призывал бороться против проникновения таких форм в литературную речь.

Следующее поколение лингвистов: К. С. Горбачевич в [5] пытался устанавливать дальнейшие ограничения в ответ на возрастающую экспансию форм на –а/–я. Наряду с попытками остановить переход окончаний у односложных слов (то́рты, а не торта́), слов с ударением на последнем слоге (офице́р – офице́ры, а не офицера́) помехой для образования форм –а/–я предлагалось считать наличие приставки *вы–*, на основании чего объяснялась неправильность форм *выбора́, выговора́, выезда́.*

Для некоторых слов делались попытки сохранить устаревающие формы на –ы/–и в качестве семантических вариантов. Это, к сожалению, не всегда приводило к желаемому результату. Например, предлагалось развести варианты *поя́сы* (как географические) – и *пояса́* (как опояски). Однако по крайней мере современное поколение в лице студентов РГГУ не подтверждает ни наличия такого противопоставления, ни самой формы *поя́сы*. В Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) для формы *поя́сы* найдено 15 примеров, самый поздний из которых датируется 1908 г.:

(I) Благодатью призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские **поясы**... (Л. Н. Толстой. Закон насилия и закон любви. 1908).

Формы существительного при прилагательных *географический, временной* и *часовой* имеют в собранных в НКРЯ только окончание –а:

(II) Тут Сенников мелко закашливался от удовольствия, а потом долго и обстоятельно рассказывал Пал Егорычу про **географические пояса** (О. Радзинский. Черная выбель. 1985).

(III) Он-лайн у нас не получалось – разные графики, разные **временные пояса**, поэтому приходилось писать старинно – письмами (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009).

(IV) Десятки раз я привозила своих учеников через **часовые пояса** вовремя только по внутреннему чутью (Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище. 1984–2001).

В 70-х гг., после анализа результатов массового обследования, отношение нормативистов ко многим формам на –а/–я стало более терпимым, ряд форм получил нейтральный статус в словарях и грамматических пособиях. Орфографиче-

ский словарь 1974 г. [15] предлагает формы *редактора́, прожектора́, катера́, сектора́, крейсера́, бухгалтера́, договора́, корректора́, слесаря́, токаря́* и др. в качестве допустимых и даже равноправных вариантов литературной нормы. Более того, в среде лингвистов того времени стало общепринятой точкой зрения, что формы на ударную флексию –а/–я более перспективны и что в относительно скором времени они станут общепринятыми. Эту точку зрения репродуцируют и современные исследователи и авторы учебников. Так, Н. С. Валгина пишет о том, что формы на *–а* постепенно из профессиональной речи переходят в литературный язык и делает вывод: «На общем фоне еще окончательно не сложившейся нормы все отчетливее проявляется процесс вытеснения форм на –ы(–и) формами на –а(–я)» [2, с. 173]. В справочнике по практической стилистике [4, с. 339] также говорится о «победном шествии» ударного окончания *–а* во множественном числе именительного падежа. Из общего хора, правда, несколько выпадает замечание К. С. Горбачевича [5], который, в целом также полагая, что формы на ударную флексию –а/–я более перспективны, отмечает их стилистическую сниженность и связанный с этим небольшой спад в употребляемости таких форм. По мнению исследователя, причиной этому является активное вмешательство школы, роль популярной литературы по культуре речи и т. п.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к вопросам правильности речи. Популярность книг о русском языке, написанных профессиональными лингвистами [10; 11; 12 и др.], регулярные интервью с ведущими русистами, телепередачи, посвященные борьбе с падением речевой культуры, – все это говорит о небезразличии активной части общества к языку, возвращении пиетета перед хорошей языковой культурой. Отклонение от орфоэпической или грамматической норм может служить знаком слабой образованности говорящего, становится объектом насмешки над ним, пренебрежительного отношения и даже аргументом против суждения говорящего в полемике. В обществе, несмотря на то, что словари узаконили ударное –а в слове *договор,* продолжают вестись ожесточенные споры. Популярный рекламный ролик вентиляторного завода 1990 г.: «Вам пора и нам пора с вентиляторным заводом заключать договора́!» до сих пор цитируют как образец непростительной неграмотности. Сотрудники Справочной службы Института русского языка им. В. В. Виноградова любезно предоставили нам год назад список наиболее частотно встречающихся слов, о форме множественного числа которых им задают вопросы. Это слова (порядок соответствует частоте запросов): *договор, профессор, инструктор, крем, мастер, столяр, ректор, директор, вексель, трактор, отпуск, корпус, сервер, плинтус, полис.* И это происходит через 30 лет после того, как многие из этих форм были признаны нормативными. Создается впечатление, что период экспансии окончания –а/–я подходит к концу.

Мы решили проверить выдвинутую гипотезу на материале новой заимствованной лексики ввиду того, что она традиционно наиболее легко принимала окончания –а/–я. Для этого был составлен список двух- и трехсложных существительных мужского рода. Выборка производилась на материале словарей [7; 13]. В список вошли слова: *архиватор, аудитор, байкер, баннер, бартер, блендер, блогер, бонус, винчестер, гамбургер, геймер, глиссер, грейдер, дайвер, драйвер, диггер, дилер, драйвер, кампус, киллер, ксерокс, компьютер, лазер, миксер, офис, провайдер, рейдер, рокер, ростер, свингер, сервер, сканер, скаут, скейтер, скутер, спикер, спонсор, спринтер, степлер, стикер, таймер, тендер, тестер, тостер, трейлер, триллер, тумблер, тьютор, тюнер, хакер, чартер*.

На практических занятиях по стилистике русского языка в РГГУ данный список слов был предложен студентам, которые практически единодушно отдали предпочтение в этих словах окончанию –ы/–и. Исключение составили только слова *драйвер* и *сервер*, которые в компьютерном лексиконе имеют вариант –а.

Мы воспользовались материалами НКРЯ и интернет-корпуса RuWac [9], отбирая только те слова, для которых находили не менее 20 случаев употребления. Рассмотрим статистику употребления наиболее частотных слов из списка:

Дилер – 280, Спонсор – 208, Риэлтор – 92, Трейдер – 54, Принтер – 48, Хакер – 46, Сервер – 44, Гоблин – 45, Ньюсмейкер – 39, Слоган – 37, Тинейджер – 36, Сиквел – 34, Байкер – 33, Ритейлер – 33, Провайдер – 29, Спринтер – 26, Сканер – 23, Серфер – 22, Гаджет – 20, Блокбастер – 20.

Из всех собранных наиболее частотных слов лишь два имеют вариативные употребления: это *сервер* и *драйвер* (отметим совпадение с мнением студентов).

СЕРВЕР

В НКРЯ варианты *се́рверы – сервера́* представлены в соотношении 37 к 7.

Примеры с формой *се**р**верры*:

(I) В настоящее время Supermicro выпускает материнские платы, корпуса и **серверы** (М. Кузьминский. Водопады Supermicro // «Computerworld», 2004).

(II) Мы проверили всю почту Володи за 8 месяцев, мои сотрудники занимались этим несколько суток, проверили все документы, все доступные **серверы**, но ничего не нашли (Е. Лория. Владимира Сухомлина могли убить офицеры милиции (2003) // «Известия», 2003.01.12).

(III) С некоторых пор стало модным посещать **серверы**, посвященные политической жизни страны (Вера Васильева. Держите форму, а содержание подтянется (2000) // «Рекламный мир», 2000.03.30).

Примеры с формой *сервер**а***:

(IV) Учитывая невысокое качество связи в регионах, мы проводим работы по созданию децентрализованной системы, региональные **сервера** которой будут самостоятельно обрабатывать весь поток информации (О. Максимова. Регионы онлайн. Интернет-брокерам стало тесно в столице (2002) // «Известия», 2002.04.29).

(V) Бывает так, что почтовые **сервера** иногда не работают (коллективный. Книга жалоб и предложений. 2004–2006).

ДРАЙВЕР

В НКРЯ варианты *дра́йверы – драйвера́* представлены в соотношении 24 – 9.

В примерах, в которых слово передает значение «движущая сила» или «водитель», слово чаще используется с традиционным окончанием, в примерах, в которых слово передает значение компьютерной программы, формы сильно конкурируют. Материал демонстрирует попытку узуса развести варианты лексемы по значению.

Приведем примеры использования формы *драйвера́*, сохраняя авторскую орфографию неизменной:

(VI) Лучше удалить все **драйвера** звукавые, кода удалите, то перезагрузите КОМП (коллективный. Звук и акустические системы – проблемы со звуком!!! 2010–2011).

(VII) Можно попробовать удалить **драйвера** звука и снести оборудование из диспетчера устройств (коллективный. Звук и акустические системы – проблемы со звуком!!! 2010–2011).

Примеры использования формы *дра́йверы:*

(VIII) Рынок мясных изделий имеет **драйверы** роста за счет консолидации и импортозамещения, – объясняет он (А. Кузьменко. Дымов добавил в колбасу майонез (2010.08.18) // http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/market/503265.shtml, 2010).

(IX) Именно АТР оставался единственным регионом в мире, где и макроэкономическая ситуация, и рыночные **драйверы**, способствующие индивидуальному обогащению, оставались благоприятными, — отметил управляющий директор Capgemini Бертран Лаваиссер (М. Шахов. Золотые десять миллионов (2010.06.23) // http://www.rbcdaily.ru/2010/06/23/world/488843.shtml, 2010).

(X) В этом режиме отключаются все **драйверы** и резидентные программы, в том числе антивирусы, которые значительно тормозят проверку и дефрагментацию жесткого диска (И. Цаплин. Восстанавливаем windows // «Наука и жизнь», 2006).

(XI) Категорически не советую никаких «мультимедийных» клав: для них требуются спец. **драйверы** для управления никому не нужными спец. кнопками (Письмо отца к дочери. 2004).

Как видно из примеров, семантическая дифференциация имеет место. Но и в значении компьютерной программы наблюдается конкуренция. Формы с флексией на –а используются программистами и IT-специалистами и скорее в неформальной обстановке.

Какой предварительный вывод можно было сделать из этого небольшого исследования? Как кажется, можно с осторожностью констатировать, что в конце прошлого и в начале нового столетия активная фаза расширения форм на –а начинает замедляться и на новые заимствования это окончание экспансию уже почти не осуществляет. Утвердившиеся в языке старые формы сохраняются, вариативные продолжают конкурировать.

Библиографический список

1. Борковский, В. И., Историческая грамматика русского языка [Текст] / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М. : КомКнига, 2006.

2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н. С. Валгина. – М., 2003.

3. Востоков, А. Х. Русская грамматика [Текст] /А. Х. Востоков. – СПб., 1831.

4. Голуб, И. Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике [Текст] / И. Б. Голуб. – М., 2008.

5. Горбачевич, К. С. Нормы современного русского литературного языка [Текст] / К. С. Горбачевич. – М., 1978.

6. Граудина, Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов [Текст] / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М., 1976.

7. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов [Текст] / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М. : Азбуковник, 2003.

8. Иванова, Т. А. Избранные труды. О языке древних русичей и их потомков [Текст] / Т. А. Иванова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004.

9. Интернет-корпус RuWac [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html. – (Дата обращения: 21.09.2015).

10. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики [Текст] / В. Г. Костомаров. – М., 2005.

11. Кронгауз, М. А. Руссий язык на грани нервного срыва [Текст] / М. А. Крогауз. – М., 2008.

12. Крысин, Л. П. 1000 новых иностранных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

13. Левонтина, И. Б. Русский язык со словарем [Текст] / И. Б. Левонтина. – М., 2010.

14. Обнорский, С. П. Правильности и неправильности современного русского литературного языка [Текст] / С. П. Обнорский // Избранные работы по русскому языку. – М., 1960. – С. 253–272.

15. Орфографический словарь русского языка [Текст] / Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. – М., 1974.

16. Русский язык по данным массового обследования [Текст]. – М., 1974.

17. Чернышев, В. И. Правильность и чистота русской речи [Текст] / В. И. Чернышев // Избранные труды. – II т. – М., 1970.

Bibliograficheskij spisok ***(in Russ)***

1. Borkovskij, V. I., Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka [Tekst] / V. I. Borkovskij, P. S. Kuznecov. – M. : KomKniga, 2006.

2. Valgina, N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke [Tekst] / N. S. Valgina. – M., 2003.

3. Vostokov, A. X. Russkaja grammatika [Tekst] / A. H. Vostokov. – SPb., 1831.

4. Golub, I. B. Novyj spravochnik po russkomu jazyku i prakticheskoj stilistike [Tekst] / I. B. Golub. – M., 2008.

5. Gorbachevich, K. S. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Tekst] / K. S. Gorbachevich. – M., 1978.

6. Graudina, L. K. Grammaticheskaja pravil'-nost' russkoj rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarja variantov [Tekst] / L. K. Graudina, V. A. Ickovich, L. P. Katlin-skaja. – M., 1976.

7. Zaharenko, E. N. Novyj slovar' inostrannyh slov [Tekst] / E. N. Zaharenko, L. N. Komarova, I. V. Nechaeva. – M. : Azbukov-nik, 2003.

8. Ivanova, T. A. Izbrannye trudy. O jazyke drevnih rusichej i ih potomkov [Tekst] / T. A. Ivanova. – SPb. : Filologicheskij fa-kul'tet SPbGU, 2004.

9. Internet-korpus RuWac [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

10. Kostomarov, V. G. Nash jazyk v dejstvii: Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki [Tekst] / V. G. Kostomarov. – M., 2005.

11. Krongauz, M. A. Russij jazyk na grani nervnogo sryva [Tekst] / M. A. Krogauz. – M., 2008.

12. Levontina, I. B. Russkij jazyk so slova-rem [Tekst] / I. B. Levontina. – M., 2010.

13. Krysin, L. P. 1000 novyh inostrannyh slov [Tekst] / L. P. Krysin. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2009.

14. Obnorskij, S. P. Pravil'nosti i nepravil'nosti sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Tekst] / S. P. Obnorskij // Izbrannye raboty po russkomu jazyku. – M., 1960. – S. 253–272.

15. Orfograficheskij slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. S. G. Barhudarova, I. F. Protchenko, L. I. Skvorcova. – M., 1974.

16. Russkij jazyk po dannym massovogo obsledovanija [Tekst]. – M., 1974.

17. Chernyshev, V. I. Pravil'nost' i chistota russkoj rechi [Tekst] / V. I. Chernyshev // Izbrannye trudy. – II t. – M., 1970.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 811.161.1

Е. Я. Шмелева

Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании

Материал IV Международной научной конференции «Культура русской речи» («Гротовские чтения»), которая состоялась 6–8 ноября 2014 года в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В статье рассматриваются активные процессы современного русского словообразования – появление новых производных слов, новых аффиксов, словообразовательных моделей и способов словообразования. На примере нескольких неологизмов в статье показаны как возможности интернет-словотворчества, так и возможности изучения функционирования новообразований в интернет-коммуникации. Выбранные для анализа слова можно отнести к ключевым слова эпохи.

Ключевые слова: словообразование, интернет-коммуникация, активные процессы словообразования, производные слова, аффиксы, словообразовательные модели, способы словообразования, неологизмы.

E. Ya. Shmeleva

Internet Communication: new trends in Russian word formation

The article deals with the active derivational processes in modern Russian: the appearance of new derivatives, derivational affixes, new models and new ways of word formation. Taking several neologisms as an example, the article considers both the opportunities of online word creation and the possibility of studying the functioning of innovations in Internet communication. Selected for analysis are the words that can be considered as the key words of our time.

Keywords: word formation, Internet communication, active derivational processes, derivatives, affixes, models and ways of word formation, neologisms.

В конце XX–начале XXI в. в русском языке заметно активизировались деривационные процессы: появилось большое число новых производных слов, словообразовательных аффиксов и аффиксоидов, возросла продуктивность ряда традиционных словообразовательных моделей и способов словообразования, появились новые словообразовательные модели и даже новые способы словообразования. Активные процессы современного словообразования до недавнего времени рассматривались лингвистами в основном на материале языка средств массовой информации – периодической печати, радио и телевидения (см., например, [4; 5; 14; 15]), поскольку со времени перестройки считалось, что именно средства массовой информации, «диктующие социокультурные и языковые моды, влияют на общественную престижность как отдельных лексем, так и словообразовательных типов, являясь основными «поставщиками» неологизмов, неозаимствований, интернационализмов и гибридных неодериватов, новых словообразовательных формантов и моделей» [7, с. 15]. Очевидно, однако, что с каждым годом для все большего числа людей место СМИ занимают социальные сети, блоги и форумы, и для них «поставщиком» новых слов и словообразовательных моделей является язык интернет-коммуникации, отличающийся рядом особенностей, которые, как кажется, оказывают влияние как на появление новообразований, так и на дальнейшее функционирование неологизмов. Язык социальных сетей и блогов близок к устной разговорной речи по своей спонтанности и свободе выражений, а к языку художественной литературы – по игровому и творческому началу. При этом поскольку интернет-коммуникация соединяет в себе черты как устной, так и письменной речи, пользователи интернета используют все возможности, предоставляемые русским языком, для создания новообразований. Это и игры с фонетикой, с рифмами и созвучиями, и игры с графикой (кириллицей и латиницей), с орфографией, шрифтами, пробелами, прописными и строчными буквами и др. Интернет-коммуникация обладает не только большими возможностями для создания новообразований, но и гораздо большими возможностями отслеживания времени появления нового слова, частоты его употребления, особенностей функциони-

© Шмелева Е. Я., 2015

рования и степени освоенности русским языком. Новые слова и выражения часто становятся предметом обсуждения в интернете, составляются интернет-словари и энциклопедии, фиксирующие и объясняющие значение неологизмов: Викиреальность (Wikireality.ru), Луркоморье (Lurkmore.ru), Словарь современной лексики, жаргона и сленга (Slovonovo.ru) и др. (об особенностях интернет-коммуникации см. [1; 12]).

Мы не ставим перед собой задачи в рамках одной статьи исчерпывающе описать деривационные процессы, идущие в русской интернет-коммуникации начала XXI в., однако попытаемся на примере ряда недавно появившихся производных слов продемонстрировать как возможности интернет-словотворчества, так и возможности, которые предоставляет интернет, для того, чтобы проследить судьбу новообразований в современном русском языке.

Е. А. Земская отмечала, что «среди новообразований – производных слов много таких, которые как бы рисуют картину современной жизни» [4, с. 91], являются ключевыми словами современного русского языка. Интересно, что среди слов, предложенных экспертами для участия в конкурсе «Слово года 2014», заметное место занимают производные слова, появившиеся в интернет-коммуникации. Сам выбор в качестве базовых для производных слов тех или иных корней также свидетельствует о глубинных изменениях «языкового вкуса эпохи» [8]. Начиная с 90-х г. XX в. базой для создания новых слов в русском языке служили в основном заимствованные слова (см., например, [9]). Исследователи интернет-коммуникации также единодушно отмечали экспансию иноязычных основ [6], появление интернет-неологизмов, калькирований, заимствований из английского языка и переносе их в родной язык [1], создание неологизмов, образованных путем прибавлении русских аффиксов к иноязычным основам (*смайлик, личка, зафрендиться*) [11]. Конечно, процесс освоения иноязычных слов продолжается и в последние годы, однако можно отметить и новый процесс – увеличение числа неодериватов от русских или давно освоенных русским языком слов и корней[1]. Но больше всего слов в интернет-коммуникации образуется от собственных имен – фамилий известных людей (преимущественно, от фамилий политических деятелей) и от географических названий. Большинство производных – это экспрессивные слова, в значении которых есть сема отрицательной оценки. Это отрицательная оценка задается разными словообразовательными элементами.

Так, среди новообразований последних лет (в частности, слов, вошедших в список «Слов 2014 года») есть целый ряд слов, образованных традиционным для русского словообразования суффиксальным способом. Отрицательная оценка в таких словах может быть задана производящим словом, суффиксом, неблагозвучием или созвучием слова с другим отрицательно оцениваемым словом. Так, образованные с помощью нейтральных суффиксов –изм, –ист слова *рашизм* (идеология «великорусскости», от пренебрежительного названия России – *Раша, Рашка*) и *рашист* (тот, кто придерживается идеологии рашизма) имеют ярко выраженную отрицательную окраску не только за счет отрицательной окраски производящего слова (человек, который, говоря по-русски, называет Россию Рашей, конечно, показывает свое отношение к нашей стране), но и за счет того, что они ассоциируются со словами *фашизм* и *фашист*[2]. Образованный с помощью продуктивного глагольного суффикса *–ну*, образующего глаголы однократного действия, окказиональный глагол *псакнуть* (сделать безапелляционное непроверенное заявление, от фамилии официального представителя Госдепартамента США Дженнифер Псаки) имеет отрицательное значение, конечно, прежде всего из-за отношения пользователей интернета к высказываниям Дж. Псаки, но и из-за неблагозвучности этого слова.

Отрицательная оценка слова *путиноид* задается, по-видимому, отрицательной окраской суффикса *–оид*: *путиноид* (пренебр. сторонник Путина), ср. более ранние образования *марксоид, ельциноид, москвоид* и др. Значение употребительного в научной терминологии суффикса *–оид* – «похожий на то, что названо производящей основой, но не совсем такой же» (*андроид* – это не человек, а человекоподобный робот, *суффиксоид* – это не совсем суффикс и т. п.) – задает отрицательную окраску экспрессивных производных с этим суффиксом[3]. Поскольку отрицательную окраску имеют несколько широко употребительных в разговорной речи и просторечии страдательных причастий на *–анут*(*ый*) (*долбанутый, шизанутый* и др.), этот суффикс задает отрицательную оценку «псевдопричастию» *майданутый* (пренебр. сторонник Майдана, при этом в словообразовательную цепочку «достраивается» виртуальный глагол *майдануться*). Еще один отрицательно окрашенный неодериват на *–нут*(*ый*) с ударением на корне – *православну-*

тый, по-видимому, скорее правильно квалифицировать не как причастие, а как имя прилагательное, образующее пару с прилагательным *православный* имеющее значение «слишком православный, повернутый на православии».

Среди суффиксальных новообразований есть и слова, образованные с помощью нового, но чрезвычайно активного в современном русском языке суффикса *–инг*[4]: *псакинг* и *путинг.* Слово *псакинг* – это имя действия, образованное от того же виртуального глагола *псакать*, от которого был произведен глагол однократного действия *псакнуть*, то есть это такой тип поведения, когда люди делают безапелляционные непроверенные высказывания[5]. Словообразовательное значение суффикса имени действия суффикс *–инг* имеет и во многих других русских окказиональных словах, причем в русском языке чаще встречаются не отглагольные, а отыменные образования: *откатинг, болванинг, фаршинг* (см. [2]). Слово же *путинг* (митинг в поддержку Путина), хотя в нем также явно вычленяется суффикс *–инг*, можно рассматривать и как слово, образованное суффиксальным способом (ср. «Слово «путинг» <> является комбинацией корневой морфемы «пут» (сокращенная форма от Путин) и английского аффикса *–инг*, при помощи импозиции (наложения) «ин» из фамилии и суффикса достигается юмористический эффект» [2, с. 184]), а можно как слово-гибрид, образованное из двух слов: *Путин* + *митинг* (см. ниже).

Следующим широко распространенным в интернет-коммуникации способом словообразования является словосложение. Этим способом образованы, например, также вошедшие в список «Слов года 2014» слова *ленинопад* (снос памятников Ленину на Украине) и *жидобандеровец*[6] (еврей, поддерживающий Майдан и «Правый сектор»).

Членов националистической украинской партии «Правый сектор» их противники называют в интернете *правосеками* (это также слово, образованное методом словосложения с усечением). Отрицательная оценка этого слова задается созвучием слов *правосек* и *гомосек* (бран. гомосексуалист).

Есть еще одно интересное новое слово, которое выглядит как слово, образованное сложением двух корней *прав*(ый) и *бес* – это слово *правобесие*. Но, по-видимому, скорее это слово образовано соединением первой части слова *православие* и второй части слова *мракобесие* (а также слов *женобесие, гортанобесие* и др.), то есть это такое гибридное слово. Создание слов-гибридов (портманто (Льюис Кэррол) или блендов) обычно не считается особым способом словообразования в русском языке, его рассматривают то как словосложение, то как аббревиацию, поэтому у него даже нет хорошего названия; в последние годы его стали называть английским словом *блендинг*. Блендинг – это причудливая смесь двух слов, при которой чаще всего одна или нескольких букв первого слова заменяется на часть другого слова, при этом в значении производного слова причудливым образом перемешиваются значения обоих мотивирующих слов. «Бленд, таким образом, является результатом взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему либо имеют сходные фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения» [16, с. 12]. Блендинг чрезвычайно распространен в английском языке, этим способом образованы такие широко употребительные английские слова, как *motel* (*motor* + *hotel*), *smog* (*smoke* + *fog*) или *brunch* (*breakfast* + *lunch*). Возможно, под влиянием английской интернет-коммуникации блендинг в последние годы стал очень популярным в русском интернете. Среди «Слов года 2014» типичными блендами являются слова *паханат* (политический режим в России) из **пах(ан)** + каг(**ан)ат**[7]**,** *тотальгия* (тоска по сильной руке) из **то(тал)**итаризм + нос(**тал)ьгия** и *олимпиард* (деньги, потраченные на Олимпиаду) из **олимпи(а)**да + милли(**а)рд**, *западная цивилизадница* из **цивили(за)**ция + (**за)дница.** В декабре 2014 г. на сайте kremlinrussia.com появилась статья, озаглавленная *Мифть*. В статье объясняется, что такое мифть: «Это волшебная темная жидкость, которая нас всех поит, кормит, одевает и обеспечивает суверенитет страны» (http://kermlinrussia.com/mift/). Слово это быстро стало популярным в интернете, потому что в значении этого бленда легко угадываются слова **ми(ф)** и не(**ф)ть**. В образование блендов активно вовлекаются и имена собственные (примеры из списка «Слов года 2014»): *Гейропа – **гей** + **Европа**, Луганда – **(Луга)**нск + **(Уга)нда,** Дондурас – **Д(он)**ецк + **Г(он)дурас,** лугандон* (житель Луганской Народной Республики) – ***Лу(ган)**ск + **(ган)дон***[8]*, Путлер – **Пу(т)**ин + **Ги(т)лер**, меркельтильность – Меркель + меркальтильность* (этот пример интересен тем, что фамилия канцлера Германии Ангелы Меркель целиком «вкладывается» в слово *меркальтильность*, достаточно заменить одну букву, и получается бленд!). Кроме того, добавление одной буквы превращает

ставшее нарицательным название площади в Киеве *Майдан* в браное слово майдаун (*Майдан* + *даун*), которое было написано на плакатах участников проведенного 21 февраля 2015 г. в Москве марша «Антимайдан» (*Мы не майдауны*).

Помимо таких традиционных русских способов словообразования, как суффиксация и словосложение, и такого редкого, как блендинг, в интернет-коммуникации используются и совсем новые способы словообразования. Так, в русском интернете уже несколько лет используется такой прием языковой игры, как написание словосочетаний или даже целых предложений через дефис, косую черту или слитно:

- что за наказанье – как интеллигентно-рукопожатно-креативный, обиженный кровавым режимом, так либо ублюдок, либо шизофреник, либо все вместе;
- невероятная радость от волгоградской бойни рукопожатных граждан / живущихнеполжи / свободных и креативных зашкаливает;
- человек, редактор и мужчинарукиоткуданадо;
- дефицит свободного времени возвращает совершенно детское ощущение «скорейвседелатьичитать».

Такие «склеенные» образования являются новым средством категоризации действительности – они не только придают тексту большую выразительность, но и подчеркивают определенный смысл, который обычно передается несколькими словами. Вот, например, какие функции можно выделить у словосочетаний, записанных через дефис: «1) логическое выделение, подчеркивание определенного смысла, которое обычно передается несколькими словами; 2) заполнение лексической лакуны; 3) выделение особого класса предметов; 4) цитирование прямой речи как типичной реакции на предмет / явление либо как ярко иллюстрирующей событие / явление; 5) подчеркивание связи зависимых слов именно с данным главным словом и некоторые другие» [3, с. 696]. До недавнего времени казалось, что такие окказиональные новообразования могут в лучшем случае стать элементом сетевой коммуникации – тегом (ср., например, такие теги, как *#нетвойне* или *#путиннашевсе*), но не могут стать словами русского языка. Однако всего за полгода в речь россиян вошло новое слово, образованное таким необычным для русского языка способом. Это слово *крымнаш*, которое с большим отрывом победило на конкурсе «Слово года 2014» (я, будучи одним из 14 экспертов, выбирающих слово года, также поставила его на первое место).

Впервые слитное написание *крымнаш* появляется, по-видимому, в одном из блогов в начале апреля 2014 г. в значении «умонастроение»: *у нас на работе прогрессирует крымнаш*. Образование нравится, его быстро подхватывают другие участники интернет-коммуникации, которые используют его как экспрессивный окказионализм, с которым, в свою очередь, можно продолжать языковые игры, подбирать рифмы и т. п.: *Это с ним мы ныряли в Коктебеле, когда Деревья были большими и Крымненаш*; *Крымнаш или Намкрыш*? *Крымнаш – пустой пляж*. В скором времени *крымнаш* приобретает также значение деятеля («сторонник крымнаша»): *вот у меня во френдленте бывали и националисты в том числе радикальные (в разное время были, например, русские, еврейские, армянские, азербайджанские, ингушские и татарские националисты), и крымнаши*. Довольно скоро забывается экзотическое происхождение этого новообразования, оно приобретает все признаки обычного русского слова. Как и многие другие новые слова[9], *крымнаш* имеет разные варианты написания – с прописной или со строчной буквы, в кавычках или без кавычек; и разные морфологические варианты – оно может использоваться и как несклоняемое слово, и как склоняемое имя существительного мужского рода II склонения, например:

- если бы общественный психоз по поводу «крымнаш» и «путиннашевсе» не охватил почти все население страны, Алексей Девотченко, думаю, еще смог бы жить;
- миллионер Малофеев построит развлекательный парк имени «Крымнаш»;
- так что большая часть адептов крымнаша – пенсионеры – более чем довольны;
- эйфория от «крымнаша» проходит – россияне потихоньку прозревают;
- бумеранг крымнаша: вслед за Болгарией от путинского проекта отказались и сербы;
- проблем с «Крымнашем», действительно, выше крыши, даже не говоря о санкциях, которым из-за него сначала подвергли нас, а затем мы подвергли сами себя;
- рашисту и крымнашу на заметку: Украина есть;
- а у крымнашей глубокий траур по неотделившейся Шотландии.

24 сентября 2014 г. в Фейсбуке завязалась дискуссия, инициированная вопросом Анны Ку-

ликовой: «А к какой части речи вы бы отнесли #крымнаш (да и многие другие теги)? Это же явно уже не две словоформы, а одна. Неизменяемая, не имеющая ни личных, ни падежных окончаний. Выступающая в грамматическом значении то междометия (= «ура»), то существительного (зашла в гости, сперва обсуждали насущные дела, а потом начался крымнаш), то краткого прилагательного, как «рад», «горазд», «должен» (в моем окружении есть люди, которые крымнаш). Как все же определить морфологическую принадлежность?» Ирина Левонтина отвечает, что это слово может, конечно, использоваться «и как междометие, но в основном существительное: случился крымнаш, еще до крымнаша. Кроме того, у этого слова в функции существительного есть и значение, указывающее на человека (у меня нет друзей-крымнашей)». Ей возражает Анна Плисецкая: «Мне кажется, крымнаш скорее несклоняемое существительное, пропозициональное по семантике, при этом часто фигурирующее в позиции сказуемого: он тоже крымнаш, она оказалась крымнаш и т. д.» Попутно участники дискуссии говорят о том, что крымнаш – это уже не тег, а русское слово: «тэг крымнаш стал использоваться как слово языка, а тэг нетвойне – не стал пока» (Ирина Левонтина). Анна Плисецкая так объясняет, в чем отличие тега от слова: теги имеют отграниченную сферу употребления: «Но ведь говорят так вне интернета: она крымнаш, он крымнаш. Слышу это часто». «Я только про крымнаш, а не про нетвойне – второе, по-моему, как раз только в сети и есть, то есть тэг».

Помимо того, что слово *крымнаш* вышло за пределы интернет-коммуникации и приобрело морфологические признаки русского имени существительного мужского рода II склонения, оно стало мотивирующей основой для двух новых производных слов: *крымнашизм* и *крымнашисты*:

- крымнашизмом долго сыт не будешь;
- крымнашизм больно ударит по врачам и учителям;
- в лагере «крымнашистов» смятение;
- крымнашисты и сторонники войны с Украиной должны признать, что <> они приблизили крах экономики и финансовой системы России (Б. Немцов).

Так что, по-видимому, можно зафиксировать первое, но, вероятно, не последнее русское слово, пришедшее в русский язык из интернет-символа (тега), который, в свою очередь, образован из «склеенного» в одно слово словосочетания.

Итак, как кажется, даже анализ небольшого числа новообразований последних лет показывает как новые тенденции в русском словообразовании, которые во многом объясняются спецификой интернет-коммуникации, так и то, что в XXI в. именно интернет является местом появления неодериватов. Особенно заметно интернет изменил частоту и скорость вхождения окказиональных словообразований в массовый обиход. Так, несколько слов, появившихся в Сети в 2014 г., к концу года вышли за пределы интернет-коммуникации и употребляются также в СМИ, устной речи и современной литературе.

Библиографический список

1. Горошко, Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры [Текст] / Е. И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М. : Наука ; Флинта, 2012. – С. 9–52.

2. Дьяков, А. И., Скворецкая, Е. В. Суффикс – *инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании [Электронный ресурс] / А. И. Дьяков, Е. В. Скворецкая. – Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2013_4/2013_4_Dyakov_Skvoreckaya.pdf. – (Дата обращения: 21.09.2015).

3. Занегина, Н. Н. Словосочетания-записанные-через-дефис как способ категоризации и новый прием языковой выразительности в русском языке [Текст] / Н. Н. Занегина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2012). – 2012. – Вып. 11. – т. 1. – С. 696–705.

4. Земская, Е. А. Активные процессы современного русского словопроизводства [Текст] / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия: 1985–1995. – М., 1996. – С. 90–141.

5. Земская, Е. А. Литературная норма и неузуальное словообразование [Текст] / Е. А. Земская // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М., 2010. – С. 207–253.

6. Компанцева, Л. Ф. Когнитивные трансакции в словообразовательной системе Интернета: компрессивное словообразование и экспансия иноязычных основ [Текст] / Л. Ф. Компанцева // Вісник Дніпропетровського університету. – 2009. – № 11. – Вип. 15. – т. 1. – С. 118–123. – (Мовознавство).

7. Коряковцева, Е. И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славян-

ских языков // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich / Word-formation and the new functional styles of Slavic languages: International Slavistic Committee Commission on word-formation: Papers in thematic session (XV International Congress of Slavists. Belarus, Minsk, 20–27.08.2013). Siedlce, 2013.

8. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] / В. Г. Костомаров. – М., 1999.

9. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М. А. Кронгауз. –М., 2007.

10. Лапшина, О. А. Словообразовательное значение производных слов с суффиксом *–оид* в современном русском языке [Электронный ресурс] / О. А. Лапшина. – Режим доступа: http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2007_2/24.pdf. – (Дата обращения: 21.09.2015).

11. Лир, М. С. Словообразование во всемирной сети и албанский язык [Электронный ресурс] / М. С. Лир. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2014/Philologia/7_167362.doc.htm. – (Дата обращения: 21.09.2015).

12. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта-Наука, 2009. – 584 с.

13. Нечаева, И. В. О *шоп(п)инге, мини(-)вэне* и тайнах орфографической кодификации [Текст] / И. В. Нечаева // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 1 (23). – С. 72–89.

14. Рацибурская, Л. В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве [Текст] / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова // Новые тенденции в современном русском языке XXI века. – М., 2014.

15. Самыличева, Н. А. Окказиональные слова как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ) [Текст] : дисс. … канд. филол. наук / Н. А. Самыличева. – Н. Новгород, 2011.

16. Хрущева, О. А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга [Текст] : дисс. ... канд. филологических наук / О. А. Хрущева. – Челябинск, 2011. – 227 с.

17. Шмелева, Е. Я. О словах *компромисс* и *бескомпромиссный* [Текст] / Е. Я. Шмелева // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – С. 196–203.

18. Шмелева, Е. Я. Слово *нерукопожатный* как символ нашего времени [Текст] / Е. Я. Шмелева // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2014. – № 2–1. – С.401–411.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Goroshko, E. I. Sovremennaja internet-kommunikacija: struktura i osnovnye parametry [Tekst] / E. I. Goroshko // Internet-kommunikacija kak novaja rechevaja formacija. – M. : Nauka ; Flinta, 2012. C. 9–52.

2. D'jakov, A. I., Skvoreckaja, E. V. Suffiks –ing zavoevyvaet svoi pozicii v russkom slovoobrazovanii [Jelektronnyj resurs] / A. I. D'jakov, E. V. Skvoreckaja. – Rezhim dostupa: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2013_4/2013_4_Dyakov_Skvoreckaya.pdf.

3. Zanegina, N. N. Slovosochetanija-zapisannye-cherez-defis kak sposob kategorizacii i novyj prijom jazykovoj vyrazitel'nosti v russkom jazyke [Tekst] / N. N. Zanegina // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj kon-ferencii «Dialog» (2012). – 2012. – Vyp. 11. – t. 1. – S. 696–705.

4. Zemskaja, E. A. Aktivnye processy sovremennogo russkogo slovoproizvodstva [Tekst] / E. A. Zemskaja // Russkij jazyk konca XX stoletija: 1985–1995. – M., 1996. – S. 90–141.

5. Zemskaja, E. A. Literaturnaja norma i neuzual'noe slovoobrazovanie [Tekst] / E. A. Zemskaja // Sovremennyj russkij jazyk: Sistema – norma – uzus. – M., 2010. – S. 207–253.

6. Kompanceva, L. F. Kognitivnye transakcii v slovoobrazovatel'noj sisteme Interneta: kompressivnoe slovoobrazovanie i jekspansija inojazychnyh osnov [Tekst] / L. F. Kompanceva // Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. – 2009. – № 11. – Vip. 15. – t. 1. – S. 118–123. – (Movoznavstvo).

7. Korjakovceva, E. I. Slovoobrazovatel'nye resursy novyh funkcional'nyh stilej slavjanskih jazykov // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich / Word-formation and the new functional styles of Slavic languages: International Slavistic Committee Commission on word- formation: Papers in thematic session (XV International Congress of Slavists. Belarus, Minsk, 20–27.08.2013). Siedlce, 2013.

8. Kostomarov, V. G. Jazykovoj vkus jepohi [Tekst] / V. G. Kostomarov. – M., 1999.

9. . Krongauz, M. A. Russkij jazyk na grani nervnogo sryva [Tekst] / M. A. Krongauz. –M., 2007.

10. Lapshina, O. A. Slovoobrazovatel'noe znachenie proizvodnyh slov s suffiksom –oid v sovremennom russkom jazyke [Jelektronnyj resurs] / O. A. Lapshina. – Rezhim dostupa: http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2007_2/24.pdf. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

11. Lir, M. S. Slovoobrazovanie vo vse-mirnoj seti i albanskij jazyk [Jelektronnyj resurs] / M. S. Lir. – Rezhim dostupa: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2014/Philologia/7_167362.doc.htm. – (Data obrashhe-nija: 21.09.2015).

12. Mechkovskaja, N. B. Istorija jazyka i istorija kommunikacii: ot klinopisi do Interneta [Tekst] / N. B. Mechkovskaja. – M. : Flinta-Nauka, 2009. – 584 s.

13. Nechaeva, I. V. O shop(p)inge, mini(-)vjene i tajnah orfograficheskoj kodifikacii [Tekst] / I. V. Nechaeva // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. – 2012. – № 1 (23). – S. 72–89.

14. Raciburskaja, L. V. Novye tendencii v sovremennom medijnom slovotvorchestve [Tekst] / L. V. Raciburskaja, N. A. Samylicheva, A. V. Shumilova // Novye tendencii v sovremennom russkom jazyke XXI veka. – M., 2014.

15. Samylicheva, N. A. Okkazional'nye slova kak sredstvo jekspressivizacii gazetnogo teksta (na materiale nizhegorodskih SMI) [Tekst] : diss. … kand. filol. nauk / N. A. Samylicheva. – N. Novgorod, 2011.

16. Hrushheva, O. A. Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blendinga [Tekst] : diss. ... kand. filologicheskih nauk / O. A. Hrushheva. – Cheljabinsk, 2011. – 227 s.

17. Shmeleva, E. Ja. O slovah kompromiss i beskompromissnyj [Tekst] / E. Ja. Shmeleva // Jevoljucija ponjatij v svete istorii russkoj kul'tury. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2012. – S. 196–203.

18. Shmeleva, E. Ja. Slovo nerukopozhatnyj kak simvol nashego vremeni [Tekst] / E. Ja. Shmeleva // Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 2014. – № 2–1. – S.401–411.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

---

[1] Несколько таких неодериватов рассмотрены в [17; 18].

[2] Вероятно, это слово можно даже рассматривать как слово-гибрид (портманто или бленд, см. ниже).

[3] Ср.: «С нашей точки зрения, в большинстве окказиональных образований с суффиксом -оид-, выполняющих экспрессивную функцию, отрицательная окраска базируется на связи с лексемой гуманоид. На основе этой связи в подобных образованиях актуализируется сема ‘не человек’» [10].

[4] О суффиксе –инг см. например, [2].

[5] «Сегодня на просторах интернета появилось новое имя нарицательное – «псакинг», дающее оценку людям, которые, не разобравшись в ситуации, делают безапелляционные заявления, путая факты и забывая при этом извиняться («Псакинг – новое имя американской политики» http://xppx.org/business-machine/7247-psaking-novoe-imya-amerikanskoj-politiki).

[6] «…термин «жидобандеровец» <> родился на Украине в 2014 г. Так называют себя люди с еврейскими корнями, которые поддержали Евромайдан и ультраправых украинских националистов — наследников идей Бандеры («Правый сектор»)» («Откуда пошли “жидобандеровцы”?» http://www.mk.ru/politics/2014/12/18/otkuda-poshli-zhidobanderovcy.html). Это слово – пародийное подражание слову жидомасон, встающее в ряд других пародийных подражаний жидочекист, жидочурка и др.

[7] Мы выделяем жирным шрифтом части, из которых образуется бленд, скобками выделены сходные части слов, которые накладываются друг на друга.

[8] Ср. бранное именование телевизионных пропагандистов – пропагандоны.

[9] Об орфографических вариантах неологизмов см., например, [13]. Даже в данной статье встречается слово тег, которое словари рекомендуют писать через е, но в интернете его часто пишут через э – тэг (см. далее).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-2

А. П. Василенко

Языковая и культурная действительность фразеологизмов (на материале французского и русского языков)

Номинативная единица характеризуется не только своей частотностью (легко узнаваемостью и применяемостью для носителя), но и особой культурной наполняемостью, которая порой скрыта, но именно она хранит сведения о мировосприятии народом отдельно взятого факта посредством использования определенной номинации.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурный комментарий, картина мира, символ, метафора, миф, стереотипное представление.

THEORY OF LANGUAGE

A. P. Vasilenko

Linguistic and cultural reality of phraseological units (based on the French and Russian languages)

A nominative unit is not only characterized by the frequency of use (easily recognizable and applicable), it also possesses special cultural content, sometimes hidden, which keeps information of how people perceive a particular fact through the use of a particular nomination.

Keywords: phraseological unit, linguistic and cultural comment, world picture, symbol, metaphor, myth, stereotype.

Языковая и культурная действительность любого знака (в том числе и фразеологизма) в общем плане представлена так называемой **картиной мира**, которая определяется существованием особого мировидения, или по В. Гумбольдту, внутренней формы языка [1].

В статье на примере фразеологизмов речь пойдет об отражении в национальном языке преломленной реальности через мифы и религии, опыта народа, сложившегося представления о действительности (артефакты, архетипы), восприятия времени и пространства, усмотрения того, как относится народ к сказанному в отличие от фреймовой семантики, которая в большей степени вскрывает причину появления устойчивого оборота.

Например, фразеологизм *Золотое кольцо России.* Посмотрим, в чем проявляется особенность номинации не столько в языковом плане, сколько в особенности сложившегося видения, сформировавшегося с ходом времени при восприятии этой структуры: от исторического понимания (этимологического воззрения) до индивидуально суждения (эмоционально-оценочной реакции). Иными словами, составим **лингвокультурный комментарий.**

Итак, *Золотое кольцо России* – это название туристического маршрута, который пролегает по древним русским городам, центрам народных ремесел, где сохранились уникальные памятники истории и культуры России. Автором термина считается литератор Юрий Бычков (конец XX в.), который однажды на собственном авто-

© Василенко А. П., 2015

мобиле, выехав из Москвы, объездил восемь городов к северо-востоку от столицы. По его мнению, именно там сохранилось больше всего достопримечательностей культурного прошлого страны. Первый маршрут был таковым: *Москва – Загорск (современный Сергиев Посад) – Переславль Залесский – Ростов – Ярославль – Кострома – Иваново – Суздаль – Владимир – Москва.* Позже автор публикует в газете серию заметок с одноименным названием исследованного пути. Компонент *кольцо* – внешнее сходство. Если мысленно соединить линией на карте все города, посещенные литератором в указанной последовательности, то маршрут будет напоминать неправильной формы окружность, овал, кольцо. Компонент *золотой* – метафора *'прекрасный, замечательный'*. Кроме того, во многих архитектурных строениях вышеупомянутых городов представлен драгоценный материал – золото, которое является не только украшением, но и символом достатка, стабильности, благонадежности.

Другой фразеологизм – *berceau de Paris* (букв.: колыбель Парижа). **Лингвокультурный комментарий.** Так французы называют исторический центр столицы, место ее основания – остров Сите́ (L'île de la Cité). В компоненте *berceau* отражен метафорический перенос *'место, где что-то зародилось; появление, начало чего-либо'*. С незапамятных времен на острове селились люди. Здесь же была основана столица кельтского племени паризиев – Лютеция, которая стала крупным политическим и религиозным центром. Самое известное сооружение острова, связанное с многочисленными историческими событиями, – собор Парижской Богоматери. Западная оконечность острова почти целиком занята комплексом дворца Правосудия. Здесь же – *Le pont Neuf* (букв.: новый мост), который, несмотря на свое название, является самым старым мостом Парижа (более 100 лет), сохранившим былую прочность. Отсюда и фразеологизм *se porter comme le Pont-Neuf* (букв.: чувствовать себя как новый мост) – *'быть в хорошей форме, здоровым как бык'*.

Моделируя внутренние формы фразеологизмов, приходится думать, что фразеологизмы обладают двумя планами: изначальный образный субстрат и современное сигнификативное значение. Именно поэтому в литературе принято разграничивать две фразеологические картины мира, которые являются частью общей языковой картины мира [2].

Фразеологизм является элементом коллективного сознания. И так как семантику фразеологизмов можно интерпретировать в терминах культуры [6], то практически все фразеологизмы содержат фрагменты этнического мироустройства и понимания. Перечисленные выше предметы лингвокультурного комментария фразеологизмов говорят о том, что закономерности образования устойчивых оборотов, отражение в их семантике реалий объективного мира, содержание культурой коннотации и многие другие факторы являются универсальными.

Наблюдение данных закономерностей, скажем, в разных языках одновременно, обнаруживает большую пригодность для изучения культуры народа, воплощенной во фразеологических системах. Приведем примеры.

Язык отнялся у кого – 'внезапно замолчать, перестать отвечать'. Имеется в виду, что кто-либо вдруг лишился на короткое время способности говорить из-за сильного волнения, удивления, страха и т. п. Говорится с неодобрением, реже – с иронией. **Лингвокультурный комментарий.** В образе фразеологизма компонент *язык*, обозначающий *'подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий также в артикуляции'* (С. И. Ожегов), переосмысливается применительно к человеку, характеризуя его состояние, метафорически осмысляется как самостоятельно действующий орган речевого аппарата человека, обеспечивающий его речевую способность. Во фразеологизме *язык* играет роль символа «орудия» речевого действия. В библейских текстах дар речи – один из даров Божьих, и немота, даже временная, – утрата этого дара. Аналогичные по образу фразеологизмы распространены у многих народов [3].

Водить за нос кого – 'бессовестно обманывать, дурачить, с помощью ложных обещаний вводить в заблуждение кого-либо'. Говорится с неодобрением. **Лингвокультурный комментарий.** Образ фразеологизма окультуривается применительно к животному миру. Здесь появляются обусловленные культурой стереотипные представления о характеристиках и поведении животных. Во фразеологизме находит отражение метафорическое уподобление поведению животных и человека. Фразеологизм связан со способом управлять животными (например, медведем), *водя* их на веревке за кольцо, продетое через *нос* (ср.: *водить на поводке, идти на поводу у кого-либо*). В современном языковом сознании *нос* связан с

представлениями о ложных посулах и обмане (ср.: *натянуть нос*). Образ этого фразеологизма имеет универсальный характер в мировидении европейцев, о чем свидетельствуют аналоги этого фразеологизма в других европейских языках: ср.: *нем. an der Nase herumfueren, англ. to lead one by the nose, франц. mener par le nez.*

На ночь глядя уходить, пойти, собраться; делать что-либо – *'поздно вечером, в очень позднее время'*. Имеется в виду, что к.-л. совершает действие в неподходящее для этого, с точки зрения говорящего, время. **Лингвокультурный комментарий.** Образное основание этого фразеологизма восходит к одной из древнейших архетипических форм осознания мира – к противопоставлению «день–ночь», которое, в свою очередь, связано с древнейшими оппозициями «свет–тьма», «свой–чужой». В образе фразеологизма представлена непосредственная связь пространства и времени: ночное время принадлежит миру духов, находится в пределах мира «чужих» – неосвоенного, неизвестного, хаотичного и потому враждебного для человека. Именно в ночное время наиболее активно проявляет себя нечистая сила, поэтому, покидая в это время суток «свое» пространство (освоенный, известный мир) и тем самым нарушая условную границу между миром «своих» и «чужих», человек обрекает себя на опасность и испытания. Ночь соотносится с временным кодом культуры, то есть с совокупностью имен, обозначающих членение мира на отрезки и отношение человека ко времени, символически замещает таинственную тьму, неизведанное, потенциально опасное пространство. Фразеологизм также восходит к древнейшим народным представлениям, связанным с запретами на к.-л. работу или деятельность в позднее время суток (например, нельзя выполнять хозяйственные работы: подметать, мыть пол и т. п.). Это представлено в современном фольклоре (в бытующих поверьях, приметах, былички). Фразеологизм отображает стереотипное представление об очень позднем и неподходящем для какой-либо деятельности времени.

Caracoler sur son cheval de bataille[1] (букв.: гарцевать на своем боевом коне, или на своей лошадке – в детском языке; сесть на своего конька) – оседлать своего любимого конька, сесть на своего любимого конька; излишне долго говорить, рассуждать на какую-либо излюбленную тему (говорится с неодобрением, с шутливым оттенком). **Лингвокультурный комментарий.** Выражение известно со времени Средневековья. В те времена «во Франции различали два вида верховых лошадей – *palefrois* и *destriers. Palefrois* назывались маленькие, но подвижные кони. Они служили исключительно для прогулок, охоты, выводились на парады и т. п. Боевые кони назывались *destrier* – крупные и выносливые лошади, способные вести на себе большие тяжести» [5, с. 69]. Такие лошади использовались только во время сражений и на турнирах. Всадник на такой лошади как бы любовался собой. Потом на значение фразеологизма оказало воздействие *caracoler sur son dada* (букв.: гарцевать на своей лошадке) – из детского языка. *Dada* (конек) метафорически понималось как *'увлечение, слабость, хобби'*. С этим значением все выражение было калькировано в русский язык – *сесть на своего любимого конька* (*оседлать своего любимого конька*). Во французском языке фразеологизм появился как калька с английского *it is his hobby horse* (букв.: это его любимая лошадка). Оборот был употреблен в романе «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, переведенном на французский язык. Аналогичное выражение известно в немецком как *ein Steckpferd reiten* (букв.: скакать на игрушечном коньке) – *'предаваться своему увлечению'* [4].

Возможно, упомянутый оборот связан с оборотом *оседлать Пегаса* – '*стать поэтом, начать писать стихи'*. В последнем выражении *Пегас* – крылатый конь из древнегреческой мифологии. От удара копыта Пегаса на горе Геликон возникли источники, вода которых вдохновляла поэтов, а Пегас позднее стал символом поэтического вдохновения. Образ фразеологизма, таким образом, связан с мифами, то есть текстами, соответствующими мифопоэтическому восприятию мира. В этом образе метафорически переплетаются антропная, или собственно человеческая, и зооморфная области культуры: процесс говорения, метонимически отождествляемый по смежности с физическими действиями человека (caracoler – гарцевать), одновременно включен и в зооморфную метафору (cheval, dada – лошадь, конек**)**, уподобляющую речевую способность человека лошади (коньку), который может скакать или лететь (как Пегас). Фразеологизм в целом выступает как стереотипное представление о потоке речи на излюбленную тему.

Se mordre la langue, тж. *mettre sa langue dans sa poche*, (букв.: прикусить себе язык; тж. положить свой язык в свой карман) – прикусить язык, промолчать. **Лингвокультурный комментарий.**

Фразеологизм калькирован в русский язык – *прикусить язык.* Образ восходит к анимистическому мировосприятию, для которого характерно одушевление объектов предметного мира и опредмечивание отвлеченных объектов. Образ фразеологизма соотносится с телесной областью культуры: langue (язык) человека, метонимически отождествляемый по смежности с речевой его способностью, в сочетании с глаголом *se mordre* (прикусить) одновременно включен в антропную, или собственно человеческую, область культуры, характеризующую физическое действие человека. В составе фразеологизма *langue* (язык) выполняет роль символа речевой способности, *se mordre* (прикусить) метафорически переосмысливается как прекратить (ср.: *avaler sa langue* – букв.: проглотить язык) – *'внезапно замолчать, потерять способность говорить'* (говорится с неодобрением). Имеется в виду, что к.-л. перестал говорить, отвечать на вопросы собеседника и т. п. по причине смущения, страха или нежелания проговориться.

Avoir la langue bien pendue (букв.: иметь язык хорошо подвешенный) – развита способность хорошо, красноречиво, гладко говорить. Имеется в виду, что лицо выражает свои мысли легко и свободно в любой ситуации. **Лингвокультурный комментарий.** Фразеологизм представляет собой метафору, которая уподобляет язык человека языку колокола: от того, как подвешен колокол, удачно или неудачно, зависит качество звона. В современном языковом сознании метафора, лежащая в основе фразеологизма, воспринимается на фоне мифологического восприятия мира, в котором *язык* метонимически (по смежности) осмысляется как речепроизводящая способность человека. Фразеологизм в целом выступает как стереотипное представление о хорошо, легко и красноречиво говорящем человеке.

Итак, в общем плане языковая и культурная действительность (лингвокультурный комментарий) фразеологизмов фокусируется на изучении в составе устойчивых оборотов ряда предметов окружающей языковой и культурной действительности, представленных ***безэквивалентной лексикой*** (лакунарная фразеология, не имеющая аналога в других языках – данные из истории (архаики), географии, лингвистики и т. п.), ***этнографическим компонентом*** (проявление культуры народа в составе фразеологизма – художественная литература, средства массовой информации, исторический опыт народа, библейская культура, фольклор, наименование предметов одежды и др.), ***метафорическим основанием*** (изучение образа фразеологизма – наименования человека или частей человеческого тела, наименования животных и других живых существ, растений, ландшафтных объектов природы и др.), ***фреймовой семантикой*** (буквальное прочтение фразеологизма в рамках культуры – соотнесение образа и заложенного в него значения с опорой на фоновые знания данной лингвокультуры) и ***языковой картиной мира*** (совокупность национального представления об окружающей действительности – мифология, обиходно-эмпирический опыт народа, архетипический пласт, наименование артефактов, религиозно-антропоморфные наименования, наименование предметов религиозного обихода и церковной утвари, наименование единиц времени и пространства).

Лингвокультурные смыслы (предметы) лежат в основе ряда отправных положений лингвокультурологического толкования фразеологизмов.

Библиографический список

1. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 37–298.

2. Добровольский, Д. О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизма [Текст] / Д. О. Добровольский // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского язяка. – М., 1988. – С. 87–98.

3. Мелерович, А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – С. 307.

4. Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 2001. – С. 823.

5. Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски [Текст] / А. Г. Назарян. – М., 1968. – 349 с.

6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] : монография / В. Н. Телия. – М., 1996. – С. 214–215.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Gumbol'dt, V. fon. O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva [Tekst] / V. fon Gumbol'dt // Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – M., 1984. – S. 37–298.

2. Dobrovol'skij, D. O. O vozmozhnosti modelirovanija vnutrennej formy frazeologizma [Tekst] / D. O. Dobrovol'skij // Leksikograficheskaja razrabotka frazeologizmov dlja slovarej razlichnyh tipov i dlja Mashinnogo fonda russkogo jazjaka. – M., 1988. – S. 87–98.

3. Melerovich, A. M., Mokienko V. M. Semanticheskaja struktura frazeologicheskih edinic sovremennogo russkogo jazyka [Tekst] / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2008. – C. 307.

4. Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. Frazeologizmy v russkoj rechi. Slovar' [Tekst] / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko. – M. : Rus-skie slovari, 2001. – C. 823.

5. Nazarjan, A. G. Pochemu tak govorjat po-francuzski [Tekst] / A. G. Nazarjan. – M., 1968. – 349 s.

6. Telija, V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Tekst] : monografija / V. N. Telija. – M., 1996. – S. 214–215.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.06.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

[1] Или sur son dada (ср. также: enfourcher son dada).

УДК 811.13

Л. Г. Викулова, Е. Г. Васильева

Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.)

В статье рассматривается ономастический аспект средневековой картины мира через анализ принципов именования королей династии Меровингов и династии Каролингов. Раскрывается этимология имен первых франкских королей. В работе подчеркивается идея о том, что имя, данное будущему престолонаследнику, призвано сохранить преемственность рода, обеспечить легитимацию власти. Кроме того, через имя собственное укрепляется персональная харизма короля.

Ключевые слова: ономастический аспект картины мира, имя собственное, институциональное лидерство, связь имени и права на престол, принципы наделения именем, сакрализация имени властителя.

L. G. Vikulova, E. G. Vasileva

The name choice as an instrument to reinforce the dynastic power in the Early Middle Ages (France, V-X cc.)

The article deals with the onomastic aspect of the medieval picture of the world through analyzing principles of naming the kings belonging to the Merovingian dynasty and the Carolingian dynasty. The authors reveal the etymology of the first Frankish kings' names. They highlight the idea that the name given to the future successor to the throne is destined to preserve the patrimonial continuity, to ensure the legitimacy of power. In addition, a proper name is intended to strengthen the ruler's personal charisma.

Keywords: onomastic aspect of the picture of the world, proper name, institutional leadership, connection between a name and the right to the throne, principles of naming, sacralization of the sovereign' name.

В рамках историографической традиции, характерной для средневековых обществ, история народа выступает, прежде всего, как история его политической элиты. Образы власти представляют собой специфический историко-культурный феномен. Среди данных образов большой интерес представляет образ короля и королевской власти, восходящий своими корнями к героической эпохе истории германских народов и являющийся одним из базовых образов средневековой политической культуры [9, с. 6–7]. Такое рассуждение в полной мере актуально и для франков, пришедших на территорию Галлии после падения Рима. От них начинается история создания франкского государства. В научной литературе этот период истории Франции и французского языка принято называть «германизацией». Первым франкским государством было государство Меровингов, затем, с VIII в., происходит смена династии. К власти приходят Каролинги (вначале именовавшиеся Пипинидами) [10, с. 48]. В центре внимания средневековых историков и историков языка находятся деяния правителей и лиц, наделенных властью, определяющих судьбу народа.

Образ власти, отраженный в антропонимической системе французских королевских династий, показывает, что институциональное лидерство уже первых франкских королей утверждалось через имя. Как отмечал М. М. Бахтин, «имя по сущности своей глубоко положительно, это – сама положительность, само утверждение (назвать – утвердить на веки вечные, закрепить в бытии навсегда, ему присуща тенденция к нестираемости, несмываемости <…>. Поэтому вокруг него сосредоточиваются все положительные, утверждающие, хвалебно-прославляющие формы языковой жизни. <…> Пока сохраняется имя (память), сохраняется (остается) в бытии именуемый, продолжает еще жить в нем» [1, с. 147].

В средневековой картине мира большое значение имеет *ономастический аспект*, поскольку имя выступало как знак, несущий базовую смысловую нагрузку. При этом имя собственное проявляло себя как свернутая вербально, но разверн-

© Викулова Л. Г., Васильева Е. Г., 2015

нутая концептуально важнейшая характеристика человека [14, с. 36].

Обратимся к Меровингам, первой династии франкских королей, которая восходит к салическим франкам, правившим в Галлии с конца V в. до середины VIII в. (481–751) на территориях будущих Франции и Бельгии. Название династии *Mérovingiens* восходит к имени *Mérovée* (*Merowig* или *Merovech*), которое якобы носил вождь салических франков, правивший примерно в 448–457 гг. Его имя имеет германское происхождение (*meerwig*) и означает «повелитель моря» (< *puissant sur mer*), поскольку, по легенде, был рожден женой Хлодиона от морского чудовища. Историки подвергают сомнению сам факт существования Меровея. Поскольку считалось, что династия франков происходит от одного из богов германского пантеона, то ее божественное происхождение давало членам данной семьи неоспоримое право на власть [19, p. 41]. В данном случае речь можно вести о потестарно-мифологическом образе Меровея, что лежит в основе мифологических представлений о божественном происхождении публичной власти [9, с. 13–14].

Проведенный анализ именослова королей династии Меровингов показывает, что имена носителей власти в основном имеют германское происхождение и являются *двуосновными*. Так, имя франкского короля Хариберта (*Caribert*) состоит из двух корней *hari* «армия» и *berht* «блестящий, известный», а имя короля Гонтрана (< *Gundchramn)* включает основы *gundi* «война» и *chramn* «ворон». По словам А. В. Суперанской, двуосновное имя – это слово с иным назначением по сравнению с исходным языковым материалом. Оно предназначено для именования людей и для прославления их посредством имени. Также в принципах имянаречения правителей прослеживается такая традиция древних германцев, согласно которой имена родителей и детей часто включали одинаковые основы, чем подтверждались их родственные отношения. Данная традиция определяется как «соименование» [12, с. 22–23].

Правление Меровингов окутано мифами и легендами. Считалось, что они были сведущими в оккультных науках и способными исцелять наложением рук. Подражая библейскому Самсону, они использовали *презентационные средства кодирования власти* как атрибут монарха – длинные, ниспадавшие до голеней волосы, в которых якобы заключалась их чудодейственная сила. Неслучайно Меровингов называли «длинноволосыми королями» (< лат. *reges criniti*). Короткие стрижки в Галлии носили слуги или рабы, они были знаком низкого социального статуса. Остричь Меровинга считалось тяжелейшим оскорблением, а на практике означало потерю прав на обладание властью. Примером может служить Хлодоальд (*Chlodovald*; ок. 520–560), представитель династии Меровингов, которому удалось спасти свою жизнь, отказавшись от претензий на власть, в знак чего он сам остриг свои длинные волосы [13, с. 157].

По словам отечественного историка-медиевиста и культуролога А. Я. Гуревича, в Средние века «имя не осознавалось в качестве внешнего знака лица, оно было неотъемлемой частью человека». Отмечается, что у населения Западной Европы в период раннего Средневековья наделение детей германскими именами со значениями «победитель», «воин» и т. п. предполагало передачу им соответствующих качеств. Сходное явление наблюдается у скандинавов, которые наделяли новорожденных именем *Тора*, бога справедливости и закона, и других языческих богов, тем самым устанавливая между этими богами и носителями их имен взаимные связи и покровительство [3, с. 299]. Анализ имен представителей династии Меровингов показывает, что мужские имена опирались на номинации, восходящие к германским корням *hlod* «слава» и *wig* «бой, битва», которые отражают воинские ценности. Исследуя проблему индивида и социума на средневековом Западе, А. Я. Гуревич отмечает, что для германцев *слава* стояла во главе всех ценностей и превыше самой жизни, что задавало образец высокоэтического поведения в контексте данного периода [4, с. 82]. Поскольку ключевым понятием культуры данного периода была *судьба* [Там же, с. 77], то закономерно, что франкские династии выбирали судьбоносные имена наследникам.

Один из самых ярких представителей династии Меровингов – *Хлодвиг I* (*Clovis I*^{ек}; ок. 465–511), король салических франков, первый франкский король, принявший христианство со своей дружиной в Реймсе в Рождество 496 г. Этимология его имени ведет начало от германского имени *Hlodowig*. С. В. Санников [9, с. 14] рассматривает образ Хлодвига как идеального правителя, который является носителем публичной власти в силу сакральной удачи короля франков в противостоянии с другими королями франков.

Имя сына короля *Хлотарь I* (*Clotaire I*^{er}; ок. 497–561) образовано по сходной схеме и восходит к германскому имени *Chlodhar*, состояще-

му из двух элементов – *chlod* или *hold* «слава» и *hari* «армия». Германский элемент *hlod* «слава» прослеживается в имени другого сына – *Хлодомира* **(***Clodomir*; ок.495–524). Его имя состоит из двух частей – *hlod* «слава» и *mari* «великий, известный».

Номинация старшего сына Хлотаря I, правившего Парижским королевством, *Хариберт* (*Caribert,* 561–567) основывается на двух корнях германского происхождения: *hari* «армия» и *berht* «блестящий, известный». Король франков, правивший Парижем (511–558), *Хильдеберт I* (*Childebert I*^{er}; ум. в 558 г.) носил имя, сформированное путем словосложения двух корней германского происхождения: *child* «бой, битва» и *berht* «блестящий, известный».

Как указывает французская исследовательница Беранжера Бьенфэ, германские завоеватели носили имена, имеющие воинственное или хвалебное значение. При этом отмечается, что если язык франков не смог укорениться на завоеванной ими Галлии, то имена собственные получили широкое распространение в обществе. Статусные родители часто выбирали прославленное имя сильного мира сего, имя святого, имя короля и т. д. [18, p. 11]. Наделение детей германскими именами со значениями «отважный» («*bald*»), «блестящий, известный» (*berht*) и т. д. предполагало в будущем наличие у наследника соответствующих качеств. При этом имена со значениями «армия» (*hari*), «война» (*gundi*), «бой, битва» (*child*), «слава» (*hlod*), «победа» (*sig*), «народ» (*theod*) и т. д. указывали на будущее предназначение сыновей короля – победно сражаться и защищать свою страну. Так создавалась фоновая семантика имени с *мелиоративным знаком*, где доминантными были семы, актуализирующие признаки мужества, героизма, храбрости. В данном случае актуальным представляется мнение С. В. Санникова [9, с. 15], что в таком контексте можно вести речь о мифологическом архетипе *героя*, не только подтверждающем свою харизму через прохождение определенных испытаний, но и наделенном потенциалом и интенцией к осуществлению публичной власти.

Вторая группа имен собственных в династии Меровингов имеет дескриптивную природу, связанную с концептом *героизм*, опирающимся на семы *мужество* и *победа*. Так, в номинации бастарда *Теодориха I* (*Thierry I*^{er} или *Théodoric*), правившего Австразией (511–ок. 534), находим германские элементы *peud* «народ» и *rik* «могущественный». Имя короля Австразии *Сигеберта I* (*Sigebert I*^{er}; 535–575) также состоит из двух корней германского происхождения: *sig* «победа» и *berht* «блестящий, известный».

Третья группа имен основана на использовании корня *theod* «народ» и мелиоративного эпитета, например, *berht* «блестящий, известный» или *bald* «отважный». В частности, такую номинацию видим в имени правителя Австразии *Теодоберта I* **(***Théodebert I*^{er}; 504–548) и в имени *Теодебальда* **(***Théodebald* или *Thibaud* – король Австразии; 548–553).

Фактически создавалась своего рода «порождающая модель», в терминологии А. Я. Гуревича [4, с. 89], согласно которой устанавливался канон (поведенческая модель) поведения будущих представителей высшего сословия, а самому объекту номинации имя «указывало» на его публичное социальное поведение.

Налицо сакрализация имени властителя, когда потенциал имени собственного основан на словах, «связанных с хорошим предзнаменованием» [8, с. 24], а также с «эвфемизацией действительности» [11, с. 7–10], когда первое слово – имя существительное, означающее победное действие, а второе слово – эпитет, отмечающий в носителе имени характерную, показательную для него черту. Отметим рассуждение А. Н. Веселовского в его работе 1989 г. «Из истории эпитета»: «За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, так как мы к нему привыкли, лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [2].

Принцип наследственной передачи имен или части имени, как указывает французский специалист по социальной антропологии Режина Ле Жан, установился в Галлии в IV–V вв. Если у римлян принцип наименования с помощью вариации элементов не имел широкого распространения, то в королевских семьях франков IV–V вв. он использовался часто. Имя из двух элементов основывалось на различных комбинациях, которых образовывали новые имена. Так, корни *chlod* и *wec* имени *Clovis, chrot* и *child* имени *Clotilde* обнаруживаются в именах *Clodomir, Clotaire, Childeric, Childebert* [22, p. 10–17]. Самыми распространенными корнями, составляющими имена королей династии Меровингов, являются *chlo* («*слава*») и *bert* («*блестящий, известный*»**).** См., например, нижеследующую таблицу.

Таблица 1.
Комбинации корневых элементов именослова франкских королей

CHLOD-	*Clo*vis, *Clo*domir, *Clo*taire
BERT-	Chlide*bert*, Théod*ébert*, Cari*bert*, Sige*bert*, Dago*bert*

Каждый ономастический элемент изначально имел точное значение, а имя, состоящее из двух частей, играло роль личного тотема. Р. Ле Жан цитирует средневекового историка Эрмоля Ле Нуара, который в IX в. писал о значении имени императора Людовика, подчеркивая, что имя, которое ему выбрали родители, предсказывало, что он будет выдающимся, могущественным своим оружием и набожностью. Названный *Hludowicus* (от лат. *ludus*), он настраивает своих подданных радоваться (*laudere*) его благодеяниям; или же, если интерпретировать с помощью франкского языка и пользоваться этой этимологией, *hluto* означает «выдающийся», а *wicgh* – эквивалент «Марса», – два элемента, образующих его имя [Там же, p. 194].

Принцип вариации элементов вместе с принципом их наследственной передачи прослеживается на примере первых четырех поколений Меровингов. Так, корни *chlod, mer* и *wech*, составлявшие имена *Хлодиона* (***Chlod****io*) и *Меровея* (***Mér****ovée*), реальных или предполагаемых предков *Хлодвига* (***Clo****vis*), мы находим в именах *Ingo****mer***, ***Clod****omir*, ***Cloth****aire*, в то время как *child* от *Childéric* входит в состав имен Lante***child*** и ***Childe***bert.

С VI в. устанавливается принцип полной передачи имени потомкам *по отцовской линии*, тогда как принцип номинации с помощью вариации элементов перестал использоваться. Так, дети *Сигеберта I* (Sigebert; 535–575), короля Меца (или Австразии), две его дочери и сын получили соответственно имена бабушки – *Ингонда* (*Ingonde*), тети – *Хлодосвинта* (*Chlodoswinde*) и двоюродного дедушки – *Хильдеберт* (*Childebert*).

Наделение детей именами предков было обусловлено памятью об ушедших, что было равноценно их соучастию в жизни социума: «Для средневекового человека память – это почти буквальное возрождение былого <…>, память являлась существеннейшим конституирующим элементом социальных коллективов» [14, с. 39]. Думается, что имянаречение было конституирующим элементом династической власти.

Новая система наделения именем соответствовала организации королевского родства вокруг наследования королевства именно по отцовской линии. Очень быстро сформировалась фундаментальная связь между именем и способностью к царствованию, а также четкая дифференциация среди родственников. Проводилась грань между законнорожденными и незаконнорожденными сыновьями, когда меровингское имя становилось гарантией законности, дающей наследственное право на престол. Даниэль, незаконнорожденный сын Хильдерика II, был отдан в монастырь в пятилетнем возрасте. Несколько лет спустя его вернули с тем, чтобы посадить на трон, и дали ему имя *Хильперик*. Этот эпизод из меровингской истории свидетельствует о могуществе имени и его связи с королевской властью. Помимо биологического родства, имя выражало признание сына отцом и устанавливало право на царствование.

Таким образом, имя имело большое значение во времена правления Меровингов. Точно неизвестно, было ли оно наделено тотемической силой, однако оно либо предрасполагало, либо нет к осуществлению власти; имя означало принадлежность к группе, как только оно выбиралось среди родственников. В любом случае, оно являлось носителем значения прошлого и будущего. Выбор имени был актом намеренным, обдуманным, который накладывал ответственность не только на того, кто его носил, но и на всю семью. Кроме того, имя легитимировало право на власть.

Имянаречение королей второй династии – *Каролингов* (*Carolingiens,* 751–987) также представляло собой систему, основанную на определенных принципах. Как указывают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, «одним из главных правил выбора имени в родовом мире, о какой бы конкретной культуре ни шла речь, – это наречение новорожденного в честь предка» [6, с. 136]. В системе именования Каролингов доминирует принцип буквального воспроизведения имени предка: чаще всего сыну передавалось имя отца или деда.

Название самой династии франкских королей Каролингов, правившей в Западной Европе с 750 г. по X в., восходит к имени *Карл*, которое на языке франков означало *сильный, мужественный* [17, p. 21]. Это имя носили ее первые представители – *Карл Мартелл* и его внук – *Карл Великий* (лат. *Carolus Magnus, Charlemagne*; 768–814). Фактический правитель Франкского государства с 715 г. при последних Меровингах, майордом из рода Каролингов Карл Мартелл (*Charles Martel*, лат. *Carolus Martellus*; ок. 688–741), получил прозвище *Martel* («молот») за военные успехи, бесстрашие и решительность в сражении с сарацинами при Пуатье в 732 г.

В системе именования Каролингов широко используется принцип патронимики: представители этой династии носят имена своих дедов или отцов. *Карл Великий* назван в честь своего деда Карла Мартелла. Имя *Charles* было дано внукам Карла Великого – Карлу II Лысому (*Charles le Chauve*, 823-877) и Карлу III Толстому (*Charles le Gros*, 839–888), а также правнуку Карла Великого – Карлу III Простоватому (*Charles III le Simple*, 898–922). Имя *Charles* рассматривается как ономастическое наследие династии Каролингов, но к X в. мода на наследование имени предков этого рода сходит на нет. На смену приходит имя *Louis*, отсылавшее к героическому предку Хлодвигу (*Clovis*) через форму *Hludovicus* [20, p. 222].

Героическое имя *Людовик* (*Louis*) было распространенным в Каролингской династии. Его носили семь наследников трона. Имя *Louis* имеет латинскую этимологию – *Ludhovicus, Lodhuvicus, Chlodovicus* – и ведет свое начало от германского имени *Hlodowig* (от *hlod* «слава» и *wig* «бой, битва»).

Любопытным является факт, что, начиная с династии Каролингов, к имени правителя стали добавлять прозвище. Французский исследователь Даниэль Апприу объясняет это тем, что таким образом с давних времен решалась проблема идентификации членов общества. Так, еще у римлян количество использовавшихся в обиходе имен было ограниченным, поэтому к имени нередко добавляли одно или несколько прозвищ, например *Caïus Superbus Maximus*. Отмечается такая особенность имянаречения, главным образом, среди верховных правителей, имя которых часто передавалось от отца к сыну. Таким образом, прозвище позволяло различать тезок, акцентируя особенности их характера или внешности [16, p. 17]. Интересен также тот факт, что прозвища имели короли почти всех европейских стран: Англии, Германии, Дании, Шотландии, Швеции и т. д. [7, с. 75].

Так, император *Карл I* или *Карл Великий* (*Charles I*^{er}, *Charlemagne*, *Charles le Grand* от латинского *Carolus Magnus*), получил мелиоративный эпитет *Grand*, отразивший его доминантные качества как мужчины-воина и мужчины-государя. Сакрализация харизматичного имени *Charlemagne* проявилась в том, что император, воспитанный на германской картине мира и культуре, стал центром притяжения эпической французской литературы к концу XI в. А начиная с XIII в., его поэтический образ отражен в европейских легендах и сказаниях, например, исландская *Karalamagnus Saga*, нидерландская *Karl et Elegast*, немецкая *Karl Mainet* [20, p. 260].

Как показывает генеалогическое древо французских королей [21], практически каждый король династии Каролингов вошел в историю с прозвищем. По способу образования их прозвища являются субстантивными или адъективными. С точки зрения семантики, они имеют как положительную, так и отрицательную коннотации. В основе наречения каролингских королей прозвищами лежат такие принципы, как обыгрывание негативных качеств внешности властелина (указание на физические и внешние особенности): *Карл Лысый* (*Charles* ***le Chauve***), *Карл Толстый* (*Charles* ***le Gros***). Оцениваются черты характера правящей личности – *Карл Простодушный* (*Charles* ***le Simple***) или его образ жизни, нехарактерный для франкской воинствующей элиты, например, *Людовик Благочестивый* (*Louis* ***le Pieux***). Как один из типов антропонимов они выполняют номинативную, идентифицирующую, эмоционально-экспрессивную функции.

Имена и прозвища королей династии Каролингов демонстрируют гетерогенную структуру образа монарха, в личности которого сливаются две его разные сущности: человека во плоти, подверженного болезням, эмоциям и т. д., и человека, наделенного властью и потому являвшегося лицом публичным, обладающим божественной природой, в конечном счете, снова связанной с его общественным предназначением [15, с. 26]. Другими словами, вслед за Э. Х. Канторовичем можно говорить о двух телах короля – физическом и публично-политическом [5].

Изучение выбора династических имен на примере двух династий Меровингов и Каролингов показывает, что имянаречение правителей происходило не хаотично, а было построено на системе определенных принципов. В целом, анализ имен французских королевских династий показал, что именослов полностью меняется в династии Каролингов, единственное исключение можно сделать для имени *Людовик*, которое является латинизированным преобразованием имени германского происхождения *Хлодвиг*.

В заключение отметим, что начиная с династии франкских королей Меровингов, имя играет важную роль в сохранении преемственности рода, в легитимации власти, через имя утверждалось институциональное лидерство. А имя собственное становится составляющей персональной харизмы короля.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Дополнения и изменения к Рабле [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 134–164.

2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика [Электронный ресурс] / А. Н. Веселовский. – М.. : Высшая школа, 1989. – Режим доступа: http://libru.org/russian_classic/veselovskiy_an/iz_istorii_epiteta.3392. – (Дата обращения: 27.07.2015).

3. Гуревич, А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе [Текст] / А. Я. Гуревич. – СПб. : Александрия, 2009. – 492 с.

4. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

5. Канторович, Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии [Текст] / Пер. с англ. ; Э. Х. Канторович. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. – 744 с.

6. Литвина, А. Ф. Варьирование родового имени на русской почве. Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей [Текст] / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов. Заметки по исторической семантике имени. – М. : Индрик, 2003. – С. 136–183.

7. Природина, У. П. Прозвище как средство именования человека в ономастическом пространстве (на примере шведского языка) [Текст] / У. П. Природина // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (37). – С. 74–78.

8. Проскурин, С. Г. К предыстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев [Текст] : материалы к курсу «Древнегерманская культура и письменность» / С. Г. Проскурин, А. С. Центнер. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2014. – 196 с.

9. Санников, С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой европейской историографии: монография [Текст] / С. В. Санников. – Новосибирск : НГТУ, 2009. – 216 с.

10. Скрелина, Л. М., Становая, Л. А. История французского языка [Текст] : учебник / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Высшая школа, 2001. – 463 с.

11. Степанов, Ю. С. Смысл, абсурд и эвфемизмы [Текст] / Ю. С. Степанов // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – 2003. – Т. 1. Вып. 1. – С. 7–10. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация)

12. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : АСТ, 1998. – 528 с.

13. Турский, Г. История франков [Текст] / Г. Турский. – М. : Центрполиграф, 2009. – 543 с.

14. Фомина, З. Е. Концепты «мужчина» и «женщина» в древнегерманской картине мира: монография [Текст] / З. Е. Фомина, В. И. Чечетка. – Воронеж : ВГПУ, 2009. – 192 с.

15. Хачатурян, Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века [Текст] / Н. А. Хачатурян ; [отв.ред. Л. П. Репина]. – М. : Наука, 2008. – 313 с.

16. Appriou, D. Des surnoms pour l'histoire. Du petit caporal à l'homme de fer [Text] / D. Appriou. – Paris : Le pré aux clercs, 2002. – 295 p.

17. Beaucarnot, J.-L. De César à Sarkozy. L'étonnante histoire des noms de pouvoir [Text] / J.-L. Beaucarnot. – Paris : Éditions J'ai lu, 2009. – 160 p.

18. Bienfait, B. Les noms de famille. Innovation ou adaptation du Moyen Âge [Text] / B. Bienfait // Généalogie Magazine. – 2009. – n° 297-298. – novembre–décembre. – P. 10–17.

19. Bordonov, G. CLOVIS et les Mérovingiens [Text] / G. Bordonov. – Paris : Pygmalion, 2009.– 320 p.

20. Dictionnaire du Moyen Âge [Text] /Sous la direction de C. Gauvard, A. de Ribera, M. Zink. – Paris : Quadrige : PUF, 2002 – 1548 p.

21. Généalogie de l'histoire de France [Electronic resource] / Режим доступа: http://roi-france.com/ – (Дата обращения: 27.07.2015).

22. Le Jan, R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale [Text] / R. Le Jan. – Paris : Publications de la Sorbonne, 1995. – 576 p.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Bahtin, M. M. Dopolnenija i izmenenija k Rable [Tekst] / M. M. Bahtin // Voprosy filosofii. – 1992. – № 1. – S. 134–164.

2. Veselovskij, A. N. Istoricheskaja pojetika [Jelektronnyj resurs] / A. N. Veselovskij. – M.. : Vysshaja shkola, 1989. – Rezhim dostupa: http://libru.org/russian_classic/veselovskiy_an/iz_istorii_epiteta.3392. – (Data obrashhenija: 27.07.2015).

3. Gurevich, A. Ja. Individ i socium na srednevekovom Zapade [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – SPb. : Aleksandrija, 2009. – 492 s.

4. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – 2-e izd., ispr., dop. – M. : Iskusstvo, 1984. – 350 s.

5. Kantorovich, Je. H. Dva tela korolja. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii

[Tekst] / Per. s angl. ; Je. H. Kantorovich. – M. : Izd-vo Instituta Gajdara, 2013. – 744 s.

6. Litvina, A. F. Var'irovanie rodovogo imeni na russkoj pochve. Ob odnom iz sposobov imjanarechenija v dinastii Rjurikovichej [Tekst] / A. F. Litvina, F. B. Uspenskij // Imenoslov. Zametki po istoricheskoj semantike imeni. – M. : Indrik, 2003. – S. 136–183.

7. Prirodina, U. P. Prozvishhe kak sredstvo imenovanija cheloveka v onomasticheskom prostranstve (na primere shvedskogo jazyka) [Tekst] / U. P. Prirodina // Gumanitarnye issledovanija. – 2011. – № 1 (37). – S. 74–78.

8. Proskurin, S. G. K predystorii pis'mennoj kul'tury: arhaicheskaja semiotika indoevropejcev [Tekst] : materialy k kursu «Drevnegermanskaja kul'tura i pis'mennost'» / S. G. Proskurin, A. S. Centner. – No-vosibirsk : RIC NGU, 2014. – 196 s.

9. Sannikov, S. V. Obrazy korolevskoj vlasti jepohi Velikogo pereselenija narodov v rannesrednevekovoj evropejskoj istoriografii: monografija [Tekst] / S. V. Sannikov. – Novosibirsk : NGTU, 2009. – 216 s.

10. Skrelina, L. M., Stanovaja, L. A. Is-torija francuzskogo jazyka [Tekst] : uchebnik / L. M. Skrelina, L. A. Stanovaja. – M. : Vysshaja shkola, 2001. – 463 s.

11. Stepanov, Ju. S. Smysl, absurd i jevfemizmy [Tekst] / Ju. S. Stepanov // Vestnik Novosib. gos. un-ta. – 2003. – T. 1. Vyp. 1. – S. 7–10. – (Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija)

12. Superanskaja, A. V. Slovar' russkih lichnyh imen [Tekst] / A. V. Superanskaja. – M. : AST, 1998. – 528 s.

13. Turskij, G. Istorija frankov [Tekst] / G. Turskij. – M. : Centrpoligraf, 2009. – 543 s.

14. Fomina, Z. E. Koncepty «muzhchina» i «zhenshhina» v drevnegermanskoj kartine mira: monografija [Tekst] / Z. E. Fomina, V. I. Chechetka. – Voronezh : VGPU, 2009. – 192 s.

15. Hachaturjan, N. A. Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka [Tekst] / N. A. Hachaturjan ; [otv.red. L. P. Repina]. – M. : Nauka, 2008. – 313 s.

16. Appriou, D. Des surnoms pour l'histoire. Du petit caporal à l'homme de fer [Text] / D. Appriou. – Paris : Le pré aux clercs, 2002. – 295 p.

17. Beaucarnot, J.-L. De César à Sarkozy. L'étonnante histoire des noms de pouvoir [Text] / J.-L. Beaucarnot. – Paris : Éditions J'ai lu, 2009. – 160 p.

18. Bienfait, B. Les noms de famille. Innovation ou adaptation du Moyen Âge [Text] / B. Bienfait // Généalogie Magazine. – 2009. – n° 297-298. – novembre–décembre. – P. 10–17.

19. Bordonov, G. CLOVIS et les Mérovingiens [Text] / G. Bordonov. – Paris : Pygmalion, 2009.– 320 p.

20. Dictionnaire du Moyen Âge [Text] /Sous la direction de C. Gauvard, A. de Ribera, M. Zink. – Paris : Quadrige : PUF, 2002 – 1548 p.

21. Généalogie de l'histoire de France [Electronic resource] / Rezhim dostupa: http://roi-france.com/. – (Data obrashhenija: 27.07.2015).

22. Le Jan, R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale [Text] / R. Le Jan. – Paris : Publications de la Sorbonne, 1995. – 576 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.07.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81-2

Г. М. Вишневская, О. А. Загороднова

Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи

Данная статья посвящена компаративному анализу особенностей функционирования дискурсивных маркеров в научном и разговорном стилях речи. Цель исследования – выявить специфику использования данных единиц метаязыкового уровня в зависимости от сферы общения. В статье анализируются примеры дистрибуции дискурсивных маркеров в научно-филологических текстах и повседневной коммуникации, дается интерпретация функционирования конкретных видов дискурсивных маркеров и объясняются различия выполняемых ими функций.

Ключевые слова: метаязык, формальные и функциональные характеристики дискурсивных маркеров, классификация дискурсивных маркеров, научный стиль, разговорный стиль.

G. M. Vishnevskaya, O. A. Zagorodnova

Metalinguistic features of discourse markers in different speech styles

This article is concerned with the comparative analysis of discourse markers and their functions in scientific and conversational styles of speech. The research aims at defining the distinguishing features of these metalinguistic elements, depending on the sphere of communication. The article focuses upon the distribution of discourse markers in scientific philological texts and everyday speech style. The research also concentrates on the interpretation of functional characteristics of certain discourse markers as well as the explanation of their functional differences.

Keywords: metalanguage, discourse markers, formal and functional characteristics of discourse markers, classification of discourse markers, scientific style, conversational style.

В процессе создания текста особое значение приобретает не только отбор соответствующих коммуникативному заданию смысловых элементов, но и способы их оформления. На практике данную функцию реализуют особые языковые единицы, называемые ***дискурсивными маркерами*** [9, с. 172–185].

Дискурсивные маркеры выполняют в тексте роль индивидуальных авторских вкраплений, которые не только обусловливают его своеобразие, но и служат структурными и смысловыми коннекторами [6, с. 289]. Это «…слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки)» [5, с. 3]. Таким образом, дискурсивные маркеры являются элементами метаязыка, то есть формально они входят в структуру текста, но по факту содержат информацию о нем как о языковом единстве.

Характерными чертами дискурсивных маркеров, выделяющими их среди других языковых единиц, принято считать **факультативность** (необязательное использование), **многокатегориальность** (отсутствие четко оформленной синтаксической категории) [16, p. 108–109], **десемантизацию** (утрату пропозиционального значения) [15, p. 341] и **рекуррентность** (высокую частотность в речи) [2, с. 20].

Функциональная специфика дискурсивных маркеров позволяет говорить о них как об особой группе лексических единиц, не входящих в традиционную систему частей речи. Дискурсивные маркеры выступают в качестве функциональных элементов управления дискурсом, создающих в глобальном текстовом отношении его связность. Они также выполняют *дейктическую, указательную, интерактивную* и *экспрессивную функции* [14, p. 123–125].

Тот факт, что дискурсивные маркеры не образуют самостоятельного класса языковых единиц, в значительной степени затрудняет их классификацию. Тем не менее, Б. Фрейзер предлагает типологию, которая составляет теоретическую основу данного исследования [10, p. 167–190]:

1) базовые маркеры, указывающие на характер основного сообщения:

- тип речевого акта
- перформативы;

© Вишневская Г. М., Загороднова О. А., 2015

- «прагматические идиомы»

2) комментирующие маркеры, предлагающие к основному сообщению некоторые комментарии:

- оценка
- «эвиденциальные» маркеры
- источник информации
- смягчение

3) параллельные маркеры, дополняющие основное сообщение:

- вокативы/обращения
- маркеры солидарности
- маркеры недовольства

4) дискурсивные маркеры, указывающие на связь основного сообщения с контекстным окружением:

- маркеры смены темы
- контрастивные маркеры
- уточняющие маркеры
- маркеры вывода.

Различная степень употребимости дискурсивных маркеров в зависимости от принадлежности рассматриваемого текста к тому или иному стилю речи обусловливает необходимость проведения отдельного исследования, затрагивающего особенности функционирования дискурсивных маркеров в сфере узкоспециальной коммуникации, например, научной, где употребление вышеозначенных дискурсивных маркеров детерминируется не только строго заданной коммуникативной ситуацией, но также и авторскими преференциями. В связи с этим рассмотрим степень проявления метаязыковых свойств дискурсивных маркеров на материале текстов научного и разговорного стиля.

Вне зависимости от дальнейшей дифференциации научный стиль характеризуется такими универсальными чертами, как целостность, связность, информативность, интертекстуальность, интенциональность и модальность [3, с. 45–47], а также высокой степенью формализованности, аналитичности и доказательности [4, с. 231–233].

В лексическом плане характерной чертой научных текстов является строгий отбор языковых средств. Многие лингвисты отмечают, что язык науки «сухой», лишенный элементов эмоциональности и образности. Строгостью, внутренней связностью и упорядоченностью характеризуется также научный синтаксис [7, с. 22–23].

В данной связи особый интерес представляют особенности функционирования дискурсивных маркеров в научных текстах, так как они не только упорядочивают структуру, но и служат некими аттракторами, носителями авторской оценки, выражение которой в научной сфере долгое время считалось недопустимым. Рассмотрим несколько примеров употребления дискурсивных маркеров в научно-филологическом тексте на материале письменных работ известных зарубежных лингвистов.

(I) «***In particular**, I did not sense any further use of national idioms. **Indeed**, the speakers seemed to be going out of their way to avoid them» (Crystal, 1998, 1).*

Как видно из примера, уточняющие маркеры могут быть использованы последовательно с целью показать параллелизм синтаксических конструкций (анафора) и подчеркнуть информацию, заложенную в этих двух предложениях.

(II) «***However**, positive approaches are often not easy to implement» (Crystal, 1998, 8).*

*«**By contrast**, O'Connor and Arnold maintain that a low rise is: by far the most common way of asking Yes/No questions» (Hirst, 1998, 59).*

Контрастивные маркеры имеют особую значимость для научных текстов, поскольку позволяют сопоставлять те или иные факты и тем самым подтверждать или опровергать их истинность.

(III) «*There was one nice moment, **I recall**, when the US and UK delegates were all reduced to incoherence» (Crystal, 1998, 2).*

Перформатив используется автором для инициирования дальнейшего повествования. Подобная вставка придает высказыванию менее официальный оттенок и сокращает эмоциональную дистанцию между коммуникантами, благодаря чему читатель ощущает себя причастным к опыту автора.

(IV) «***Interestingly**, the same pattern can occur on a single word» (Hirst, 1998, 69).*

*«**Unfortunately**, studies of these regional characteristics are few» (Hirst, 1998, 62).*

Научный текст не исключает использования оценочных маркеров, которые выражают авторское отношение к проблеме и делают текст более привлекательным для потенциального читателя.

(V) «***According to** Arnold the sliding head is found before a falling-rising nucleus» (Hirst, 1998, 74).*

*«**I shall return to** "sliding" heads in a discussion of intonation patterns» (Hirst, 1998, 71).*

Маркеры смены темы и маркеры, указывающие на источник информации, являются наиболее характерными для текстов научной направленности, поскольку позволяют сослаться на уже существу-

ющие научные труды, а также организовать текст на смысловом и синтаксическом уровнях.

Анализ корпуса исследования показывает, что дискурсивные маркеры в научном стиле речи выступают носителями авторской интенции, выражают его оценку и связывают отдельные утверждения в целый текст, однако организующая функция является примарной. Если рассматривать частотность употребления дискурсивных маркеров того или иного типа, то данные настоящего исследования свидетельствуют о том, что в научно-филологических текстах уточняющие и контрастивные маркеры применяются чаще всего (58 %), тогда как оценочные маркеры (17 %), маркеры смены темы (12 %) и маркеры, указывающие на источник информации (5 %), используются авторами факультативно.

Разговорный стиль выделяется лингвистами в отдельную группу и противопоставляется книжным стилям (в том числе научному), поскольку он обслуживает сферу повседневной жизни и единственный выполняет функцию общения. Среди его главных отличительных черт стоит назвать спонтанность, неофициальность и диалогичность [8, с. 10–17].

Важно отметить, что разговорный стиль допускает употребление всех видов лексики: обиходно-бытовых и эмоционально-экспрессивных слов, фразеологии и разных разрядов вводных конструкций. Часто в повседневной речи встречаются десемантизированные слова, элементы просторечия, арго и сленга, придающие звучащей речи оттенок фамильярности и грубости. Разговорный синтаксис обладает большим своеобразием. В целом ему свойственна некоторая размытость грамматических структур и нарушение норм сочетаемости, обязательных для других книжных стилей [1, с. 45–52].

(I) «*Hey, **bro**! Do you have a minute?»*

*«You can't come out the same way, **dawg**. You got to do your thing».*

*«That was the best thing I've ever seen in my life! **Dude**! When you rode that wave? And I was standing on the beach, **going like**, **whoa**?» (www.tumblr.com).*

В данных примерах дискурсивные маркеры выступают не столько в качестве неформальных обращений, сколько в роли социальных идентификаторов, отражающих принадлежность говорящего к тому или иному классу. Так, языковые единицы *bro, dawg* и *dude* используются для реализации оппозиции «свой–чужой», что передается интонационно и орфографически. Подобная маркированность речи свойственна молодежной коммуникации и нацелена, прежде всего, на выражение солидарности и повышение эмоционального фона высказывания. Помимо этого, говорящий прибегает к помощи междометия и вводной конструкции для усиления экспрессивности.

(II) «***Look,** Chantelle, I am not ready for this».*

*«Anyone who knows me knows that I have a fear of being poor. **I mean**, seriously, I have a phobia of poverty» (www.tumblr.com).*

В первом случае дискурсивный маркер используется для индикации начала реплики и привлечения внимания собеседника к ее содержанию. Сжатая конструкция предложения и его неровная ритмика придают высказыванию защитный характер и показывают, что говорящий твердо стоит на своей позиции. Во втором примере говорящий при помощи уточняющего маркера дополняет свое предыдущее высказывание новыми аргументами.

(III) «*It makes me feel good, rather than, **you know**, feeling pressured and worried» (www.facebook.com).*

В разговорной речи маркер солидарности нацелен на удержание внимания собеседника и установление с ним некой общности взглядов, которая позволит не просто представить ему какую-либо идею, а создать родственную атмосферу и обратиться к совместному прошлому опыту.

(IV) «***Well**, write out what you want, Artie. I'll say it».*

*«**Ummm**..... he does usually, I'm **kinda** shy when it comes to him».*

*«And **I was like**, 'What's this man doing?'» (www.twitter.com).*

Неформальная коммуникация, как правило, носит спонтанный характер и не оставляет ее участникам времени для продумывания каждого отдельного высказывания. В данной связи для заполнения образующихся в речи пауз говорящий использует маркеры солидарности и смягчения, которые позволяют избежать молчания и категоричных заключений.

Разговорная речь характеризуются наиболее частым использованием дискурсивных маркеров; иными словами, устной коммуникации свойственно большое количество метаязыковых вставок, которые утратили собственно пропозициональное значение, однако сохранили функции коммуникативных ориентиров. Так, в разговорном стиле речи дискурсивные маркеры, по нашим данным, выражают отношение говорящего к теме высказывания (27 %), указывают на его

социальный статус (5 %), заполняют возникающие паузы (13 %), выражают солидарность (18 %) и акцентируют внимание собеседника на каком-либо смысловом фрагменте (24 %). Несмотря на то, что дистрибуция дискурсивных единиц в рамках повседневного общения отличается большим разнообразием, чем в научной сфере, все случаи использования метаязыковых элементов обусловлены их примативно эмоциональной функцией.

Подводя итог, следует отметить, что дискурсивные маркеры являются важнейшими элементами коммуникации, поскольку выступают регуляторами речевого потока и коннекторами синтаксических конструкций, а также служат средствами выражения субъективного отношения к сообщаемой информации. Таким образом, дискурсивные маркеры выступают одновременно и структурными организаторами текста, и репрезентантами сугубо авторской интенции, причем особенности их отбора и функционирования определяются ситуацией общения, а следовательно, и стилем речи.

Библиографический список

1. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. [Текст] / О. В. Александрова. – М. : Высшая школа, 1984. – 212 с.

2. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) [Текст] : автореф. дис. … д-ра фил. наук: 10.02.04 / Р. И. Бабаева. – Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 42 с.

3. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты [Текст] : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

5. Кибрик, А. А. Лекция «Дискурсивные маркеры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14discoursemarkers.pps. – (Дата обращения: 21.09.2015).

6. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) [Текст] / А. Е. Кибрик. – М. : МГУ, 1992. – 336 с.

7. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика [Текст] / Д. Э. Розенталь. – М. : ОНИКС 21 век ; Мир и образование, 2001. – 381 с.

8. Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст] / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 142 с.

9. Юдина, Т. В. Дискурсивное пространство политической речи [Текст] / Т. В. Юдина // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб. : СПбГПУ, 2004. – 362 с.

10. Corpus of Contemporary American English. 1990–2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://corpus.byu.edu/coca. – (Дата обращения: 21.09.2015).

11. Crystal D. The future of English: where unity and diversity meet (transcript). – Режим доступа: http://m.davidcrystal.com/DC_articles/English37.pdf. – (Дата обращения: 26.01.2015).

12. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 931–952.

13. Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages / Ed. by Hirst C., De Cristo A.:, Cambridge: Cambridge University Press, 1998, p. 487.

14. Matei M. Discourse markers as functional // Bulletin of the Transylvanian University of Brasov. – 2010. – Vol. 3, №52. – P. 119–126.

15. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction, Mouton De Gruyter, 1991, p. 502

16. Zarei F. Discourse markers in English // International Research Journal of Applied and Basic Sciences. – 2013. – Vol. 4, №1. – P. 107–117.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Aleksandrova, O. V. Problemy jekspressivnogo sintaksisa. [Tekst] / O. V. Aleksandrova. – M. : Vysshaja shkola, 1984. – 212 s.

2. Babaeva, R. I. Neznamenatel'naja leksika v nemeckom obihodnom diskurse (pragmaticheskij aspekt) [Tekst] : avtoref. dis. … d-ra fil. nauk: 10.02.04 / R. I. Babaeva. – Mosk. ped. gos. un-t. – M., 2008. – 42 s.

3. Grigor'eva, V. S. Diskurs kak jelement kommunikativnogo processa: pragmalingvisticheskij i kognitivnyj aspekty [Tekst] : monografija / V. S. Grigor'eva. – Tambov : Izd-vo Tamb. gos. tehn. un-ta, 2007. – 288 s.

4. Karasik, V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.

5. Kibrik, A. A. Lekcija «Diskursivnye markery» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14discoursemarkers.pps. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

6. Kibrik, A. E. Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v jazyke) [Tekst] / A. E. Kibrik. – M. : MGU, 1992. – 336 s.

7. Rozental', D. Je. Spravochnik po russkomu jazyku. Prakticheskaja stilistika [Tekst] / D. Je. Rozental'. – M. : ONIKS 21 vek ; Mir i obrazovanie, 2001. – 381 s.

8. Sirotinina, O. B. Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti [Tekst] / O. B. Sirotinina. – M. : Prosveshhenie, 1974. – 142 s.

9. Judina, T. V. Diskursivnoe prostranstvo politicheskoj rechi [Tekst] / T. V. Judina // Aktual'nye problemy teorii kommunikacii. – SPb. : SPbGPU, 2004. – 362 c.

10. Corpus of Contemporary American Eng-lish. 1990–2012 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://corpus.byu.edu/coca. – (Data obrashhenija: 26.01.2015).

11. Crystal D. The future of English: where unity and diversity meet (transcript). – Rezhim dostupa: http://m.davidcrystal.com/DC_articles/English37.pdf. – (Data obrashhenija: 26.01.2015).

12. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 931–952.

13. Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages / Ed. by Hirst S., De Cristo A.:, Cambridge: Cambridge University Press, 1998, p. 487.

14. Matei M. Discourse markers as functional // Bulletin of the Transylvanian University of Brasov. – 2010. – Vol. 3, №52. – P. 119–126.

15. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction, Mouton De Gruyter, 1991, p. 502

16. Zarei F. Discourse markers in English // International Research Journal of Applied and Basic Sciences. – 2013. – Vol. 4, №1. – P. 107–117.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 800.862:802.024

А. А. Емельянов

Особенности образования и функционирования английского рифмующегося сленга

Данная работа посвящена исследованию уникального лингвистического явления современного английского языка – английскому рифмующемуся сленгу. В работе выявляются основные сферы функционирования рифмованных выражений, раскрываются характерные особенности образования единиц РС, а также затрагивается типичная для рифмующегося сленга проблема полисемии, и на примерах прослеживаются особенности ее реализации. Материалом к написанию работы послужили 350 единиц РС, полученных в ходе лексикографического отбора из печатных и электронных словарей британского и американского сленга.

Ключевые слова: современный английский язык, английский рифмующийся сленг, особенности образования и функционирования.

A. A. Emelianov

Peculiarities of English rhyming terms: formation and functioning

This work is devoted to researching a unique linguistic phenomenon of contemporary English – English rhyming terms. The research shows the main spheres of rhyming expressions functioning, reveals peculiarities of rhyming terms formation, and touches upon the issue of polysemy, typical for the rhyming terms, and the given examples demonstrate its realization. The material of the research contains 350 units of rhyming terms received during lexicographic selection from printed and electronic dictionaries of British and American slang.

Keywords: contemporary English, English rhyming terms, formation and functioning peculiarities.

Последние десятилетия характеризуются бурным развитием нового направления в языкознании – социолингвистики [6]. Феномен языковой репрезентативности, как известно, связан с интерпретацией языка как социального явления [1]. Одним из таких ярких явлений в современном английском языке следует признать английский ***рифмующийся сленг***, в англистике именуемый «*rhyming terms*» или «*slang that rhymes*» [3].

В «классическом» определении сленга, приведенном отечественным социолингвистом В. А. Хомяковым, отмечается, что одним из компонентов сленга являются некоторые близкие к кэнту речевые образования (рифмованный сленг и др.) [7]. Тем самым В. А. Хомяков относит рифмованный и рифмующийся сленг к близким к кэнту речевым образованиям, среди которых, на наш взгляд, следует различать рифмованные образования с *внешней* и *внутренней* рифмой [3].

Разграничение ***сленга рифмованного*** («*rhyming slang*», *внешняя* рифма) и ***рифмующегося*** (*внутренняя* рифма) во избежание их мнимой терминологической синонимии было впервые предложено в 1960 г. американскими лексикографами С. Б. Флекснером и Дж. Франклином [9; 10] и в 1984 году – отечественными учеными В. А. Хомяковым и В. П. Коровушкиным. Под термином «***рифмующийся сленг***» (далее – РС) эти ученые понимают рифмующиеся структуры типа *drape shape* (сексапильная девушка), *hash and trash* (фоновые помехи), *hush-hush* (секретный), *cobber-dobber* (предатель) и др., то есть образования с *внутренней* рифмой, определенный тип которых может быть признан редупликатами с участием звукоподражания и аллитерации [8].

Цель данной работы – выявить основные сферы функционирования рифмованных выражений, раскрыть характерные особенности образования единиц РС, а также затронуть типичную для рифмующегося сленга проблему полисемии и проследить на примерах особенности ее реализации.

Материалом к написанию работы послужили 350 единиц РС, полученных в ходе лексикографического отбора из печатных и электронных словарей британского и американского сленга [4; 5; 9–13]. Здесь хотелось бы отметить, что специальных справочников, содержащих исключительно единицы РС, на данный момент пока не существует. Одна из причин отсутствия подобных справочников видится, прежде всего, в том,

© Емельянов А. А., 2015

что социолингвистическая вариативность таких языковых единиц изучена недостаточно [1]. Как правило, рифмующиеся единицы входят в корпус словарей общего сленга, тем самым открывая перспективу создания словаря рифмующегося сленга.

В ходе лексикографического анализа нами были выделены пять наиболее часто встречающихся сфер человеческого бытия:

- ***наркотики***: *ju-ju* (марихуана), *ken-ten* (прибор для приготовления опиума), *kick freak* (периодическое использование наркотиков), *tragic-magic* (героин);
- ***совокупление***: *bouncy-bouncy*, *gang-bang*, *mifky-pifky*, *wham-bam-thank-you-ma'am* (совокупление);
- ***полиция***: *blue flue* (полиция), *county-mounty* (полиция), *hick dick* (полицейский);
- ***алкоголь***: *boozy-woozy*; *screwed, blued and tattooed*; *skunk-drunk* (~пьяный);
- ***армия***: *goon-platoon* (военный), *gruesome twosome* (армейские ботинки), *huff-duff* (коротковолновый приемник).

Рассмотрим структурно-семантические особенности однозначных выражений РС в зависимости от словоформ, которые они замещают. Эти словоформы принадлежат либо литературной речи, либо просторечию. Таким образом, все однозначные выражения РС распадаются на два основных класса:

I – выражения РС, являющиеся лексическими дублетами литературных словоформ;

II – выражения РС, являющиеся лексическими дублетами просторечных словоформ (то есть сленгизмов, кэнтизмов, жаргонизмов и вульгаризмов).

Если выражения первого класса соотносятся с литературными словоформами непосредственно, то выражения второго класса – опосредованно и как бы закодированы дважды, так как они замещают словоформы в просторечии, которые, в свою очередь, выступают лексическими дублетами литературных словоформ [8].

Примеры ***непосредственной связи***, при которой один из элементов рифмующегося выражения маркирует денотат: *culture-vulture* (искусство ради финансовой выгоды), *funny-money* (заменитель денег), *near-beer* (безалкогольное пиво), *skunk-drunk* (пьяный).

Примеры ***опосредованной связи***, при которой все элементы, входящие в состав рифмующегося выражения, являются вторичными номинатами: *boozy-woozy* (пьяный), *fuddy-duddy* (старомодный), *low-blow* (несправедливый), *legal-beagle* (юрист) [2].

В каждом классе все выражения РС можно свести к *трем моделям*. К **первой модели** относятся выражения РС, у которых конечное слово полностью совпадает с первым, – это ***орфографически и фонетически идентичные*** пары: *chin-chin* (болтовня, сплетни), *blah-blah* (бессмысленная болтовня), *boo-boo* (доллар; рана), *pooh-pooh* (смешной).

Ко **второй модели** относятся выражения РС, у которых конечный элемент совпадает в произношении (рифмуется) и написании с первым словом (могут различаться лишь начальные согласные), – это ***орфографически и фонетически мотивированные*** пары: *bow-wow* (собака; авторитетная личность), *county-mounty* (полиция), *hotsy-totsy* (великолепно), *rusty-dusty* (ягодицы).

К **третьей модели** относятся выражения РС, в которых конечное слово рифмуется с первым при различном их написании, – это ***фонетически мотивированные*** пары: *date-bait* (красивая девушка), *Delhi belly* (диарея), *frigid midget* (фригидная женщина), *gruesome twosome* (любовники; армейские ботинки) [2].

Заслуживающими внимания также являются две синтаксические тенденции образования единиц РС: тенденция ***синтаксического стяжения*** и тенденция ***синтаксического расширения***. К **первой** относятся однословные образования РС: *mudbud* (марихуана), *suckabuck* (жадность), *hotshot* (великолепный; важный), *birdturd* (раздражение).

Вторая тенденция представлена выражениями РС, имеющими в своем составе как двухсловные модели, являющиеся наиболее распространенными, так и целые фразы и даже предложения: *party-hearty* (вечеринка), *drop a bop* (наркотики), *son of a gun* (друг; негативная реакция), *see you later, alligator!* (до скорого!), *ants in the pants* (сексуальное возбуждение), *screwed, blued and tattooed* (пьяный), *I think I'm just an itty-bitty boozy-woozy!* (я думаю, что я немного пьян).

Образование единиц РС отмечено следующими тенденциями написания:

- ***слитное*** (однословные выражения): *bow-wow* (собака; авторитетная личность), *deadhead* (музыка; глупый), *flubdub* (бессмыслица);
- ***дефисное*** (двухсловные выражения): *finger-wringer* (переигрывающий актер / актриса), *culture-vulture* (искусство ради финансовой выгоды), *frame-dame* (красивая, но глупая девушка);

- ***раздельное*** (двух- и многословные выражения): *drape shape* (сексапильная девушка), *drop a bop* (наркотики), high muck-a-muck (важный человек; глупец), *wham-bam-thank-you-ma'am* (совокупление).

Нередки случаи, когда рифмованное образование имеет все три вышеназванные тенденции написания: *Flubdub, flub-dub, flub the dub* (провал); *hifi, hi-fi, hi fi* (высокое качество звука).

Заслуживающим внимания также является тенденция экспрессивного словообразования при помощи пейоративной фонестемы (термин В. А. Хомякова), которая присоединяет к слову экспрессивный компонент, не функционирующий в языке как слово: *actor-schmactor* (плохой актер), *picture-schmicture* (плохая картина), *Joe Schmo* (глупый).

С позиции морфологии мы выделили следующие наиболее распространенные пары:

1) Существительное + существительное:

Ants in the pants (сексуальное возбуждение), *bitch with an itch* (распутная женщина), *mumps with the bumps* (девушка, носящая облегающую одежду), *hanker for an anchor* (иметь постоянную женщину), *thriller-diller* (возбужденное состояние);

2) Прилагательное + существительное:

big-league (знаменитый), *tame-dame* (фригидная женщина), *tragic-magic* (героин), *loose as a goose* (похотливый мужчина), *funny-money* (фальшивые деньги);

3) Прилагательное + прилагательное:

arsy-varsy (шиворот-навыворот), *boozy-woozy* (пьяный), *itty-bitty* (чуть-чуть), *skirty-flirty* (похотливый мужчина), *rusty-dusty* (ягодицы);

4) Глагол + существительное:

fuck a duck! (выражение удивления), *pitch a bitch* («стучать» на кого-то), *suck a buck* (жадный, алчный);

5) Причастие II + существительное:

born with a horn (похотливый мужчина), *dead-head* (глупый), *screwed, blued and tattooed* (пьяный; пропащий), *skunk-drunk* (сильно пьяный).

В ходе работы мы выявили следующее процентное соотношение по частотности образования вышеупомянутых пар (см. **Таблицу 1**) из общего количества анализируемого материала – 350 единиц РС.

Таблица 1.

Процентное соотношение морфологических пар по частотности образования

Морфологическая пара	Процентное соотношение
Существительное +существительное	40 %
Прилагательное + существительное	15 %
Прилагательное + прилагательное	10 %
Глагол + существительное	6 %
Причастие II + существительное	4 %
Звукоподражательные редупликаты	25 %

Заслуживающим внимания также является использование в РС ***звукоподражательных редупликатов (***термин В. А. Хомякова и В. П. Коровушкина), которые, являясь по сути лишь звуковой формой, все же несут определенную семантическую нагрузку; на наш взгляд, данные единицы создают впечатление некоторой инфантильности или «детскости» высказывания. Примечательно, что по частотности образования они занимают второе место после морфологической пары «существительное + существительное» (см. **Таблицу 1**): *la-la* (опрятный), *ju-ju* (марихуана), *coo-coo* (сумасшедший), *ga-ga* (безумный), *foo-foo* (глупый), *gee-gee* (старая лошадь), *ta-ta!* (восклицание при уходе).

Говоря о явлении полисемии, достаточно часто встречающемся в рифмующемся сленге, следует отметить, что наряду с единицами РС, имеющими одно общепринятое значение, например, *beddie-weddie* (кровать), *ding-a-ling* (глупый), существует ряд рифмованных выражений, состав которых насчитывает от двух до пяти значений, которые в одних случаях могут быть синонимичны, как в примерах *bang-bang* (пулемет, любое оружие), *buddy-buddy* (близкий друг, дружелюбный человек), *rum-dum* (пьяница, пьяный), в других же случаях – совершенно различными. В данной ситуации это будет зависеть от того, в обиходе каких социальных слоев используются рифмующиеся единицы. Примерами здесь могут послужить следующие выражения: *queer-beer* (алкоголь; гомосексуалист; странный), *boogie-woogie* (вторичный сифилис; джаз в быстром блюзовом стиле, джазовый танец), *bow-wow* (собака; колбаса; авторитетная личность; пулемет; красивый).

Хотелось бы отметить, что данная разновидность сленга современного английского языка, являясь неотъемлемой частью живой разговорной речи, характеризуется ярким проявлением

богатства фантазии говорящего и окрашивает его речь элементами оригинальности и новизны.

Библиографический список

1. Аржаных, Т. Ф., Смирнова А. Н. Феномен языковой репрезентативности в гуманитарном знании: концептуальные подходы и методологические принципы [Текст] / Т. Ф. Аржаных, А. Н. Смирнова // Современные проблемы и перспективы развития гуманитарных, технических, общественных, естественных наук и промышленной безопасности. 16–17 октября 2014 года, г. Санкт-Петербург. – СПб. : КультИнформ-Пресс, 2014. – С. 18.

2. Емельянов, А. А. Английский рифмованный сленг: теоретико-экспериментальное исследование [Текст] : автореф. дисс. …канд. филол. наук / А. А. Емельянов. – Иваново: ГОУ ВПО «ИвГУ», 2006. – 16 с.

3. Коровушкин В. П., Емельянов А. А. К проблеме структурно-семантических особенностей английского рифмующегося сленга [Текст] / В. П. Коровушкин, А. А. Емельянов // Язык в современных общественных структурах. Материалы международной научной конференции. – Н. Новгород : НГЛУ, 2005. – С. 117–120.

4. Кудрявцев, А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь-справочник табуизированной лексики и эвфемизмов [Текст] / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – М., 1993.

5. Ротенберг, Т. Англо-русский словарь американского сленга [Текст] / Т. Ротенберг. – М., 1994.

6. Смирнова, А. Н. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка [Текст] / А. Н. Смирнова // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Вып. 3. – Иваново : ИГХТУ, 2008. – С. 217.

7. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода [Текст] : автореф. дисс. …д-ра филол. наук / В. А. Хомяков. – Л., 1980.

8. Хомяков, В. А., Коровушкин В. П. О классификации нестандартных редупликатов и аллитератов (на материале американского военного жаргона) [Текст] / В. А. Хомяков, В. П. Коровушкин // Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме: Сборник научных трудов. Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1984. – С. 24–31.

9. Flexner S. B. Dictionary of American Slang [Text] / S. B. Flexner. – London: Routledge, 1960.

10. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang [Text] / J. Franklyn. – London: Routledge, 1960.

11. Spears R. A. NTC's Thematic Dictionary of American Slang [Text] / R. A. Spears. – Lincolnwood: NTC, 1998.

12. Dictionary of English Slang and Colloquialisms. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.peevish.co.uk/slang/. – (Дата обращения: 21.09.2015).

13. London Slang Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.timwoods.org/the-london-slang-dictionary-project/. – (Дата обращения: 21.09.2015).

Bibliograficheskij spisok (*in Russ*)

1. Arzhanyh, T. F., Smirnova A. N. Fenomen jazykovoj reprezentativnosti v gumanitarnom znanii: konceptual'nye podhody i metodologicheskie principy [Tekst] / T. F. Arzhanyh, A. N. Smirnova // Sovremennye problemy i perspektivy razvitija gumanitarnyh, tehnicheskih, obshhestvennyh, estestvennyh nauk i promysh-lennoj bezopasnosti. 16–17 oktjabrja 2014 goda, g. Sankt-Peterburg. – SPb. : Kul'tInformPress, 2014. – S. 18.

2. Emel'janov, A. A. Anglijskij rifmovan-nyj sleng: teoretiko-jeksperimental'noe issledovanie [Tekst] : avtoref. diss. …kand. filol. nauk / A. A. Emel'janov. – Ivanovo: GOU VPO «IvGU», 2006. – 16 s.

3. Korovushkin V. P., Emel'janov A. A. K probleme strukturno-semanticheskih osobennostej anglijskogo rifmujushhegosja slenga [Tekst] / V. P. Korovushkin, A. A. Emel'janov // Jazyk v sovremennyh obshhestvennyh strukturah. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – N. Novgorod : NGLU, 2005. – S. 117–120.

4. Kudrjavcev, A. Ju., Kuropatkin G. D. Anglo-russkij slovar'-spravochnik tabuizirovannoj leksiki i jevfemizmov [Tekst] / A. Ju. Kudrjavcev, G. D. Kuropatkin. – M., 1993.

5. Rotenberg, T. Anglo-russkij slovar' amerikanskogo slenga [Tekst] / T. Rotenberg. – M., 1994.

6. Smirnova, A. N. O leksikograficheskom otrazhenii amerikanskogo standarta anglijskogo literaturnogo jazyka [Tekst] / A. N. Smirnova // Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU. Vyp. 3. – Ivanovo : IGHTU, 2008. – S. 217.

7. Homjakov, V. A. Nestandartnaja leksika v strukture anglijskogo jazyka nacional'nogo perioda [Tekst] : avtoref. diss. …d-ra filol. nauk / V. A. Homjakov. – L., 1980.

8. Homjakov, V. A., Korovushkin V. P. O klassifikacii nestandartnyh reduplikatov i alliteratov (na materiale amerikanskogo voennogo zhargona) [Tekst] / V. A. Homjakov, V. P. Korovushkin // Slovosochetanija i slozhnye slova v terminosistemah i literaturnoj norme: Sbornik nauchnyh trudov. Vladivostok : DVNC AN SSSR, 1984. – S. 24–31.

9. Flexner S. B. Dictionary of American Slang [Text] / S. B. Flexner. – London: Routledge, 1960.

10. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang [Text] / J. Franklyn. – London: Routledge, 1960.

11. Spears R. A. NTC's Thematic Dictionary of American Slang [Text] / R. A. Spears. – Lincolnwood: NTC, 1998.

12. Dictionary of English Slang and Colloquialisms. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.peevish.co.uk/slang/. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

13. London Slang Dictionary. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.timwoods.org/the-london-slang-dictionary-project/. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81'255.2

В. И. Жельвис

Иллокутивная роль стихотворного перевода на мотив оригинала (на материале переводов В. С. Курочкина)

Анализ убивает всякое наслаждение,
но продлевает наслаждение анализом
Ф. Искандер. Козы и Шекспир

Анализируется классификация поэтического перевода, кратко рассматриваются некоторые пункты этой классификации. Сравниваются произведения знаменитого французского поэта Ж.-П. Беранже (1780–1857) и его переводы на русский язык В. С. Курочкина (1831–1875). Перевод стихотворения Monsieur Judas как «Господин Искариотов» трактуется как перевод на мотив оригинала, обладающий сходной иллокутивной силой и именно поэтому принятый русской общественностью как вполне адекватный. Утверждается, что главная задача перевода – не стремление к высокому «коэффициенту точности», а передача художественными средствами основной мысли и чувств автора. Предлагается аналогия адекватному переводу в виде осовременивания классических произведений в кинематографии.

Ключевые слова: поэтический перевод, Беранже, Курочкин, иллокуция, стихотворение на мотив оригинала, коэффициент точности.

V. I. Zhelvis

Illocutive role of poetic translation to the motif of the original (on V. S. Kurochkin's translation practice)

The author compares the works of the famous French poet J.-P. Beranger (1780–1857) and their Russian translations by V. S. Kurochkin (1831–1875). Analysis of the translation of the poem Monsieur Judas as «Господин Искариотов» reveals that it is the so-called translation to the motif of the original, possessing a similar illocutive force which made it possible to be acclaimed as an adequate translation by the Russian public. The main task of a poetic translation is pursued not so much by observing the so-called precision co-efficient, but by the use of artistic means to express the author's main idea and emotions. An analogy is offered in cinematography, when a classic work is brought closer to modern times by modern setting and costumes.

Keywords: poetic translation, Beranger, Kurochkin, illocution, a poem to the motif of the original, precision co-efficient.

Тема настоящей статьи – коммуникативная роль так называемых стихотворных переводов на мотив оригинала. Согласно терминологии Р. Р. Чайковского, это «особый вид поэтического перевода, при котором в переводном тексте с достаточной степенью достоверности передается основной мотив подлинника, в то время как остальная часть текста является реализацией максимальной свободы переводчика в виде его стихотворения, навеянного данным мотивом» [3, с. 75].

Предложенные Р. Р. Чайковским примеры таких переводов довольно разнообразны. В данной статье исследуется только один вариант, подпадающий под это определение, представленный, в частности, переводами стихов и песен Ж.-П. Беранже, выполненных В. С. Курочкиным.

Теория поэтического перевода не слишком часто привлекает внимание лингвистов и литературоведов, тем не менее она развивается и со времен переводов Курочкина, то есть второй половины XIX в., прошла большое расстояние. Одним из самых острых вопросов остается вопрос о свободе переводчика: насколько далеко переводчик имеет право отойти от подлинника, чтобы его перевод мог так называться.

В. С. Курочкин, получивший известность прежде всего как переводчик Ж.-П. Беранже, в большинстве случаев очень свободно обращался с оригиналом. В основном он русифицировал стихи французского поэта, легко менял французские имена на русские, французские реалии на свои, отечественные, добавлял от себя целые строфы. Если вспомнить, что читающая публика того вре-

© Жельвис В. И., 2015

мени, как правило, была знакома с французским языком и могла знакомиться с творчеством Беранже на языке оригинала, такая вольность переводчика должна была вызывать отторжение и даже раздражение. В ряде случаев так и происходило. Споры о качестве переводов В. С. Курочкина начались еще при его жизни. Н. А. Добролюбов отмечал: «Переводы г. Курочкина кажутся для русского читателя хороши, сильны, свободны…», но тут же заканчивал: «…если их не сравнивать с подлинником» [1, с. 450]. Казалось бы, убийственная критика для любого переводчика.

Однако все не так просто.

Вот как писал об этом «по горячим следам» журнал «Дело» за 1869 год: «Переводчик-художник обязан передать только дух чужого поэта, вовсе не придерживаясь подстрочной точности буквоедов. (…) Настоящего Беранже мы узнали только по переводам В. С. Курочкина. (…) Многие его переводы знают все наизусть». Другими словами, читатели явно предпочитали переводы Курочкина и с энтузиазмом принимали его «отсебятину».

Как можно это объяснить? Разумеется, можно сослаться на неразработанность теории перевода, на небрежность, с которой на русский язык переводились даже самые выдающиеся произведения Шекспира, Рабле или Сервантеса. И все же, думается, главное не в этом.

Начнем с общих положений.

«Улица корчится, безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать» (В. В. Маяковский). Читая подлинник, носитель другой культуры может хорошо понимать текст, но не может выразить это свое понимание художественно. Если же язык оригинала ему вовсе не знаком, говорить о понимании, естественно, не приходится. Сделать оригинал понимаемым носителю иной культуры и иного языка – задача переводчика. Читателю приходится полагаться на переводчика, верить, что его текст более или менее идентичен подлинному. Общеизвестно, что это доверие оправдывается не всегда. Оригинал – стимул для переводчиков, реакция переводчика, которая зависит от его собственной культуры, знания языка и культуры автора подлинника и т. д. В самом хорошем переводе «торчат уши» переводчика, перевод – это всегда сотворчество двух мастеров.

Покажем особенности творчества В. С. Курочкина на примере стихотворений Ж.-П. Беранже Monsieur Judas и В. С. Курочкина «Господин Искариотов». В обоих случаях единственный персонаж – современник авторов, ассоциируемый с известной фигурой Священного Писания. Задача анализа – выяснить степень самостоятельности *стихотворения* В. С. Курочкина и решить, можно ли назвать его *переводом* Ж.-П. Беранже.

Во всех сборниках песен Беранже в русских переводах стихотворение В. С. Курочкина подается именно как *перевод* песни Monsieur Judas. Автору этой статьи не удалось найти другой опубликованный перевод этого текста. Оба произведения написаны, соответственно, блестящим французским и русским языком и достойны войти в сокровищницу поэтического мастерства обоих народов и культур.

В. С. Курочкин – маститый переводчик с огромным опытом. Он переводил с французского Вольтера, Мюссе, Гюго, с немецкого Шиллера, с английского Бёрнса. Но наибольшую славу ему принесли переводы Беранже. Переводили Беранже в России около 150 поэтов, в том числе А. Дельвиг, И. и А. Тхоржевские, Т. Щепкина-Куперник, П. Антокольский и мн. др. И все же о творчестве знаменитого французского песенника русский читатель знает преимущественно по работам Курочкина. И именно они вызывали и вызывают наиболее ожесточенную полемику. Это неудивительно, ибо сплошь и рядом различия подлинника Беранже и перевода Курочкина бросаются в глаза.

Рассмотрим каждое стихотворение отдельно. Начнем с французского текста. Заголовок Monsieur Judas немедленно отсылает нас к непочтенному библейскому персонажу, хотя сочетание его имени с церемонным monsieur сразу настораживает. Очевидно, что перед нами француз, имеющий какое-то отношение к библейскому Иуде.

Ниже предлагается текст Беранже и его подстрочный перевод (см. **Таблицу 1**).

Таблица 1.
Текст оригинала и его подстрочный перевод

MONSIEUR JUDAS	ГОСПОДИН ИУДА
Monsieur Judas est un drôle	Господин Иуда – веселый/забавный (малый)
qui soutient avec chaleur	который пылко и ревностно (поддержит вас)
qu' il n' a joué qu' un seul rôle,	который (в своей жизни) играет только одну роль
et n' a pris qu' une couleur.	который окрашен в один цвет (= не меняет взгляды)
Nous qui détestons les gens	Мы ненавидим таких людей
tantôt rouges, tantôt blancs,	то красных, то белых
parlons bas,	станем же говорить потише
parlons bas;	станем же говорить потише
ici près j' ai vu Judas,	здесь рядом я увидел (опознал) Иуду
j' ai vu Judas, j' ai vu Judas.	я увидел Иуду, я увидел у Иуду
Curieux et nouvelliste,	Любопытный и сплетник

MONSIEUR JUDAS	ГОСПОДИН ИУДА
cet observateur moral	этот поборник морали
parfois se dit journaliste,	иногда именующий себя журналистом
et tranche du libéral:	и частично либералом
mais voulons-nous réclamer	но мы настойчиво требуем
le droit de tout imprimer,	права сообщить (напечатать, придать огласке через печать)
parlons bas,	станем же говорить потише
parlons bas;	станем же говорить потише
ici près j' ai vu Judas,	здесь рядом я увидел (опознал) Иуду
j' ai vu Judas, j' ai vu Judas.	я увидел Иуду, я увидел Иуду
Sans respect du caractère,	Безотносительно того, какой у него характер,
souvent ce lâche effronté	он часто труслив и подл (дерзок, бесстыден)
porte l' habit militaire	носит военную форму
avec la croix au côté.	с крестом на груди
Nous qui faisons volontiers	Мы охотно (с удовольствием)
l' éloge de nos guerriers,	поем хвалу нашим воителям
parlons bas,	станем же говорить потише
parlons bas;	станем же говорить потише
ici près j' ai vu Judas,	здесь рядом я увидел Иуду
j' ai vu Judas, j' ai vu Judas.	я увидел Иуду, я увидел Иуду
Enfin sa bouche flétrie	Наконец, его увядший (= слабый) рот (безобразная манера выражаться)
ose prendre un noble accent,	вдруг приобретает благородный оттенок
et des maux de la patrie	и (говорит) о бедах своей родины
ne parle qu' en gémissant.	охая (=томно вздыхая)
Nous qui faisons le procès	Мы, кто судят
à tous les mauvais français,	всех «неправильных» французов
parlons bas,	станем же говорить потише
parlons bas;	станем же говорить потише
ici près j' ai vu Judas,	здесь рядом я увидел Иуду
j' ai vu Judas, j' ai vu Judas.	я увидел Иуду, я увидел Иуду
Monsieur Judas, sans malice,	Гоподин Иуда без злого умысла (= в простоте душевной)
tout haut vous dit: "mes amis,	вслух говорит: друзья,
les limiers de la police	полицейские ищейки (= шпики)
sont à craindre en ce pays."	их надо опасаться в этом государстве
mais nous qui de maints brocards	но мы неоднократно насмешничая
poursuivons jusqu' aux mouchards,	продолжаем говорить о стукачах
parlons bas,	станем же говорить потише
parlons bas ;	станем же говорить потише
ici près j' ai vu Judas,	здесь рядом я увидел Иуду
j' ai vu Judas, j' ai vu Judas.	я увидел Иуду, я увидел Иуду

Рассмотрим стихотворение В. С. Курочкина.

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов –
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстилается, как кошка,
Выгибается, как змей…
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Подвернется как-нибудь.

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! Гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда!»

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой –
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

Он поборник просвещенья;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его –
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

Чуть с женой у нас неладно,
Чуть с детьми у нас разлад –
Он уж слушает нас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел он в дом,
Вы невольно говорите:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда».

Кто же этот monsieur-господин, и почему ему придана такая неприятная фамилия? Кратко охарактеризуем восприятие этого библейского персонажа в народной культуре.

В западноевропейской и православной культурах с образом Иуды ассоциируются прежде всего вероломство, алчность, но также двуличность, коварство, ложная дружба. Имя собственное даже превратилось в нарицательное «иуда». На протяжении веков клеймо иуды накладывалось на идейных, религиозных и политических противников, оно служило инвективой, риторическим инструментом обличения и демонизации оппонента. В российской истории оно использовалось со времен убийцы князей Бориса и Глеба Святополка Окаянного, переходило на Бориса Годунова, обвиняемого в убийстве царевича Димитрия, на изменника гетмана Мазепу, на Лжедмитрия, на отступника от канонического православия Л. Н. Толстого. Ленин называл Троцкого иудушкой, а в наше время в определенных кругах в полемическом жару так именовали Пастернака и Горбачева.

Оставляя в стороне идейные взгляды авторов соответствующей инвективы, отметим, что не только в политике, но и в быту отношение к «иудам» подразумевает те же характерные черты.

Герою Беранже тоже присущи не самые благородные качества. Прежде всего он, подобно библейскому Иуде, сыну Симона Искариота, доносчик, отчего его остерегаются все порядочные люди. По профессии он, по-видимому, репортер или ангажированный проправительственный литератор, трусливый и подлый. В России его назвали бы черносотенным сикофантом. Он всюду сует свой нос. Он абсолютно беспринципен, может прикидываться либералом, произносить лозунги в защиту либеральных ценностей и против полицейских эксцессов. Он утверждает, что мыслит широко и, подобно известному китайскому политику, якобы выступает за то, чтобы «расцветали сто цветов и соперничали сто школ». Одновременно он облачается в военную форму (сегодня мы сказали бы «камуфляж») и демонстрирует свою приверженность церкви – носит на груди крест. Можно предположить, что по большим праздникам он скромно стоит в церкви со свечкой и осеняет себя крестным знамением. Полицейских он презрительно называет шпиками и ищейками, хотя, по сути, сам принадлежит к этому племени. С так свойственной Беранже иронией этот «месье» именуется добрым малым и даже нарисован этаким румяным весельчаком. Таким образом, главный порок «месье Жюда́» – лживость, двуличие.

Обратимся к стихотворению В. С. Курочкина. По форме оно практически полностью повторяет источник. Однако по существу «господину Искариотову» приписываются не вполне те же черты. Прежде всего в рефрене настойчиво повторяется слово «патриот», в то время как у Беранже о патриотизме даже не упоминается. Но герой Курочкина не просто патриот, он «патриот из патриотов», то есть «из записных патриотов», ханжей и приспособленцев, и если у Беранже г-н Иуда конкретно протестует разве что против засилья полиции, то г-н Искариотов гораздо более конкретен: он якобы горой стоит за гласностья. за «духовные скрепы», он поборник просвещения народа. Он – «за все хорошее против всего плохого». Он даже претендует на решение проблем семьи.

И при этом, говорит В. С. Курочкин, его герой «расстилается, как кошка, изгибается, как змей» – ничего подобного у Беранже нет. А между тем «змей» здесь – именно «змей», а не «змея»: снова увязывает ситуацию с библейским змеем-искусителем, то есть провокатором, «очень милым в нашем быте».

Оба поэта призывают остерегаться своих персонажей. Беранже употребляет более резкий глагол détester («питать отвращение, ненавидеть»), Курочкин предпочитает выразиться более иронично, пожалуй, брезгливо: «мы (таких людей) чуждаемся *немножко*», нас, знаете ли, «*коробит*» их поведение.

До сих пор речь шла о содержании исследуемых текстов. Обратимся к способам изображения. Весь текст В. С. Курочкина насквозь русифицирован, практически перед нами стихотворение, которое Беранже мог бы написать, живи он не в первой, а во второй половине XIX в., и, главное, если бы он жил в России времен серьезных социальных волнений и писал по-русски.

Иными словами, если бы он был русским демократом Курочкиным.

Строго говоря, последнее утверждение не столько недостаток, сколько достоинство. Демократ Курочкин добился приблизительно того же эффекта в ситуации российской действительности, какого добился демократ Беранже во Франции. Это видно из оглушительного успеха обоих произведений в обеих странах. Но вот ответ на вопрос, можно ли считать, что В. С. Курочкин осуществил *перевод* стихотворения Беранже, зависит от того, что понимать под переводом и где кончается перевод и начинается самостоятельное творчество.

Общепринятого определения перевода, тем более перевода поэтического, до сих пор не существует. Сам этот термин размыт до такой степени, что порой под него можно подогнать любую переработку текста. В своей содержательной и эрудированной монографии Р. Р. Чайковский перечисляет только часть материалов, которые в той или иной мере подпадают под это понятие: автоперевод, авторизованный перевод, вариант, вариация, версия, вольный перевод, дословный перевод, копия, парафраз, перевод в кавычках, перевод-имитация, перевод-реминисценция, перевоплощение, переделка, переложение, перепев, переработка, пересказ, подражание, подстрочник, потаенный перевод, прозаический перевод, прозаическое переложение, псевдоперевод, свободная интерпретация, свободный перевод, стихотворение «Из…», стихотворение на мотив оригинала, стихотворный перевод, расшифровка, филологический перевод и др.» [3, с. 51].

Легко увидеть, что классификация эта страдает многочисленными недостатками, часть понятий пересекается, часть вообще сложно подвести под то, что традиционно понимается под переводом. Сам же Р. Р. Чайковский предлагает следующую, более убедительную классификацию поэтического перевода: адекватный, вольный, стихотворение на мотив оригинала, подражание, реминисценция, девальвация, подстрочник, прозаический перевод, перевод-адаптация [3]. Как видим, автор сильно сузил объем искомого понятия, но оно по-прежнему остается очень широким. Главная мысль Р. Р. Чайковского заключается в следующем: различные виды перевода разнятся степенью свободы, с которой переводчик обращается с текстом оригинала, и чем дальше переводчик отходит от подлинника, тем меньшее представление складывется у читателя о том, что собой представляет оригинал.

С таким выводом можно было бы согласиться, если бы не одно «но»: понятие «степень свободы» тоже очень размыто, недискретно, и определить, где кончается свобода перевода и начинается новое самостоятельное произведение, невозможно в принципе.

Почему перед нами не вольный перевод? Ср.: «…вольный перевод мы можем определить как художественное поэтическое произведение, написанное на основе иноязычного оригинала, но отличающееся от него по своим стилистическим параметрам и характеризующееся низким показателем точности и высоким коэффициентом вольности» [3, с. 69–70]. Перевод не может максимально точно передать подлинник. Читатель, перед глазами у которого несколько переводов одного и того же стихотворения, терзается вопросом: какой же из них «настоящий», точно передающий подлинник во всем его единстве мысли, ритма, звучания. Ответ может быть только один: никакой, или все существующие переводы разом, в их совокупности. Прочитав 15 переводов сонета Шекспира, читатель может составить более или менее точное представление о том, что хотел сказать великий англичанин. Другой вопрос: будет ли читатель-«непереводовед» этим заниматься. К слову, некоторые сонеты Шекспира переводились на русский язык много больше 15 раз.

Можно предположить, что большое количество переводов одного и того же текста объясняется неудовлетворенностью очередного переводчика качеством перевода его предшественников. То есть теоретически каждый следующий перевод должен быть более точным. Вряд ли это так на самом деле, но… «попытка не пытка». Однако для нас интересно другое: при огромном количестве вариантов перевода многих и многих известных стихотворений практически никто не пытался заново переводить стихи, переведенные В. С. Курочкиным. И это при его очевидной безбожной «отсебятины»! Совершенно очевидно, что такой перевод устраивал и сегодня устраивает читателя.

В связи с этим нам понадобится понятие иллокуции. В данной статье под иллокуцией понимается часть речевого акта, а именно прагматический его компонент, подразумевающий определенное воздействие на получателя. Иллокуция представляет собой коммуникативную установку говорящего. Такое определение дает нам право утверждать, что коммуникативные установки обоих произведений практически совпадают. Изображая того и другого персонажа, автор и

переводчик утверждают, что месье Жюда́ и господин Искариотов – субъекты одного и того же извода, и их следует остерегаться.

Возможны переводы, где почти каждому слову подлинника соответствует его словарное соответствие в другом языке. Можно найти такие случаи, когда такие переводы конгениальны подлиннику (см. примеры у Р. Р. Чайковского [3, с. 57–62]. Чайковский анализирует перевод Л. Меем стихотворения Г. Гейне «*Ich wollt' meine Schmerzen ergössen».* Одним из важнейших положительных признаков этого перевода, который он справедливо считает адекватным, автор называет «коэффициент точности», то есть ситуацию, когда почти все слова подлинника переданы их русскими словарными соответствиями. В данном случае такой коэффициент равен 75 % [Там же, с. 58]. Здесь и в целом ряде других случаев Р. Р. Чайковский приводит большой «коэффициент точности» как доказательство успешности перевода.

Это утверждение по меньшей мере дискуссионно. Соглашаясь, что анализируемый перевод Мея, действительно, выполнен безукоризненно, отметим все же, что применение «коэффициента точности» для определения качества перевода не может носить универсальный характер. Более того, он вряд ли может считаться основным критерием. Перевод «теми же словами» не имеет права так называться, потому что перед нами – не «те же слова». Слова языка-источника и соответствующие им по словарю слова языка перевода неизменно обладают другими коннотациями и ассоциациями. Перевод «теми же словами» может пробуждать у читателя совсем другие ассоциации и, таким образом, не может быть признан адекватным – во всяком случае, по этому критерию.

Оставляя в стороне проблемы метрики и стиля, можно ли считать, что точное совпадение слова в подлиннике и в переводе – гарантия адекватности перевода? Не подлежит сомнению, что существуют прекрасные переводы, именно сохранившие это соотношение. Примеров этого немного, но они есть. Но означает ли это отрицание другого подхода, когда переводчик стремится как можно точнее выразить мысль, не связывая себя обязательствами точного словарного соответствия?

Повторение формальных признаков подлинника не всегда помогает читателю ощутить те же эмоции, что имеются в подлиннике, потому что данный размер, а также данные образы, наличие или отсутствие рифмы и т. п. могут быть нехарактерны, нетипичны в принимающей культуре. В таком случае эти признаки будут восприняты читателем как необычные, оригинальные, на них будет сосредоточено лишнее внимание, что исказит понимание сути. Хотя, с другой стороны, эта необычность формы в глазах читателя перевода может выглядеть как достоинство, способ знакомства с чужой культурой.

Следует согласиться с Я. М. Колкером, который предпочитает говорить о существовании определенных «корпоративных правил» перевода и о «сотрудничестве» переводчика с автором оригинала [2, с. 25]. В своей переводческой практике Я. М. Колкер принципиально отходит от буквальной передачи смысла, предпочитая делать это другими словами, но с обязательным сохранением смысла.

Возвращаясь к переводам В. С. Курочкина, стоит говорить не о том, какой процент слов оригинала и перевода совпадает, а как передан адекватный смысл. В идеале перевод должен произвести на читателя такое же – или почти такое же – впечатление, какое произвел оригинал на читателя своей национальной культуры. И уж безусловно оба произведения должны обладать одинаковой иллокутивной силой. Это обстоятельство в первую очередь и объясняет успех произведения В. С. Курочкина в русской демократической среде его времени.

Попробуем найти место переводов В. С. Курочкина в классификации Р. Р. Чайковского. Для начала отметим, что фактически всякий перевод с одного языка на другой следует считать межкультурным. Это справедливо и для перевода языка, например, «Слова о полку Игореве» на современный русский или «Кентерберийских рассказов» Чосера на английский язык для читателей Хемингуэя и Моэма, Дилана Томаса и Фроста.

В нашем же случае речь идет о передаче смысла текста, сказанного на языке французского автора начала XIX в. языком русского автора второй половины того же века. Можно ли трактовать переводы Курочкина как вольные или свободные? Вряд ли. В. Маркова под свободным переводом понимает вольный перевод, который со временем отрывается от оригинала, превращаясь в произведение принимающей литературы, потерявшее живые связи с породившим его подлинником» (Цит. по [3, с. 53]). Согласимся, что «Месье Жюда́» превратился в произведение принимающей литературы. Но потерял ли он «живую связь» с подлинником? Вопрос сложный и принципиальный. В. С. Курочкин в самом деле сильно отдаляется от прямого текста, развивает мысль, уточняет, предлагает другие примеры. Говоря словами Я. М. Колкера, он «уходит от

сковывающих построчных обязательств» [2, с. 43]. Но вся проблема – в вычислении расстояния, на которое можно уйти от этих обстоятельств.

«Вольный перевод, по точной характеристике М. Л. Гаспарова, <…> стремится, чтобы читатель не чувствовал, что перед ним перевод» (Цит. по [3, с. 65]. Очень важная проблема: нужно ли, чтобы читатель чувствовал, что перед ним иностранный текст. И да, и нет. Вероятно, совершенно необходимо, чтобы читатель помнил, что читает именно Шекспира, но, если можно так выразиться, «русского Шекспира». одновременно англичанина и русского. Сложность такой задачи нетрудно представить.

Р. Р. Чайковский называет вольный перевод «творческой переработкой оригинала»: «Классическими образцами таких переводов считаются переводы Курочкина Беранже, оказавшие заметное влияние на развитие поэтического перевода в России» [3, с. 66]. И мы снова сталкиваемся с размытым термином. «Творческая переработка» – это примерно то же, что «творческая свобода»? Тогда до какой степени допустима такая свобода и такая переработка? Имеет ли право называться переводом текст, искажающий *мысль* подлинника?

И снова перед нами проблема дефиниции. Что значит «исказить мысль»? Искажает ли мысль Беранже Курочкин своим «Искариотовым»?

И Беранже, и Курочкин – бесспорные демократы, но фоновые знания у них, конечно же, различны. Стихотворение Курочкина полностью принадлежит русской демократической словесности. Язык его – безукоризненный русский. Это становится очевидно уже при выборе заглавия. «Господин Иуда» по-русски звучит сомнительно, хотя такой перевод и возможен. Курочкин стремится максимально приблизить ситуацию к российской, и поэтому имя героя у него, с одной стороны, ассоциируется с Иудой Искариотом, а с другой стороны, приобретает вид русской фамилии – «Искариотов».

Русский Иуда усердно читает все журналы, откуда заимствует либеральную фразеологию, чтобы оглушать окружающих «потоком слов» вроде «духовного хлеба». Соответственно, перед нами – представитель рептильной охранительной журналистики, верной защитницы существующего строя, пытающейся за демагогическими фразами скрыть ненависть к демократическому движению, этакой «пятой колонне» царской России.

Попробуем рассмотреть интересующую нас проблему с позиции интерпретативности текста. Всякий текст – прежде всего художественный и особенно поэтический – способен допустить бесчисленное множество интерпретаций. Далеко не все из них могут быть приняты разумом нормального читателя текста, но даже тех, которые вполне приемлемы, – огромное количество. Естественно, что при прочтении (восприятии) текста какая-то одна интерпретация становится ведущей, доминантной. На восприятие той или иной интерпретации как доминантной в первую очередь влияет контекст. В анализируемом нами случае общественный контекст французского подлинника – Франция первой половины XIX в., контекст перевода – Россия последней трети того же века. Французский автор и русский переводчик, таким образом, разделены несколькими десятилетиями. Эти десятилетия, как известно, весьма драматичны, но ситуация в обеих странах различается достаточно сильно. Оба автора принадлежат к демократическому лагерю, они критически оценивают ситуацию у себя на родине. Но социальные проблемы в обеих странах – разные, разные и менталитеты французского и русского народов.

Может быть, перед нами «стихотворение на мотив оригинала»? Для такого вывода оснований больше. Ср.: «Итак, стихотворение на мотив оригинала представляет собой особый вид поэтического перевода, при котором в переводном тексте с достаточной степенью достоверности передается основной мотив подлинника, в то время как остальная часть текста является реализацией максимальной свободы переводчика в виде его стихотворения, навеянного данным мотивом» [3, с. 75]. Автор поясняет, что под мотивом подразумеваются, главным образом, «вечные темы жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти, созидания и разрушения» [Там же, с. 70].

Трудность классификации в данном случае объясняется промежуточным положением «стихотворения на мотив». Те примеры, которые приводит Р. Р. Чайковский (из Гейне и Рильке [3, с. 70–74]), действительно, убеждают в правильности его классификации. Но подпадает ли под нее «Господин Искариотов»? По-видимому, отчасти. Как указывалось выше, на протяжении приблизительно полутораста лет перевод В. С. Курочкина единодушно признается единственно возможным, и, как можно судить, ни один переводчик еще не пытался перевести «Месье Жюда́» с «высоким коэффициентом точно-

сти». Современники Курочкина восторженно принимали его перевод именно как адекватный перевод, хотя не хуже нас видели «отсебятину». Повторим сказанное: текст Курочкина – это текст Беранже в контексте российской истории конца XIX в. Можно сказать, что текст Курочкина мог бы написать Беранже, будь он русским и живи он в России этого периода. Вот почему русский читатель признал интерпретацию Курочкина лучшей из всех возможных и воспринял «отсебятину» Курочкина как переложение сказанного французским автором. «Отсебятина» в данном случае воспринимается не как искажение, а как **еще один способ сказать то же самое.** Иллокутивная сила обоих произведений в принципе одинакова.

Подобные переводы заставляют задуматься об уточнении самого понятия «перевод». Этот последний может быть почти дословным воспроизведением оригинала («высокий коэффициент точности»), но ровно с таким же успехом он может представлять собой опыт выражения мысли автора оригинала совершенно другими средствами и при этом оставаться адекватным подлиннику. Ибо главное в переводе все-таки передать читателю мысль и чувства автора переводимого произведения.

Позволительно сравнить анализируемый тип перевода с современными экранизациями классических произведений, где шекспировские герои наряжаются в современные костюмы и соответственно меняется весь антураж: «Ричард III» переносится в обстановку Первой мировой войны, принц Фортинбрас и его войско в «Гамлете» несут явные черты гитлеровцев и т. п. Соответственно, в театре Ромео и Джульетта предстают в облике современных молодых людей. Все это представляет собой попытки приблизить произведения прошлых веков к современности. В лучших постановках их авторы стремятся не отходить от идей великого Барда, и когда им это удается, имеет место эффект своеобразного перевода.

Библиографический список

1. Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений : в 9 т. – Т. 3 [Текст] / Н. А. Добролюбов. – М. ; Л., 1962. – С. 450.

2. Колкер, Я. М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст] / Я. М. Колкер ; Акад. гуманит. исслед. Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина. – М. : Гуманитарий, 2014.

3. Чайковский, Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты) [Текст] / Р. Р. Чайковский. – Магадан, 1997.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Dobroljubov, N. A. Sobranie sochinenij : v 9 t. – T. 3 [Tekst] / N. A. Dobroljubov. – M. ; L., 1962. – S. 450.

2. Kolker, Ja. M. Pojezija i proza hudozhestvennogo perevoda [Tekst] / Ja. M. Kolker ; Akad. gumanit. issled. Rjazanskij gos. un-t im. S. A. Esenina. – M. : Gumanitarij, 2014.

3. Chajkovskij, R. R. Real'nosti pojeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty) [Tekst] / R. R. Chajkovskij. – Magadan, 1997.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81'1

О. В. Лукин

Теория частей речи: лингвистический и лингвоисториографический статус

Автор анализирует значение теории частей речи в языкознании и истории лингвистических учений. Рассматривается статус теории частей речи на фоне основных вопросов языкознания. Автор называет некоторые из причин неразрешимости «вечной проблемы» языкознания – проблемы частей речи. В статье рассматриваются периоды развития языкознания и логики в связи с периодами становления и развития теории частей речи как одной из важнейших лингвистических теорий.

Ключевые слова: теория частей речи, научная парадигма, языковые категории, философские категории, категории логики, история языкознания, классификация, периодизация, лингвоисториографический статус.

O. V. Lukin

Theory of parts of speech: status in linguistics and linguistic historiography

The author describes the place of the theory of parts of speech in linguistics and linguistic historiography. The article also shows the status of the theory of parts of speech amidst the main questions of linguistics. The author enumerates some of the reasons why an "eternal problem" of linguistics – the problem of parts of speech – has never been solved. The article reviews certain periods of the development of logic and linguistics in connection with the formation and development of the theory of parts of speech as one of the most important linguistic theories.

Keywords: theory of parts of speech, scientific paradigm, language categories, philosophical categories, the categories of logic, history of linguistics, classification, periodization, status in linguistic historiography.

Теория частей речи, как известно, всегда была одной из самых значимых теорий языкознания и, вместе с тем, одним из ее «вечных» вопросов. Причина этого состоит в том, что в одном термине «части речи» всегда пытались соединить сразу несколько разных по объему и измерениям понятий (не только философских, логических, семиотических, психологических, но и синтаксических и морфологических). Теория частей речи затрагивает основные предметы лингвистических дискуссий, как более **глобальные** (соотношение формы и содержания языковых знаков, проблемы определения слова, единиц выше и ниже слова, границ между ними, проблемы классификации в лингвистике, понятие категории и виды категорий, уровни языковой системы, их иерархия и взаимодействие, понятие поля в лингвистике, полевая структура частей речи, динамические отношения конституентов частей речи внутри поля, отношения синтагматики и парадигматики, отношения синхронии и диахронии, отношения языка и речи, отражение языком внеязыковой действительности, в том числе, познавательной деятельности человека, проблема языковых универсалий, отношения языка и мышления), так и более **частные** (взаимоотношения общего языкознания и частных филологий, отдельные вопросы типологии), и многочисленные **смежные** и **прикладные** вопросы (адекватность перевода, в т. ч. машинного, усвоение языка и обучение языку и пр.).

Теория частей речи имеет, как известно, более чем двухтысячелетнюю историю, которая представляет собой неравномерный процесс появления и отрицания различных по своему характеру и объему идей, собранных к настоящему времени в рамках теории, именуемой теорией частей речи. Описание многих европейских языков при помощи античной категориальной матрицы[1] долгое время шло относительно успешно ввиду типологического сходства этих языков, с одной стороны, и древнегреческого и латыни – с другой. Когда же практические цели лингвистического описания потребовали более глубокого обоснования частеречной теории в языках, типологически далеких от греческого, латыни и современных индоевропейских языков, стало принято говорить о несовершенстве этой теории. Теоретическое осмысление многих феноменов даже современных европейских языков поставило ученых перед выбором между признанием существующей традиционной теории, на которой

© Лукин О. В., 2015

вырос не один десяток поколений языковедов, и новыми подходами к описанию этого феномена.

Исторические корни основных проблем частеречной теории, ее пресловутой «неразрешимости», лежат гораздо глубже, чем это могло бы кому-то показаться. Это не только и не столько борьба различных направлений в языкознании, утверждение своей правоты различными школами и отдельными учеными, сколько отражение в самом неожиданном ракурсе всей истории человеческой мысли – и политической, и религиозной, и эстетической, и философской, и, конечно же, филологической и лингвистической, равно как и менталитетов отдельных народов, сыгравших свою роль в истории частеречной проблематики. Это и отражение самого человеческого *я*, познающего действительность при помощи своего языка и познающего язык через призму явлений и понятий окружающей действительности.

В работах по теории частей речи, начиная с глубокой античности и кончая работами самого последнего времени, вполне хорошо просматривается причина, по которой эта теория обычно считается неразрешимой. Это – прежде всего и чаще всего отсутствие какого бы то ни было общего основания, «общего знаменателя» в поисках решения т. н. проблемы частей речи. Создается мнение, будто каждый ученый находит и описывает всякий раз свои «части речи», в чем-то повторяя и расширяя достижения своих предшественников, а где-то в своих уточнениях и дополнениях доходя до их полного отрицания.

Получившиеся в результате этого частеречные построения часто не имеют ничего общего ни с первоначальной идеей частей речи (в частности, у Платона и Аристотеля), ни друг с другом, несмотря на то, что у каждого из них обоснования для выделения, классификации, количества и признаков самих частей речи кажутся тщательно проработанными, логически обоснованными и даже эстетически изысканными (ср., например, само название книги Х. Глинца «Немецкое предложение. Части речи и члены предложения, научно понимаемые и поэтически трактуемые»[2] [10]). Кроме того, точка зрения даже одного исследователя на предмет своего наблюдения может в той или иной мере смещаться, то приближаясь к некоторым частностям предмета своего интереса, то абстрагируясь от них, так что нередко даже внутри одной работы можно увидеть сразу несколько почти несовместимых друг с другом подходов, критериев и принципов описания как всей системы частей речи, так и отдельных ее представителей. Достаточно коснуться хотя бы наиболее важных моментов частеречной теории на примере самых известных частеречных концепций, чтобы убедиться в этом.

Первоначальные этапы развития частеречной проблематики, особенно становление восьмичленной номенклатуры частей речи (когда сначала были выделены имя и глагол, а из них выделялись прилагательное, местоимение, артикль, наречие и т. д.), служат своего рода иллюстрацией этапов самой процедуры исследования этой проблемы, постепенного вовлечения в орбиту исследовательских интересов все новых и новых критериев, попыток обосновать их релевантность для частеречной теории. Парадоксально, но все это трактовалось в самом широком философском смысле и разрабатывалось вплоть до окончательного завершения александрийской традиции на материале одного лишь древнегреческого языка. Таким образом, теоретическая значимость истории развития частеречной теории, особенно ее античного этапа, состоит в демонстрации становления и развития отдельных ее аспектов на общем фоне развития науки.

Задачи языкознания в значительной степени сходны с многими вопросами частеречной теории (ср.: «1) определение границы служебных слов / граница между служебными и вещественными значениями, 2) определение того же различия при установлении лексико-грамматических разрядов / где граница между лексико-грамматическим и собственно лексическим разрядом, 3) вычленение категорий мышления, лежащих в основе грамматических категорий, поскольку логика их, как правило, не выделяла, 4) определение граней между разными типами грамматических категорий (категории актуализации, синтаксической связи или словосочетания / сочетаний членов предложения /, категории объективной и субъективной модальности, то есть модальности внутренней обусловленности или потенциальности действия и модальности субъективной оценки высказывания в смысле его вероятности, истинности, реальности, категории внутрифазовые и межфазовые и т. д.» [5, с. 586].

Для периодизации частеречных теорий исключительно важно не столько вскрыть существующие системные отношения между различными частеречными построениями, сколько установить место в этой системе различных лингвистических направлений и школ, классифицировать их. Противопоставление различных направлений и теорий языкознания в целях их

классификации осуществляется по критериям, как правило, не совпадающим у разных исследователей, ср., например: «Утверждают, например, что ”вся лингвистика XX века” отличается от прошлого ее состояния прежде всего тем, что ”структура языка стала господствовать над единицами языка”. Между тем заявляют, что с позиции американской лингвистики слово, как единица языка, является ”абсолютно никчемным”. Противопоставляют в этом же плане американскую лингвистику с ее принципом ”абсолютной никчемности слова” европейской лингвистике, где слово все еще существует» [4, с. 21]. Такого рода противоречия, в немалой степени мешающие нормальному развитию науки о языке, не новы и легко объяснимы. Дело тут не только в том, что «... сторонники подобной концепции отрицают всякую преемственность между лингвистикой нашего времени и ее прошлым состоянием» [4, с. 22], а в том, что исследователи языков, хотят они этого или нет, сознают они это или нет, чаще всего склонны решать проблемы, которые ставит им их родной язык. Поэтому, например, типологические особенности английского языка, отличные от особенностей как, прежде всего, древнегреческого и латыни, так и европейских языков с преобладанием флективной морфологии, на материале которых в значительной степени сложилась так называемая традиционная лингвистика, диктуют американским лингвистам иные идеи, нежели европейским.

Традиционная классификация периодов истории языкознания: наука Древнего Востока, Античность, Средние века, эпоха Возрождения, XVII и XVIII вв., XIX столетие, современная наука – удобна и вполне пригодна для утилитарных, в том числе учебных, целей (ср.: [4, с. 22–23]). Периодизация истории языкознания строится по принципу подхода лингвистических школ к важнейшим вопросам языкознания: природе языка и его функции, соотношению формы и значения, подходу к системным отношениям и подходу к слову (ср.: [4, с. 23]).

С точки зрения взаимоотношений истории языкознания и логики небезынтересно обратиться к периодизации истории европейской языковедческой традиции Н. Ю. Бокадоровой, которая называет четыре ее этапа, начиная с VI в. н. э., причем три из них были самым непосредственным образом связаны с логикой [3, с. 146].

Первый этап (VI–XII вв. н. э.) был периодом появления схоластической логики, когда грамматика была вспомогательной дисциплиной. Во **второй период** (XIII–XIV вв. н. э.) грамматика становится частью философии и ключом к пониманию природы человеческого мышления. Тогда же на основе логических сочинений Петра Испанского создается логико-грамматическая школа «модистов». Модисты понимали предложение с точки зрения идеи движения, заимствованной из «Физики» Аристотеля. Исходной позицией, началом движения они считали существительные и местоимения в именительном падеже (*modus entis* – «модус сущего»). С конечным пунктом отождествлялись глаголы, прилагательные, причастия и наречия (*modus esse* – «модус существования, бытия»). Предлоги, союзы, междометия служили для соединения частей речи первых двух групп (см. [2, с. 274]). В этой логической концепции модистов явно просматривается противопоставление частей речи: имен и глаголов (*modus entis* и *modus esse*), с одной стороны, и вышеназванных знаменательных слов и служебных (предлогов, союзов и междометий) – с другой. В **четвертый,** «рационалистический» период (XVII–XVIII вв.), «декартовская» революция заставила филологов искать новые логико-рационалистические принципы исследования языка.

Не вызывает сомнений, что все эти периоды кардинально отличаются друг от друга своими установками, приоритетами, подходами. Но самый факт, что такой длительный период времени (добрые одиннадцать веков) в формировании европейской языковедческой традиции самым непосредственным образом был связан с логикой, не мог не сказаться на всей дальнейшей истории как языкознания вообще, так и частеречной теории в частности.

Классификация этапов истории языкознания, данная в работе Т. А. Амировой, Б. А. Ольховикова и Ю. В. Рождественского «История языкознания», исходит из положения, что «... картина языка, моделируемая лингвистикой, может создаваться исходя из разных отправных положений, разного эмпирического материала и может иметь разные сферы использования. В зависимости от этого будет меняться тип изображения языка, то есть **тип языковой теории»** [1, с. 16]. Типы изображения языка или типы языковой теории, несомненно, влияют на характер отражения феномена части речи учеными, представляющими эти периоды.

Все существующие этапы развития теории частей речи, подобно кусочкам цветного стекла в детском калейдоскопе, складывались из идей и

теорий, существовавших на своем определенном этапе развития науки, и отголосков прошедших, почти забытых или еще не забытых, но по-настоящему утративших свою актуальность взглядов. Ведущие и актуальные в данный момент времени теории образуют ядро такой частеречной теории, отголоски же прошлого зачастую не отвергаются сразу: им оказывается уважение в признании в теории частей речи того, что явно не противоречит актуальным взглядам.

Разумеется, и критерии, по которым отличаются друг от друга разнообразные частеречные концепции, слишком многообразны и имеют явную тенденцию к увеличению.

Интерпретация истории частеречной теории невозможна без осознания всей научной парадигмы, существовавшей в каждый из моментов ее становления и развития. При этом нельзя не согласиться и с тем, что развитие частеречной теории не является непосредственной производной от той или иной философской концепции, преобладающей в тот или иной период времени. Говоря об отношениях философии и теории частей речи, всегда необходимо иметь в виду как их теснейшую взаимосвязь, так и самые непростые, неоднозначные их взаимоотношения. На развитие теории частей речи философия оказывала влияние всегда, грамматисты всегда черпали стимулирующие идеи из философских учений. Однако непосредственной производной от философских учений теория частей речи все-таки не является: она всегда была опосредована и детерминирована самой широкой палитрой факторов, среди которых философия, разумеется, занимала не последнее место.

Точно также нельзя и сказать, что частеречная теория, трактуемая сейчас как относительно автономное научное явление, не могла не пользоваться известной долей автономности, самостоятельности, если угодно, даже независимости от других отраслей знания, особенно после XVII в. Ее развитие шло, как ни банально это прозвучит, по спирали, причем спирали с минимальным уровнем подъема. Десять логических категорий Аристотеля и восемь частей речи Дионисия Фракийца – это те столпы, те основы основ частеречной теории, в правомерности которых никому не пришло в голову усомниться в течение столь длительного периода времени. Языковая детерминированность философских категорий и философская детерминированность языковых – вот тот заколдованный круг, из которого вплоть до настоящего времени по-настоящему не выходило большинство исследователей частей речи.

Интересна точка зрения Э. Косериу, который выделяет пять периодов и два ведущих акцента, сменявших другу друга на протяжении этих периодов. Это теория и описание, с одной стороны, и сравнение и история – с другой. Периоды: **(1)** – от истоков до Ренессанса, **(3)** – XVIII в. и **(5)** – XX в. – Э. Косериу считает периодами с преобладанием теории и описания. Периоды **(2)** – от Ренессанса до XVIII в. и **(4)** – XIX в. – это периоды сравнения и истории [9, с. 14].

Такое представление истории языковедческой проблематики приводит к закономерному выводу, что современное языкознание едва ли не старше и традиционнее, чем само т. н. «традиционное» языкознание (ср.: [9, с. 14]). В качестве доказательств данного положения Э. Косериу, в частности, приводит ряд примеров: различение между *signifiant* (материальной стороной языкового знака) и *signifié* (содержанием языкового знака), приписываемое Ф. де Соссюру, началось уже у Аристотеля. Различение между языком, обозначающим предметы внеязыковой действительности (нем. *Primärsprache*), и языком, обозначающим явления самого языка (нем. *Metasprache*), которое представляется современным, встречается уже у Августина Блаженного [9, с. 15].

Приведенные выводы представляют неоспоримую ценность для теории частей речи: они содержат в себе положения, послужившие фоном для различных концепций теории частей речи. Философские взгляды, находившие свое отражение в общих лингвистических моделях, выкристаллизовывались впоследствии в частеречных построениях системах частей речи разных языков, т. н. «универсальных» теориях и их обоснованиях. Они объясняют существование того «заколдованного круга», по которому движется вся частеречная проблематика, начиная с Платона. Даже самый факт повторения акцентов в лингвистических исследованиях говорит о многом. И, разумеется, не случаен параллелизм между лингвистической проблематикой эпох от Античности до Возрождения, XVIII века и века XX.

Схема Э. Косериу чрезвычайно важна для осознания внутренних механизмов развития истории языкознания и механизмов развития теории частей речи. То спиралевидное движение с регулярными повторениями на каждом новом витке, которое представляет собой развитие любой теории, для теории частей речи является наглядной моделью, но не моделью преодоления

новым старого, а моделью возвращения на круги своя с некоторыми новыми акцентами. Эти новые акценты, подобно новой штукатурке, накладываются и накладываются на старый фасад, в принципе не меняя его сути.

Вышеприведенные положения и рассуждения свидетельствуют о том, что на протяжении всей истории развития науки о языке в ней на передний план выдвигались разные по теоретической значимости, эмпирической обоснованности и философской фундированности мнения, теории, концепции, которые до настоящего времени едва ли могут быть «подведены под общий знаменатель». Например, одни лингвисты видят в своей науке прежде всего эмпирические факты, другие – абстрактную модель, основанную на априорных постулатах (ср.: «... лингвистическая теория, которая представляется языковедам одних направлений как свод тщательно перечисленных фактов, а языковедам других направлений – как абстрактная модель, построенная на основе априорно заданных постулатов, при системном моделировании превращается в описание языка, в котором сначала формулируется индуктивно полученное утверждение о детерминанте языка, а потом, в виде цепочки импликаций, учитывающей как структурные, так и субстантные ограничения, в которых функционирует реальный язык, делаются выводы об особенностях данного языка, и известные факты о языке получают наглядные объяснения, так как логически вытекают из анализа взаимосвязей между элементами всех ярусов языка [8, с. 45]). Между этими двумя группами существует значительное множество переходных ступеней, декларирующих приверженность разным философским, логическим, психологическим и лингвистическим течениям.

Ю. В. Рождественский называет шесть этапов в истории языкознания:

1. Теория именования в античной философии языка, устанавливающая правила именования и возникающая в рамках философской систематики.

2. Античные грамматические традиции, представленные античными и средневековыми грамматиками Запада и Востока.

3. Универсальная грамматика, вскрывающая общность систем языков и открывающая собой языкознание Нового времени (первый этап научного языкознания).

4. Сравнительное языкознание, которое включает в себя три области: a) сравнительно-историческое языкознание, занимающееся исследованием генетических языковых общностей; b) сравнительно-типологическое языкознание, занимающееся изучением типов языковой структуры независимо от культурно-исторической принадлежности языков; c) теоретическое языкознание, формирующее философию языка внутри лингвистики и дающее начало теории общего языкознания, занимающегося общелингвистической систематикой на базе описательных и сравнительных исследований.

5. Системное языкознание, формулирующее в своем разделе философии языка концепции психолингвистики и социолингвистики.

6. Структурная лингвистика, которая: a) исследует внутреннюю организацию языка, устанавливает отношения между языком и другими знаковыми системами; b) формулирует теорию лингвистических методов и методик, дает основания для лингвистического моделирования [1, с. 16–17].

Представленность и акцентированность частеречной проблематики на всех этапах, разумеется, неравнозначна, что, впрочем, лишний раз доказывает ее релевантность для всего развития науки о языке в самом широком смысле, включая те этапы, которые не описывали собственно языкознание.

Библиографический список

1. Амирова, Т. А. История языкознания [Текст] / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – М. : Академия, 2003. – 672 с.

2. Арутюнова, Н. Д. Логическое направление в языкознании [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 273–275.

3. Бокадорова, Н. Ю. Европейская языковедческая традиция [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 146–147.

4. Будагов, Р. А. Чему нас учит история науки о языке? [Текст] / Р. А. Будагов // НДВШ. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 13–25.

5. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с. : ил. – (Классики отечественной филологии).

6. Лукин, О. В. Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика) [Текст] / О. В. Лукин // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 131–141.

7. Лукин, О. В. Части речи в Средние века (предпосылки и контекст) [Текст] / О. В. Лукин // Вопросы языкознания. – 2001, № 6. – С. 138–145.

8. Мельников, Г. П. Язык как система и языковые универсалии [Текст] / Г. П Мельников// Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. – С. 34–45.

9. Coseriu, E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft [Текст] / E. Coseriu. – Tübingen: Franke (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1372), 1988. – 329 S.

10. Glinz, H. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet [Текст] / H. Glinz. – Düsseldorf: Schwann, 1957. – 208 s.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Amirova, T. A. Istorija jazykoznanija [Tekst] / T. A. Amirova, B. A. Ol'hovikov, Ju. V. Rozhdestvenskij. – M. : Akademija, 2003. – 672 s.

2. Arutjunova, N. D. Logicheskoe napravlenie v jazykoznanii [Tekst] / N. D. Arutjunova // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – S. 273–275.

3. Bokadorova, N. Ju. Evropejskaja jazykovedcheskaja tradicija [Tekst] / N. Ju. Bokadorova // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – S. 146–147.

4. Budagov, R. A. Chemu nas uchit istorija nauki o jazyke? [Tekst] / R. A. Budagov // NDVSh. Filologicheskie nauki. – 1986. – № 3. – S. 13–25.

5. Kacnel'son, S. D. Kategorii jazyka i myshlenija: Iz nauchnogo nasledija [Tekst] / S. D. Kacnel'son. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. – 864 s. : il. – (Klassiki otechestvennoj filologii).

6. Lukin, O. V. Chasti rechi v antichnoj nauke (logika, ritorika, grammatika) [Tekst] / O. V. Lukin // Voprosy jazykoznanija. – 1999. – № 1. – S. 131–141.

7. Lukin, O. V. Chasti rechi v Srednie veka (predposylki i kontekst) [Tekst] / O. V. Lukin // Voprosy jazykoznanija. – 2001, № 6. – S. 138–145.

8. Mel'nikov, G. P. Jazyk kak sistema i jazykovye universalii [Tekst] / G. P Mel'nikov// Jazykovye universalii i lingvisticheskaja tipologija. – M. : Nauka, Gl. red. vost. lit., 1969. – S. 34–45.

9. Coseriu, E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft [Tekst] / E. Coseriu. – Tübingen: Franke (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1372), 1988. – 329 S.

10. Glinz, H. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet [Tekst] / H. Glinz. – Düs-seldorf: Schwann, 1957. – 208 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.05.2015

Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

[1] Об этом подробнее см. наши работы [6] и [7].

[2] Нем. «Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet».

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81.42

Л. Г. Антонова, Е. А. Лебедева

Стратегии самопрезентации языковой личности блогера

В статье рассматриваются приемы презентационной стратегии, которой стремится овладеть языковая личность, оказавшаяся в пространстве виртуального дискурса. Анализируя способы самопрезентации и инструменты виртуального взаимодействия блогера, ведущего сетевой дневник, можно выявить особенности его мышления и восприятия действительности, манеру общения и систему ценностей. При описании особенностей самопрезентации авторы статьи уделяют особое внимание аспектам экспериментирования языковой личности с собственной идентичностью, когда для воплощения конкретных коммуникативных намерений создаются искусственные образы – «маски», за которыми часто находится множество социальных, психологических и коммуникативных ролей языковой личности блогера. Авторы доказывают, что блогодискурс является уникальной коммуникативной средой, которая позволяет блогеру быть «наедине со всеми», успешно сочетать публичное и интимное. Каждый блогер стремится к «успешной коммуникации», под которой понимается такое общение, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить коммуникативное равновесие.

Ключевые слова: языковая личность блогера, презентационная стратегия, самопрезентация личности, виртуальный дискурс, коммуникативные намерения, собственная идентичность, коммуникативная роль, успешная коммуникация, коммуникативное равновесие.

COMMUNICATION THEORY

L. G. Antonova, E. A. Lebedeva

Self-presentation strategies of a blogger's linguistic personality

This article discusses presentation strategy techniques that every linguistic personality involved in virtual discourse seeks to master. Analyzing the methods of self-presentation and virtual interaction tools of a blogger can be the best way to identify their way of thinking and perception of reality, the manner of communication and the system of values. When describing the features of self-presentation, the authors pay particular attention to a linguistic personality experimenting with their own identity when they create artificial images -"masks" to realize specific communicative intentions. Behind these "masks" there are often a multitude of social, psychological and communicative language roles of the individual blogger. The authors argue that bloggers' discourse is a unique communicative environment that allows a blogger to be "tete-a-tete with everybody", to combine public and intimate. Every blogger aims at successful communication which enables the speaker to reach their goals and keep a communicative balance.

Keywords: linguistic personality of a blogger, presentation strategy, personality, self-presentation strategy, virtual discourse, communicative intent, own identity, communicative role, successful communication, communicative balance.

В настоящее время в науке большое внимание уделяется языковой личности, в частности, способам ее самопрезентации в разных типах дискурса. Особое значение приобретает изучение способов реализации личности в рамках виртуального дискурса. Основные цели виртуального

© Антонова Л. Г., Лебедева Е. А., 2015

дискурса можно свести к **социализации**, **самопрезентации** и **развлечению** участников данного вида дискурса. Главной из перечисленных целей, по мнению исследователей, является *цель самопрезентации*, поскольку в течение всего процесса виртуального взаимодействия с другими пользователями языковая личность так или иначе стремиться показать себя с лучшей, по ее мнению, стороны, предстать в выгодном свете, акцентируя внимание партнеров по коммуникации именно на тех своих чертах, качествах, которые считает или хочет считать своими достоинствами. Стоит отметить и то, что данная цель преследуется участниками на протяжении всего процесса коммуникации, поскольку именно от того, как виртуальная языковая личность сумеет преподнести себя другим пользователям сети, будет зависеть успех ее общения, положение, занимаемое в том или ином сетевом обществе [6]. Мы не можем не согласиться с А. В. Болотновым, что изучение различных дискурсивных проявлений человека позволяет выявить его мировидение, систему ценностей, особенности мышления и восприятия действительности, тезаруус, манеру общения и другие особенности. При стилевом подходе следует акцентировать внимание на индивидуально-авторских особенностях восприятия мира, обработке полученной информации и реакции на нее, на специфике приобщения адресата к своему видению действительности [1].

Ни одна успешная коммуникация не может обойтись без обращения к специальным коммуникативным стратегиям, под которыми понимается пошаговое планирование достижения цели с планированием ресурсов для каждого шага стратегии. Более подробно данный термин раскрывает А. В. Олянич [5]. Под *коммуникативной стратегией* он понимает концептуальное мировоззренческое намерение и его действенное осуществление по направлению производства содержания коммуникативного процесса, то есть «выбор того или иного коммуникативного пространства, той или иной среды коммуникации, того или иного типа взаимодействия, того или иного места порождения смысла и, тем самым, одного или нескольких дискурсивных измерений, относительно которых строится дискурс коммуникации [5, с. 317].

Стоит отметить, что на настоящее время учеными было осуществлено большое количество попыток выделения *типов и построения классификации коммуникативных стратегий.* Отдельные исследователи полагают, что все выделяемые типы стратегий могут быть в самом общем виде сведены к трем обширным классам – ***презентации, манипуляции, конвенции.*** По мнению С. В. Дацюка, основными средствами этих стратегий являются: для презентации – *послание,* для манипуляции – *сообщение,* для конвенции – *диалог* [3].

Основным средством самопрезентации языковой личности в процессе интернет-коммуникации является ее *коммуникативное поведение*. Только проявив себя в общении, личность может быть замечена и оценена иными участниками коммуникации. Но процессу общения предшествуют пресуппозиционные факторы, которые у О. В. Лутовиной названы как «*докоммуникативные средства»* [6, с. 57]. К ним относятся *ник* (сетевое имя) пользователя, *аватар* (картинка, заменяющее лицо автора в сети), *подпись* (текст, который идет после основного текста сообщения), *название блога* или *домашней страницы.* Докоммуникативные средства – это первое, что заявляет о себе языковая личность в виртуальном пространстве. Лишь после преодоления этого уровня она переходит непосредственно к процессу общения.

О. В. Лутовина считает, что при изучении особенностей самопрезентации того или иного лица в виртуальной коммуникации особое внимание нужно уделить *особенностям речевого поведения и невербальным компонентам коммуникативного поведения* рассматриваемого лица. К особенности речевого поведения исследователь относит специфические *формулы общения, прецедентные феномены* и *языковую игру*; к невербальным компонентам – использование *смайлов* или *всевозможных картинок,* а также других мультимедийных средств [6, с. 58–59].

Подобному типу поведения благоприятствует *анонимность*, право на которую предоставляет Всемирная сеть. Таким образом, у человека появляется уникальная возможность *экспериментирования* с собственной *идентичностью*, которая порождается анонимностью и ограниченным сенсорным опытом. Для воплощения конкретных коммуникативных намерений авторами формируются *собственные (или личные) образы*, за которыми часто находится множество *социальных и психологических реалий.*

М. Р. Желтухина указывает, что речевое воздействие на людей в процессе коммуникации оказывается при помощи так называемых *«суггестивных методов»*, которые могут быть пред-

ставлены как известные нам тактики *заражения, внушения, убеждения*. Эти методы можно рассматривать как цепную реакцию, при которой вначале происходит психологическая подготовка аудитории к восприятию информации (*заражение*), далее – внедрение своих установок в сознание аудитории (*внушение)*, что, в конечном счете, приводит аудиторию к состоянию собственной «*убежденности*» [4, с. 354] . Остановимся на этом подробнее.

- *Заражение* – подсознательный переход слушателя / читателя в определенное состояние под влиянием внешнего воздействия. Исследователи отмечают, что такой переход может быть осуществлен только в случае, если автор обладает большим речевым эмоциональным зарядом и умеет передать свое психологическое настроение аудитории, заставив ее, тем самым, реагировать на свое выступление в нужном ему направлении [5, с. 354] «Заразить» аудиторию можно с помощью эмоциональной яркости изложения содержания речи; при оправданном употреблении выразительных средств и убедительных примеров.
- *Внушение* осуществляется посредством емких, позитивных концептов, ярких эмоциональных «картин» и «образов», которые всегда понятны, приемлемы для слушателей и находят у них непосредственный отклик. Данный способ воздействия носит осознанный характер, так как степень воздействия связана с тем, насколько легко личность поддается внушению, с ее внутренним состоянием и авторитетностью выступающего. При внушении речь должна быть насыщенной, эмоционально яркой, она должна затрагивать чувства аудитории, а также апеллировать к ее основным ценностям.
- *Убеждение*, в отличие от внушения, обращено в большей степени к рациональной сфере слушателя. Убеждение, как отмечает В. Олянич, должно быть максимально логичным и доказательным, а также содержать как обобщенные положения, так и конкретные факты, примеры. Убеждая аудиторию, выступающий обращается к ее разуму, но при этом одновременно влияет и на его чувства [5, с. 355].

Стоит отметить, что блогодискурс является уникальной коммуникативной средой, поскольку позволяет быть *«наедине со всеми», сочетает публичное и интимное*. Каждый блогер тем или иным способом стремится донести свои мысли до массовой аудитории. Но если в обычных условиях под успешной коммуникацией понимается такое общение, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить *баланс отношений с собеседником, коммуникативное равновесие* [5], то в рамках виртуального пространства возможно и иное развитие событий: информация в блоговой записи может быть намеренно *провокационной*, публикуемой с целью «взорвать» публику. Но, естественно, не все блогеры преследуют подобные цели. Следует отметить, что применительно к блогосфере важен *горизонтальный вид равновесия* [6, с. 58]. Обусловливается это тем, что в виртуальном пространстве понятия о «рангах» стирается, создается иллюзия, что все равны. Не случайно интернет многие пользователи упорно считают «большой свалкой», где свобода часто граничит с вседозволенностью и выливается в принцип «делай, что хочешь». Но даже здесь, как отмечают исследователи, для успешной коммуникации участники должны быть *компетентны* относительно того, что для данного вида взаимодействия является нормой, а что может привести к нарушению этических и нормативно языковых правил. Иными словами, языковая личность в интернет-коммуникации должна владеть определенными знаниями, представлениями, умениями и навыками, необходимыми для поддержания общения и обмена информацией в рамках соответствующей ситуации общения, согласно определенным целям, то есть языковая личность должна обладать *коммуникативной компетенцией*. О. В. Лутовина пишет, что коммуникативная компетенция языковой личности складывается из трех составляющих: **энциклопедической, лингвистической** и **интерактивной** [6, с. 58]. Под *энциклопедической компетенцией* в данном случае понимается способность человека вербально описывать положение дел в том или ином фрагменте мира, например, в какой-то предметной области. О *лингвистической компетенции* пользователя будет непосредственно свидетельствовать способность правильного использования арсенала определенного языка для достижения тех или иных целей. Что касается *интерактивной компетенции*, то она проявляется в способности участника виртуального дискурса к установлению языкового контакта с партнером по коммуникации, а также в поддержании или прерывании этого контакта, соблюдая правила общения, принятые в данном языковом коллективе. «Поскольку речь участников виртуального дискурса, отмечает исследователь, – это сплав устной и письменной речи, то для адекватной коммуникации в Сети языковая личность должна

знать все эти особенности и уметь правильно употреблять и воспринимать эту новую устно-письменную форму речи» [6, с. 59].

По Т. Г. Гермашовой, ведущими техниками *самопрезентации* в блогодискурсе являются *самоописания и текстовые повествования;* дополнительные визуальные средства, в особенности *рисунки, фотографии, аудиофайлы и ссылки* на другие ресурсы, а также результаты онлайн- тестирования. Исследователь указывает, что в меньшей степени используются средства художественной литературы (стихотворения и проза), а также менее распространено размещение в блогах анкеты для знакомств [2].

Еще одна стратегия, которая может найти реализацию в блоге, – это *стратегия подчинения (или провоцирования),* при которой говорящий пытается заставить партнера по коммуникации действовать в соответствии с его требованиями, то есть стремится получить прогнозируемую реакцию, обещая за это какую-либо награду либо просто призывая адресата к «чувству долга».

Ярко выраженная *авторская позиция, аргументация, оценочность, нестандартность* – все это особенности использования тактических приемов в организации эффективного успешного поста, как утверждают исследователи. Кроме того, именно экспрессивные средства воздействия служат созданию злободневности и актуальности и в итоге могут сделать блогера популярным.

Как показал опыт практического описания «традиций» блогосферы на примере систематического анализа постов известных медиаличностей (Сергея Стиллавина и Тины Канделаки), в постах блогеры говорят о себе, своей включенности в проблему, что обеспечивает *определенный «баланс отношений»* партнеров, позволяет произвести определенное впечатление на целевую аудиторию, решить комплекс задач воздействия. Для большей убедительности в решении задач информирования и воздействия блогеры не ограничиваются вербальными текстами и прибегают к дополнительным средствам: видео, аудио, графическим файлам, смайлам. Особую значимость приобретают *тактические приемы интимизации блогодискурса*: блогеры могут показывать свою включенность в проблему, отождествлять себя с аудиторией, для которой пишут, использовать интригующие заголовки. (Так, у Тины Канделаки есть запись с говорящим заголовком: *«Уважаемый Дмитрий Ливанов! Чего вы боитесь?»* или запись под названием: *«Слив засчитан. Минобрнауки признал утечку ЕГЭ»* [7]. В обоих случаях в центре оказывается ситуация вокруг Единого государственного экзамена, сложившаяся в прошлом году, а именно «утечка» экзаменационных заданий. При анализе ситуации автор активно включает примеры – события жизни собственной семьи).

Еще один важный вывод был сделан при аналитическом описании: при выборе любого стратегического направления личность, активно взаимодействующая в блогодискурсе, действительно желает себя грамотно преподнести массовой аудитории и демонстрирует и коммуникативную компетенцию, и успешный *«опыт пишущего»,* чтобы обстоятельно и развернуто описывать свои мысли и впечатления, устанавливать и поддерживать контакт с виртуальными партнерами по коммуникации и, конечно, получить ответную реакцию. На первом месте в блогосфере всегда остается *самопрезентация,* а среди наиболее востребованных стратегий, к которым прибегает блогер, – стратегия вовлеченности, стратегия личного обращения, стратегия убеждения и стратегия «предложение помощи». Состоявшиеся, успешные блогеры обладают навыками *прогнозирования развития диалога*, предугадывают реакцию собеседника и реагируют на нее.

Наш опыт прикладного описания подтверждает, что перед массовой аудиторией в лучших опытах блогодискурса предстает портрет автора-блогера, заинтересованного в социальных проблемах, считающего себя причастным к ним и стремящегося найти им решение.

Библиографический список

1. Болотнов, А. В. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект [Текст] / А. В. Болотнов // Вестник ТГПУ, 2012. – №10 (125).

2. Гермашева, Т. М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса [Текст] / Т. М. Гермашева // Вестник Адыгейского государственного университета, 2014. – №2 (140). – (Филология и искусствоведение).

3. Дацюк, С. В. Коммуникативные стратегии. [Электронный ресурс] / С. В. Дацюк. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751. – (Дата обращения: 21.09.2015).

4. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] : монография / М. Р. Желтухина. – М. :

Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

5. Оляныч, А. В. Презентационная теория дискурса [Текст] : монография / А. В. Оляныч. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.

6. Лутовинова, О. В Коммуникативное пространство виртуальной языковой личности [Электронный ресурс] / О. В. Луговинова // Известия ВГПУ, 2012. – №11. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti. – (Дата обращения: 21.09.2015).

7. Блог Тины Канделаки. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tikandelaki.livejournal.com/330043.html. – (Дата обращения: 21.09.2015).

Bibliograficheskij spisok (*in Russ*)

1. Bolotnov, A. V. Samoprezentacija jazykovoj lichnosti v publichnom diskurse: kognitivno-stilisticheskij aspekt [Tekst] / A. V. Bolotnov // Vestnik TGPU, 2012. – №10 (125).

2. Germasheva, T. M. Virtual'naja jazykovaja lichnost' v prostranstve blog-diskursa [Tekst] / T. M. Germasheva // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – №2 (140). – (Filologija i iskusstvovedenie).

3. Dacjuk, S. V. Kommunikativnye strategii. [Jelektronnyj resurs] / S. V. Dacjuk. – Rezhim dostupa: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

4. Zheltuhina, M. R. Tropologicheskaja suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI [Tekst] : monografija / M. R. Zheltuhina. – M. : In-t jazykoznanija RAN ; Volgograd : Izd-vo VF MUPK, 2003. – 656 s.

5. Oljanich, A. V. Prezentacionnaja teorija diskursa [Tekst] : monografija / A. V. Oljanich. – Volgograd : Paradigma, 2004. – 507 s.

6. Lutovinova, O. V Kommunikativnoe prostranstvo virtual'noj jazykovoj lichnosti [Jelektronnyj resurs] / O. V. Lugovinova // Izvestija VGPU, 2012. – №11. – Rezhim dostupa: http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

7. Blog Tiny Kandelaki. [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://tikandelaki.livejournal.com/330043.html. – (Data obrashhenija: 21.09.2015).

Дата поступления статьи в редакцию: 01.09.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81'27+81'221

Е. И. Горошко, Л. В. Павлова

Особенности использования невербальных средств в англоязычной политической интернет-коммуникации

Работа посвящена исследованию невербальных средств в англоязычной политической интернет-коммуникации на примере сайтов конгрессменов США. Персональные сайты политических деятелей создаются как форма открытого диалога субъектов политики с избирателями, посредством которой они могут воздействовать на адресата. Мы постарались продемонстрировать использование представителями Верхней палаты конгресса США (сената) элементов невербальной коммуникации, которые, на наш взгляд, являются определенными видами интерактивных мультимодальных платформ второго веба. Политические же коммуникации, реализуемые в этих коммуникативных средах, как раз и представляют те «вызовы», которые как подталкивают к дальнейшему развитию лингвистического инструментария анализа, так и обнажают коммуникативные проблемы эффектов взаимодействия. Последние, в свою очередь, настоятельно требуют развития именно практических подходов и выработки мультимодальных методов анализа в рамках лингвистики и других коммуникативных дисциплин.

Установлено, что речевое воздействие на этих сайтах осуществляется с помощью вербальных (лексико-грамматических, синтаксических) / невербальных средств. Усилению речевого воздействия способствуют невербальные средства, которые делятся на графические, иконические и мультимедийные и вступают с вербальным текстом в автосемантические и синсемантические отношения. Исследование показало, что особенности взаимодействия вербальных и невербальных средств в англоязычных медиатекстах персональных сайтов политических деятелей детерминируются целями политического дискурса: убедить адресата, привлечь внимание, проинформировать. Эти цели реализуются путем продуцирования сложного текстового пространства, в котором взаимодействуют вербальный текст и невербальные средства, многообразие которых приводит к тому, что англоязычные электронные политические медиатексты приобретают новые возможности производства и репрезентации.

Ключевые слова: интерактивные мультимодальные платформы, интернет-коммуникация, интернет-лингвистика, лингвистика 2.0, медиатекст, мультимодальное компьютерно-опосредованное общение, мультимодальные методы анализа, невербальная коммуникация, персональные сайты конгрессменов, политическая лингвистика, социальные медиа.

E. I. Goroshko, L. V. Pavlova

Peculiarities of non-verbal communication through congressional web-sites

The work is devoted to the study of nonverbal means used in English-speaking political Internet communication. US congressmen's sites are selected as a source for the research. Personal sites are created by politicians as a form of open dialogue with their electorate, through which they can influence their audience. The research presents a case study of using elements of non-verbal communication through these sites that can be rendered as certain types of web 2.0 interactive multimodal platforms. It is the communication policy implemented in these communication media that generates the "challenges" which are pushing towards the further development of linguistic analysis tools and at the same time reveals communicative problems in interaction effects that urgently need the development of practical approaches. All mentioned above require the elaboration of multi-modal methods of analysis both in linguistics and other communicative disciplines.

The data obtained demonstrates that the verbal impact through these sites is realized by the convergence of verbal (lexical, grammatical and syntactic) and non-verbal means. The non-verbal elements (which are divided into graphic, iconic and multimedia) form auto semantic and sin semantic relationship with verbal text and strengthen the interactive impact on the target audience. The study reveals that the characteristics of the interaction of verbal and non-verbal means in English-language media texts located on the personal websites of politicians are determined by the political discourse whose purposes are to convince the recipient, draw their attention and inform them. These objectives are realized with the help of the complex text space production where the interaction between verbal and non-verbal text elements takes place constantly. The texts' diversity leads to the situation when English electronic media texts gain new opportunities of production and representation.

Keywords: interactive multimodal platform, Internet communication, Internet linguistics, linguistics 2.0, media text, multimodal analysis techniques, multimodal computer-mediated communication, nonverbal communication, personal congressional web-sites, political linguistics, social media.

О лингвистике интернета как новом направлении языкознания стали говорить довольно давно – приблизительно с конца прошлого века, с середины 90-х гг., когда мировая интернет-аудитория стала расти достаточно быстро, приблизившись к миллиарду пользователей [20]. Кроме особенностей описания функционирования языка посредством электронного канала, в

© Горошко Е. И., Павлова Л. В., 2015

этом направлении затрагивались социолингвистические аспекты анализа (гендер, профессия, уровень образования носителей языка), как правило, на дискурсивном уровне [Там же]. Сейчас уже можно говорить о достаточно мощном направлении, которое изучает особенности функционирования языка в интернете, начиная с лексического и морфологического анализа и заканчивая прагматикой. Особенно мощно это направление стало развиваться с появлением второго веба и социальных медиа, работающих на их основе [3; 4]. В самом направлении появились такие явления и термины, как *лингвистика 2.0, гипертекст 2.0* или *лингвистика новых медий* [5]. При этом изучению использования средств невербальной коммуникации от общего объема работ уделялось как-то меньше внимания, хотя их роль именно в интернет-коммуникации иногда является достаточно важной.

Так, анализируя использование контент-анализа при изучении интернет-коммуникации, американская исследовательница Сезанна Херринг расширяет его парадигмальные рамки и вводит понятие *веб-контент анализа* (англ.: web content analysis), которое учитывает как использование обычного контент-анализа в сети интернет, так и изучение веб-контента с добавлением методов визуального анализа и веб-анализа, к которому относится анализ гиперссылок, доменных имен и ряд других вещей (см. **Рисунок 1**).

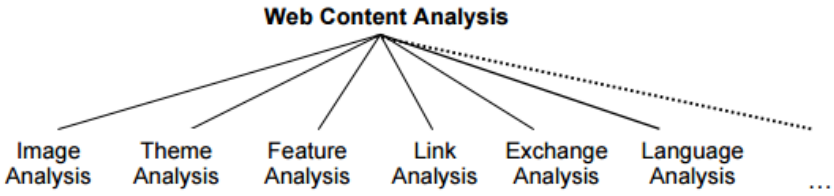


Figure 2. WebCA: An expanded paradigm

(Приведено по [20])

Рис. 1. Веб-контент анализ: расширенная парадигма

Из приведенной схемы видно, что наряду с лингвистическим используется визуальный анализ, анализ гиперссылок, анализ содержания и анализ всего того, что касается видимости и интегрированности сайта или портала в коммуникативный ландшафт Глобальной паутины.

Более того, при анализе компьютерно-опосредованного общения (англоязычная калька), или интернет-коммуникации (русскоязычный термин), происходит расширения дисциплинарных границ. Так, при анализе социальных сетей в интернете из социологии коммуникаций к веб-анализу добавляется именно сетевой анализ и т. д. (см. **Рисунок 2**).

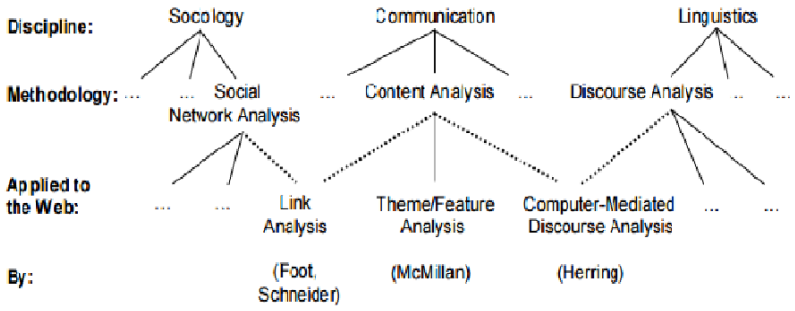


Figure 1. Some approaches to analyzing web content

(Приведено по [20])

Рис. 2. Некоторые подходы к анализу веб-контента

И собственно видоизменения методологии анализа, расширение парадигмальных и дисциплинарных границ в этой области знания может быть пояснено целым рядом факторов, но, прежде всего, это усиление визуальной составляющей всей интернет-коммуникации, когда графикой или фильмом можно сказать больше чем текстом. Кроме того, в интернет-коммуникации идет явное «сращивание», или конвергенция, нескольких семиотических систем, когда любое аудио или видео можно прокомментировать, ответить также с помощью текста или аудио- / видеопослания и так далее. Наиболее яркими примерами площадок для таких конвергентных коммуникаций являются социальные сети, например, Фейсбук или вКонтакте, а также фото-видеообменники, такие как Фликр, Ютуб или Инстаграм.

По мере развития интернет-технологий, социальных медиа и увеличения числа людей, ими пользующихся, стало изучаться воздействие таких крайне креолизованных текстов на человеческое восприятие [10; 16].

Описывая лингвистические явления с позиции современных концепций развития интернет-технологий (социальных медий) американская исследовательница С. Херринг вводит термин *мультимодальность* для описания в т. ч. и воздействия таких технологий на человека и на изменение коммуникативного ландшафта в целом. Ученая определяет его через взаимодействия в Сети с помощью *интерактивных мультимодальных платформ* второго веба (сокращ. ИМПы), которые поддерживают конвергенцию разнообразных семиотических систем (аудио, видео, текста, графики) в коммуникации интернет-пользователей.

Заметим, что это общение в социальных медиа и через ИМПы становится столь популярным объектом лингвистического и коммуникативного анализа в целом, что С. Херринг предлагает специальный термин *мультимодальное компьютерно-опосредованное общение* (англ.: multimodal computer-mediated communication) (см. **Рисунок 3**).

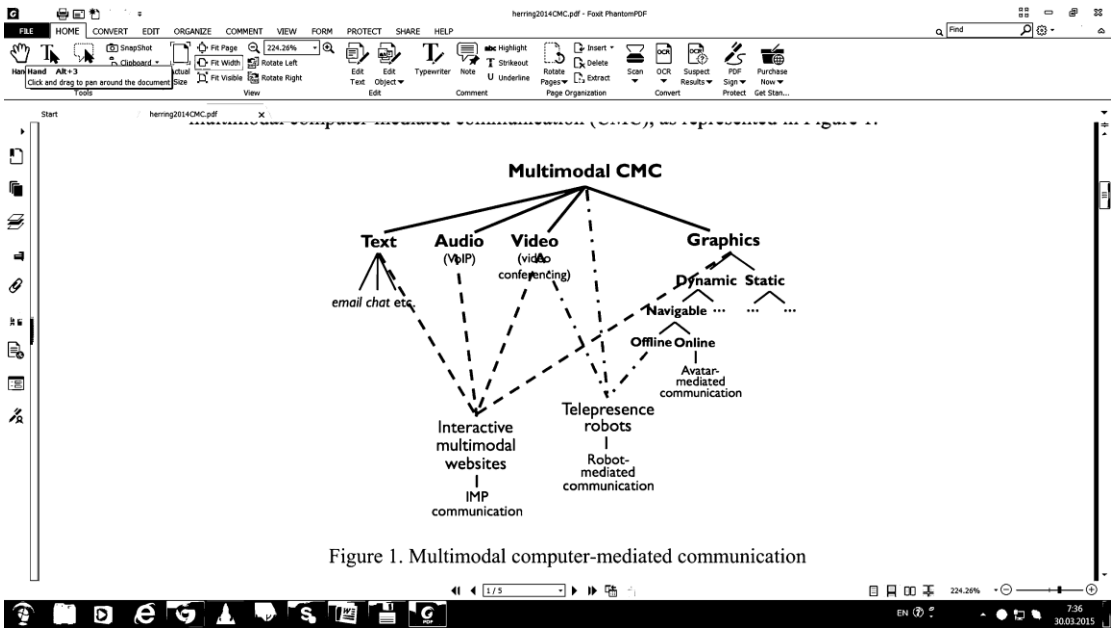


Figure 1. Multimodal computer-mediated communication

(Приведено по [18])

Рис. 3. Схема мультимодального компьютерно-опосредованного общения

Таким образом, сегодня мы уже можем говорить об *интерактивных мультимодальных платформах* (англ. interactive multimodal platforms (IMPs)), которые позволяют в социальном вебе комментировать мультимодальный контент посредством мультимодальных каналов на одном сайте и даже с помощью одной «беседы». ИМП минимально использует текст и еще одну дополнительную семиотическую систему (видео, аудио, графику). И эти модусы могут реализовываться как в синхронном, так и в асинхронном режимах передачи данных.

ИМПы собственно всегда являются сервисами второго веба, инкорпорируя пользователь-

ский контент и социальные интеракции в единое коммуникативное пространство, в то время как далеко не все сервисы веб 2.0 представляют собой ИМПы. Например, Твиттер или Википедия в их современном виде не могут быть отнесены к ИМПам. Один из первых примеров ИМПа стал сервис Ютуба, который позволял в асинхронном режиме зарегистрированным пользователям комментировать размещаемые видео на канале как в текстовом, так и видеоформатах. Социальная сеть Фейсбук стала ИМПом после того, как предоставила своим пользователям сервис видеочата. Другой яркий пример ИМПов – это игровые сервисы, например онлайновая игра *Мир военных искусств* (англ.: World of Warcraft), которая несколько лет назад добавила в свой коммуникативный дизайн опцию синхронного аудиочата к текстовому обмену сообщениями. Популярный сегодня среди пользователей смартфонов сервис WhatsApp представляет пример ИМПа, созданного для мобильных расширений. Этот сервис позволяет параллельно с текстовыми сообщениями обмениваться фото, видео и аудиоинформацией в рамках одного диалога. И эти мультимодальные комментаторские среды ставят перед исследователями ряд вопросов. Например, как и зачем люди общаются в рамках данной коммуникативной модели? До какой степени выбор ими текста, звука или изображения влияет на само общение? Что в этом общении наиболее позитивно и социально, а что вызывает вербальную агрессию и отторжение? Как коммуникативный эффект воздействия связан с тем или иным форматом передачи информации (текст, звук, видео)? И как один формат воздействия связан с другим? До какой степени этот выбор влияет на получателя сообщения? И как вся эта информация, полученная посредством нашего практического анализа, может повлиять на улучшение работы сервиса с точки зрения усиления коммуникативного эффекта воздействия [18].

Изложенные выше положения постараемся продемонстрировать на примере исследования сайтов политиков США, посвященного использованию элементов невербальной коммуникации представителями Верхней палаты конгресса США (сената), которые, на наш взгляд, являются определенными видами ИМПов, а политические коммуникации, реализуемые в этих коммуникативных средах, как раз и представляют те «вызовы», которые как подталкивают к дальнейшему развитию лингвистического инструментария анализа, так и обнажают коммуникативные проблемы эффектов взаимодействия. Последние, в свою очередь, настоятельно требуют развития именно практических подходов и выработки *мультимодальных методов анализа*.

Среди всех форм англоязычного политического интернет-дискурса персональные сайты политиков являются принципиально новым и даже революционным способом публичной коммуникации, способным поддерживать все виды политической активности, существующие в интернете [10].

Привлекательность и востребованность персональных сайтов для политиков определяются выгодностью и преимуществом этой формы политической коммуникации, а именно:

– возможностью размещения на сайте любого количества материалов;

– оперативностью при доставке информации в любую часть мира ввиду отсутствия пространственно-временных ограничений;

– возможностью налаживать прямой диалог с пользователями, самостоятельно формировать их политические предпочтения и оценивать их политическую активность, создавая сетевые сообщества единомышленников;

– возможностью значительно уменьшить материальные затраты в связи с отсутствием необходимости в распечатке материалов;

– возможностью самостоятельно выбирать стратегии конструирования собственного имиджа и использовать языковые средства и стилистические приемы для оказания воздействия на адресата;

– постоянным доступом к материалам и легкостью их обновления;

– возможностью персонифицировать предлагаемую адресатам информацию (индивидуальное графическое, цветовое и т. п. оформление);

– высокой степенью интерактивности [10, с. 64–65].

Заметим, что коммуникативное пространство англоязычных персональных сайтов политических деятелей состоит из конгломерата медиатекстов, способы создания и презентации которых определяются базовыми признаками интернет-коммуникации и спецификой электронного канала передачи. При этом свойства среды (гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность), влияющие на структурные, синтаксические, лексические характеристики текста, отражаются и в этих медиатекстах. Соответственно, выявление особенностей функционирования ме-

диатекстов в англоязычном политическом интернет-дискурсе, а также определение их лингвокоммуникативных характеристик требуют применения мультимодального подхода, который интегрировал бы семиотический и коммуникативно-функциональный лингвистический анализ.

Семиотический подход при анализе медиатекста предполагает его исследование как сложного семиотического образования, сложной знаковой системы, представленной знаками различной природы (вербальными / невербальными). Коммуникативно-функциональный подход предполагает анализ вербальных составляющих коммуникативного процесса в рамках определенных коммуникативных обстоятельств, сферы общения (контекста) как важнейшего смыслообразующего компонента текста.

Мы исходили также из предпосылки, что средства языкового кода выступают в общении не изолированно, а в единстве, формируя коммуникативное сообщение, в котором синтезирован смысл всех использованных средств кода [2, с. 53]. При этом информация, воспринимаемая по разным каналам, – вербальный текст и изображение – «... интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления, поскольку на уровне глубинной семантики языка не существует принципиальной разницы между семантикой иконических и вербальных знаков» [13, с. 118], и без декодирования и интерпретации невербальных средств, которые, являясь носителем определенной информации, выполняют еще и аттрактивную функцию, полное извлечение информации из текста становится невозможным [1, с. 8].

В англоязычных электронных политических медиатекстах невербальные средства используются для усиления эмоционального и эстетического воздействия на адресата, а также для привлечения его внимания. И хотя их считают «...факультативной формой, вспомогательными приемами языкового общения, чисто надстроечной категорией, не затрагивающей саму основу языковой системы» [7, с. 77], очевидно, что лишь удачный и продуманный синтез вербальных и невербальных компонентов позволяет усилить прагматический эффект воздействия медиатекста, сделать его эффективным средством коммуникации сенаторов со своей аудиторией.

Невербальные средства, способствующие передаче смыслов в текстах, могут классифицироваться по различным критериям. Например, **по способу** представления информации они делятся на *изобразительные,* или *образные* (фотографии, иллюстрации, рисунки), и *наборные* (применение графических приемов: увеличение или уменьшение кегля, капитализация, курсив, полужирное выделением, подчеркивание, – декоративные и колористические элементы) [8, с. 27]; **по степени сходства** с изображаемыми реалиями невербальные средства можно разделить на *натуралистические* (фотографии); *художественные* (картины, рисунки); *художественно-символические* (изошутки); *символические* (знаки-формулы) [11, с. 59–60].

В качестве материала исследования нами были выбраны англоязычные медиатексты персональных сайтов американских политических деятелей – сенаторов Конгресса США 113-го созыва, одержавших победу на выборах 6 ноября 2012 г. В общем было исследовано 100 персональных сайтов, размещенных на портале Верхней палаты представителей Конгресса США [12].

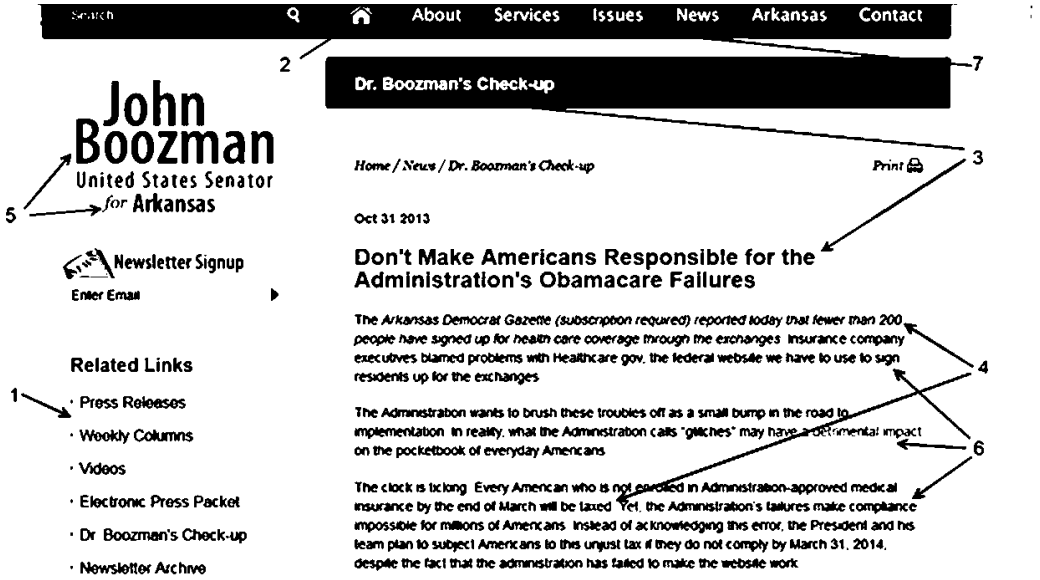
При этом выборку составили медиатексты, организующие основные тематические рубрики англоязычных персональных сайтов политических деятелей *(«Biography», «News», «Services», «Contacts», «Awards and Honors»),* а также стартовые страницы сайтов. Кроме того, наш исследовательский интерес вызвали медиатексты тематического блока «*Предметы обсуждения*» *(«Issues»),* представленного исключительно в американском политическом интернет-дискурсе. По каждому сайту был составлен список медиатекстов, формирующих эти рубрики. Затем с помощью генератора случайных чисел, равного 5, с каждого сайта были отобраны медиатексты и сформирована общая выборка в количестве 3 000 медиатекстов.

Изучив особенности невербальной коммуникации в электронных медиатекстах персональных сайтов политических деятелей и исходя из критерия представленности на сайте конкретных семиотических систем, все неязыковые средства мы делим на: *графические* (шрифт, цвет, разметка сайта), *иконические* (фотографии, рисунки) и *мультимедийные* (интеграция графики, звука, динамики).

Специфика зрительного восприятия письменного текста, продуцируемого электронной средой, заключена, прежде всего, в его многократно возросшей *графической неоднородности*, определяемой как совокупность зрительных впечатлений, которая предшествует постижению смысла до начала чтения, а в процессе чтения участвует в формировании этого смысла [6, с. 93].

Наш анализ позволил заключить, что электронные политические медиатексты персо-

нальных сайтов политических деятелей насыщены графическими элементами (см. **Рисунок 4**), использование которых на современном этапе является обязательным требованием к «комфортному» восприятию самого сайта. При этом каждый сенатор использует определенную комбинацию этих элементов (шрифтов, цветов и т. д.), чтобы подчеркнуть свою оригинальность и установить индивидуальный стиль.



1 – маркированный список;
2 – пиктограммы;
3 – колористическое и шрифтовое выделение заголовков;
4 – выделение цветом встроенных ссылок;
5 – использование различных размеров шрифта;
6 – представление текстовой информации в виде блоков;
7 – контраст между цветовой «подложкой» и цветом заголовков.

Рис. 4. Графические средства оформления политического электронного медиатекста

Вербальный текст на сайте обычно размещается на однотонном фоне. Обычно это белый, голубой, светло-желтый, светло-серый цвета с текстом, напечатанным темным шрифтом, однако встречается и светлый тон шрифта на темно-синем или темно-сером фоне (2 %). Иногда в вебдизайне используют графический фон, который, несмотря на свою привлекательность, может вызвать неудобство при чтении текста, поэтому в нашем исследовании использован не был.

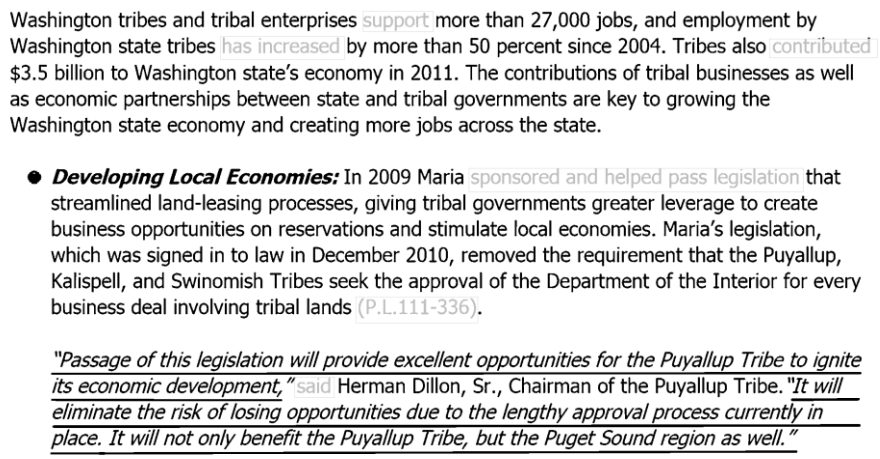
Одним из важных невербальных средств оформления сайтов является цвет, способный воздействовать на эмоции и даже на физиологические функции человека, находясь в тесной связи с его психикой [9]. Так, *красно-желтая* область спектра активирует и стимулирует; *сине-зеленая* стабилизирует и успокаивает [14, с. 158]. На сайте цветом могут выделяться встроенные гиперссылки, даты, заголовки, рубрики, строки навигационного меню и т. п. Это не только делает сайт привлекательным с эстетической точки зрения, но и регулирует поведение пользователя на сайте, помогая ему выделить наиболее важную и релевантную информацию. Таким образом, цвет, являясь эргономичным средством, выполняет ряд функций: *смысловыделительную, аттракционную, символическую, эстетическую, регулятивную.*

Необходимым композиционным элементом электронных политических медиатекстов является шрифт, который используется как строительный материал для оформления его вербальной части и вместе с тем как самостоятельная художественная форма [1, с. 61]. Особый шрифт заставляет адресата присоединять к информации, непосредственно извлекаемой из высказывания, мысль о важности, срочности, опасности, безотлагательности некоторого действия [7, с. 57].

Шрифт выполняет *аттрактивную, смысловыделительную, эстетическую* функции. Пра-

вильный и удачно подобранный шрифт обеспечивает удобочитаемость текста, привлекает внимание адресата, позволяя ему быстро знакомиться с контентом сайта. Нами было отмечено, что при выборе шрифтов предпочтение отдавалось традиционным для веб-дизайна *Times New Roman, Arial, Verdana Helvetica*, реже встречались шрифты *Calibri, Lucida Bright, Trebuchet MS, Tahoma*, при этом некоторые из них комбинировались, обеспечивая медиатексту большую наглядность и выразительность.

Например, шрифт в электронных политических медиатекстах используется для маркировки авторского текста в предложениях с прямой речью (см. **Рисунок 5**).



Washington tribes and tribal enterprises support more than 27,000 jobs, and employment by Washington state tribes has increased by more than 50 percent since 2004. Tribes also contributed $3.5 billion to Washington state's economy in 2011. The contributions of tribal businesses as well as economic partnerships between state and tribal governments are key to growing the Washington state economy and creating more jobs across the state.

- ***Developing Local Economies:*** In 2009 Maria sponsored and helped pass legislation that streamlined land-leasing processes, giving tribal governments greater leverage to create business opportunities on reservations and stimulate local economies. Maria's legislation, which was signed in to law in December 2010, removed the requirement that the Puyallup, Kalispell, and Swinomish Tribes seek the approval of the Department of the Interior for every business deal involving tribal lands (P.L.111-336).

"Passage of this legislation will provide excellent opportunities for the Puyallup Tribe to ignite its economic development," said Herman Dillon, Sr., Chairman of the Puyallup Tribe. *"It will eliminate the risk of losing opportunities due to the lengthy approval process currently in place. It will not only benefit the Puyallup Tribe, but the Puget Sound region as well."*

Рис. 5. Шрифтовое выделение фрагментов текста на персональном сайте сенатора С. Кантвелл

Кроме этого, шрифт используют для выделения отдельных значимых фрагментов медиатекста, например, тех, которые в устной речи выделены интонационно:

(189) Employers will not be required to offer health insurance. Only those employers with more than 50 employees who don't provide coverage will have to contribute toward the cost of covering the employee if the employee qualifies for a tax credit (http://www.stabenow.senate.gov)

Свои тексты-обращения на сайтах сенаторы заканчивают подписью, которая изображается рукописным шрифтом (см. **Рисунок 6**), что эксплицирует стремление политика подчеркнуть обращение лично к каждому человеку, создать атмосферу доверительности и усилить эмоциональное воздействие, подчеркнуть неформальность и диалогичность общения.

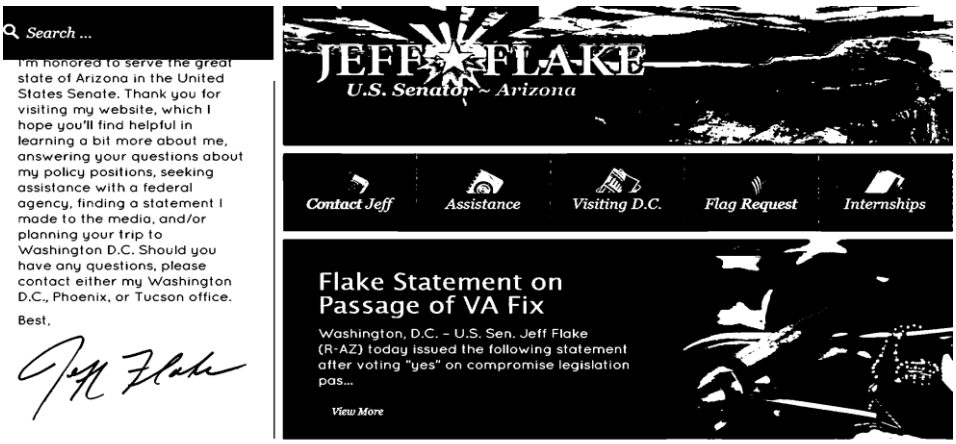


Рис. 6. Использование рукописного шрифта на персональном сайте сенатора Дж. Флейка

Текст, размещенный на сайте, отличается от печатного способом представления информации: она подается не сплошным текстом, а блоками (может в виде маркированных списков), связанными гиперссылочным аппаратом, хотя технические возможности языка HTML уже давно позволяют подавать информацию в форме, приближенной к стандартному печатному тексту. Это доказывает существование правил архитектурной композиции электронного текста, отличающейся от традиционных норм презентации текста печатного [15, с. 19].

Подобная традиция сегментирования текста связана с функциями абзаца в печатном тексте, который является единицей архитектонического членения текста, его композиционно-синтаксическим ориентиром, и позволяет упорядочить и дифференцировать информацию, представить ее в удобном для чтения виде, поскольку обеспечивает порционность подачи информации, поддерживает избирательность читательского восприятия, помогает быстро вернуться к ранее прочитанному.

Группа *иконических* средств представлена рисунками, картинками, чертежами, символическими изображениями, схемами, фотографиями. Эти средства обеспечивают презентабельность, достоверность, убедительность текста, они представляют собой самостоятельные носители определенной информации и без труда декодируются адресатом. От удачного сочетания этих средств зависит иконическое восприятие сайта *(iconic perception)*, то есть насколько текст воспринимается как картинка *(text is an image)*, если исключить вербальный компонент [17, с. 50].

Современные мультимедийные технологии позволяют сделать персональные сайты политических деятелей эффективными и удобными в использовании, поэтому практически на каждом сайте присутствуют *мультимедийные* средства:

1) страноведческие, пейзажные слайды, изображения отдельного штата, города, округа или всего государства, анимационные и графические решения, создающие эффект неожиданности (http://www.inhofe.senate.gov);

2) эффект прямого эфира создают представленные на сайтах новости «бегущей строкой» (http://www.sanders.senate.gov);

3) видеозаписи выступлений сенаторов размещаются на каждом сайте, записи в аудиофайлах были отмечены лишь на 29 % сайтов, что подтверждает доминирование визуального способа восприятии окружающего мира.

Вербальный и невербальный компоненты могут иметь различную степень корреляции между собой, создавая тексты с частичной и полной креолизацией. Первую группу составляют медиатексты, в которых вербальная и невербальная части вступают в *автосемантические* или *дополнительные* отношения, когда вербальная часть относительно автономна, а изобразительные компоненты являются элементом факультативным, обеспечивая двойное кодирование речевого сообщения для усиления его информационного веса.

На пространстве персональных сайтов политических деятелей в такие отношения с вербальной частью вступают выделительные средства, например, *пиктограммы* – сообщения, составленные с помощью условных знаков, представляющих одиночные невербальные знаки, визуально-смысловые конструкции, эквиваленты букв, отдельных слов или всего текста, способных сделать сайт оригинальным, привлечь внимание адресата, активизировать механизм запоминания особенно тех людей, у которых преимущественным является зрительный канал восприятия внешнего мира (см. **Рисунки 7–8**).

Рис. 7. Пиктограммы на персональном сайте сенатора Э. Келли

Рис. 8. Пиктограммы на персональном сайте сенатора Э. Уоррен

Пиктограммы являются распространенным компонентом сайта, и в ходе анализа мы их выявили на 94 % всех сайтов, при этом отдельно взятый знак не является транслятором конкретного смысла, поэтому для удобства декодирования адресатом сопровождается вербальным текстом. Например, мы обнаружили, что вербальному тексту *Help with Federal Agencies* соответствуют 11 разных пиктограмм. Это свидетельствует о стремлении политика индивидуализировать способ представления информации на сайте, совершить акт самовыражения и подчеркнуть уникальность сайта (см. **Рисунок 9**).

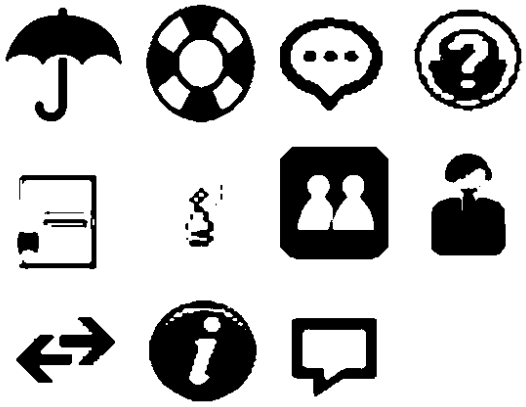


Рис. 9. Варианты пиктограмм, соответствующие тематическому блоку «*Help with Federal Agencies*»

Вербальный и невербальный компоненты могут находиться в *синсемантических (интегративных)* отношениях, когда вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве облигаторного (обязательного) элемента текста. Примером такой корреляции является изошутка, изображенная на персональном сайте Д. Меркли (см. **Рисунок 10**), где сенатор, указывая на своего коллегу, призывает изменить существующие в сенате методики блокирования процедуры принятия решения с «молчаливой» обструкции на возможность политикам (меньшинству в сенате!) высказывать свою точку зрения и участвовать в дебатах. Местоимение *them* имплицитно указывает на оппозицию *«мы–они»*: мы – большинство сенаторов, к которому принадлежит и сенатор Меркли, они – меньшинство, которых надо заставить говорить.

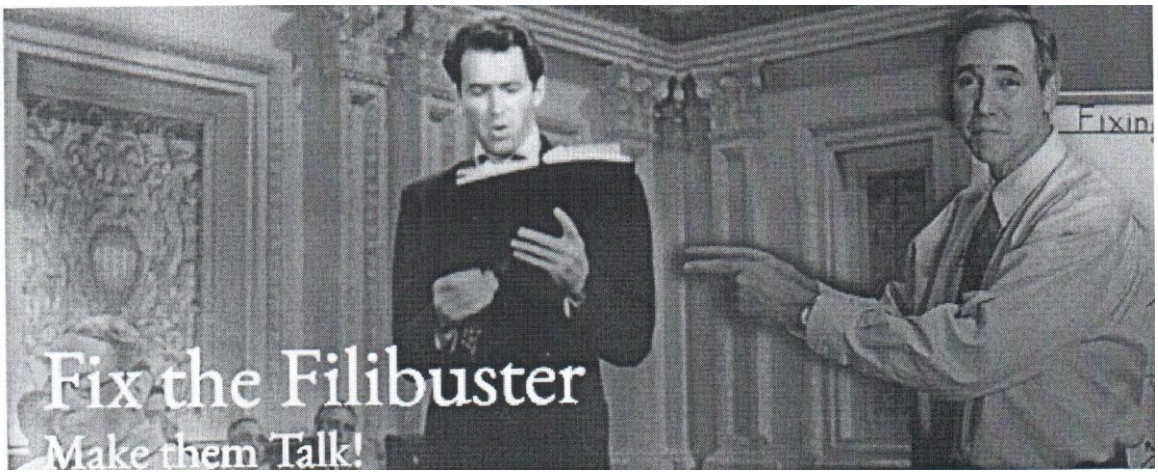


Рис. 10. Интегративные отношения вербального и невербального компонентов (персональный сайт сенатора Дж. Меркли)

На рисунке 11 изображена карта штата с выделенными на ней регионами. При наведении курсора на регион появляется текст с описанием работы, которую сенатор проводит в этой местности. Декодирование смысла, заложенного в вербальном сообщении, осуществляется при этом только при наличии иконического компонента (см. **Рисунок 11**).

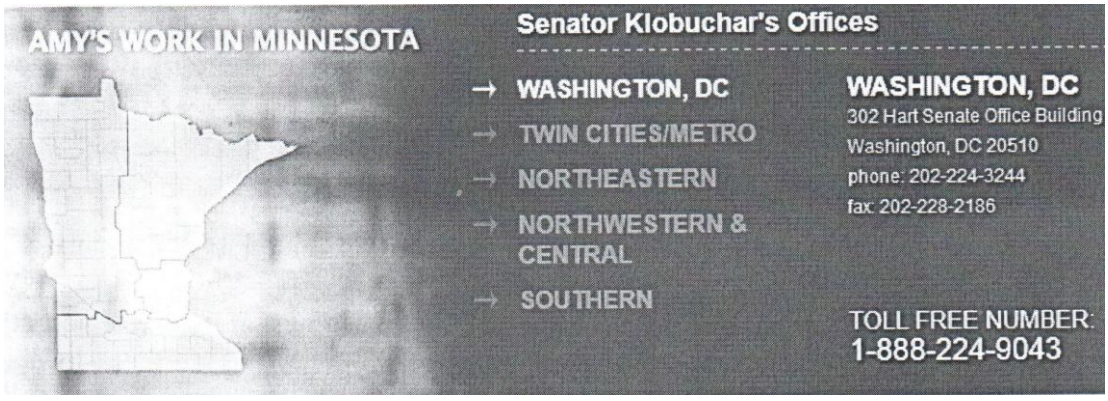


Рис. 11. Интегративные отношения вербального и невербального компонентов (персональный сайт сенатора Э. Клобухар)

В отношения интегрирования с вербальным текстом могут вступать и средства графические, оформляющие в тексте встроенные гиперссылки:

(190) *On this site, you will find a great deal of information about my efforts in the* ***United States Senate, news releases, Idaho links, tourist information*** [гиперссылка] *for visiting Washington, DC, and much more. I would love to hear from you about issues of concern to you* (http://www.crapo.senate.gov).

Подводя итог, отметим, что особенности взаимодействия вербальных и невербальных средств в англоязычных медиатекстах персональных сайтов политических деятелей детерминируются целями политического дискурса: убедить адресата, привлечь внимание, проинформировать. Эти цели реализуются путем продуцирования сложного текстового пространства, в котором взаимодействуют вербальный текст и невербальные средства, многообразие которых приводит к тому, что англоязычные электронные политические медиатексты приобретают новые возможности производства и репрезентации.

Библиографический список

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) [Текст] : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.

2. Бацевич, Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики [Текст] / Ф. С. Бацевич. – К. : Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.

3. Горошко, Е. И. Гипертекст как объект лингвистического исследования. Материалы III международной научно-практической конференции, 20 июня 2013 [Текст] / Е. И. Горошко; отв. ред.С. А. Стройков. – Самара : ПГСГА, 2013. – С. 27–42.

4. Горошко, Е. И. Лингвистика новых медий как один из вызовов лингвистической традиции прошлого [Текст] / Е. И. Горошко, Л. В. Павлова // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 24. – С. 43–54.

5. Горошко, Е. И. Гипертекст 3.0: лингвистический анализ [Текст] / Е. И. Горошко // Гипертекст как объект лингвистического исследования : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15 марта 2010 г. – Самара : ПГСГА, 2010. – С. 14–18.

6. Дедова, О. В. Графическая неоднородность как категория текста [Текст] / О. В. Дедова // Вестник Московского университета. – 2002. – № 6. – С. 91–103. – (Филология).

7. Колшанский, Г. В. Паралингвистика [Текст] / Г. В. Колшанский. – [2-е изд., доп.]. – М. : КомКнига, 2005. – 96 с.

8. Минаева, Л. В. Мультимодусность текстов печатных СМИ и рекламы [Текст] / Л. В. Минаева // Вестник Московского университета. – 2002. – № 4. – С. 26–33. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).

9. Миронова, Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека [Текст] / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии. – М., 1993. – С. 172–188.

10. Павлова, Л. В. Лингво-коммуникативные особенности медиатекста в англоязычном политическом интернет-дискусе [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Л. В. Павлова. – Запорожье, 2014. – 278 с.

11. Плотников, Б. А. Авербальные формы письменного текста и их содержание [Текст] / Б. А. Плотников // О форме и содержании в языке. – Минск, 1989. – С. 57–64.

12. Портал Верхней палаты представителей Конгресса США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.senate.gov/general/contact_information/senators_cfm.cfm. – (Дата обращения: 23.05.2015).

13. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов : основные направления [Текст] / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. – М., 2005. – № 6. – С. 115–123.

14. Яньшин, П. В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета [Текст] / П. В. Яньшин. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1996. – 218 с.

15. Boardman, M. The Language of Websites [Text] / M. Boardman. – London : Routledge, 2005. – 112 p.

16. Bourlai, E. Multimodal communication on Tumblr [Electonics resource] / E. Bourlai, S. C. Herring // «I have so many feels!» Proceedings of WebSci'14, June 23–26. – Bloomington, 2014. – Access mode: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/tumblr.pdf.

17. Duds, S. Linguistic Analysis of Websites : A New Method of Analysing Language, the Poor Cousin of Usability [Text] / S. Duds, M. Schiessl, G. Wildgruber, Ch. Rohrer, P. Fu // Usability and Internationalization. Global and Local User Interfaces. LNCS. – 2007. – Vol. 4560. – P. 48–56.

18. Herring, S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. [Electonics resource] / S. C. Herring // In A. Georgapoulou & T. Spilloti (Eds.), The Routledge handbook of language and digital communication. – London: Routledge. – 2015. – P. 398–402. – Access mode: http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf.

19. Herring, S. C. Research : Computer-mediated communication. ASIS&T [Electonics resource] / S. C. Herring. – Bulletin, 40 (3). – 2014. – Access mode: http://www.asis.org/Bulletin/Feb-14/FebMar14_Herring.html.

20. Herring, S. C. Web content analysis: Expanding the paradigm [Electonics resource] / S. C. Herring In J. Hunsinger, M. Allen, & L. Klastrup (Eds.), The International Handbook of Internet Research. – Berlin: Springer Verlag. – 2010. – P. 233–249. – Access mode: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/webca.preprint.pdf.

21. Herring, S. C., Ed. Computer-Mediated Discourse Analysis. [Electronic resource] / S. C. Herring Special issue of the Electronic Journal of Communication, 6 (3) – 1997. – Access mode: http://www.cios.org/www/ejc/v6n396.htm.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Anisimova, E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov) [Tekst] : ucheb. posobie dlja stud. fak. inostr. jaz. vuzov / E. E. Anisimova. – M. : Akademija, 2003. – 128 s.

2. Bacevich, F. S. Osnovi komunikativnoï lingvistiki [Tekst] / F. S. Bacevich. – K. : Vidavnichij centr «Akademija», 2004. – 344 s.

3. Goroshko, E. I. Gipertekst kak object lingvisticheskogo issledovanija. Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 20 ijunja 2013 [Tekst] / E. I. Goroshko; otv. red. S. A. Strojkov. – Samara : PGSGA, 2013. – S. 27–42.

4. Goroshko, E. I. Lingvistika novyh medij kak odin iz vyzovov lingvisticheskoj tradicii proshlogo [Tekst] / E. I. Goroshko, L. V. Pavlova // Voprosy psiholingvistiki. – 2015. – № 24. – S. 43–54.

5. Goroshko, E. I. Gipertekst 3.0: lingvisticheskij analiz [Tekst] / E. I. Goroshko // Gipertekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 15 marta 2010 g. – Samara : PGSGA, 2010. – S. 14–18.

6. Dedova, O. V. Graficheskaja neodnorodnost' kak kategorija teksta [Tekst] / O. V. Dedova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2002. – № 6. – S. 91–103. – (Filologija).

7. Kolshanskij, G. V. Paralingvistika [Tekst] / G. V. Kolshanskij. – [2-e izd., dop.]. – M. : KomKniga, 2005. – 96 s.

8. Minaeva, L. V. Mul'timodusnost' tekstov pechatnyh SMI i reklamy [Tekst] / L. V. Minaeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2002. – № 4. – S. 26–33. – (Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija).

9. Mironova, L. N. Semantika cveta v jevoljucii psihiki cheloveka [Tekst] / L. N. Mironova // Problema cveta v psihologii. – M., 1993. – S. 172–188.

10. Pavlova, L. V. Lingvo-kommunikativnye osobennosti mediateksta v anglojazychnom politicheskom internet-diskuse [Tekst] : dis. … kand. filol. nauk / L. V. Pavlova. – Zaporozh'e, 2014. – 278 s.

11. Plotnikov, B. A. Averbal'nye formy pis'mennogo teksta i ih soderzhanie [Tekst] / B. A. Plotnikov // O forme i soderzhanii v jazyke. – Minsk, 1989. – S. 57–64.

12. Portal Verhnej palaty predstavitelej Kongressa SShA [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.senate.gov/general/contact_information/senators_cfm.cfm. – (Data obrashhenija: 23.05.2015).

13. Sonin, A. G. Jeksperimental'noe issledovanie polikodovyh tekstov : osnovnye napravlenija [Tekst] / A. G. Sonin // Voprosy jazykoznanija. – M., 2005. – № 6. – S. 115–123.

14. Jan'shin, P. V. Jemocional'nyj cvet: Jemocional'nyj komponent v psihologicheskoj strukture cveta [Tekst] / P. V. Jan'shin. – Samara : Izd-vo SamGPU, 1996. – 218 s.

15. Boardman, M. The Language of Websites [Text] / M. Boardman. – London : Routledge, 2005. – 112 p.

16. Bourlai, E. Multimodal communication on Tumblr [Electonics resource] / E. Bourlai, S. C. Herring // «I have so many feels!» Proceedings of WebSci'14, June 23–26. – Bloomington, 2014. – Access mode: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/tumblr.pdf.

17. Duds, S. Linguistic Analysis of Websites : A New Method of Analysing Language, the Poor Cousin of Usability [Text] / S. Duds, M. Schiessl, G. Wildgruber, Ch. Rohrer, P. Fu // Usability and Internationalization. Global and Local User Interfaces. LNCS. – 2007. – Vol. 4560. – P. 48–56.

18. Herring, S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. [Electonics resource] / S. C. Herring // In A. Georgapoulou & T. Spilloti (Eds.), The Routledge handbook of language and digital communication. – London: Routledge. – 2015. – P. 398–402. – Access mode: http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf.

19. Herring, S. C. Research : Computer-mediated communication. ASIS&T [Electonics resource] / S. C. Herring. – Bulletin, 40 (3). – 2014. – Access mode: http://www.asis.org/Bulletin/Feb-14/FebMar14_Herring.html. – (Data obrashhenija: 23.05.2015).

20. Herring, S. C. Web content analysis: Expanding the paradigm [Electonics resource] / S. C. Herring In J. Hunsinger, M. Allen, & L. Klastrup (Eds.), The International Handbook of Internet Research. – Berlin: Springer Verlag. – 2010. – P. 233–249. – Access mode: http://ella.slis.indiana.edu/~herring/webca.preprint.pdf. – (Data obrashhenija: 23.05.2015).

21. Herring, S. C., Ed. Computer-Mediated Discourse Analysis. [Electronic resource] / S. C. Herring Special issue of the Electronic Journal of Communication, 6 (3) – 1997. – Access mode: http://www.cios.org/www/ejc/v6n396.htm. – (Data obrashhenija: 23.05.2015).

Дата поступления статьи в редакцию: 13.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 81–114.2

Н. Н. Панченко, М. М. Наумова

Особенности коммуникативного поведения конфиданта в ситуации откровенного разговора

Рассматривается коммуникативное поведение одного из постоянных участников откровенного разговора – конфиданта, определяется степень его дискурсивной активности в пространстве диалога, выделяются тактики стимулирования откровенности, используемые потенциальным конфидантом в доверительном межличностном общении, описываются невербальные компоненты коммуникации, сопровождающие вербальное поведение конфиданта.

Ключевые слова: коммуникация, конфидант, откровенность, межличностная коммуникация, доверительное общение, тактики.

N. N. Panchenko, M. M. Naumova

Features of a confidant's communicative behavior in the situation of frank conversation

The article looks at communicative behavior of one of the constant participants in a candid conversation – a confidant. The extent of his/her interaction in the course of the dialogue is identified and the tactics used by the potential confidant to stimulate frankness during confidential interpersonal communication are analyzed. The authors also describe non-verbal constituents of confidant's communication which accompany his/her verbal behaviour.

Key-words: communication, confidant, frankness, interpersonal communication, confidential communication, tactics.

Откровенный разговор является непубличным типом доверительной межличностной коммуникации, происходит между очень близкими или хорошо знакомыми людьми, представляет собой максимально искренний рассказ о личных переживаниях. По количеству участников откровенный разговор является закрытым коммуникативным событием с ограниченным числом коммуникантов, характеризуется постоянством ролей его участников – доверителя (адресанта) и конфиданта[1] (адресата). Их роли имеют определенное коммуникативное воплощение. В данной статье рассмотрим особенности коммуникативного поведения конфиданта.

Несмотря на доминирующую во временном пространстве откровенного диалога позицию доверителя, дискурсивную роль адресата – конфиданта – нельзя однозначно трактовать как пассивную. Мы разграничиваем дискурсивно активную и дискурсивно пассивную роли конфиданта.

Пассивная дискурсивная роль заключается в минимальном участии конфиданта в дискурсе. В этом случае основная задача конфиданта – выслушать доверителя и выразить сочувствие / помочь советом:

Надо, впрочем, в мое оправдание, вспомнить, что в течение долгого времени я не имел возможности ни с одним человеческим существом ***поговорить откровенно*** *и что все то мучительное, что испытывал я, оставалось в моей душе как некая тяжесть, давившая ее и давно искавшая исхода.* ***Ганс выслушал мою длинную и страстную исповедь со вниманием****, как врач принимает признания больного, и, после недолгого обдумывания, ответил мне так, говоря, словно наставник к младшему: – Я не сомневаюсь в справедливости ни одного из ваших слов* (В. Брюсов. Огненный ангел).

Доверитель, раскрывая душу конфиданту, как правило, не ждет ответной реакции, вся суть его коммуникации сводится к раскрытию и облегчению души. Минимальное участие конфиданта в диалоге, наблюдаемое в следующем примере, выражается в речевом акте совета:

Тихомировы приехали на такси, привезли с юга виноград, груши, персики. Поужинали вместе, и академик удалился в свой кабинет читать накопившиеся за месяц газеты.

– ***Мне надо тебе кое-что рассказать,*** *– сказала Катерина.*

Изабелла насторожилась, но, когда Катерина стала рассказывать о Рудольфе, поудобнее устроилась в кресле, налила себе и Катерине ликеру и, ***не перебивая, выслушала весь ее рассказ.***

© Панченко Н. Н., Наумова М. М., 2015

– Что же мне ему сказать? – спросила Изабелла.

– Что мы переехали к бабушке. Рудольф будет звонить в общежитие.

*– **А признаться не хочешь?***

– Хочу, но боюсь... Может быть, чуть позже.

*– **Признавайся, – посоветовала Изабелла. – Запутаешься*** (В. Черных. Москва слезам не верит).

Минимальное участие потенциального конфиданта проявляется также в том, что он, осознавая сложность переживаемых доверителем чувств и проявляя деликатность, может использовать паузу / молчание, предоставляя собеседнику время для подготовки: *Он понял, как тому **трудно начать** разговор, **и хотел дать ему время для размышлений**. Свенельд был весьма благодарен сыну за такую догадливость, почему и не сказал ни слова, хотя Мстиша совсем не торопился вернуться с квасом. Наконец он все доставил и уселся перед отцом, по-прежнему погруженным в глубокую задумчивость* (Б. Васильев. Ольга, королева русов).

В приведенных примерах дискурсивная роль конфиданта не является активной. Однако справедливости ради стоит отметить, что такое распределение ролей в откровенном разговоре бывает не всегда. Адресат может выступать и в активной роли, становясь инициатором откровенности говорящего. Он не просто поддерживает говорящего, помогая ему выговориться, выражая сочувствие, а использует различные приемы и тактики стимулирования откровенности, провоцирующие начало откровенного разговора и / или поддерживающие откровенность во время разговора.

Важно отметить, что непременным условием реализации откровенного разговора является личностные качества адресата, его порядочность и надежность в сохранении доверяемой информации: *Потому что если я с ними доверительно говорю, **если я откровенна, значит, я им верю*** (Л. Смирнова. Моя любовь).

В зависимости от степени готовности доверителя к откровенному разговору потенциальному конфиданту, выступающему в активной дискурсивной роли, понадобится разное количество времени для подготовки / вывода собеседника на откровенный разговор. И чем дольше она реализуется, тем вероятнее, что конфидант прибегнет не к одной, а к нескольким тактикам. При этом возможно использование нескольких тактик, а также возможен подбор конфидантом целого ряда тактик и их применение, варьируемых по степени градации от «мягких» уговоров до достаточно «жестких», в случае если первые не оказали должного воздействия на адресанта.

Опираясь на классификацию тактик призыва к откровенности, предложенную Е. М. Верещагиным и коллегами [1], мы выделяем только те тактики и реализующие их средства призыва к откровенности, которые использует потенциальный конфидант в рамках доверительного общения, что несколько сужает круг имеющихся в распоряжении адресата тактик. Нами обнаружены следующие виды тактик.

1. Откровенность за откровенность:

(I) *– Видишь, я с тобой вполне откровенен. Будь **откровенна** и ты.*

– Пожалуйста (А. Курчаткин. Сфинкс);

(II) *Я была с вами так **откровенна**, что могу теперь требовать и от вас!* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана).

В данной ситуации потенциальный конфидант первым вверяет личностно значимую информацию собеседнику, тем самым сокращая дистанцию и налаживая доверительные отношения. Эти шаги создают благоприятную почву для будущего самораскрытия доверителя. Более того, данная полученная информация и осведомленность доверителя о потенциальном конфиданте создает у доверителя иллюзию возможности манипулирования конфидантом, что позволяет обеспечить обоюдную заинтересованность в сохранности вверяемой информации.

2. Заверение в конфиденциальности (*Это останется между нами / Я сохраню все, что ты мне скажешь, в тайне* и т. д.):

(III) *Ну, **будь со мною откровенна, я тебя никому не выдам**: ведь все это – одно притворство, чтобы только людей морочить?* (А. Куприн. Олеся).

В отличие от первой тактики в данном случае потенциальный конфидант не открывает никаких личных секретов доверителю, однако активно убеждает его в том, что он будет хранить в тайне услышанное и содержание откровенного разговора останется неразглашенным.

3. Указание на преимущества откровенного разговора для доверителя (например, обещание помочь, дать совет, облегчить душу):

(IV) *– Фленушка! Знаю, милая, знаю, сердечный друг, каково трудно в молодые годы сердцем владать, с тихой грустью и глубоким вздохом сказала Манефа. – **Откройся же мне, расскажи свои мысли, поведай о думах своих. Вместе обсудим, как лучше сделать – самой тебе легче***

будет, увидишь*… Поведай же мне, голубка, тайные думы свои… Дорога ведь ты мне, милая моя, ненаглядная! Никого на свете нет к тебе ближе меня* (П. Мельников-Печерский).

Очень часто доверитель вверяет личную информацию с какой-то целью. Она может варьироваться от желания просто выговориться до надежды получить совет или даже помощь от конфидента. Именно поэтому вербализация своей готовности помочь или дать совет может стать хорошим стимулом для доверителя к самораскрытию.

4. Апелляция к высшему нравственному императиву (к божеству, идеологическим, нравственно-этическим ценностям и т. д.):

(V) – *Ради бога, будь откровенна! – Я буду, буду откровенна, я скажу тебе всю правду* (А. Чехов. Моя жизнь);

(VI) *Сама знаешь, что правда! Думала-то ты, может, и другое, но в душе это было. Ну, да ладно.* ***Скажи хоть раз правду: не целовала ты его на прощанье?*** *Голос Арбузова сорвался и упал. Он задыхался, на него жалко и страшно было смотреть. Он ждал ответа* (М. Арцыбашев. У последней черты).

5. Прямое побуждение к откровенности:

Прямое побуждение осуществляется как правило с помощью средств выражения категории вежливости (*Пожалуйста, расскажи мне все откровенно*):

(VII) *Слыхал только, что она добрая. – Ну, а еще что слышал?* ***Пожалуйста, говори откровенно.*** *– Слышал еще, что мотовка великая! Об этом свойстве Меровой Бегушеву натвердила Домна Осиповна и очень всегда обвиняла за то приятельницу. – Это есть отчасти, мотовата!* (А. Писемский. Мещане);

(VIII) *Не будешь сердиться? – Не буду. – Честно? –* ***Да говори же, наконец!*** *Надоели эти предисловия* (Л. Юзефович. Князь ветра).

Как видно из последнего примера, конфидант использует императивные конструкции, прямые призывы к откровенному разговору, исчерпав возможные способы доказать доверителю, что он именно тот человек, которому можно доверять.

6. Редуцирование притязаний:

Конфидант использует данную тактику для получения минимума информации, осознавая, что рассчитывать на полную откровенность доверителя ему не приходится:

(IX) – *Завалимся туда, оттянемся по полной программе. – А у Генки опять новая? – спросил Паша. –* ***Скажи хоть, как зовут?*** *– Зовут? Зовут, зовут, зовут… Дина!* (Г. Бакланов. Нездешний);

(X) – *А я сделала подарок для себя. – Помолчав, добавила: – И еще для одного человека. Сергей сел в кресло, закурил: –* ***Кто этот счастливчик, скажи хоть?*** *– Вадим. Наш художественный руководитель. – Понятно.* (А. Мельник. Авторитет).

Данная тактика может быть очень эффективной, поскольку она способствует созданию комфортной атмосферы для доверителя путем скрытого заверения адресата, что он не будет настаивать на получении полной и всеобъемлющей информации, давая свободу адресанту в определении количества личностно значимой информации для выдачи своему собеседнику. Кроме того, эта тактика способствует формированию хорошего отношения между коммуникантами, создает в сознании адресанта иллюзию контроля над ситуацией и ощущение, что он может в любой момент уйти от разговора. В то время как не исключено, что он может все сильнее и сильнее вовлекаться в ход коммуникации:

(XI) ***Когда это было?*** *– Да только что я в Питер приехал; месяцев шесть еще не прошло. –* ***Да что же именно? Скажи хоть слово.*** *– Меня, матушка, могли убить… А князь Льгов заступился* (Е. Салиас. Крутоярская царевна).

7. Тактика конкретизации:

а) данная тактика может использоваться для инициации откровенности со стороны доверителя, когда потенциальный конфидант пытается уточнить свои догадки:

(XII) *Кроме того, у меня есть к вам дело… – Буду слушать с полным вниманием, – слегка поклонился Гарднер, – а то вы в самом деле можете подумать невесть что.* ***Этот странный маленький господин… но ведь, наверное, о нем и будет речь, не так ли? –*** *Так! – кивнул головой отец. – Именно об этом мы и собирались с вами поговорить, господин Гарднер* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

(XIII) – *Я знаю, – вырвалось у Коломнина. –* ***У тебя что, женщина появилась? – чутко догадалась Галина.*** *– Так лучше скажи честно! Я выдержу. Чем так-то* (С. Данилюк. Бизнес-класс);

б) данная тактика может использоваться в ходе откровенного разговора, когда конфидант использует уточняющие конструкции для стимуляции дальнейшей откровенности:

(XIV) – *И ноготки такие красивые… и лак с блестками! – Деев, не заговаривай мне зубы.* ***Скажи честно – нравится тебе Валька или нет?*** (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч).

Данная тактика позволяет адресату сориентировать собеседника, направить откровенный разговор в интересующее его русло. Кроме того, при существовании у конфиданта каких-либо предположений или догадок данная тактика может их подтвердить или опровергнуть.

8. Апелляция к близким отношениям:

Тактика позволяет стимулировать откровенность доверителя с помощью указания на близкие / доверительные отношения (*Мы же беседуем просто по-дружески*; *Не бойся, тут все свои* и т. д.):

(XV) – *Мне нужно поговорить с тобой, о Васе… Полуянов от неожиданности моргнул, и глаза его разбежались в разные стороны, хотя все в институте давно привыкли к этой его особенности, Татьяне Романовне стало как-то неуютно, не по себе, и Полуянов, с чуткостью человека, давно знавшего и ее, и Васю, и все сложности их отношений, угадал ее настроение. –* ***Да ладно тебе, – сказал он просто. – Свои же люди. Чего там, выкладывай*** (П. Проскурин. Полуденные сны).

В некоторых ситуациях простое упоминание о близких отношениях между собеседниками бывает недостаточным, поэтому конфидант иногда припоминает некоторые факты или информацию о доверителе, подтверждающую, как хорошо они друг друга знают:

(XVI) ***Мы же с тобой знаем друг друга давно.*** *Помнишь, ты сам в минуту внезапной откровенности признался, что большего врага, чем я, у тебя нет? И мы оба посмеялись. Помню, как тебе всегда хотелось быть немножко больше самого себя, как ты всю жизнь учился преподносить себя и жестом, и фразой, и позой и очень преуспел в этом,* ***как старался свою простоту и непосредственность вдруг оттенить недоговоренностью, загадочностью, подразумевающей посвященность и значительность, и смеяться выучился откровенно демонически…*** (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста).

9. Предложение выпить:

Данная тактика может быть использована как в начале, так и в середине разговора. В первом случае она помогает инициировать откровенный разговор, во втором – является стимулом для большего самораскрытия:

(XVII) *Ты можешь нам верить или не верить, но бояться тебе нечего. Ты все равно приговорен Верховным Пятиугольником к забвению. Если даже мы окажемся провокаторами, то мы для тебя все равно ничего худшего не придумаем.* ***Так что доверься нам, давай выпьем, а потом потолкуем.*** *Разговор с Дзержином произошел в здешнем подвальном кабесоте. Собственно, сам разговор я почти не помню* (В. Войнович. Москва 2042);

(XVIII) – ***Давай выпьем?***

Лечи достал бутылку водки.

– Не… я не хочу пить. Коран запрещает пить.

– Брось! Ты же не фанатик.

Это правда. Фанатиком я не был. Принятие Ислама произвело переворот в моей душе. Я искренне пытался следовать хотя бы чему-то. Но в вопросах правил и ограничений не был к себе строг.

Я снова сдался и махнул рукой. Мы прошли на кухню. Я достал стаканы и поставил на стол. Лечи открыл бутылку…

Мы снова выпили и помолчали еще несколько минут. Потом я признался.

– Лечи, я никогда не любил чеченцев. Мне они не нравятся. Все детство меня обзывали мечигом и русским. Они дикие люди. И, хотя я сам по крови отца чеченец, хотя это мой народ – я не люблю чеченцев.

Дядя нисколько не удивился моему признанию.

– А кто их любит? Никто не любит чеченцев. Даже сами чеченцы не любят чеченцев. Знаешь, что сказал генерал Дудаев? Он сказал: в этой войне на поле боя сойдутся два самых грязных народа во Вселенной – чеченцы и русские. Бехумш, вот как он сказал. Это от корня «грязь», и еще это значит «змеи». Змей считают самыми сквернымы существами. Ты можешь сколько угодно кормить и ласкать змею, все равно она тебя ужалит, просто так. Такие люди чеченцы: злые, жестокие. И русские такие же. Только еще и трусливые. Поэтому они собираются большими толпами, целыми дивизиями, и убивают просто так, потому что боятся (Г. Садулаев. Шалинский рейд).

Мы предполагаем, что данная тактика может носить национально-специфичный характер, хотя не исключаем ее использование и носителями других лингвокультур. Предложение выпить может быть использовано как смена темы, так и пауза в разговоре:

(XIX) *Она долго рассматривала широкий шрам, светлеющий у него на лбу, и сказала робко: – Тогда этого у тебя не было. – Тогда у меня много чего не было.* ***Давай выпьем.*** *И когда она спросила про Пашку, ему не захотелось рассказывать о той ночи. Он стал сдержан и часто*

находил удовлетворение не в том, чтобы рассказать что-либо, а в том, чтобы промолчать. Перед тем как проститься, он все же не утерпел (К. Ваншенкин. Графин с петухом).

Как мы отмечали ранее, конфидант может использовать несколько тактик, варьируя их или дополняя одну другой. В частности, в приведенном примере тактика конкретизации не позволила стимулировать откровенность, поэтому конфидант прибегает к тактике предложения выпить, чтобы «разговорить» собеседника.

Кроме перечисленных тактик стимулирования откровенности, конфидант использует различные невербальные компоненты, наиболее частотными из них являются проксемические. Поскольку одной из важнейших характеристик откровенного доверительного общения является его приватность, то конфиданту свойственно использовать сокращение дистанции для создания доверительной атмосферы:

(XX) – ***Не надо ни чаю, ни кофе – ничего!*** – ***сказал он. – Просто сядь рядом.***

Я села. Он уткнулся лицом в мои руки и как-то тихонечко не то всхлипывал, не то подхихикивал, не то скулил. *Потом поднял лицо, оно было сдвинуто, стронуто с места, такое потерявшее прописку лицо. И эта сбежавшая из дома личность стала говорить мне все ранее неговоримые слова* (Г. Щербакова. Lovестория).

Поскольку информация, сообщаемая в ходе доверительного откровенного разговора, является приватной и нежелательной для публичного разглашения, то разговору свойственны особые просодические черты. Коммуниканты могут общаться на порядок тише, чем обычно, порою переходя на шепот.

(XXI) – *Слушай, а насчет твоего Саши,* – ***прошептала она.*** – *Признайся, что ты наврал. Никакой он не диктор на телевидении.* – *Конечно,* – *так же шепотом ответил я* (А. Геласимов. Год обмана).

Для сближения с доверителем потенциальный конфидант нередко прибегает к использованию тактильных средств: объятий, поглаживаний, прикосновений. Они, наряду с другими невербальными средствами, не только физически сокращают дистанцию, но и позволяют доверителю непосредственно ощутить своего собеседника, а потенциальному конфиданту, в свою очередь, продемонстрировать степень своей симпатии:

(XXII) *Она явно не договаривала главного; тогда Иван Матвеич* ***подсел рядом, взял за руку*** *и слово за слово заставил сестру раскрыться до конца* (Л. Леонов. Русский лес);

(XXIII) – *Помню… – сказал он мягко, почти неслышно и протянул к Вале руки.* – *Я все помню – все, до последней мелочи.* ***Иди ко мне,*** – *он обнял ее и* ***прижал к себе.***

– *Но ты должна* ***доверять только мне. Только мне!*** – *А желтый «Запорожец»?* (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч).

В следующем примере невербальные компоненты, представленные в имплицитном авторском описании, служат маркером готовности адресата выслушать адресанта, что также можно считать стимулом для откровенности:

(XXIV) *Очень хотелось есть, но он понимал, что она должна выговориться, и* ***поэтому грустно, сочувственно*** *слушал* ***не перебивая*** (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве).

Все выявленные вербальные и невербальные средства, используемые потенциальным конфидантом для инициации или стимулирования откровенности адресанта, можно классифицировать с точки зрения интенции конфиданта. Стимулирование откровенности адресанта может быть мотивировано искренним стремлением облегчить самораскрытие собеседника или реализацией собственных, корыстных целей. В частности, конфидант может использовать сообщение заведомо ложной информации в обмен на ответную откровенность. От способности потенциального доверителя декодировать искренность / неискренность намерений потенциального конфиданта зависит степень его самораскрытия.

Резюмируя сказанное, заметим, что дискурсивная роль конфиданта может быть как пассивной, так и активной. В качестве активного участника коммуникации конфидант использует ряд тактик, призванных инициировать и / или стимулировать откровенность доверителя и варьируемых по степени искренности.

Библиографический список

1. Верещагин, Е. М., Ратмайр, Р., Ройтер, Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход [Текст] / Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82–93.

2. Шейгал, Е. И. Параметры доверительного общения [Текст] : сборник научных статей / Е. И. Шейгал // Человек в коммуникации: аспек-

ты исследований. – Волгоград : Перемена, 2005 – С. 204–220.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Vereshhagin, E. M., Ratmajr, R., Rojter, T. Rechevye taktiki «prizyva k otkrovennosti». Eshhe odna popytka proniknut' v idiomatiku rechevogo povedenija i russko-nemeckij kon-trastivnyj podhod [Tekst] / E. M. Vereshhagin, R. Ratmajr, T. Rojter // Voprosy jazykoznanija. – 1992. – № 6. – S. 82–93.

2. Shejgal, E. I. Parametry doveritel'nogo obshhenija [Tekst] : sbornik nauchnyh statej / E. I. Shejgal // Chelovek v kommunikacii: aspekty issledovanij. – Volgograd : Peremena, 2005 – S. 204–220.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.05.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

[1] Термин «конфидант» мы используем вслед за Е. И. Шейгал [2].

УДК 070.15

И. А. Тортунова

Современная российская бизнес-пресса как разновидность деловой коммуникации

Статья посвящена анализу современной российской бизнес-прессы, которая рассматривается как разновидность деловой коммуникации. В работе представлен теоретический материал, отражающий основные аспекты современного делового общения: рассматриваются разновидности бизнес-коммуникации, вербальные и невербальные средства, дается исторический обзор российских бизнес-изданий. Особое внимание уделяется описанию и систематизации новостных материалов, представляющих собой информационную основу печатных деловых СМИ. В работе также представлен анализ рубрикатора современного делового печатного СМИ. Понятие «деловая пресса» рассматривается с лингвистического и культурологического ракурсов.

Ключевые слова: деловая коммуникация, деловая пресса, жанры бизнес-прессы, жанровые разновидности новостных текстов.

I. A. Tortunova

Modern Russian business press as a type of business communication

The article is devoted to the analysis of modern Russian business press, which is regarded as a type of business communication. The paper presents the theoretical material that reflects key aspects of modern business communication; discusses the types of business communication, verbal and nonverbal means and provides a historical review of the Russian business publications. Special attention is paid to the description and systematization of news stories, which is an information basis for business print media. The paper also presents the analysis of modern business print media categories. The concept of "business press" is considered from linguistic and cultural points of view.

Keywords: business communication, business press, genres of business press, genre variety of news texts.

Деловое общение является целенаправленной речевой деятельностью, подчиненной строгим правилам. Как массовый вид социальной коммуникации деловое общение приобрело в современном мире глобальное значение. Для успешной деловой коммуникации необходимо гармоничное сочетание речевой и поведенческой составляющих. Внешняя сторона делового общения реализуется в коммуникативных действиях и проявляется в речевой активности, умении слушать, аргументированно излагать свою точку зрения.

Внутреннее содержание деловой коммуникации выражено при помощи невербальных сигналов. Выбор стиля (творчески-продуктивный, подавляющий, дистанционный, дружеский, прагматически-деловой и др.) и манеры общения зависит от индивидуальных качеств коммуниканта, коммуникативных задач и возможностей, сложившегося характера отношений с деловыми партнерами и других психологических и социальных факторов. Деловое общение, как правило, протекает по каноническим речевым ситуациям и связано с речевой традицией.

Деловое общение представляет собой особую форму взаимодействия людей в процессе определенного вида трудовой деятельности, которая содействует установлению нормальной морально-психологической атмосферы труда и отношений партнерства между руководителями и подчиненными, между коллегами, создает условия для продуктивного сотрудничества людей в достижении значимых целей, обеспечивая успех общего дела. Предметом делового общения является дело, содержанием – социально-значимая совместная деятельность людей, которая предполагает согласованность действий, понимание и принятие каждым ее участником целей, задач и специфики этой деятельности, своей роли и своих возможностей по ее реализации.

Основной целью делового общения является организация и оптимизация определенного вида совместной деятельности, которая направлена на получение прибыли. В процессе делового общения коммуниканты используют разные знаковые системы: слова, интонацию и тембр голоса, – что представляет собой вербальную коммуникацию.

© Тортунова И. А., 2015

Не менее важны и невербальные средства деловой коммуникации – язык тела, пространственно-временная организация общения, внешний вид.

В процессе делового общения реализуются многие функции языка (информационная, волюнтативная, фатическая, призывная, когнитивная, эмотивная), позволяющие говорить о разных видах делового общения: **когнитивном** (познавательном), **убеждающем** (рациональном), **экспрессивном** (эмоциональном), **суггестивном** (внушающем).

Из основных видов устного речевого творчества при деловом общении можно выделить *деловую беседу*, разновидностями которой являются *беседа по телефону, деловые переговоры, интервью*, а также *речь-презентацию* и *публичное выступление.* Письменные формы бизнес-коммуникации представлены в таких видах деятельности, как *деловая* и *служебная переписка*, *документация*.

Особого внимания заслуживает деловая пресса, которая также является важной разновидностью письменных форм деловой коммуникации. Современная деловая пресса представляет собой вид печатных СМИ, в котором журналисты отслеживают, собирают, записывают и анализируют информацию, имеющую отношение к финансам и бизнесу, которая обеспечивает информационные потребности предпринимательства посредством публикации тех или иных материалов (как журналистских, так и статистических, рекламно-информационных, законодательных и пр.) с целью создания информационного поля, способствующего развитию бизнеса.

Журналы и газеты научной и экономической направленности, издававшиеся в России в XVIII в. и содержавшие сообщения информативного характера, стали первыми образцами отечественной деловой прессы, которая выпускалась государственными органами, например, Государственным банком, Министерством государственных имуществ, Министерством финансов и др. и носила однотипные названия – «Труды…», «Ведомости…» (см.: «Труды Вольного экономического общества», «Ежемесячные сочинения», «Комментарии», «Экономический магазин». XVIII в.). В первой половине XIX в. в печатных изданиях были окончательно сформированы признаки деловой прессы, для которой характерны оперативность и достоверность информации, предоставляемой в форме статей, отчетов, мнений, прогнозов, экономическая тематика (см.: «Технологический журнал», «Журнал мануфактур и торговли», газеты «Купец», «Биржевые ведомости» и др. Позже, во второй половине XIX в., появляются «Биржевые ведомости», «Торговый сборник», «Финансовое обозрение», «Жизнь и хозяйство», «Железнодорожное дело», «Экономист», «Экономический журнал», «Русский лесопромышленник», «Коневодство», «Коннозаводство», «Вестник золотопромышленности», «Биржевые ведомости», «Банки и биржа», «Биржа за неделю», «Банки и акционерное дело», «Биржевая газета», «Банковская и торговая жизнь», «Маленький финансист», «Биржевой день», «Деньги» и др.).

Специфика экономики советского времени обусловила отсутствие деловой прессы как отдельной разновидности СМИ в период существования СССР. Однако ведущие издания, например, «Известия Высшего народного хозяйства», «Экономическая жизнь», «Экономические науки», «Экономическая газета», «Советская Россия», «Правда», «Известия», «Социалистическая индустрия» уделяли внимание проблемам экономического развития страны. Свое второе рождение отечественная деловая пресса пережила в 1990-е гг., когда значительно расширился круг читателей, вовлеченных в экономические и деловые проблемы. Именно тогда появились издания, и сегодня определяющие лицо деловой прессы: газеты «Коммерсантъ», «Экономическая газета», «Российская бизнес-газета», «Ведомости», «Деловой Петербург», «Сегодня», «РБК-daily» и журналы «Эксперт», «Деньги», Профиль», «Власть»» «Экономист», «Деловые связи», «Журнал для акционеров», «Карьера», «Компания», «Однако», «Секрет фирмы», «Бизнес журнал», российские версии «Forbes», «BusinessWeek», «StartMoney» и др.

Деловая пресса предоставляет анализ глобальных событий в стране и их влияния на экономическую жизнь общества, обеспечивает читательскую аудиторию необходимой оперативной информацией, формирует идеологию бизнеса, распространяет деловой опыт, поэтому ведущей функцией деловых СМИ является социальная, позволяющая, как утверждает Т. Б. Назарова, обеспечить бизнес-коммуникацию, поскольку в «основе делового общения лежит взаимный интерес к получению прибыли» [7, с. 44]. Очевидно, что современные бизнес-издания неоднотипны, среди них можно выделить такие разновидности, как издания «для профессионалов», ориентированные на более узкий круг профессиональных читателей (например, газеты для юри-

стов «эж-Юрист», учителей «Первое сентября» и т. д.), и издания общего профиля, предназначенные для широкой аудитории (журналы «Деньги», «Профиль», «Власть» и т. д.).

Активное употребление средств публицистического стиля в российской деловой прессе не мешает соблюдать специфику делового общения, предопределившую обращение к официально-деловому функциональному стилю речи, под которым понимается совокупность речевых средств, обслуживающих сферу рабочих, деловых, политических, коммерческих отношений, когда коммуниканты выступают в роли представителей компаний, организаций, политических партий, государств. Например,

(I) *Координатор движения «Автомобилисты Москвы» Леонид Антонов живет в центре. Его машина стоит в Среднем Каретном переулке, в ноябре 2012 года там появилась одна из первых в Москве муниципальных платных парковок. Хотя Леонид получил резидентское разрешение на парковку возле дома (годовой абонемент стоит 3 тыс. руб.), квитанции в его почтовый ящик посыпались одна за другой… Всего Антонов получил девять штрафов, каждый – на 3 тыс. руб.* («Деньги», 28 апреля 2014 г.). Данный пример наглядно демонстрирует стилистические особенности деловой прессы, для которой характерно смешение публицистического и официально-делового стилей, приведшее к использованию слов в прямом значении, активному употреблению нейтральной лексики, сокращений, повествовательной формы речи.

Деловое общение, как правило, протекает по каноническим речевым ситуациям и связано с речевой традицией, поэтому не последнюю роль в официально-деловом стиле играет речевой этикет. В этикетных речевых формулах, к которым в деловой прессе часто прибегают в письме редактора, адресованном читателю, отражена специфика деловой коммуникации – жесткая регламентированность взаимоотношений участников коммуникативного процесса, адресность обращений, актуальность и своевременность предоставленной информации. Современная бизнес-пресса, выступающая в процессе коммуникации в роли адресанта, создает образ делового человека и предоставляет необходимую ему достоверную и своевременную информацию.

Приемы подачи информации, тематика статей сделали деловую прессу антиподом развлекательных изданий и желтой прессы. Во-первых, тематика деловой прессы (политические события, освещение экономических и культурных новостей) непосредственно связана с уровнем образования высоко мотивированного читателя, его интересами, насыщенным графиком работы и активным ритмом жизни. Анализ рубрикаторов современных ведущих бизнес-изданий наглядно продемонстрировал однотипность организации информации и позволил выделить разновидности деловых печатных изданий. Как правило, статьи организуются вокруг ключевой темы номера или освещают новости политики, экономики, бизнеса, культуры и спорта, то есть современных ведущих отраслей бизнеса. В этом случае рубрики носят названия, созданные по принципу прямой номинации – *«Политика», «Экономика», «Деловые новости», «Культура»* и т. д. Во-вторых, деловую прессу отличает ракурс предоставленной информации – факт становится важным не только как самостоятельное явление, отражающее происходящие социально-общественные процессы, но и подается в прагматическом освещении, поскольку читателю интересны и последствия случившегося, возможные варианты развития событий.

Из всех функциональных стилей именно официально-деловой является самым традиционным, мало поддающимся изменениям, консервативным, клишированным. Речевой нормой для официально-делового стиля стало активное использование терминов, сокращений, аббревиатур, речевых штампов и языковых формул, нейтральный тон изложения, однозначность и точность формулировок, лаконичность и краткость. Синтаксической особенностью делового стиля является преобладание простых распространенных предложений. Важной отличительной чертой текстов, созданных в официально-деловом стиле, является содержательность и информативность, что наглядно демонстрирует современная бизнес-пресса, отличительной чертой которой также является жанровая специфика предоставляемых вниманию читателя материалов.

Особого внимания заслуживает вопрос о жанровых разновидностях статей в современной деловой прессе. Так, А. Тертычный предлагает такие названия групп жанров деловой прессы, как **информационные и аналитические** (*заметка, статья, корреспонденция, интервью, рецензия, обзор*) [11], а В. Третьяков утверждает, что «исторически сложились и в практической журналистике сепарировались от второстепенных как наиболее экономичные и эффективные всего четыре основных (главных) классических жанра журналистских материалов. Это *информация,*

репортаж, интервью и статья» [13, с. 596]. Под **информацией** исследователь понимает «сообщение о только что случившемся или в силу иных причин актуальном событии» [Там же].

Информация / новость является основой целого ряда первичных жанровых форм, описанных современными исследователями жанровой структуры журналистских текстов (см.: новость, новостная заметка, событийная заметка, новостная статья, информационная заметка, информационное сообщение, информационная корреспонденция [2; 3; 4; 5; 6; 8; 10]). На их основе создаются журналистские материалы аналитического характера. Отличительными признаками новости являются оперативность, актуальность, востребованность [9, с. 35]. Информация, представляемая в новостях, превышает то, что известно адресату. Специфика сочетания фактологической, превентивной, вероятностной и нормативной информации [11, с. 54–60] определяет тематическую структуру. Несомненно, новостные тексты, составляющие большую часть вербального поля деловых СМИ, создаются на основе фактологической информации. Каждое печатное деловое издание отводит 10–50 % объема текста для новостных материалов. Например,

(II) *Авария на котельной в Троицке не повлияла на подачу тепла в жилые дома и объекты социальной сферы. Об этом вечером 15 января сообщает «Интерфакс» со ссылкой на заместителя мэра Москвы по вопросам ЖКХ и благоустройства Петра Бирюкова. Утечка теплоносителя произошла 15 января около 18:00. Восстановительные работы продолжаются* («Профиль», 18 февраля 2014 г.).

Задача новостей – фиксировать и беспристрастно излагать факты. Одним из критериев внутрижанрового деления новостных материалов является объем текста. Например, информационное сообщение может состоять из одного предложения, в котором сформулирована сама новость:

(III) *В первый день осени стартовал Всероссийский конкурс «Понтифик – 2014», которому оказывает информационную поддержку газета «эж-Юрист»* («эж-Юрист», 1 сентября 2014 г.).

Новостная статья, предполагающая больший объем, содержит детали, подробности, мнения компетентных лиц. Неслучайно, Т. А. ван Дейк утверждает, что предоставление наиболее важной информации в начале сообщения и дальнейшее ее разворачивание – непременное условие создания текста новости [1, с. 17]. Тот же «принцип перевернутой пирамиды» положен в основу новостных PR-текстов, в первую очередь пресс-релиза. Например, данный принцип реализован в информационно-аналитической статье *Вы что не прощаете?* («Власть», 28 апреля 2014 г.):

(IV) *Лидер ЛДПР Владимир Жириновский в Госдуме оскорбил перед камерами беременную журналистку. Депутатская комиссия по этике осудила этот поступок, но ограничилась требованием публичных извинений…*

Сейчас я всех простила, пока у меня непрощенных нет. *А гипотетически – патологическую жадность, подлость, предательство. И такую глупость, от которой страдают другие. Но больше всего не переношу, когда сильный изгаляется, пользуясь властью, унижает слабого. И еще мне глубоко противна бестактность. Владимир Вольфович – талантливый и красноречивый человек. Но сможет ли он, исходя из своих многочисленных талантов, найти такие аргументы, чтобы пострадавшая журналистка его простила? Должно быть побуждение к прощению* (Элла Памфилова, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации).

Подлость. *Но сейчас ни на кого зла не держу. У меня когда-то был конфликт с Жириновским. Что его прощать? Мне его жалко, он человек подневольный. Вопрос ему задали невинный – должна ли Россия отвечать на санкции. А он понимает, что сам этого не решает, ему опять предлагают сыграть роль какого-то клоуна. Наверное, это его достает, вот и выплеснулась накопившаяся злоба на свое подневольное положение. Я бы завел в Думе комиссию по психиатрии, потому что у Жириновского был срыв. Но он нужен Кремлю, потому что оттягивает избирателей с инфантильным сознанием, недообразованных, не очень культурных* (Сергей Митрохин, лидер партии «Яблоко»).

Очевидно, что новость является информационным поводом для изложения мнения людей, компетентных в области политики и представляющих разные позиции. Стилистическая неоднородность новостной статьи, активное использование в ней разговорных форм речи обусловлена формой, которую избрал журналист для подачи материала. Адресат – читательская аудитория, которая является важнейшим фактором, позволяющим охарактеризовать печатное СМИ как деловую прессу, в данном случае не только получила детальное сообщение о произошедшем, но и комментарии политиков, позволяющие строить версии о дальнейшем развитии событий.

Заголовки статей в деловой прессе часто строятся по принципу прямой номинации. Названием новостного материала является, как правило, сама новость: *Красная площадь будет пригодна для жизни; 200 заключенных рязанской колонии примут участие в эксперименте; В честь Дня Победы состоится парад на Красной площади*. Такая организация текста позволяет привлечь внимание читателя, а также значительно экономит его время, чему способствует и система подзаголовков, разъясняющих и анонсирующих содержание статьи и являющихся важной композиционной частью материалов новостей [12, с. 78–83]. Так, например, заголовки и подзаголовки, представленные в газете **«Коммерсантъ»** (08.05.2014) позволяют высоко мотивированному читателю, не изучая детально тексты статей, получить представление о новостях дня: ***Владимир Путин отодвигает войска и пододвигает выборы.*** *Россия готова признать украинские выборы на определенных условиях;* ***Крым переводят на запасной путь.*** *Украина может заблокировать движение транспорта на полуостров 10 мая;* ***Бывшего сенатора настигло возмещение.*** *Александр Сабадаш стал подозреваемым по делу о незаконном возврате НДС;* ***«Однодневкам» готовят амнистию.*** *Налоговые долги «брошенных» компаний могут быть прощены;* ***Минкрыма выбирает свободу.*** *Ведомство предлагает развивать полуостров за счета максимальных льгот, а не бюджета и др.* Двенадцать ежедневных информационных полос ведущей деловой газеты дают максимальное представление о новостях политики, бизнеса, культуры и спорта.

Деловая пресса изучена системно и детально (Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова, А. Г. Бочаров, М. И. Шостак, Л. А. Теплова, Г. А. Холованова, В. С. Кулев, Е. И. Мордовская, М. В. Шкондин, Д. А. Мурзин, А. А. Грабельников и др.), однако вопрос о единых критериях, позволяющих отнести издание к деловой прессе, стоит в современной науке остро. Это связано с неоднородностью современных бизнес-изданий, одну часть которой представляют газеты и журналы, стимулирующие спрос, а другую – издания, обеспечивающие широкий круг читателей специальной деловой и профессиональной информацией. Минимальная развлекательная функция является важной отличительной чертой бизнес-прессы, авторами материалов которой являются не только профессиональные журналисты, но и эксперты, а также лица, занимающие высокие кадровые позиции в разных профессиональных областях.

Деловая направленность коммуникации, отражение и формирование общественного мнения, создание разностороннего образа делового человека позволили бизнес-прессе занять прочное место и лидирующие позиции в системе современных средств массовой информации, а также стать важной разновидностью деловой коммуникации.

Библиографический список

1. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – М., 1989.

2. Воскобойников, Я., Юрьев В. Журналист и информация [Текст] / Я. Воскобойников, В. Юрьев. – М., 1993.

3. Газетные жанры [Текст]. – М., 1971.

4. Гребенина, А. Обзор печати: Проблемы теории жанра [Текст] / А. Гребенина. – М., 1980.

5. Коппервуд, Р., Нельсон Р. Как преподносить новости [Текст] / Р. Коппервуд, Р. Нельсон. – М., 1998.

6. Лазутина, Г. Основы творческой деятельности журналиста [Текст] / Г. Лазутина. – М., 2000.

7. Назарова, Т. Б., Буданова, В. В. Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке[Текст] / В. В. Буданова, Т. Б. Назарова // Язык. Сознание. Коммуникация. – 2006. – В. 32.

8. Основы творческой деятельности журналиста [Текст] / Под ред. С. Корконосенко. – СПб., 2000.

9. Пельт, В. Информация в газете [Текст] / В. Пельт. – М., 1980.

10. Солганик, Г. Язык газеты [Текст] / Г. Солганик. – М., 1998.

11. Тертычный, А. Жанры периодической печати [Текст] : учебное пособие / А. Тертычный. – М. : Аспект-пресс, 2002.

12. Тортунова, И. А. Заголовок как композиционная особенность современных печатных СМИ [Текст] / И. А. Тортунова // X Годичные научные чтения Социально-гуманитарного факультета РГСУ «Модернизация российского общества: опыт, проблемы, перспективы». Сборник статей. – М., 2012.

13. Третьяков, В. Как стать знаменитым журналистом [Текст] / В. Третьякова. – М., 2004.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Van Dejk, T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Tekst] / T. A. Van Dejk. – M., 1989.
2. Voskobojnikov, Ja., Jur'ev V. Zhurnalist i informacija [Tekst] / Ja. Voskobojnikov, V. Jur'ev. – M., 1993.
3. Gazetnye zhanry [Tekst]. – M., 1971.
4. Grebenina, A. Obzor pechati: Problemy teorii zhanra [Tekst] / A. Grebenina. – M., 1980.
5. Koppervud, R., Nel'son R. Kak prepodnosit' novosti [Tekst] / R. Koppervud, R. Nel'son. – M., 1998.
6. Lazutina, G. Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista [Tekst] / G. Lazutina. – M., 2000.
7. Nazarova, T. B., Budanova, V. V. Semiotika kommunikantov v delovom obshhenii na anglijskom jazyke[Tekst] / V. V. Budanova, T. B. Nazarova // Jazyk. Soznanie. Kommunikacija. – 2006. – V. 32.
8. Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista [Tekst] / Pod red. S. Korkonosenko. – SPb, 2000.
9. Pel't, V. Informacija v gazete [Tekst] / V. Pel't. – M., 1980.
10. Solganik, G. Jazyk gazety [Tekst] / G. Solganik. – M., 1998.
11. Tertychnyj, A. Zhanry periodicheskoj pechati [Tekst] : uchebnoe posobie / A. Tertychnyj. – M. : Aspekt-press, 2002.
12. Tortunova, I. A. Zagolovok kak kompozicionnaja osobennost' sovremennyh pechatnyh SMI [Tekst] / I. A. Tortunova // H Godichnye nauchnye chtenija Social'no-gumanitarnogo fakul'teta RGSU «Modernizacija rossijskogo obshhestva: opyt, problemy, perspektivy». Sbornik statej. – M., 2012.
13. Tret'jakov, V. Kak stat' znamenitym zhurnalistom [Tekst] / V. Tret'jakova. – M., 2004.

Дата поступления статьи в редакцию: 30.05.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 339.138:159.923

О. Л. Цветкова

Маркетинг личности в гуманитарном поле современности

В статье предпринимается попытка обобщить основные идеи и понятия, пришедшие в современную философию вместе с новыми реалиями общества конца XX в. Анализируя взгляды современных исследователей, автор выявляет новые точки зрения и новую понятийность, которые восходят к эволюции теории маркетинга в гуманитарном поле. Обращаясь к таким философемам XX столетия, как «экзистенция», «потребность», «смысл», «аутентичность» и т. д., автор увязывает их со смыслом тех процессов, функций, задач, которые несет в себе маркетинг личности. Исходя из философских концепций европейских мыслителей (от эпохи Возрождения до наших дней) автор также очерчивает понятийную сферу для понимания маркетинга личности и уяснения его места в системе основополагающих социальных категорий в гуманитарном поле современности.

Ключевые слова: природа человека, самосознание, система, самоидентичность, экзистенция, потребность, желание, самореализация.

O. L. Tsvetkova

Marketing personality in the modern humanitarian field

The important philosophic ideas connected with new realities of society in the late 20th century are analyzed in the article. The author discerns new views and concepts generated by evolution of marketing personality. Such philosophic notions as "existence", "need", "sense", “authenticity’’ are analyzed together with processes, functions and tasks of marketing personality. The philosophic notion of marketing personality and its place in the system of social categories and humanitarian field of modernity is described on the basis of European philosophic concepts.

Keywords: human nature, self-consciousness, system, identity, existence, need, desire, self-realization.

Маркетинг личности как новое направление в науковедении берет свои истоки не в вульгаризированном подходе «общества всемирного и всемерного потребления», где все максимально редуцировано и упрощено, а, прежде всего, в гуманитарной парадигме современных наук о человеке.

«Человек возвращается в этот мир с готовым планом боевых действий – не для того, чтобы вновь попасть под власть вещей, а наоборот, чтобы самому над ними господствовать, навязывая им свою волю, осуществляя в мире собственные идеи, формируя всю планету по зову души…Так происходит гуманизация мира, его обогащение идеальной человеческой субстанцией» [2, с. 114].

Причины, по которым именно это направление современной гуманитарной науки представляется особенно актуальным, состоят в следующем.

Первая. «Общество страдает от отсутствия людей творческих, способных на духовное, научное и культурное возрождение во имя создания высшей культуры, – отмечает итальянский психолог А. Менегетти. – Сегодня все коммуникационные системы направлены на распространение банальной, изоморфной культуры, но то, что одинаково, суть ничто» [3, с. 17]. Ученый рассматривает здесь метауровень современной человеческой цивилизации, но особенно болезненна проблема нивелирования отдельной человеческой личности.

И это **вторая причина**: «отглаживание» ее в рамках системы, когда конформизм является мерой всех вещей, а стереотипы восприятия не дают возможности интеллектуальной свободы. В связи с этим особенно четко заявляет себя проблема адекватной реализации человеческого потенциала. Именно человеческий потенциал, находясь в неизбежных ножницах между следованиям традиционным нормам, ценностям и вечной тяге к самоосуществлению, обречен на поиск новых путей в рамках современной цивилизации.

Третья причина состоит в глобальной размытости системы координат, в которой может существовать нормальная человеческая личность, поскольку образовался вакуум смыслообразующих

© Цветкова О. Л., 2015

ценностей, возникший в последней четверти XX в. на территории бывшего СССР. Сам по себе этот вакуум исчезнуть не может, а система, воспроизводящая саму себя, заинтересована в данном положении вещей, поскольку человеком с нивелированной личностью манипулировать на порядок легче, нежели личностью с четкими установками и пониманием происходящего. А потому маркетинг личности нам представляется одним из возможных механизмов противостояния пагубному влиянию системы.

В связи с этим задачи маркетинга личности можно определить так:

1) самоидентификация личности как «самоценного единичного бытия»;

2) целенаправленное формирование осмысленного, векторного самоопределения в социуме;

3) приведение в состояние гомеостатического равновесия природы человека и системы;

4) установление устойчивой и эффективной обратной связи между социальной средой и человеком, способствующей постоянному мониторингу и корректировке программы действий и развития личности;

5) творческое самовоспроизводство личности человека.

В соответствии с этим общими принципами маркетинга личности являются:

I. Гуманность: человеколюбие и нравственная мотивация собственного поведения.

II. Компетентность: обладание знаниями, опытом и умениями, необходимыми для реализации собственной жизненной программы.

III. Ортобиотичность: осознание самоценности собственной жизни, здравый оптимизм и стрессоустойчивость.

IV. Инновационность: вкус к поиску, способность к здравому риску.

V. Прагматизм: работа на результат.

VI. Экологичность: реализация фундаментального принципа «не навреди» применительно к себе и собственной жизни, жизни своих близких и социального окружения, бережное отношение к внешней среде в целом.

На протяжении всей человеческой истории во все более сложных и содержательных формах циклически повторялись три разных момента [6, с. 264]:

1. Человек ощущал свою заброшенность в вещном мире. Это – самоотчуждение.

2. Ценой огромных усилий человек уходит в свой внутренний мир, вырабатывает идеи об обстоятельствах с целью господства над ними. Это – самоуглубление («vita contemplative» у римлян и «theoretikos bios», «theoria» у древних греков).

3. Человек вновь погружается в мир, чтобы действовать в нем уже согласно готовому плану. Это – действие, активность, praxis.

Таким образом, о действии можно говорить лишь в той мере, в какой оно направляется предварительным созерцанием; и наоборот, самоуглубление всегда представляет собой проект грядущего действия.

Именно в этом, по нашему представлению, и состоит ядро маркетинга личности, в том, что данное направление в науковедении – это, прежде всего, осмысление и практическая реализация своего аутентичного (внутренне присущего) жизненного пути человеческой личности как самоценного единичного бытия, как уникального феномена, который, реализуя свой человеческий потенциал, осуществляет главную цель своего существования с экзистенциальной точки зрения: «Исполниться в качестве Человека. Стать Человеком» [4, с. 168].

Одна из главных аксиом маркетинга личности состоит в том, что природа человека рассматривается в нем как самостановящаяся субстанция, как процесс, имеющий логику и направление развития.

В источниковедческом плане проблема развития человеческой природы применительно к маркетингу личности четко прослеживается начиная с эпохи Средневековья. Еще раз подчеркнем, что воззрения на природу человека как на «вечно подвижное» известно уже более пяти веков. Великий итальянский мыслитель эпохи Возрождения Джованни пико делла Мирандола (1463–1494) блестяще выразил эти мысли в своей «Речи о достоинствах человека»: «Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем тебе, о, Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и образ, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого Я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смерт-

ным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные"» [1, с. 637].

Особую роль при этом играет понятие самосознания. Последнее можно трактовать как «бесконечное стремление», при этом своими корнями самосознание прослеживается во всей платонической традиции христианской философии. Например, в идеалистическом утверждении Фихте о том, что сущность человеческого «Я» есть бесконечное стремление. В своих желаниях и действиях «Я» всегда ощущает границу, препятствие: без такого ограничения, такого чувства конечности не было бы стремления. Вместе с тем «стремление есть отрицание ограничений, выход за пределы каждой вновь полагаемой границы: и без такого чувства от всякой данной конечности тоже не было бы стремления» [Там же, с. 462].

Вряд ли удастся определить, когда – в историческом масштабе – человеческое «Я» приобретает импульс такого рода, стремясь не к чему-то определенному, но к пределу возможного. К. Ясперс, один из уникально проницательных мыслителей XX в., само появление человека современного типа связывал с возникающей в «осевое время» рефлексией индивида относительно границ и пределов своих возможностей. Ясперс полагал, что в «те времена» (прошлого) разрыв между возможностями большинства людей и возможностями отдельных личностей был существенно выше, нежели сейчас [7].

Границы возможного не существуют вне осознающего их сознания; вместе с тем, будучи осознанными однажды, они становятся неотъемлемым элементом жизненного мира человека – «организованной совокупности всех объектов и явлений действительности, связанных с данным субъектом жизненными отношениями» [Там же, с. 156]. Однако ни одно из используемых в психологии мотивации понятий не позволяет отразить в целом представления человека о его возможностях в единстве с мотивационными побуждениями к их достижению.

Таким образом, сферу маркетинга личности можно определить как относительно устойчивую систему взаимосвязанных целей-ценностей, достижимых при изменениях наличной ситуации личности вследствие ее собственной динамики развития или в результате деятельности личности (либо прекращения деятельности). При наиболее благоприятных условиях и максимальной эффективности и мотивированности личности результат его деятельности будет соответствовать пределу, или границе возможного.

Проблематика маркетинга личности напрямую связана с экзистенциальными началами человеческого бытия, а именно с теми определяющими моментами, которые соотносятся с понятиями «смысл жизни», «иерархия потребностей», а также с такими диадами, как «человек – культура», «человек – окружающий мир». В последнее время четко назрела необходимость выделения нового типа потребности – потребности в психологической дистанции, отношении «человек по отношению к самому себе».

В настоящее время один из самых актуальных вопросов человеческого самопознания – вопрос «кто Я?». Он означает, что нам уже недостаточно знаний о том, какую роль вообще играет человеческая личность, адаптирована ли она, осуществляет ли она то, к чему призвана. С каждым новым десятилетием становится все яснее, что человек должен уметь отличать то, что «наросло» на его личность, от того, кем он в действительности является, за что отвечает перед собой и что будет результатом его авторского отношения к своей личности, собственным «маркетингом личности». Понятие «аутентичный» («истинный, подлинный») является ключом к пониманию проблемы соотношения человеческого проявления своей собственной природе, ядру своей личности.

Основным двигателем аутентификации является субъективное начало индивидуальности человека. Человек может стать настолько субъективным, что сохраняет психологическую дистанцию по отношению как к своему телу, так и психическим переживаниям, то есть по отношению к тому, чего он желает и в чем нуждается. Сохраняя эту дистанцию, он может сознательно самоосуществляться, создавая новые шансы и условия для удовлетворения своих потребностей. Именно самореализация является также защитой от дегенерации, которой, согласно закону о сохранении энергии, подвержены все функциональные организации, причем тем больше, чем сложнее они устроены. Иначе говоря, для высокого качества психических функций индивида необходимо развитие его личности.

Маркетинг личности как механизм собственного развития способствует выходу на качественно новые уровни, когда, зная смысл собственного существования, человек действует на

основании собственных принципов, не зависящих от требований ситуации и опыта. Именно в этом случае человек превосходит данные ему возможности и становится личностью.

Личность – это человеческий индивид, который, сохраняя психологическую дистанцию по отношению к собственным потребностям и желаниям, развивается, руководствуясь смыслом собственного существования.

В противовес личности человек-предмет (деградировавший человек) находится под властью собственных желаний, когда его страхи, приобретенные стереотипы и требования окружения начинают контролировать психическое состояние и заставляют его совершать определенные действия. Это происходит потому, что он не действует «от себя»: он формируется миром, частью которого является. Смысл человека-предмета зависит только от того, насколько он нужен этому миру.

С точки зрения оснований классического маркетинга, потребность определяется как чувство нужды или нехватки в чем-либо. Однако применительно к маркетингу личности это определение работает частично, поскольку в данном случае акценты смещаются в сторону экзистенциальности, самоопределения.

Потребности – это то, что необходимо человеку для того, чтобы он мог существовать как организм, развиваться как личность и быть психически свободным. Желания – это вожделения и влечения, которые иногда могут соответствовать тому, что действительно необходимо индивиду, а иногда просто вредны для него.

Потребности охватывают очень разностороннюю сферу жизненных условий и становления личности. Желания являются естественным компасом человека в его полете через галактику потребностей. Это приводит к тому, что он приближается или удаляется от того, что ему реально необходимо. У человека есть два пути – самоосуществление для себя или самоосуществление в себе. Их действительно только два, поскольку в жизни не предусмотрены ни остановки, ни возвращения. Тот факт, что человек может стремиться к одному положению вещей, а нуждаться в ином, создает дилемму, последствия которой таковы: либо он, самоосуществляясь для себя, познает свои потребности и подчинит им желания, сделав их составной частью самореализации и взяв на себя ответственность за свою жизнь, либо, самоосуществлясь в себе, поддастся желаниям, и они будут доминировать в его жизни и уничтожат его как личность. Главная проблема для человека здесь связана с тем обстоятельством, что у него может быть слишком большое количество мотивов и чрезмерное желание обмануть самого себя, когда возникает противоречие между тем, чего он хочет и тем, что он должен делать.

Влечение как категория маркетинга личности является формой осуществления потребностей. Зачастую осуществление потребностей приводит к такому положению вещей, при достижении которого завершается некоторый этап влечения. Однако в основном влечение реализовывается как направление – повторяющийся ритм все новых и новых осуществлений бесконечной череды желаний. Таким образом, осуществление влечений гарантирует стабильность жизненного пути. Возможно, важно даже не столько конкретное содержание влечений, сколько стабильность направления, связывающее разрозненные желания в единое целое, благодаря чему жизнь не распыляется и получает определенный формат.

Осуществление влечений является важным фактором развития личности. Польский психолог В. Лукашевский в результате исследований пришел к выводу о том, что «цели приводят жизнь в сознательное движение и стимулируют развитие личности» (Цит. по [5, с. 274]).

Иначе сформулировав проблему, можно утверждать, что, самоосуществляясь в своих влечениях, индивид совершает это, поскольку в этом заключается смысл его жизни. Он действует как «личность», то есть как индивид, способный к личностному, интенциональному вовлечению в проблемы мира, который является сферой *его* действий.

Индивид, самоактуализирующийся через обстоятельства своей жизни, превращается в предмет. Он становится сферой воздействия мира. Следовательно, можно осуществлять жизнь или осуществляться ею. С точки зрения семантики, разница невелика, на практике – огромна. Возможность применения маркетинга личности еще раз свидетельствует об этом.

Описание влечений любой личности касается трех различных направлений. Первое касается «кого-то», который к чему-то стремится, второе – того, каким образом он стремится, а третье – цели этого влечения.

Польский психолог Юзеф Питер в 1930-х гг. писал, что люди на протяжении истории готовы были отдать жизнь за хлеб, свободу и веру. Иначе говоря, всегда самым важным для людей было

сохранение жизни, независимость, эмоциональная связь, а также уверенность, что существует нечто, имеющее высшую ценность (Цит. по [5, с. 148]).

Исследователи отмечают, что высшей формой человеческого поведения является сознательное поведение, то есть такое, подлинную мотивацию которого (а значит, и программу, и цель) индивид в состоянии сформулировать. Формула мотивации должна быть такой, чтобы индивид мог ее контролировать, проверять, модифицировать, а его поведение могло подчиняться интенциональному контролю на каждом этапе ее осуществления. Поэтому личность, которая сознательно знает, чего она хочет и зачем, в состоянии направлять свое поведение, приспосабливать его к ситуации, даже отказываться от него в пользу другого, более ответственного поведения. Как субъект личность сама перед собой отвечает за действия, в результате которых нарушается порядок мира, в котором проходит ее жизнь.

Таким образом, мотивации, свойственные данной личности, – это полноценные, сознательно формулируемые обоснования поведения, в них четко определены цель и программа, которая должна привести к цели. «Правильность» и адекватность цели в данном случае можно оспаривать, однако не подлежит сомнению, что это была его аутентичная мотивация, и потому человек может полностью отвечать за ее осуществление. Кроме того, информация о мотивации позволяет нам предвидеть решение данного человека и направление его действий. Само существование мотивации указывает на то, что они будут упорядочены.

В маркетинге личности постулируется, что многие люди точно не знают, чего они хотят, а их мотивации нестабильны, неточны и склонны к изменениям. В культуре, которая уходит, это вызывало минимум стыд, максимум – являлось причиной высокого уровня внутренней тревожности. Эта культура проходит потому, что люди сегодня все легче открыто признают, что действуют, не зная точно почему. Однако, когда возникает необходимость объяснить свое поведение, они стараются привести такую мотивацию, которая, по их мнению, наиболее подходит к ситуации. Иногда люди верят в свою мотивацию даже тогда, когда она неправдоподобна и «слишком удобна». В психологии это называется «рационализацией», когда собственному поведению предписывается разумные и правильные мотивации, однако само поведение в действительности имеет совершенно иную цель, вытесняемую из сознания. Рационализация – это не совсем отсутствие информации о мотивации собственного поведения. Это не столько отсутствие знаний, сколько вытеснение в подсознание знаний о цели своего поведения. Вытесненная информация не исчезает и остается в психике, влияя на поведение человека.

Механизм рационализации помогает «здесь и сейчас», потому что облегчает жизнь во многих конкретных ситуациях, позволяет сохранить о себе хорошее мнение. Она поддерживает наш отказ, когда мы должны действовать, и укрепляет наши усилия, когда стоит отказаться. Следует помнить, что все удовлетворения «здесь и сейчас» напоминают дьявола, который в конце всегда выставляет счет за свои услуги. Возможно, что требования, которые выдвигает рационализация и ее сестра – защитная мотивация, даже более суровые, чем у ловца душ. Мы платим при жизни и зачастую довольно быстро. Поведение, основанное на бесконечной рационализации, противоречит интересам личности и направлению развития ее жизненного потенциала. В связи с этим А. Адлер отметил, что невротик – главный враг самому себе.

Особенно это заметно по отношению к интересам индивида в долгосрочной перспективе. Здесь наблюдается аналогия, касающаяся отдаленного успеха человека. В сложных, трудных делах отдаленный успех может быть компенсирован отказом от полноценного ближайшего успеха. Программа достижения отдаленной цели всегда требует определенной жертвы в пользу отдаленных задач.

Таким образом, на экзистенциальном уровне маркетинг личности определяет именно параметры целостности личности, поскольку целостность, какой и является личность аутентичного человека современности, работающую по законам гармонии, идентичности и адекватности, фрагментировать, разложить и унифицировать невозможно.

Библиографический список

1. Антология мировой философии: Возрождение [Текст] / Антология мировой философии – Мн. : Харвест, 2001 – 866 с.

2. Ассаджоли, Р. Психосинтез [Текст] / Ассаджоли Р. – М. : Рефл-бук, 1997. – 320 с.

3. Менегетти, А. Проект «Человек» [Текст] / А. Менегетти. – М. : ННБФ «Онтопсихология», 2001. – 376 с.

4. Мамардашвили, М. Как я пониманию философию [Текст] / М. Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1990. – 386 с.

5. Обуховский, К. Галактика потребностей. Психология влечений человека [Текст] / К. Обуховский. – СПб. : Речь, 2003 – 481 с.

6. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Весь мир, 2000. – 487 с.

7. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс ; Пер. – М. : Республика, 1994. – 678 с.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Antologija mirovoj filosofii: Vozrozhdenie [Tekst] / Antologija mirovoj filosofii – Mn. : Harvest, 2001 – 866 s.

2. Assadzholi, R. Psihosintez [Tekst] / Assadzholi R. – M. : Refl-buk, 1997. – 320 c.

3. Menegetti, A. Proekt «Chelovek» [Tekst] / A. Menegetti. – M. : NNBF «Ontopsihologija», 2001. – 376 s.

4. Mamardashvili, M. Kak ja ponimaniju filosofiju [Tekst] / M. Mamardashvili. – M. : Progress, 1990. – 386 s.

5. Obuhovskij, K. Galaktika potrebnostej. Psihologija vlechenij cheloveka [Tekst] / K. Obuhovskij. – SPb. : Rech', 2003 – 481 s.

6. Ortega-i-Gasset, H. Izbrannye trudy [Tekst] / H. Ortega-i-Gasset. – M. : Ves' mir, 2000. – 487 s.

7. Jaspers, K. Smysl i naznachenie istorii [Tekst] / K. Jaspers ; Per. – M. : Respublika, 1994. – 678 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1–14

А. С. Бокарев

Система циклообразующих связей в книге стихов А. Цветкова «Песни и баллады»

Статья обращена к изучению новой книги стихов современного русского поэта Алексея Цветкова «Песни и баллады» (2014). Стихотворения рассматриваются как художественное целое, воплощающее специфическую модель мира и основанное на разветвленной системе циклообразующих связей. Последовательно анализируются важнейшие из них – жанровая рефлексия, метасюжет и ключевые мотивы. Осознанные отступления от жанрового канона «высвечивают» у Цветкова принципиальные онтологические и этические смещения: в мире «Песен и баллад» инверсированы даже элементарные ценности и представления. Главной событийной осью метасюжета является судьба Страны, подвергшейся нападению неизвестных захватчиков; в итоге гибель грозит всему человечеству, а его место на планете должны занять «бурундуки и мудрые микробы». Наиболее существенные мотивы книги носят метапоэтический характер и связаны с авторским пониманием творчества как способа преодоления смерти – хотя бы и временного. Подробный разбор стихотворения «в цикличном режиме тифозного сна» позволяет прочитывать «Песни и баллады» как своеобразную реализацию этой идеи. В книге Цветкова создается иллюзия «нежизнеподобного» мира, который зарождается и гибнет прямо на глазах у читателя.

Ключевые слова: Цветков, циклизация, книга стихов, жанровая рефлексия, метасюжет, мотив, метапоэтика.

LITERARY CRITICISM

A. S. Bokarev

The system of cycle-forming bonds in the book of poetry «Songs and Ballads» by A. Tsvetkov

The article is devoted to the recent book of verse by the contemporary Russian poet Aleksey Tsvetkov «Songs and Ballads» (2014). The poems are regarded integrally as an art object based on the complex system of cycle-forming bonds that embodies the specific model of the World. The research decomposes the system into particular details: genre reflection, metaplot and key motifs. The intentional deviation from the genre canon in the works of Tsvetkov reveals the fundamental ontological and ethical shift: even the most basic values and beliefs are turned over in the world of «Song and Ballads». Reconstructed metaplot is intended to demonstrate the emerging anomalies: the main story line of the book is the fate of the Nation under attack of unknown invaders; eventually destruction threatens all humanity and its place in the world should be taken by 'chipmunks and wise germs'. The essential motifs are characterized as metapoetic and related to author's understanding of art as a way to overcome death – at least as a temporary one. A detailed analysis of the poem «in the cyclical mode of a typhoid dream» allows to read «Songs and Ballads» as a kind of realization of this idea. Tsvetkov creates an illusion of "not lifelike" world, which grows up and dies in front of the reader.

Keywords: Alexey Tsvetkov, cyclization, book of verse, genre reflection, metaplot, motif, metapoetics.

Книга стихов, получившая широкое распространение сначала в символистской, а затем и в постсимволистской лирике, осмысляется исследователями как циклическое образование, «большая форма» [см. наиболее значимые работы: 1; 3; 7; 8; 11; 12; 15; 16; 17], претендующая «быть воплощением целостной личности и / или даже моделью мира» [17, с. 6]. Поэтому резуль-

© Бокарев А. С., 2015

татом аналитических операций обычно оказывается установление контекстуальных связей, обеспечивающих единство обособленных и часто неоднородных (жанрово или тематически несходных) текстов. Впрочем, литературоведческие стратегии могут заметно разниться: с одной стороны, рассмотрению подвергаются лишь «формальные» параметры композиции (заголовочно-финальный комплекс, наличие или отсутствие разделов, количество стихотворений) [6], с другой – определяется специфика субъектной структуры книги и реконструируется сквозной метасюжет, образованный взаимодействием ключевых событий, образов и тем [5; 8; 11; 12]. Интерпретационная продуктивность этих, в сущности, не противоречащих друг другу подходов обеспечена тем, что циклизация в лирике представляется «едва ли не самой эффективной формой проявления авторской активности»: если лирический субъект «высказывается в отдельном тексте», то автор (по М. М. Бахтину, «облеченный в молчание») организует «контекст осмысления этого высказывания» [14, с. 61–62] и – одновременно – читательское восприятие произведения в целом [4, с. 96].

До сих пор исследовательский интерес концентрировался, главным образом, вокруг модернистских изданий, однако книга стихов как «форма репрезентации поэзии» актуальна и в современной литературной ситуации [1, с. 28]. Характерный тому пример – творчество Алексея Цветкова, чья способность к мышлению книгами была впервые отмечена Дж. Смитом, увидевшим в его «Эдеме» (1985) «не просто подведение итогов вещам, накопившимся за несколько лет», но самостоятельное и «независимое художественное целое» [13, с. 389]. То же можно сказать и о недавно вышедшей книге «Песни и баллады» (2014) [18], стихотворения которой формируют единый текстовый ансамбль благодаря разветвленной системе циклообразующих связей. Наиболее существенные аспекты этой системы как раз и будут предметом нашего рассмотрения.

Как известно, «классические» образцы книги стихов сопровождались предисловиями, где кратко излагалась творческая программа поэта и формировался горизонт читательского ожидания (достаточно вспомнить «Urbi et Orbi» В. Брюсова или «Пепел» А. Белого). Книга А. Цветкова предисловия лишена; отсутствуют и такие компоненты паратекста, как посвящение и эпиграф, поэтому главной «конвергирующей» силой становится заглавие, на которое ложится повышенная смысловая нагрузка. Правда указывает оно отнюдь не на жанровый принцип циклизации (в «Песнях и балладах» он не срабатывает) – куда важнее жанрово-родовая память, к которой и апеллирует заголовочная формула. Примечательно, что литературные и фольклорные жанры («Баллада о солдате» [Там же, с. 5–6], «Песня всадника» [Там же, с. 86], «Заклинание воды» [Там же, с. 87]) соседствуют у Цветкова с учебно-научными («Краткий курс» [Там же, с. 54–55], «Учебник насморка» [Там же, с. 96–97]) и претендующими на мемуарность текстами («Заметки подозрительного» [Там же, с. 48–49], «Дневник ветерана» [Там же, с. 61–62]). Встречаются и единичные случаи эпистолярных («Письмо первоклассникам» [Там же, с. 16]), информационных («Прямой репортаж» [Там же, с. 18]), даже музыкальных жанров («Русская рапсодия» [Там же, с. 7–8]). Выделим также группу произведений, чей структурно-содержательный статус не бесспорен, но которые, оказавшись в контексте «Песен и баллад», осмысляются как вполне самостоятельные жанровые единства («Книга бытия» [Там же, с. 95], «Апокриф» [Там же, с. 65–66], «Фанфик» [Там же, с. 23–24]). При этом внимание читателя, как часто бывает в подобных случаях, фокусируется не на каноне, а на его трансформациях [16, с. 28], поэтому одной из лейттем книги становится жанровая рефлексия[1], выявляющая аномальные сдвиги в картине мира.

Проследить эти «аномалии» удобно на примере жанра, имеющего достаточно длинную историю и относительно постоянный набор признаков. Как известно, сюжетную основу баллады составляет событие встречи между «здешним» и «иным» мирами, основной формой их контакта является диалог, а итогом – поражение или смерть «земного» персонажа; как правило, повествование ведется от третьего лица и имеет эмоциональный, лирический характер [2, с. 330–334; 9]. Стихотворение Цветкова «Баллада о солдате» [18, с. 5–6], открывающее книгу и посвященное осаде Очакова, жанровой «матрице» соответствует лишь приблизительно. Объективный повествователь уступает место ролевому герою, диалог превращается в автокоммуникацию или подменяется косвенной монологической речью, а сквозь балладные интонации то и дело прорывается одическое, воспевающее, начало[2]: *«там где с адом наш свет одинаков / на отшибе юдоли земной / мы с потемкиным брали очаков / сам вперед и братишки за мной / не малюткам рассказывать на ночь / лучше правду за вымя не*

трожь / что творил там григорь алексаныч / за геройство таврический тож» [Там же, с. 5].

Сами по себе отмеченные особенности для поэзии не новость, но в стихотворении Цветкова они «оттеняют» еще более радикальные преобразования на сюжетном уровне. Уже в первых – процитированных выше – строках указывается на тождество «здешнего» и «иного» миров: разделяющая их граница исчезает, и гибель героя предстает не катастрофой, а совершенно обыденным фактом. Катастрофический потенциал не реализуется и потому, что смерть хронологически предшествует встрече с потусторонними «оппонентами», одним из которых почему-то оказывается сам погибший – субъект лирического высказывания: *«опознаю жмура без усилий / сам же камнем пометил тела / и скажу ему здравствуй василий / хоть и смертью убило тебя <…> на курьерских доставили спешно / государыне матушке весть / и всплакну потому что конечно / я тот самый василий и есть»* [Там же, с. 5–6]. Вместе с тем деканонизация баллады (и других жанров) не является у Цветкова самоцелью – однако именно отступление от канона «высвечивает» принципиальные онтологические и этические смещения. Мир в «Песнях и балладах» – это мир наизнанку, в нем инверсированы привычные представления о пространстве и времени, жизни и смерти, элементарных ценностях. С наибольшей полнотой эту концепцию воплощает метасюжет книги, охватывающий большинство ее стихотворений.

Главной сюжетной осью «Песен и баллад» является судьба Страны (для удобства воспользуемся прописной буквой), подвергшейся нападению неизвестных захватчиков. Начиная с «Баллады о солдате» в текст регулярно вводятся украинские реалии: на первый план выдвигаются подробности национального быта (от борща и самогона до ассортимента днепропетровского рынка[3]), а есть и отдельное стихотворение, обращенное к Украине [Там же, с. 67]. С другой стороны, действие свободно переносится то в Приамурье («В саду» [Там же, с. 36–37]), то в центральные города России («Железнодорожные страдания» [Там же, с. 44–45]), то вовсе разворачивается в космическом пространстве («Смерть переселенца» [Там же, с. 59–60]). «Размытость» референтного плана не дает оснований однозначно соотносить описываемое с актуальными событиями украинской революции, поэтому стоящая за текстом реальность воспринимается как условная, а театром военных действий оказывается вся планета.

Условность происходящего подчеркнута и нечеловеческим обликом захватчиков: в кругозор лирического субъекта попадают *«челюсти из титана»* и *«лазерные зрачки»* [Там же, с. 19], а в стихотворении «Черное и оранжевое» [Там же, с. 19] прямо говорится об инопланетном происхождении *«монстров»*. Правда, и *«коренные жители»* Страны мало чем от них отличается: например, платоновский *«товарищ чепурный»* из стихотворения «В саду» облачен в *«чешую и копыта»* [Там же, с. 36], у дежурной из интеркома (*«ананке»* [Там же, с. 42–43]) – *«локтевые шипы и клыки»* [Там же, с. 43]. Вместе с отсылкой к «Чевенгуру» «рифмующиеся» детали внешности эксплицируют тему гражданской войны, где *«все на подбор свои»* [Там же, с. 19], и – шире – проблему самоуничтожения человечества из-за нетерпимости людей друг к другу: *«грех отрицать мы были бы добрее / не столь бы строго стерегли границы // когда б не эти пейсы на еврее / кинжал на горце чуб на украинце»* [Там же, с. 54].

В итоге освобожденное человеком место должны занять *«бурундуки и мудрые микробы»* [Там же, с. 54]; те же из людей, кому повезет спастись, будут вынуждены изменить облик и слиться с фауной (*«крылья в орнаменте усики есть / ног по условию шесть»* [Там же, с. 50]), чей жизненный ресурс несравнимо выше человеческого. Сама эта «метаморфоза» безболезненна и на кафкианское «превращение» похожа отдаленно; но тем, кому она окажется не по силам (*«гусениц тянет смятение вниз / бабочек музыка кверху»* [Там же, с. 50]), не останется ничего, кроме смерти. Отсюда тема ухода, конечности собственного «Я», многократно варьируемая в книге и особенно пронзительно звучащая в последних ее стихотворениях: *«нищий взял потертый грош / их на спуске свора / и сказал мне ты умрешь / но еще не скоро»* [Там же, с. 105]; *«обрывается прялкина нить / в полутакте последнего цикла / чья-то плоть отучается быть / человеком которым привыкла»* [Там же, с. 106] и т. д.

Разумеется, в таком изложении метасюжет не лишен лакун и «искусственных» спрямлений; связностью же своей он обязан регулярным семантическим (в том числе и событийным) «сцеплениям», возникающим межу отдельными текстами. Когда стихотворение «Угол зрения» [Там же, с. 14], повествующее о смерти путевого обходчика, завершается требованием новой жизни (*«западло мне валяться когда моя смена давно»*

[Там же, с. 14]), а идущее следом начинается с запланированного воскресения (*«когда я воскресну и буду грибом»* [Там же, с. 15]), оба воспринимаются как составляющие микроцикла. Другой тип связи – повторение опорного слова, зачастую сопровождаемое модификацией значения. В «Дневнике ветерана» [Там же, с. 61–62], написанном «поверх» лермонтовского «Пророка», герой иронически аттестован как «искуситель зверей» – и именно *«звери»*, а точнее *«зверики»* [Там же, с. 63], появляются в соседнем тексте. Правда теперь они не спутники «провозвестника», предвещающего миру скорый конец, а всего лишь детские игрушки – сохраненный на кромке памяти образ прошлого. Благодаря словесному повтору стихотворения начинают отражаться друг в друге, обмениваясь компонентами семантики: первому сообщается оттенок несерьезности, связанный с игрушками, второму – ощутимый эсхатологический налет, мотивированный пророчествами судного дня.

«Звери» / «зверики» неоднократно возникают и в других текстах «Песен и баллад» – природный мир у Цветкова многообразен, причем животные едва ли не во всем превосходят двуногих собратьев. Среди зверья особенно выделяются *«мишки и зайчики»* [Там же, с. 63], играющие немаловажную роль в судьбе человека: они встречают его при рождении – *«носом в песочке с совками и ведрами»* [Там же, с. 63], следуют за ним в зрелости (*«не спасет вино не помогут медики / всюду солнечные зайчики и медведики»* [Там же, с. 18]) и, наконец, сопровождают в последнее путешествие (*«куда эти зайчики тащат меня / в футляре с фальшивым оркестром»* [Там же, с. 12]). Так исподволь формируется мотивная сетка, накладывающаяся на сюжет книги и дополнительно его «цементирующая». Остановимся лишь на одном, наиболее важном для понимания целого, мотивном комплексе – метапоэтических аспектах возникновения, существования и исчезновения Страны.

Для целого ряда стихотворений «Песен и баллад» характерна последовательная тематизация письма: задача лирического субъекта состоит не только в том, чтобы осмыслить, но и в том, чтобы словесно зафиксировать исторические катаклизмы. В подробностях может быть описан сам процесс создания текста – мемуаров, дневника или японского хайку[4], – но чаще акцент делается на результатах творческого акта: его этической (*«долг наш теперь последний вахта у мониторов / все ж мы писатели сука каторжники пера»* [Там же, с. 19]) или «теургической» составляющей (*«как надо петь проспектам и мостам / шиповнику и придорожной пыли / чтоб все предметы по своим местам / расположились и в дальнейшем были»* [Там же, с. 35]). В конечном итоге судьба Страны ставится в прямую зависимость от слова: с его помощью можно как создать мир, так и отменить уже существующую и обжитую человеком реальность.

В травестированном виде миф о творении мира «проигрывается» в стихотворении «Книга бытия» [Там же, с. 95], где функцию Логоса замещает устаревший язык программирования, а коллапс объясняется *«погрешностью кода»*, которую допустил *«незадачливый бог»* [Там же, с. 95]. Как бы то ни было, языковая деятельность – и прежде всего творчество – позволяет возникнуть и существовать тому, что уже в момент своего становления обречено на гибель. Пока *«тленное горло»* способно *«извлекать из мозга слова»* [Там же, с. 58], ничья жизнь не прервется; но стоит слову умолкнуть – реальность распадается, почти не оставляя по себе следа (*«когда растают тени и тела / кто опознает в отголоске малом / вселенную какой она была / напетую любительским вокалом»* [Там же, с. 35]). Подлинный смысл творчества, согласно Цветкову, как раз и состоит в преодолении смерти и распада; утрата слова делает человека беззащитным перед хаосом – и в этом еще одна причина описанного в книге «бедствия». Неслучайно вырождение Страны сопровождается упадком ее языка (вдали от родины новые поколения обречены на «бессловесность» [Там же, с. 51]), а разумная жизнь прекращается лишь тогда, когда под натиском дикой природы исчезают ее письменные свидетельства (например, *«перочинное никита дашу»*, вырезанное в коре и пригодившееся в пищу бобру или лосю [Там же, с. 73]).

Итогом этих идей становится стихотворение «В цикличном режиме тифозного сна» [Там же, с. 108], завершающее «Песни и баллады» и потому особенно значимое. Описанная в нем гибель Страны напоминает демонтаж театральных декораций: составляющие природный ландшафт элементы постепенно покидают текст, а видимое глазу пространство сжимается и превращается в точку – огонек звезды, на мгновение осветившей пустоту. Ощущение виртуальности, заданное в первых строках, подтверждается в финале, когда небытие *«обреченного на ночь мира»* [Там же, с. 19] синхронизируется с абсолютным концом книги Цветкова. Если срок жизни Страны намеренно приравнен к длительности «стиходвиже-

ния», то ее «бумажная», условно-поэтическая природа не вызывает сомнений; сама же книга есть не что иное, как реализация метапоэтических представлений автора, то есть победа слова над смертью – хотя бы и временная: *«туман обступивший развеешь рукой / и нету на свете страны никакой / бумажный истлел под снегами / журавлик ее оригами»* [Там же, с. 108].

Таким образом, жанровая рефлексия, метасюжет и мотивные «связи» не просто объединяют отдельные высказывания в новое художественное целое – книгу «Песни и баллады», но и способствуют его концептуализации, создавая иллюзию «нежизнеподобного» мира, который зарождается и гибнет прямо на глазах у читателя. При этом нужно учитывать еще одно, до сих пор не принятое во внимание, обстоятельство: «голос», «озвучивающий» большинство текстов, доносится уже как бы с того света (см. стихотворения «Точка обзора» [Там же, с. 11–12], «Памятник» [Там же, с. 98–99] и др.), являя «чудо авторства» вопреки логическим законам и «фирменной» цветковской иронии. Возможно, это «чудо» и есть главный стимул возникновения книги – по крайней мере, законам ее поэтики оно не противоречит.

Библиографический список

1. Барковская, Н. В., Верина, У. Ю., Гутрина, Л. Д. Книга стихов как теоретическая проблема [Текст] / Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина // Филологический класс. – 2014. – №1 (35). – С. 20–30.

2. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст] / С. Н. Бройтман // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. – Т. 2 / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Академия, 2004.

3. Бройтман, С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» [Текст] / С. Н. Бройтман. – М. : Прогресс-Традиция, 2007.

4. Дарвин, М. Н. Книга стихов [Текст] / М. Н. Дарвин // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 96–97.

5. Лейдерман, Н.Л. Книга стихов как жанровое единство (О. Мандельштам «Камень») [Текст] / Н. Л. Лейдерман // Теория жанра. – Екатеринбург: ИФИОС «Словесник» УрО РАО, Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 389–424.

6. Лекманов, О. А. Книга стихов как «большая форма» в культуре русского модернизма [Текст] / О. А. Лекманов // Авторское книготворчество в поэзии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск – Челябинск, 19–22 марта 2008 г.): в 2 ч. – Ч. 1. / отв. ред. О. В. Мирошникова. – Омск : Сфера, 2008.– С. 64–88.

7. Лекманов, О. А. Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX века. О. Э. Мандельштам. «Камень» (1913) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / О. А. Лекманов. – М., 1995.

8. Лекманов, О. А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам [Текст] / О. А. Лекманов. – М. : Intrada, 2006.

9. Магомедова, Д. М. Баллада [Текст] / Д. М. Магомедова // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – С. 26–27.

10. Магомедова, Д. М. О жанровом принципе циклизации «книги стихов» на рубеже XX–XXI вв. [Текст] / Д. М. Магомедова // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. – М. : РГГУ, 2003. – С. 183–196.

11. Мирошникова, О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика [Текст] : монография / О. В. Мирошникова. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2004.

12. Мирошникова, О. В. Лирическая книга: архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века) [Текст] : учеб. пособие по спецкурсу для студ. филол. факультета / О. В. Мирошникова. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2002.

13. Смит, Дж. Потерянный рай Алексея Цветкова [Текст] / Дж. Смит ; пер. с англ. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой // Смит, Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 389–400.

14. Тюпа, В. И. Градация текстовых ансамблей [Текст] / В. И. Тюпа // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. – М. : РГГУ, 2003. – С. 50–63.

15. Фоменко, И. В. Книга стихов: миф или реальность? [Текст] / И. В. Фоменко // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. – М. : РГГУ, 2003. – С. 64–73.

16. Фоменко, И. В. О поэтике лирического цикла [Текст] : учебное пособие / И. В. Фоменко. – Калинин : КГУ, 1984.

17. Фоменко, И. В. Поэтика лирического цикл [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук / И. В. Фоменко. – Москва, 1990.

18. Цветков, А. П. Песни и баллады [Текст] / А. П. Цветков. – М. : ОГИ, 2014.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Barkovskaja, N. V., Verina, U. Ju., Gutrina, L. D. Kniga stihov kak teoreticheskaja problema [Tekst] / N. V. Barkovskaja, U. Ju. Verina, L. D. Gutrina // Filologicheskij klass. – 2014. – №1 (35). – S. 20–30.

2. Brojtman, S. N. Istoricheskaja pojetika [Tekst] / S. N. Brojtman // Teorija literatury: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: v 2 t. – T. 2 / Pod red. N. D. Tamarchenko. – M. : Akademija, 2004.

3. Brojtman, S. N. Pojetika knigi Borisa Pasternaka «Sestra moja – zhizn'» [Tekst] / S. N. Brojtman. – M. : Progress-Tradicija, 2007.

4. Darvin, M. N. Kniga stihov [Tekst] / M. N. Darvin // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij / pod red. N. D. Tamarchenko. – M. : Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. – S. 96–97.

5. Lejderman, N.L. Kniga stihov kak zhanro-voe edinstvo (O. Mandel'shtam «Kamen'») [Tekst] / N. L. Lejderman // Teorija zhanra. – Ekaterinburg: IFIOS «Slovesnik» UrO RAO, Ural. gos. ped. un-t, 2010. – S. 389–424.

6. Lekmanov, O. A. Kniga stihov kak «bol'shaja forma» v kul'ture russkogo modernizma [Tekst] / O. A. Lekmanov // Avtorskoe knigotvorchestvo v pojezii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Omsk – Cheljabinsk, 19–22 marta 2008 g.): v 2 ch. – Ch. 1. / otv. red. O. V. Miroshnikova. – Omsk : Sfera, 2008.– S. 64–88.

7. Lekmanov, O. A. Kniga stihov kak «bol'shaja forma» v russkoj pojeticheskoj kul'ture nachala XX veka. O. Je. Mandel'shtam. «Kamen'» (1913) [Tekst] : avtoref. dis. … kand. filol. nauk / O. A. Lekmanov. – M., 1995.

8. Lekmanov, O. A. O treh akmeisticheskih knigah: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam [Tekst] / O. A. Lekmanov. – M. : Intrada, 2006.

9. Magomedova, D. M. Ballada [Tekst] / D. M. Magomedova // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij. – M. : Izdatel'stvo Kulaginoj ; Intrada, 2008. – S. 26–27.

10. Magomedova, D. M. O zhanrovom principe ciklizacii «knigi stihov» na rubezhe XX–XXI vv. [Tekst] / D. M. Magomedova // Evropejskij liricheskij cikl. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 15–17 nojabrja 2001 g. – M. : RGGU, 2003. – S. 183–196.

11. Miroshnikova, O. V. Itogovaja kniga v pojezii poslednej treti XIX veka: arhitektonika i zhanrovaja dinamika [Tekst] : monografija / O. V. Miroshnikova. – Omsk : Omsk. gos. un-t, 2004.

12. Miroshnikova, O. V. Liricheskaja kniga: arhitektonika i pojetika (na materiale pojezii poslednej treti HIH veka) [Tekst] : ucheb. posobie po speckursu dlja stud. filol. fakul'teta / O. V. Miroshnikova. – Omsk : Omsk. gos. un-t, 2002.

13. Smit, Dzh. Poterjannyj raj Alekseja Cvetkova [Tekst] / Dzh. Smit ; per. s angl. M. L. Gasparova, T. V. Skulachevoj // Smit, Dzh. Vzgljad izvne: Stat'i o russkoj pojezii i pojeti-ke. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – S. 389–400.

14. Tjupa, V. I. Gradacija tekstovyh ansamblej [Tekst] / V. I. Tjupa // Evropejskij liricheskij cikl. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 15–17 nojabrja 2001 g. – M. : RGGU, 2003. – S. 50–63.

15. Fomenko, I. V. Kniga stihov: mif ili real'nost'? [Tekst] / I. V. Fomenko // Evropejskij liricheskij cikl. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 15–17 nojabrja 2001 g. – M. : RGGU, 2003. – S. 64–73.

16. Fomenko, I. V. O pojetike liricheskogo cikla [Tekst] : uchebnoe posobie / I. V. Fomenko. – Kalinin : KGU, 1984.

17. Fomenko, I. V. Pojetika liricheskogo cikl [Tekst] : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk / I. V. Fomenko. – Moskva, 1990.

18. Cvetkov, A. P. Pesni i ballady [Tekst] / A. P. Cvetkov. – M. : OGI, 2014.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

---

[1] См. работу Д. М. Магомедовой [10], где жанровая рефлексия рассматривается в качестве метатемы книги В. Брюсова «Urbi et Orbi».

[2] Одические «ноты» навеяны, вероятно, державинской «Осенью во время осады Очакова».

[3] См., например, стихотворения «в гостях» [18, с. 38-39] и «union square» [18, с. 91–92].

[4] См. стихотворения «мемуары бакенщика» [18, с. 56], «свет в конце» [18, с. 29–30], «прямой репортаж» [18, с. 18].

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева

Автобиографическая орнаментальность: принципы лейтмотивной организации романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

В статье рассматривается одна из центральных проблем модернистской автобиографической поэтики и бунинского автобиографического метатекста – невозможность воспроизведения реальности своего прошлого в виде связного автобиографического нарратива, который не способен передать ни прихотливую логику воспоминаний, ни сложные душевные переживания субъекта. Автобиографический роман И. Бунина рассматривается как нелинейная структура, «мемориальная симфония», построенная по законам орнаментального текста, на развитии и сплетении множества музыкальных тем, лейтмотивов и эквивалентностей в цельной симфонии памяти. В статье анализируется категория памяти, которая становится в «Жизни Арсеньева» интегральным, скрепляющим все воедино, смысло- и структуропорождающим мотивом, и порождаемые ей другие лейтмотивы, актуализирующие ее важные составляющие («древность / вечность», «одиночество», «живая жизнь», «тайна», «творчество», «музыка» и другие), и делается вывод о том, что в художественную ткань бунинского романа оказываются вплетенными практически все лейтмотивы прошлого творчества Бунина. «Жизнь Арсеньева» – это не только память о жизни, но и память о творчестве, а «плетение» текста памяти не подвержено «орнаментам забвения»: при всех отступлениях, фрагментации, текст удерживает от распада цельность Homo memor и единая философская концепция вечной живой памяти, образующая единый надтекстовый рисунок «мемориальной симфонии» Бунина.

Ключевые слова: автобиографическая орнаментальность, мемориальный орнамент, категория памяти, парадигматизация, le plaisir de souvenir (удовольствие от воспоминания), автобиографический субъект, Homo memor, лейтмотивы, автобиографема-концепт, автобиографема-топос, мемориальный палимпсест.

E. M. Boldyreva

Autobiographic ornamentation: leitmotif organization principles in I. A. Bunin's novel «The Life of Arseniev»

The article considers one of the most important problems in modernist autobiographic poetics and in Bunin's autobiographic metatext. The problem is the impossibility to reproduce reality of your past in the form of coherent autobiographic narrative unable to convey either the intricate logic of memories or the person's complex spiritual experience. Bunin's autobiographic novel is seen as a nonlinear structure, "memorial symphony", which is based on the laws of ornamental text, on the combination of several music themes, leitmotifs and equivalences in the symphony of memory. The author analyses the category of memory and the leitmotifs actualizing its important components ("ancient/eternal", "loneliness", "real life", "mystery", "creativity", "music", etc.) and makes a conclusion that Bunin's novel involves practically all leitmotifs from his previous works. "The Life of Arseniev" is not only the memory of life, but also the memory of creative work. The author suggests that in spite of all digressions and fragmentation the text does not fall apart due to the integrity of Homo memor and the philosophic concept of eternal live memory which unifies the supratextual patern of Bunin's "memorial symphony".

Keywords: autobiographic ornamentation, memorial ornament, the category of memory, paradigmatization, le plaisir de souvenir (pleasure of memory), autobiographical person, Homo memor, leitmotifs, autobiographeme-concept, autobiographeme-topos, memorial palimpsest.

«В те дни я часто как бы останавливался и с резким удивлением молодости спрашивал себя: все-таки что же такое моя жизнь в этом непонятном, вечном и огромном мире, окружающем меня, в беспредельности прошлого и будущего и вместе с тем в каком-то Батурине, в ограниченности лично мне данного пространства и времени? И я видел, что жизнь (моя и всякая) есть смена дней и ночей, дел и отдыха, встреч и бесед, удовольствий и неприятностей, иногда называемых событиями; есть беспорядочное накопление впечатлений, картин и образов, из которых лишь самая ничтожная часть (да и то неизвестно, зачем и как) удерживается в нас; есть непрестанное, ни на единый миг нас не оставляющее течение несвязных чувств и мыс-

© Болдырева Е. М., 2015

лей, беспорядочных воспоминаний о прошлом и смутных гаданий о будущем, а еще – нечто такое, в чем как будто и заключается некая суть ее, некий смысл и цель, что-то главное, чего уж никак нельзя уловить и выразить…» [5, с. 405]. Эта цитата из «Жизни Арсеньева» как нельзя более точно обозначает одну из центральных проблем модернистской автобиографической поэтики и собственного бунинского автобиографического метатекста – невозможность воспроизведения реальности своего прошлого в виде связного автобиографического нарратива, который не способен передать ни прихотливую логику воспоминаний, ни сложные душевные переживания субъекта. Автобиографическое письмо Бунина не подчиняется законам линейной логики, а выстраивает свою особую конфигурацию не только в плане автобиографической оптики, типа видения, но и в плане письма, текстовой репрезентации автобиографического духовного опыта.

«Язык безошибочно обозначил, что память не инструмент для изучения прошлого, а его подмостки. Она – среда прожитого… Тот, кто стремится приблизиться к своему погребенному прошлому, должен вести себя как кладоискатель. Это определяет тон и манеру подлинных воспоминаний. Им не следует бояться снова и снова приходить к одному и тому же материалу, разбрасывать его, как разбрасывают землю, переворачивать его, как переворачивают почву. Ибо материал только залежь, пласт, из которого лишь наиболее дотошное исследование извлекает то, что составляет скрытые в недрах истинные сокровища: образы, вырванные из всех прежних контекстов и стоящие, подобно драгоценным обломкам или торсам в галерее коллекционера, в покоях нашего позднего понимания», – сказал Вальтер Беньямин в своей «Берлинской хронике» [4, с. 183], акцентируя особую природу модернистской автобиографии, которая отказывается от реконструкции прошлого как непрерывного потока жизни. Об этом писал и исследователь автобиографической поэтики Мандельштама Е. Павлов: «Модернистская работа воспоминания разыгрывает приостановку письма как дела жизни (и как воскрешения опыта) посредством стратегии негативного представления, которое отвергает претензию на непосредственность, линейность и замкнутость. Автобиографии, возникающие в результате этой работы, радикально отличаются от непрерывного повествования о жизни писателя» [6, с. 12]. Не случайно в своем эссе «К портрету Пруста» В. Беньямин сравнивает автобиографическое письмо с плетением ткани, сплетанием и расплетанием орнаментов памяти и забвения: «Но каждый день в целенаправленном действии и еще дальше в служащем какой-то цели вспоминании распускает плетение, орнаменты забвения. Поэтому в конце Пруст превратил свои дни в ночь, чтобы в темной комнате при искусственном свете каждый час без помех посвящать своему произведению, не упуская ни одной запутанной арабески. Если римляне называли текст тканью, то едва ли найдется такой, который окажется более плотной тканью, чем текст Марселя Пруста» [1, с. 311]. Автобиографическое повествование И. Бунина представляет собой не развитие магистральной линии, не приоритет синтагматического развертывания текста (при внешней выявленности синтагматической линии), а явную парадигматизацию, доминирование вневременных и внепричинных связей. На первый взгляд, может показаться, что подобная посылка несколько категорична. Действительно, у Бунина мы не встретим абсолютного разрушения диегесиса о собственной жизни и вызывающего выхода за границы жанра, однако его автобиография организована в соответствии с другими законами, близкими орнаментальному тексту. Именно парадигматизация, вневременная и внепричинная связь событий и явлений образуют «автобиографический орнамент» или «узоры судьбы», где каждый элемент «мемориального орнамента» стягивает к себе множество типологически сходных точек из прошлого и будущего.

В чем же проявляется эта автобиографическая орнаментальность в романе «Жизнь Арсеньева»? Прежде всего, в презентации автобиографического текста как нелинейной структуры, своего рода «мемориальной симфонии», построенной на развитии и сплетении множества музыкальных тем, лейтмотивов и эквивалентностей. Поскольку формирование любой лейтмотивной линии происходит за счет повтора словесных формул определенной семантической группы, мы будем рассматривать этот повтор не только как манифестацию важных для автора понятий, но и как дискурсивный аналог воспоминания. Не случайно об этой связи повторения и воспоминания писали многие философы XX в. «Повторение и воспоминание – это одно и то же движение, но направленное в противоположные стороны; то, что вспоминается, было в прошлом, оно повторено в сторону прошлого, в то время как повторение в собственном смысле – это воспоминание,

направленное вперед» [2, с. 33]. Об этом же говорит и комментатор Хайдеггера Д. М. Левайн: «Подлинное воспоминание – это *не* «повторение» в том смысле, в каком оно стремится повторить опыт прошлого, рабски копируя исторический прецедент, это скорее «повторение» иного типа – особым образом и при остром сознании своего собственного времени оно готовит нас к тому, чтобы мы пережили *первичный* опыт Бытия...» [3, с. 77]. В «Жизни Арсеньева» мы не встретим «демонстративной» орнаментальности, в какой-то степени затрудняющей чтение, но именно благодаря повторам слов и «мигам узнаванья», автобиографический текст Бунина выстраивается как музыкальный, где главное – не синтагматическая упорядоченность, а развитие и переплетение множества музыкальных тем, лейтмотивов в цельной симфонии памяти. Именно память становится в «Жизни Арсеньева» интегральным, скрепляющим все воедино, смысло- и структуропорождающим мотивом, интенсивно орнаментированным повторами словесных формул *«помню», «а еще помню я», «вспоминается мне», «разве могу я забыть»* и т. п. Она (память), словно камертон, «музыкальный лад», задается с самой первой фразы «Жизни Арсеньева»: *«Вещи и дела, еще не написаннии бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении»* [5, с. 265]. Развитие автобиографической темы осуществляется у Бунина как бы в двух планах: с одной стороны, это неизбежное прочерчивание магистральной линии жизни в ее поступательном развитии и причинно-следственных связях; с другой – это выстраивание «мелодии текста», полифонического сплетения музыкальных тем. Первое воспоминание как первая нота определяет одну из таких сквозных тем: *«Самое первое воспоминание мое есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение. Я помню большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видным в окно, на юг...»* [Там же, с. 266]. Этот *«сухой блеск»* – излюбленный бунинский образ, варьируемый на разные лады еще в его лирике и ранних рассказах, – освещает и «Жизнь Арсеньева», неоднократно возникая именно в моменты наибольшего упоения жизнью: *«...сколько сухого зноя, сколько солнца не только видел, но и всем своим существом чувствовал я, глядя на эту синь и эту охру, замирая от какой-то истинно эдемской радости!»* [Там же, с. 294] или после первой волшебной ночи, проведенной вместе с Ликой: *«...вскоре я проснулся в таком зное и блеске, что встал и, шатаясь, пошел искать тени. Весь дом еще спал, стоя в сухом ослепительном свете...»* [Там же, с. 451].

Память как сложная и семантически поливалентная категория порождает другие концепты, актуализирующие ее важные составляющие, каждый из которых в свою очередь становится источников других лейтмотивных линий, семантика которых формируется за счет тесного переплетения. В первой же части, как своего рода «увертюре», намечаются практически все основные темы-мотивы, которые выстраивают разнообразные автобиографические парадигмы романа, его «мемориальные узоры», как магистральные, так и более локальные.

Автобиографема-концепт **«древность / вечность»** закрепляет внеличную, трансперсональную составляющую памяти – прапамять как чувство нерызрывной связи с общим бытием мира и острое ощущение рода, породы, генетической связи с «прадедами и пращурами».

Автобиографема-концепт **«одиночество»** определяет соотношение Homo memor с миром и оптимальную ситуацию воспоминания.

Автобиографема-концепт **«живая жизнь»** обнажает чувственную интенсивность, «божественную бесцельность» «материи памяти» и принцип «удовольствия от воспоминаний», подлинного наслаждения от чистого процесса воспоминания.

Автобиографема-концепт **«тайна»** манифестирует иррациональный характер памяти и выносит к порогу восприятия ощущение зачарованности тайной бытия и ее невыразимости и невозможности постижения.

Автобиографема-концепт **«творчество»** акцентирует два важнейших аспекта: закрепленное и преображенное памятью прошлое как единственный предмет творчества и творчески преобразующий характер самой памяти, изоморфность творчества и памяти как художественной трансформации мира.

Автобиографема-концепт **«музыка»** подчеркивает ритмическую основу памяти, завороженность субъекта бессознательной мелодией прошлого и его растворение в «дивной музыке» памяти.

В дальнейшем каждый из концептов развивается в самостоятельную мотивную линию, выполняя функции концептуализирующих автобиографем, взаимодействующих с событийными, эмоциональными, сенсорными автобиографемами, а также топосами и деталями по двум разно-

направленным каналам – материализации в конкретных ситуациях и одновременному «вытягиванию» из них той смысловой «эссенции», которая делает концепт многомерным.

Концепт **«древность / вечность»** задается в увертюре форсированным повтором лексических комплексов с элементами «род», «происхождение», «сродники», «пращуры», а также описанием материального эквивалента «прапамяти» (*«перстень, эмблема верности и вечности»* [Там же, с. 266]) и образует ситуативную автобиографему «церковное служение», выстраивающую серию эквивалентностей в дальнейшем тексте романа. Лейтмотив древности на протяжении всего текста будет орнаментирован словами ***«древний», «первобытный», «первозданный», «древнейшие», «предки», «древнерусский», «непрерывный», «всегда»*** *(«тот древний образ, перед которым горят неугасимые лампады»* [Там же, с. 325], *«эти древнерусские старцы со своим священным и мудрым писанием»* [Там же, с. 346], *«и всегда молится на коленях какая-нибудь женщина в темной шали»* [Там же, с. 325] и т.п.) и сцеплен с событийными автобиографемами ***«церковная служба», «смерть», «путешествие»*** теми, где автобиографический герой особенно остро ощущает свою связь с прабытием. Кроме того, лейтмотив древности будет неизменно возникать в связи с автобиографемами-топосами церкви, дороги и сада. Предметным коррелятом древности часто выступает автобиографема кургана. Этот курган как символ вечности, незыблемости бытия и прапамяти появляется в «Жизни Арсеньева» и вызывает у героя мысли о неразрывной связи с прошлым: *«…а в двух шагах от нас, на бесконечной и гладкой, как ток, степи, стоит и глядит на меня большой могильный курган… До сих пор не могу понять, чем он так поразил меня. Это было нечто ни на что не похожее ни по своим столь определенным и вместе с тем столь мягким очертаниям, ни по тому, главное, что таилось в них. Это было нечто совершенно необыкновенное при всей своей простоте, такое древнее, что казалось бесконечно чуждым всему живому, нынешнему, и в то же время было почему-то так знакомо, близко, родственно»* [Там же, с. 427]. Мотив древности сопряжен со словесными формулами высокой оценки: *«старинные песни счастливых дедовских времен»* [Там же, с. 272], *«дедовская или прадедовская сабля»* [Там же, с. 291], *«старый наследственный быт»* [Там же, с. 324], *«тонкой, чистой, древнерусской иконописной красоты»* [Там же, с. 346], *«то чудное, ветхозаветное, что есть в этом радостном таинстве»* [Там же, с. 353], *«томя меня… всей своей древностью»* [Там же, с. 404]. Вечность становится не только временным понятием, но и приобретает пространственное измерение, превращаясь в бесконечность: *«Что таило в себе это бесконечное?»* [Там же, с. 402].

Концепт **«одиночество»** орнаментирован повторами слов с семантикой пустоты, отсутствия, отчужденности, заброшенности, бесстрастности, запустения, замкнутости, отрешенности: *«старые ветлы, местами еще стоявшие справа и слева вдоль ее просторного и пустынного полотнища, вид имели одинокий и грустный»* [Там же, с. 312], *«мое младенческое одиночество»* [Там же, с. 273], *«заглядываешь в старый пустой дом»* [Там же, с. 341], *«в пустой, сияющей южной дали»* [Там же, с. 345], *«будут бесстрастно стоять»* [Там же, с. 346], *«для меня как будто весь мир опустел, стал огромным, бессмысленным»* [Там же, с. 345], *«видел свою опустевшую комнату»* [Там же, с. 413], *«пустой зал, пустая гостиная»* [Там же, с. 268], *«В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад?»* [Там же, с. 341], *«всюду пустота, молчание»* [Там же, с. 408], *«красота казалась еще более дивной в этом одиночестве»* [Там же, с. 342], *«как отрешалась тогда душа от жизни»* [Там же, с. 342], *«жажда отрешения от жизни»* [Там же, с. 299], *«жил очень замкнуто»* [Там же, с. 288], *«чувство необыкновенной отчужденности от этих лиц»* [Там же, с. 401]. Он реализуется в тех ситуациях, которые демонстрируют выделенность Я-героя из окружающего мира и его чуждость многим сферам жизни (Я – Другой, Я – другие, Я – мир): *«и все так же одинок я в мире»* [Там же, с. 268], *«вижу себя в доме, и опять в летний вечер, и опять в одиночестве»* [Там же, с. 268], *«я остаюсь наконец один»* [Там же, с. 384]. Он постоянно актуализируется в многочисленных встречах и диалогах, которые, по сути, оказываются «невстречами» и провалами коммуникации, обнажая разрыв между Я и другими. Взаимоотношения автобиографического героя с миром у Бунина резко отличаются от традиционной автобиографии: Арсеньев – один во всем мире и весь мир в нем одном. Другие персонажи «удостаиваются» изображения в том случае, если они оказались своего рода «вехами» духовного роста Арсеньева, катализаторами того или иного ценного для него состояния: так, Оля, сестра и товарищ в дет-

ских играх героя, лишь вскользь упоминается, как бы оказываясь «на полях» его жизни; ее существование просто констатируется как «соседнее», а вот рано умершей сестре Наде посвящается почти целая глава, поскольку ее смерть открыла для Арсеньева новый страшный и дивный мир, надолго лишив его «чувства жизни». Рассказ о людях представляет собой точку упоминания, а не линию-историю; любой другой автор автобиографии раскрыл бы отношения героя с каждым из окружающих – бунинский герой монополизирует повествование и становится центром вселенной. Кроме того, лейтмотив одиночества неразрывно сцеплен с теми ситуациями, где герой перемещается в пространстве (поезд, скачки, брожение по улицам), когда на фоне беспрерывно меняющихся декораций только его собственное Я остается неизменным, стабильным в призрачном мире. Наконец, лейтмотив одиночества связан с ситуативной автобиографемой смерти, когда Я ощущает свое одиночество перед лицом дивно-страшных явлений, таинства которых он не в силах понять. Символически концепт одиночества закреплен в автобиографеме одинокой звезды и тишины (*«какой-то глухой полустанок, тишина»* [Там же, с. 414], *«во всем мире была такая тишина, что, казалось, я просыпался от чрезмерности этой тишины»* [Там же, с. 374], *«долгое и безмолвное каждение престола»* [Там же, с. 330]).

Автобиографема-концепт **«музыка»** воплощается в многочисленных конкретных звукообразах (жужжание шмелей, шум прибоя, стук вагонных колес, шум ливня) и разрабатывается в тех ситуациях, когда герой заворожен ритмом и ритмически растворяется в мире: ситуативные автобиографемы скачек, путешествия в поезде, церковной службы, охоты и чтения: *«Надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с колокольни…»* [Там же, с. 269], от съеденных ягод белены *«дивно звенела голова»* [Там же, с. 275], *«Какой это непередаваемо-очаровательный звук – звук натачиваемой косы»* [Там же, с. 280], дивное великолепие грозы *«облака… стали где-то, в самой глубокой и звучной высоте своей погромыхивать, а потом греметь, раскатываться гулким гулом и разражаться мощными ударами да все полновеснее, величавей, великолепнее»* [Там же, с. 276], звучный, тяжелый, густой и торжественный гул соборного колокола, колдовские строки Пушкина и дивное звучание Гоголя. Бунину свойственна особая чувствительность прежде всего к звуку, его зачаровывают *«поющие двери»* в гоголевском рассказе, радостное и взволнованное церковное пение и *«прекрасный летний дождь, который роскошно шумит в саду»* [Там же, с. 295]. Концепт музыки порождает и специфический для романа синтаксический рисунок, ритмически имитирующий возникновение дискретного потока воспоминаний: *«А вот… А вот…», «Помню… Помню…»*, когда в один ряд, объединенный семантически значимой анафорой *«помню... помню...»*, встраиваются абсолютно разнородные и разнокачественные **события:** *«И я помню веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак..., много мух и великолепных бабочек... Помню, как сладко спала вся усадьба... Помню вечерние прогулки... Помню какую-то дивную лунную ночь...»* [Там же, с. 282] – и **парадигмы** фонетических эквивалентностей, когда развертыванием повествования управляют фонетические законы. Порой развитие того или иного воспоминания подчиняется логике музыкальных созвучий, выстраивающей неявный паронимический ряд, становящийся семантическим центром вспоминаемого фрагмента: *«...рос я в великой **глуши.** Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... И вечная **тишина** этих полей... Но грустит ли в **тишине**, в **глуши** какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они... не чувствуют той сокровенной **души,** которая всегда чудится человеческой **душе**...»* [Там же, с. 267]. Ритмические фигуры возникают и в важнейших топосах, например, поезд – вокзал: *«…а там опять отчаянный крик паровоза куда-то во тьму, в бурную даль, в неизвестность, и первый толчок вновь двинувшегося вагона, по мерзлым, играющим бриллиантами окнам которого проходит удаляющийся свет платформы – и снова ночь, глушь, буран, рев ветра…»* [Там же, с. 354]; *«И я ехал и слушал, потом стал считать, сколько лет обещает мне она, – сколько еще осталось мне всего того непостижимого, что называется жизнью, любовью, разлуками, потерями, воспоминаниями, надеждами…»* [Там же, с. 402]. Важной линией разработки концепта **«музыки»** становится страдание героя от фальшивого звука: он резко заявляет Лике, что готов задушить актера только за то, как он произносит слово «аромат» – *«а-ро-мат»* [Там же, с. 468] и что *«три четверти каждой из этих сонат – пошлость, гам, кавардак! Ах, здесь слышен стук гробовой лопаты! Ах, тут феи на лугу кружат-*

ся, а тут гремят водопады! Эти феи одно из самых ненавистных мне слов! Хуже газетного "чреватый"!» [Там же, с. 466]. Когда на фоне строгих густых звуков колокольни во время похорон Писарева *«вдруг резко сорвалась короткая, нарочито нелепая, трагическая разноголосица, на которую дружным и нестройным лаем и воем ответили испуганные борзые и гончие, наполнявшие двор»*, герой горько замечает: *«Это было так безобразно…»* [Там же, с. 365]. Музыка сопряжена с эмоциональными автобиографемами оксюморонных ощущений, она представляет собой *«одно из самых сложных и мучительных наслаждений»* [Там же, с. 466]. Наконец, автобиографема музыки может даже сюжетно реализовываться, определяя дальнейшие поступки и судьбу героя: так, он отправляется в путешествие в Витебск и Полоцк, прежде всего, завороженный звучанием самих слов.

Автобиографема-концепт **«тайна»** орнаментированная лексикодами ***«смутный», «непонятный», «загадочный», «неясный», «колдовской», «странный», «непостижимый», «необыкновенный», «бессмысленный», «таинственный», «недоумение», «непонимание»*** (*«о загадочном, томительно-любовном счастье жизни», «в загадочности и безучастности всего окружающего было что-то даже страшное»* [5, с. 402], *«с колдовской настойчивостью куковала вдали кукушка»* [5, с. 403], *«необыкновенно высокий треугольник ели»* [5, с. 374], *«залита сильным и странным светом»* [5, с. 374], *«сколько еще осталось мне всего того непостижимого, что называется жизнью»* [5, с. 402], *«с бессмысленно-жуткой радостью голосили кругом соловьи»* [5, с. 402], *«первый проблеск самого непонятного из всех человеческих чувств»* [5, с. 292], *«таинственный и страшный из всех мужиков»* [5, с. 269]), ***дивный*** *(«совершается диво»* [5, с. 348], *«таинственные для юного сердца»* [5, с. 348], *«я каждый раз снова и снова, до недоумения, даже до некоторой муки, дивился на красоту ночи»* [5, с. 374], *«опять чувствуя непонятную грусть»* [5, с. 308], «*сад уже чернел за окнами всей своей таинственной ночной чернотой»* [5, с. 268], *«По вечерам в низах сада светила молодая луна, таинственно и осторожно пели соловьи»* [5, с. 369]), обнаруживает себя в событийных автобиографемах смерти и церковной службы, а также в других ситуациях, где герой ощущает бесконечную сложность и непостижимость бытия. Он часто сопряжен с мотивами смерти, возникающими в церковном топосе: *«произойдет с ним то последнее, церковное…, то самое дивное в мире…»* [Там же, с. 364]. Он материализуется в автобиографемах дыма, тумана, возникающих в связи с топосами сада, церкви и охоты как *«завесы тайны»* и распахивания окон (и аналогичных жестов-автобиографем, например, пристальное всматривание героя в затянутое облаками небо) как попытки различить смутные очертания иной реальности, не переходя при этом границы. Самыми частыми эмоциональными коррелятами лейтмотива тайны становятся чувства непонятности и невыразимости, а также оксюморонные ощущения, странно совмещающие противоположные эмоции: *«томящая красота»* [Там же, с. 267], *«сладость и страх»* [Там же, с. 269] и т. п. Мотив тайны-загадки закрепляется в предметных автобиографемах с символическим потенциалом: ***звезда*** (*«все глядела на меня с высоты какая-то тихая звезда… Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чем напоминала?»* [Там же, с. 268]), ***ночь*** (*«Бездна и ночь, что-то слепое и беспокойное, как-то утробно и тяжко живущее, враждебное и бессмысленное»* [Там же, с. 429]) и ***луна*** (*«Пустая поляна перед домом была залита синим и странным светом. Справа, над садом, сияла в ясном и пустом небосклоне полная луна с чуть темнеющими рельефами своего мертвенно-бледного, изнутри налитого яркой светящейся белизной лица. И мы с ней, теперь уже давно знакомые друг другу, подолгу глядели друг на друга, безответно и безмолвно чего-то друг от друга ожидая…»* [Там же, с. 374–375]). Вместо называния объекта употребляется загадочно-непонятное *«что-то»* или *«нечто»*: *«что-то бледно зеленое…»* [Там же, с. 275], *«долго чудилось мне потом что-то очень темное, тяжкое»* [Там же, с. 286], *«нечто такое сложное и тяжкое, что я еще тоже отроду не видывал на человеческих лицах»* [Там же, с. 270].

Автобиографема-концепт **«живая жизнь»,** манифестированная в лексикодах ***«упоение», «сладострастие» «опьянение», «полнота», «вещественность», «жадность»*** (*«с истинным упоением зарезал однажды молодого грача», «Какой сладострастный восторг озватывал меня при одном прикосновении к этой гладкой, холодной, острой стали!»* [Там же, с. 290], *«сладострастие воображения»* [Там же, с. 357]), *«пьянел, обоняя запах ландыша»* [Там же, с. 348], *«с жадной радостью»* [Там же, с. 397], *«с чувственной полнотой и силой»* [Там же, с. 351],

«жадно куснул ее хвост вместе с синей густой грязью» [Там же, с. 276], *«стал жадно, без конца читать»* [Там же, с. 301], обнаруживает себя практически в каждом лейтмотиве и образе. Она реализуется в ситуациях, когда герой испытывает сильное наслаждение, граничащее с бешеным восторгом, от ярких, интенсивных впечатлений и ощущений: охота, скачки на лошади, любовь, он возникает в топосах сада в связи с любованием героем грозой или ливнем и порождает целую «мемориальную галактику» чувственно интенсивных синестетических образов (редька, вакса с тусклым блеском и упоительным спиртным запахом…): *«мы… приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир»* [Там же, с. 276], *«с такой полнотой и силой вещественности»* [Там же, с. 276]. На основе этой автобиографемы-концепта возникает лейтмотив бесцельности (*«моя страстная и бесцельная любовь к ней»* [Там же, с. 291], *«Жизнь моя снова пошла по-прежнему и даже еще более беспечно»* [Там же, с. 394]), обнажающий природу подлинного le plaisir de souvenir, удовольствия от воспоминания. Мотив сладострастного упоения появляется и в весьма своеобразных ситуациях, где он, казалось бы, не может возникнуть, например, в ситуации смерти: *«Вынос я наблюдал жадно и трепетно»* [Там же, с. 364]. Для героя вкусна даже синяя грязь, облепившая редьку, ибо она есть материализация этой желанной для героя стихии жизни, инстинктивное упоение которой смещает все общепринятые акценты даже в чувственном восприятии мира: так, отвратительные, с точки зрения нормального восприятия, вещи оказываются для Арсеньева желанными и привлекательными, если они заставляют его органы чувств затрепетать от блаженного восторга: *«На скотном дворе... остро, кисло, но неотразимо привлекательно воняло навозной жижей и свиными закутами»* [Там же, с. 277]. Оксюморон *«привлекательно воняло»* перестает быть таковым для автобиографического героя, происходит своего рода семантическая перестройка этого и других подобных слов – негативная коннотация заслоняется силой и степенью проявления качества.

Таким образом, в художественную ткань бунинского романа оказываются вплетенными практически все лейтмотивы прошлого творчества Бунина – здесь они синтезированы, слиты в едином организме. «Жизнь Арсеньева» – это не только память о жизни, но и память о творчестве: так, удивительно тонко переданные оттенки тишины в поэме «Листопад» «узнаются» в «ночных» ощущениях героя: *«Во всем мире была такая тишина, что, казалось, я просыпался от чрезмерности этой тишины...»* [Там же, с. 374]; лирическая мелодия «Косцов» зазвучала с новой силой в десятой главе третьей книги, когда Арсеньев целыми днями *«бесцельно смотрит на косцов»*, а потом начинает косить сам; батуринский же сад постоянно *«сияет жарким солнцем и гудит пчелами»* [Там же, с. 398], напоминая о знаменитых бунинских шмелях – «опознавательных знаках» его поэзии, которые «сопровождают» большинство «похождений» юного Арсеньева с сестрой: *«Под амбарами же нашли мы и многочисленные гнезда крупных бархатно-черных с золотом шмелей...»* [Там же, с. 275]; можно даже проследить, как развиваются темы и мотивы ранних рассказов Бунина в «Жизни Арсеньева» («В августе» – 27 глава, «Учитель», «На даче» – эпизоды о социалистах и т. д.). В романе синтезированы многие темы, характерные для творчества Бунина: любовь, смерть, власть над душой воспоминаний детства. Подобное доминирование не причинно-следственных, а ассоциативных связей превращает роман, по мнению некоторых буниноведов, из цельного текста в набор разнородных фрагментов, однако впечатления мозаики «Жизнь Арсеньева» не производит. Мы не замечаем причудливого узора соединительных линий благодаря тому, что с помощью различных приемов роман обретает некое «надтекстовое» единство. «Плетение» текста памяти не подвержено «орнаментам забвения»: при всех отступлениях, фрагментации, текст удерживает от распада цельность Homo memor и единая философская концепция вечной живой памяти, образующая единый надтекстовый рисунок «мемориальной симфонии» Бунина.

Библиографический список

1. Беньямин, В. Берлинская хроника. [Текст] / В. Беньямин // Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. – М., 2005.

2. Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева» [Текст] / И. А. Бунин // Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 4-х томах. – Т. 3. – М., 1988.

3. Павлов, Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама [Текст] / Е. Павлова. – М., 2005.

4. Benjamin, W. Gesammelte Schriften. Bd. II. [Текст] / W. Benjamin. – Frankfurt am Main, 1991.

5. Kierkegaard, S. Repetition: An Essay in Experimental Psychology. [Текст] / S. Kierkegaard. – New York – Evanston – London, 1964.

6. Levin, D. M. The Body's Recollection of Being: Phenomenological Psychology and the Deconstruction of Nihilism [Текст] / D. M. Levin. – London, 1985.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Ben'jamin, V. Berlinskaja hronika. [Tekst] / V. Ben'jamin // Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama. – M., 2005.

2. Bunin, I. A. Zhizn' Arsen'eva» [Tekst] / I. A. Bunin // Bunin, I. A. Sobranie sochinenij: v 4-h tomah. – T. 3. – M., 1988.

3. Pavlov, E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama [Tekst] / E. Pavlova. – M., 2005.

4. Benjamin, W. Gesammelte Schriften. Bd. II. [Tekst] / W. Benjamin. – Frankfurt am Main, 1991.

5. Kierkegaard, S. Repetition: An Essay in Experimental Psychology. [Tekst] / S. Kierkegaard. – New York – Evanston – London, 1964.

6. Levin, D. M. The Body's Recollection of Being: Phenomenological Psychology and the Deconstruction of Nihilism. [Tekst] / D. M. Levin. – London, 1985.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 821. 161.1

Н. И. Бурнашева

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»: из опыта толстоведа-текстолога

Текстологию нередко называют «вспомогательной», «второстепенной» наукой, обслуживающей науки «первого ряда»: литературоведение, историю литературы... Однако сегодня ученые, стремясь работать с точными текстами произведений, все чаще обращаются к текстологическим исследованиям. Дать точные тексты было призвано академическое издание Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, первый том которого вышел в 2000-ом году. Исследователи, готовящие к печати сочинения Толстого, сталкиваются с многочисленными трудностями.

Ключевые слова: текстология, рукопись, корректура, история текста, академическое издание сочинений Л. Н. Толстого, основной источник текста, ошибки текстологов.

N. I. Burnasheva

«Following the thoughts of a great man is the most interesting science»: from the experience of a Tolstoy textual critic

Textual criticism is sometimes called “auxiliary”, “minor” science, serving “major” sciences such as Literary criticism, History of Literature, etc. However, more and more scientists nowadays seek to work with exact original literary texts and turn to textual research. Exact original texts can be found in the academic edition of Leo Tolstoy’s Complete Works (the first volume published in 2000). Researchers preparing the book for publication face a lot of difficulties.

Key words: textual criticism, manuscript, proofreading, history of text, academic edition of L. Tolstoy’s works, main source of text, textual critics’ mistakes.

Среди литературоведческих дисциплин есть наука, которая находится словно в тени больших филологических наук, но которая требует особых качеств ученого: умения правильно, внимательно и в высшей степени вдумчиво читать текст, не только печатный, но и рукописный; умения из нескольких, иногда многих, источников выбрать основной, самый авторитетный, источник текста произведения, на котором в дальнейшем будет строиться вся остальная работа при подготовке текста к печати; умения, в случае отсутствия датировки, по разного рода источникам датировать текст; умения «очистить» текст от постороннего вмешательства, например цензурного, или случайного неверного прочтения при наборе. И еще многих, многих умений требует «занимательная наука» *текстология*, которую порой даже ученые называют «второстепенной», «вспомогательной», обслуживающей «настоящие», «первого ряда» самостоятельные науки: литературоведение, историю литературы, языкознание, историю и др.

Текстологию считают самой *точной наукой* среди других литературоведческих наук: точные имена, точные даты, точные тексты сочинений – это прерогатива текстологии. Настоящий ученый всегда заинтересован в такой точности. Вот почему текстологическое исследование должно быть не просто чем-то «вспомогательным», «попутным», тем более «второстепенным», а должно стать основой и опорой каждой серьезной научной филологической работы. И вот почему каждый исследователь должен быть знако́м с основными принципами и правилами текстологического исследования, должен воспитать в себе привычку пользоваться не случайными текстами и изданиями, а текстами точными, текстологически выверенными. Именно об этом писал С. М. Бонди, полагая, что текстология «принадлежит к числу тех дисциплин, объединяемых собирательным понятием “литературоведение”, которые стоят ближе всего к тому, что мы называем точными науками. Выводы текстологических исследований менее всего могут быть произвольными и субъективными» [2, с. 3].

В сущности неважно, в каком ранге числится эта наука и как к ней относятся в ученом мире. Главное, что без текстологических исследований

© Бурнашева Н. И., 2015

сегодня уже невозможно представить себе ни одну серьезную научную работу, связанную с изучением и изданием текстов художественных произведений. И прежде всего это касается историко-литературных и литературоведческих работ, в основе которых непременно лежат анализ текстов и проблемы, связанные с творческим процессом, то есть творческой лабораторией писателя.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» [8, с. 19], – это известное признание А. С. Пушкина вполне можно отнести к работе текстолога. Увы, далеко не всех исследователей, кому выпала судьба «следовать за мыслями» Л. Н. Толстого, «занимает» эта наука: отсюда и возникают «академические» тексты далеко не академического качества.

История текста иногда преподносит «сюрпризы», вдруг открывая ученому не замеченные прежде, но важные детали, нюансы. Так, например, в повести «Детство», описывая портрет одного из главных персонажей – сестры Николеньки Иртеньева, «сестрицы Любочки», – Толстой довольно подробно рисует не лицо ее, а фигуру, походку, манеру держаться. Несколько странным кажется определение, данное русской девочке: *«черномазенькая»*. Оно не раз вызывало недоуменные вопросы и у читателей, и у исследователей. Конечно, можно представить смуглый цвет кожи, темные волосы, темные глаза… Однако при изучении истории текста выясняется, что это определение в повести появилось случайно, в результате ошибки самого Толстого. В первой редакции Любочка была не *«черномазенькая»*, а «*черноглазенькая*». Но, переписывая рукопись, Толстой не разобрал собственный почерк и это слово машинально прочитал как *«черномазенькая»*: буквы «*г*» и «*л*» при беглом чтении слились для него в одну букву «*м*» (что нередко бывает при соседстве этих букв в рукописи) – появилась «черно*м*азенькая сестрица Любочка». А дальше так и переписывалась эта фраза и вошла в окончательный текст повести. Как поступить в данном случае: стоит ли «спорить» с окончательным текстом?

«Для того чтобы внести какие-то изменения в текст, который сам писатель считал последним, окончательным, – писала Л. Д. Опульская, – нужно в высшей степени бесспорно аргументировать необходимость этого изменения. Безусловно антинаучны и вредны теория и практика скептического отношения к последнему авторизованному тексту. В тщательной текстологической аргументации нуждается не столько этот текст, сколько исправления, которые в него вносятся. Аргументация исправлений, между тем, даже не всегда присутствует» [7, с. 262–263]. В подобной ситуации нет ни малейшего смысла «спорить» с окончательным источником текста, потому что или сам автор не заметил эту ошибку, или ему понравилось это новое определение, и он решил оставить его в тексте повести.

Попытки такого «спора» с основным источником текста, так называемая «научная критика текста», у текстологов закономерны – порой это бывает справедливо и даже необходимо при установлении аутентичного текста. Однако нередко и стремление оспорить окончательный текст, внести хоть какую-то правку, пусть даже нарушая принципы текстологии. Такое недоверие, неуважение к основному источнику текста порой чревато досадными и даже грубыми ошибками исследователя, и потому необходим «максимум осторожности при внесении поправок по рукописям» [7, с. 271]. Приведем пример: подобные грубые ошибки внесены в текст рассказа «Альберт» в 3-м томе нового, академического, издания. Вот одна из них во второй главе рассказа: «*Альберт остановился перед углом фортепьяно и плавным движением смычка провел по струнам. В комнате пронесся чистый,* ***строгий*** (выделено нами. – *Н. Б.*) *звук, и сделалось совершенное молчание*» [17, с. 153]. В основном источнике текста [14, с. 368] – «…*чистый,* ***стройный*** *звук*…» (выделено нами. – *Н. Б.*). Эту замену комментатор не объяснил, а лишь сослался на автограф: «*строгий звук – вместо: стройный звук (по А)*» [17, с. 466]. Между тем как определение «стройный», появившееся здесь впервые, и по своему лексико-семантическому значению, и по музыкальным ассоциациям гораздо правильнее и органичнее в данном тексте. Да, в одной из ранних рукописей мелькнуло определение: «*строгой звук*». Но история повести очень непростая, последующей правки было много. Ни наборная рукопись, ни корректуры этого фрагмента текста не сохранились. Эпитет *строгой* в дошедших до нас рукописях появился лишь единственный раз в одном из автографов 1857 года [3]: в поисках нужного определения Толстой вписал это слово над строкой; других источников этой фразы – нет! Рукописи второго, особенно интенсивного, периода работы над «Альбертом» (1858 г.) не сохранились, и невозможно проследить, как в утраченных рукописях сложилась дальнейшая судьба этого слова. Автор сам правил корректуры рас-

сказа и, конечно, в текст вносил изменения. Но налицо лишь окончательный вариант в основном источнике текста. Не имея в распоряжении ни наборной рукописи, ни авторизованной корректуры, нельзя так решительно исправлять текст – это подлинный произвол: Толстой вполне мог сам изменить слово и в позднейших рукописях, и в корректурах. В подобных ситуациях, опираясь только на единственный случай в ранней рукописи, текстолог не имел права вносить исправления. Словно предупреждая подобных исследователей, Л. Д. Опульская писала, что «вносимая по рукописи или корректуре поправка <…> должна основываться, по крайней мере, на двух обязательных подтверждениях: 1) бесспорном доказательстве, что в изменении текста не мог принимать участия автор (устными и письменными распоряжениями и пр.); 2) доказательстве, что в данной или последующих стадиях работы писатель не авторизовал изменение (не вносил в соответствующее место какие-нибудь дополнительные исправления и т. п.)» [7, с. 271].

В том же 3-м томе в рассказе «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» сделана поправка иного рода, но тоже довольно грубо искажающая текст Толстого. Рассказчик Д. Нехлюдов писал, как нищий музыкант, не получив за свое искусство от «безжалостно хохочущей» толпы ни *копейки*, направился к городу: *«Я совсем растерялся, не понимал, что это все значит, и, стоя на одном месте, безмысленно смотрел в темноту, на удалявшегося крошечного человека, который, растягивая большие шаги, быстро шел к городу, и на смеющихся гуляк, которые следовали за ним»* [13, с. 13]. Слово *«безмысленно»* именно так напечатано при первом издании рассказа; эта публикация принята за основной источник текста «Люцерна». Несколькими строками выше то же состояние героя передано другими словами: *«без всякой мысли в голове»* [13, с. 9]. Ни рукописи рассказа, ни корректуры не сохранились, но известно, что «Люцерн» печатался при активном участии автора: Толстой сам читал корректуры и вносил правку. Однако этим фактом текстологи пренебрегли, лишив читателей толстовского неологизма *«безмысленно»* (как следовало печатать согласно основному источнику текста), и, по их мнению, герой рассказа Нехлюдов смотрел *«бессмысленно»* [17, с. 134–135]. Но ведь «безмысленно» = «без всякой мысли в голове», бездумно; словари даже дают слово «безмыслие» [9, с. 44]) и «бессмысленно» (= тупо, неразумно) – не одно и то же.

Подобное с тем же словом случилось и в «Войне и мире»: на это место в тексте книги Толстого до сих пор исследователи не обращают внимания, в то время как резко бросается в глаза очевидная несообразность. В начале 2-го тома «Войны и мира» князь Андрей Болконский отправился по своим рязанским имениям: *«Весною 1809-го года князь Андрей поехал в рязанские именья своего сына, которого он был опекуном.*

Пригреваемый весенним солнцем, он сидел в коляске, поглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы белых весенних облаков, разбегавшихся по яркой синеве неба. Он ни о чем не думал, а весело и бессмысленно смотрел по сторонам» («Война и мир», т. 2, ч. 3, гл. 1), – так начинается описание поездки Болконского в Юбилейном и во всех современных изданиях. Так напечатали и во второй серии т. 8 в том же академическом издании (с. 406).

Князь Андрей Болконский – один из главных и любимых героев Толстого, живущий «умом ума», как определил А. А. Фет. Едва ли кто поверит, что князь Андрей мог смотреть «*бессмысленно»*; Толстой имел в виду иное: князь Андрей ни о чем не думал и *«безмысленно»*, то есть без всяких мыслей в голове, смотрел по сторонам. Первоначально в рукописи было: *«…лениво смотрел по сторонам»*. Но, видимо, автора не устроил даже столь мелкий негативный штрих, и в корректуре он поправил: *«весело и безмысленно смотрел по сторонам»* [4]: этот толстовский неологизм уже в первом издании ошибочно превратился совсем в другое слово (вставлена буква *с* – безсмысленно), с явно негативным значением: бессмысленно = тупо, неразумно. Толстой не заметил – так и стало печататься. А мог ли князь Андрей смотреть бессмысленно, тупо?

Л. Д. Опульская считала, что «проблемы текстологии Л. Н. Толстого полностью далеко еще не решены. Нужно академическое издание всех его художественных произведений, где коллектив специалистов-текстологов провел бы исчерпывающую работу» [6, с. 111]. Работа над академическим изданием сочинений Толстого началась в 1988 г.; в 2000 г. вышел первый том. Через три года не стало Л. Д. Опульской, руководителя и вдохновителя всей этой огромной работы; не состоялся и «коллектив специалистов-текстологов»: кто-то ушел на пенсию, кто-то – из жизни, кто-то – из ИМЛИ.

Одна из очевидных проблем для исследователя, готовящего к изданию сочинения Толстого, – написание в текстах имен числительных. Как

известно, в автографах писатель практически всегда числительные писал цифрами. Начиная с первопечатных текстов и кончая нашими современными изданиями, почти все числительные даются в вербальном варианте и приводятся к абсолютно литературному, грамматически правильному виду, что порой противоречит самой фактуре того или иного персонажа, если эти цифры появляются в прямой речи. Так, в рассказе «Записки маркера» безграмотный рассказчик, маркер, очень правильно, безукоризненно четко выговаривает все числительные, безупречно склоняя и употребляя их в разных падежах: например, *«по пятидесяти целковых партию играют»*, – так печатал «Современник» [10, с. 10] и то же повторял сборник «Для легкого чтения», тогда как в автографе стояла цифра (в сохранившейся рукописи это «30»); *«не получить мне семисот рублей»* [10, с. 19] – читаем во всех печатных текстах, в то время как в автографе опять цифра («1 000»). В этих случаях важно не числовое значение цифры (его Толстой изменил, видимо, в наборной рукописи), а сам факт написания числа – цифрой. Полагаем, что в подобных случаях, когда числительные звучат в прямой речи персонажей, текстолог не погрешит против правды, если оставит в тексте эти цифровые обозначения. Гораздо хуже, когда исследователь навязывает читателю свое прочтение толстовских цифр. Так случилось с повестью «Два гусара» (т. 3). Корнет Ильин проиграл казенные деньги, у него *«из казенных недоставало уже* ***двух с половиною тысяч****»* (глава II) [17, с. 12; выделено нами. – *Н. Б.*]. В той же главе на соседней странице уже иначе: *«из казенных недоставало* ***две с половиной тысячи*** *рублей»* [17, с. 13; выделено нами – *Н. Б.*]. В основном источнике текста во втором случае числительное означено цифрой [12, с. 12]. Так и следовало оставить: рукописи повести не сохранились, но там наверняка была цифра. Здесь же ситуация курьезная: текстолог забыл, что глагол «недоставать» управляет родительным падежом: недоставало кого? чего? Не взглянул и на соседнюю страницу – вышла ошибка. Правильно: «недоставало двух с половиной тысяч рублей». Но кто знает, как сам автор записал бы это словами: может быть, «двух тысяч пятисот рублей». Выводя числительные словами, текстолог рискует навязать читателю вместо толстовского свое прочтение цифр, а то и обнаружить свой невысокий уровень грамотности, как в данном случае.

В текстах некоторых произведений встречаются случаи, когда, несмотря на отсутствие рукописей и корректур, в результате анализа самого текста приходится констатировать наличие в нем ошибки, хотя нет ни одного источника текста, подтверждающего необходимость поправки. Такие исправления (конъектуры) могут быть вызваны пропуском слова в основном источнике текста, опиской автора в автографе, ошибкой наборщиков и прочими обстоятельствами, не имеющими отношения к творческому процессу. В таких случаях иногда на помощь приходит реально-исторический контекст. В рассказе Толстого «Севастополь в августе 1855 года», в 25-й главе, *«два моряка»*, находясь *«на холме телеграфа», «между Инкерманом и Северным укреплением»*, с Северной стороны смотрят на противоположную сторону бухты, на Севастополь. Далее идет изумительное по своей поэтичности описание панорамы города на фоне гор и моря: *«Севастополь, все тот же, с своей недостроенной церковью, колонной, набережной, зеленеющим на горе бульваром и изящным строением библиотеки, с своими маленькими лазуревыми бухточками, наполненными мачтами, живописными арками водопроводов <…> виднелся на той стороне бухты»* [11, с. 116; в «Современнике» это глава XXII]. Все в этом описании соответствует действительности, кроме одного: не ясно, о какой «колонне» идет речь (небольшая колонна, памятник затонувшим кораблям, появилась в бухте много лет спустя, а потому, конечно, не ее имел в виду Толстой в 1855 г.). Ни в фундаментальных трудах о севастопольской обороне Э. И. Тотлебена, М. И. Богдановича, П. А. Зайончковского, ни в мемуарной литературе, ни в переписке участников обороны Севастополя ни разу не упомянуто это архитектурное сооружение. Не запечатлена никакая «колонна» ни в рисунках мемуариста и художника Н. В. Берга, ни на одной из сохранившихся фотографий русских, французских и английских фотографов. Не обозначен этот городской объект даже на картах города начала и середины 1850-х гг. Судя по описанию Толстого, эта «колонна» должна была находиться на Городской стороне Севастополя где-то в непосредственной близости от «недостроенной церкви» (то есть Владимирского собора) и «набережной», если следовать за скользящим взглядом наблюдателя с Северной стороны. Не было в Севастополе такой колонны! Но была и есть по сегодняшний день «колоннада» – знаменитая колоннада Графской пристани,

своеобразная визитная карточка города. Этот видный памятник архитектуры был сооружен в 1846 г. у северной оконечности Городской стороны Севастополя, у выхода Южной бухты в Большую Севастопольскую бухту. Эта колоннада непосредственно соединена с набережной широкой красивой лестницей, спускающейся к пристани. Колоннада Графской пристани отчетливо видна с той точки *«холма телеграфа»* на Северной стороне, откуда ведут наблюдение *«два моряка»* в 25-й главе. Даже в самые последние дни обороны города, превращенного в руины, эта колоннада, судя по фотографиям того времени, стояла, почти не разрушенная войной: бастионы, редуты и прочие военные укрепления находились на значительном расстоянии от нее, а сама по себе колоннада не представляла для противника никакого стратегического интереса и не была для него мишенью. Трудно представить, что *«два моряка»* уловили многое в панораме *«гордого Севастополя»,* но не увидели самое заметное и символическое – несокрушимо стоящую колоннаду Графской пристани. Едва ли мог Толстой обойти вниманием этот символ непобедимости Севастополя. Текстологи не имеют в распоряжении рукописей 25-й главы: самый ранний ее текст дошел до нас в корректурных гранках рассказа, где и появилась некая «колонна». Эта «колонна» прошла через публикацию в «Современнике», сохранилась в тексте «Военных рассказов» и во всех последующих изданиях «Севастополя в августе 1855 года», тогда как есть все основания полагать, что в печатном тексте, в корректурных листах, была допущена ошибка, которую не заметил автор, просматривая корректуры. «Я так знаю наизусть, что не могу видеть» подобные ошибки [15: Т. 61, с. 325], – это признание Толстого в начале 1870-х гг. могло бы появиться и в середине 1850-х гг. Конечно, не исключено, что еще в наборной рукописи этой главы автор допустил описку, но более всего вероятна ошибка набора. О таких случаях писал Д. С. Лихачев, анализируя ошибки прочтения переписчиками и наборщиками рукописного текста: «Особенно часты неверные прочтения форм слова – их суффиксов, окончаний и пр. <…> Как правило, переписчик принимает трудное, малознакомое, редкое, устарелое слово за легкое, знакомое, часто употребляющееся, новое. Поэтому, восстанавливая правильное чтение, текстолог обычно идет от легкого чтения к трудному, от знакомого для писца к малознакомому ему или незнакомому, от обычного к необычному» [5, с. 26]. Так довольно редкое «колоннадой» при наборе превратилось в легкое и понятное «колонной». О подобных ситуациях упоминал и Б. В. Томашевский, приводя в своей работе «Писатель и книга» «классификацию опечаток», наиболее частыми из них он считал «пропуски отдельных букв»: «Обычно пропускаются буквы внутри слова, особенно если этот пропуск не отражается значительно на смысле фразы» [18, с. 24]. Такие опечатки ученый считал «наиболее опасными», ибо это «опечатки осмысленные, дающие в результате новый текст и новый смысл» [Там же, с. 34].

«Всякая конъектура должна быть многосторонне оправдана» [5, с. 39], – утверждал Д. С. Лихачев. Эта мысль конкретизирована в рассуждениях С. М. Бонди о рукописях Пушкина: «Достоверность конъектуры (или, во всяком случае, максимальная вероятность ее) доказывается, во-первых, качеством полученного текста (правдоподобием его) и, во-вторых, правдоподобием, убедительностью объяснения о причинах порчи текста в подлиннике. О последнем требовании нередко забывают, между тем оно крайне важно» [1, с. 592]. Что касается «последнего требования», достаточно вспомнить, в какой спешке набирался «Севастополь в августе 1855 года» для публикации в № 1 «Современника» за 1856 год, как автор досылал текст этой главы вдогонку уже сданной рукописи, как в типографии разделили рукопись между восемью наборщиками, а последние страницы даже разрезали для ускорения набора, как Некрасов торопил с рукописью рассказа и чтением корректур… «Правдоподобие» же и «качество полученного текста» не могут вызвать сомнений, ибо отвечают исторической достоверности и общему пафосу рассказа о последних мгновениях сопротивления и несокрушимости Севастополя. Согласно введенному конъектурному исправлению текст интересующей нас фразы должен выглядеть так: «Севастополь, все тот же, с своей недостроенной церковью, колоннадой, набережной, зеленеющим на горе бульваром и изящным строением библиотеки, с своими маленькими лазуревыми бухточками, наполненными мачтами, живописными арками водопроводов <…> виднелся на той стороне бухты» [16, с. 174]. Без сомнения, только с введением этой конъектуры восстанавливается подлинное авторское чтение текста 25-й главы «Севастополя в августе 1855 года».

Серьезные вопросы встают перед текстологом и в связи со знаками препинания. Это отнюдь не мелочи. Приведем лишь два примера. В 3-м томе – оплошность в повести «Два гусара» (8 глава): Ильин благодарит графа Турбина: *«схватил руку графа и начал жать ее»*. Турбин кричит ему: *«Убирайся!»*, тут же обращаясь к цыгану Илюшке: *«Илюшка!.. слушай меня… на вот тебе деньги…»*. Рукописи повести не сохранились, и за основной источник текста в данном случае принимается первопечатный текст, то есть текст в «Современнике» [12, с. 5–63], где обращение к двум разным лицам ошибочно слилось в одно: *«Убирайся, Илюшка!»* [Там же, с. 34]. В Юбилейном издании старший сын Толстого С. Л. Толстой, готовивший текст повести к печати, исправил эту несообразность, правильно расставив знаки: «Убирайся! Илюшка!..» [15: Т. 3, с. 172]. Заметим, что не раз, подготавливая вместе с С. А. Толстой для издания тексты ранних сочинений Толстого, еще при жизни отца, Сергей Львович консультировался с ним, о чем есть записи у Д. П. Маковицкого (в «Яснополянских записках»). Ошибку основного источника текста следовало непременно исправить по Юбилейному изданию, но современные текстологи не услышали толстовский текст – ошибку перенесли в академический том.

Исследователи настолько глухи, что, в другом случае, сами насаждают ошибки, правят Толстого, искажая и язык, и самую мысль писателя. В рассказе «Альберт» музыкант жалуется, что у него ничего нет, он беден; в основном источнике текста читаем: *«ничего платья нет, квартиры нет, скрипки нет»* [14, с. 379]. Не понравилось *«ничего платья нет»* (т.е. нет сюртука, рубашки или манишки, панталон) – ставят тире: *«ничего – платья нет, квартиры нет, скрипки нет»* [17, с. 32]. Никакой аргументации исправлений текстолог не дает, а текст безнадежно испорчен!

Толстой «необыкновенно дорожил своим языком» и, «несмотря на всю кажущуюся небрежность и неровность его слога, он обдумывал каждое свое слово, каждый оборот речи не хуже самого щепетильного стихотворца» [15: Т. 20, с. 643], – писал Н. Н. Страхов. Л. Д. Опульская считала, что «в языке художественного произведения нет мелочей, поэтому даже “мелкие” поправки <…> существенны и важны. Но для решения этих сложных и чрезвычайно тонких, ответственных проблем важно знать всю историю текста, все детали творческого процесса и постоянно соотносить эти сведения со знанием художественной системы, поэтики, языка писателя и его эпохи» [6, с. 107]. Увы, таковых знаний нет… Как защитить Толстого от современных текстологов-герострат?

Библиографический список

1. Бонди, С. М. О чтении рукописей Пушкина [Текст] / С. М. Бонди // Известия АН СССР. ООН. – 1937. – № 2–3.

2. Бонди, С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. [Текст] / С. М. Бонди. – М. : Просвещение, 1971.

3. Гос. музей Л. Н. Толстого. Отдел рукописей. «Альберт» [Текст]. – Оп. 4, л. 4–4 об.

4. Государственный музей Л. Н. Толстого. Отдел рукописей. «Война и мир». Корректура первого издания [Текст]. – Т. 3. Ч. 1. Гл. 1.

5. Лихачев, Д. С. Текстология. Краткий очерк [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. ; Л., 1964.

6. Опульская, Л. Д. Актуальные вопросы текстологии художественных произведений Л. Н. Толстого [Текст] / Л. Д. Опульская // Яснополянский сборник 1986. – Тула, 1986.

7. Опульская, Л. Д. Некоторые итоги текстологической работы над Полным собранием сочинений Л. Н. Толстого [Текст] : сборник статей / Л. Д. Опульская // Вопросы текстологии. – М., 1957. – С. 247–288.

8. Пушкин, А. С. Арап Петра Великого [Текст] / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 5. – М., 1962.

9. См., например: Русский орфографический словарь / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр., доп. – М., 2007.

10. Современник. 1855. № 1.

11. Современник. 1856. № 1.

12. Современник. 1856. № 5.

13. Современник. 1857. № 9.

14. Современник. 1858. № 8.

15. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. ; Л., 1928–1958.

16. Толстой, Л. Н. Художественные произведения: в 18 т. – Т. 2. 1853–1856 [Текст] / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. – М. : Наука, 2002.

17. Толстой, Л. Н. Художественные произведения: в 18 т. – Т. 3. 1856–1859. [Текст] / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. – М. : Наука, 2007.

18. Томашевский, Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии [Текст] / Б. В. Томашевский. – Л., 1928.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Bondi, S. M. O chtenii rukopisej Pushkina [Tekst] / S. M. Bondi // Izvestija AN SSSR. OON. – 1937. – № 2–3.

2. Bondi, S. M. Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg. [Tekst] / S. M. Bondi. – M. : Prosveshhenie, 1971.

3. Gos. muzej L. N. Tolstogo. Otdel rukopi-sej. «Al'bert» [Tekst]. – Op. 4, l. 4–4 ob.

4. Gosudarstvennyj muzej L. N. Tolstogo. Otdel rukopisej. «Vojna i mir». Korrektura pervogo izdanija [Tekst]. – T. 3. Ch. 1. Gl. 1.

5. Lihachjov, D. S. Tekstologija. Kratkij ocherk [Tekst] / D. S. Lihachjov. – M. ; L., 1964.

6. Opul'skaja, L. D. Aktual'nye voprosy tekstologii hudozhestvennyh proizvedenij L. N. Tolstogo [Tekst] / L. D. Opul'skaja // Jasnopoljanskij sbornik 1986. – Tula, 1986.

7. Opul'skaja, L. D. Nekotorye itogi teksto-logicheskoj raboty nad Polnym sobraniem sochinenij L. N. Tolstogo [Tekst] : sbornik statej / L. D. Opul'skaja // Voprosy tekstolo-gii. – M., 1957. – S. 247–288.

8. Pushkin, A. S. Arap Petra Velikogo [Tekst] / A. S. Pushkin // Pushkin A. S. Sobra-nie sochinenij: v 10 t. – T. 5. – M., 1962.

9. Sm., naprimer: Russkij orfograficheskij slovar' / RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova / O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.), I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova. – 2-e izd., ispr., dop. – M., 2007.

10. Sovremennik. 1855. № 1.

11. Sovremennik. 1856. № 1.

12. Sovremennik. 1856. № 5.

13. Sovremennik. 1857. № 9.

14. Sovremennik. 1858. № 8.

15. Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochine-nij: v 90 t [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. ; L., 1928–1958.

16. Tolstoj, L. N. Hudozhestvennye proizvedenija: v 18 t. – T. 2. 1853–1856 [Tekst] / L. N. Tolstoj // Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij: v 100 t. – M. : Nauka, 2002.

17. Tolstoj, L. N. Hudozhestvennye proizvedenija: v 18 t. – T. 3. 1856–1859. [Tekst] / L. N. Tolstoj // Tolstoj L. N. Polnoe sobra-nie sochinenij: v 100 t. – M. : Nauka, 2007.

18. Tomashevskij, B. V. Pisatel' i kniga. Ocherk tekstologii [Tekst] / B. V. Tomashevskij. – L., 1928.

Дата поступления статьи в редакцию: 30.05.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 821.161.1

Л. А. Гаврилова

Двунаправленность авторского замысла в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского

«Дневник писателя» – произведение Ф. М. Достоевского, ставшее результатом его многолетних творческих поисков. В нем он смог органично соединить выражение гражданских устремлений, что прежде делал в публицистике, и осмысление природы человека, замысла Бога о нем, собственных мыслей и переживаний, чему прежде посвящал художественную деятельность. В статье рассматриваются обстоятельства и процесс творческого вызревания двунаправленного замысла «Дневника писателя», определившего специфику построения диалога в «Дневнике писателя». В качестве материалов для исследования использованы черновые материалы записных тетрадей и книжек Достоевского, его эпистолярное наследие, воспоминания современников, выпуски «Дневника писателя» за 1876 год, а также труды исследователей творчества писателя.

Ключевые слова: «Дневник писателя», автор, художник, публицист, читатели, замысел, воздействие, понимание, диалог.

L. A. Gavrilova

Bidirectional author's intent in «A Writer's Diary» by F. M. Dostoevsky

"A Writer's Diary" is a work by F.M. Dostoevsky that resulted from his many years of creative pursuit. In it, he was able to organically combine the expression of civic aspirations that he first made in journalism, and understanding of human nature, God's plan for him, his own thoughts and feelings to which he primarily devoted his artistic activity. The article deals with the circumstances and appearing of bidirectional intent, determining specificity of dialogues in "Diary of a Writer." The materials used for the study are original materials from Dostoevsky's notebooks and books and notebooks, his letters, memoirs of contemporaries, issues of "A Writer's Diary" (1876), as well as scholars' researches on the writer's work.

Keywords: "A Writer's Diary", author, artist, publicist, readers, intent, impact, understanding, dialogue.

«Дневник писателя» (далее ДП – *Гаврилова Л. А.*) – произведение Ф. М. Достоевского, выходившее в формате моножурнала в период 1873–1881 гг. Оно стало вершиной творчества писателя, который в полной мере реализовался в этом тексте как художник / литератор и публицист – в двух ведущих формах его многолетней деятельности. (В. Н. Захаров отмечает, что после «Бедных людей» и «Двойника» жизнь Достоевского шла в двух измерениях: одно – творческие искания, другое – гражданские дерзания» [16, с. 413]).

Цель статьи – выявить специфику замыслов Достоевского в «Дневнике писателя».

Замысел в отношении читателя ДП Достоевский сформулировал еще на этапе начала работы в журнале «Гражданин». В письме М. П. Погодину от 23 февраля 1873 г. он говорит о необходимости активного утверждения христианской идеи: западная социалистическая идея, являющаяся ее антитезой, охватила почти все поколение. *«Надо бороться, ибо все заражено»* [14, с. 262], то есть, не только самовыражаться в печати по поводу текущего момента, но и активно **воздействовать** на читателя: убеждать, заражать, впечатлять, побуждать к соразмышлению. В этом стремлении к живому контакту с аудиторией Достоевский был в полной мере человеком своего времени. Как отмечает Т. В. Захарова, публицистичность является *«одним из природообразующих качеств отечественной словесности XIX века»*: из-за жесткой цензуры русское общество вынуждено было использовать художественную литературу как единственное место для выражения идей [18, с. 27]. При этом прямое публицистическое слово в пространстве художественного текста не только обогащалось за счет его возможностей, например, образности и полисмысловой организации, но и преобразовывалось – грань между публицистикой и произведением искусства в границах одного текста становилась очень зыб-

© Гаврилова Л. А., 2015

кой. Достоевский, как и многие русские литераторы этого времени, на протяжении многих лет одновременно работал как художник и публицист. Однако из-за ужесточения цензуры в стране, финансового и журнального кризисов и материальных проблем семьи Достоевских возможности достучаться до читательских сердец постепенно ограничивались. (Эти обстоятельства Достоевский описывает, в частности, в письмах А. Е. Врангелю от 31 марта – 14 апреля 1865 г. [9, с. 115–121]). После закрытия журнала «Эпоха» в феврале 1865 г. у писателя начинает вызревать замысел издания нового типа, которое он первоначально называет «Записной книгой» [8, с. 181].

Идея нового проекта во многом была продиктована исторической ситуацией – витавшим в воздухе ощущением приближавшейся беды. Первый «удар в колокол» прозвучал вскоре: 4 апреля 1866 года Д. Каракозов совершил первое покушение на Александра II. И. Л. Волгин отмечает: «Доселе русских государей еще ни разу не убивали на площади, при всем честном народе» [4, с. 22]. Достоевский был потрясен этим фактом. И. Л. Волгин пишет: «…в 70-е годы XIX столетия царизм еще пользовался определенным моральным кредитом. <…> Недавно проведенное освобождение «сверху» открывало, по мысли Достоевского, великую возможность безреволюционного выхода из исторического тупика» [4, с. 108]. Однако надежды не оправдались: волна террора, в том числе, покушений на царя, которых при жизни Достоевского было пять, ответная правительственная реакция и молчание Церкви [4, с. 60] увеличили разорванность русского общества на враждебные лагеря, что грозило национальной катастрофой.

В письме А. Е. Врангелю от 8 ноября 1865 г. Достоевский подчеркивает, что задуманное им периодическое издание – «и полезное, и выгодное» [10, с. 141]. Осуществить его писатель планировал в 1866 г. Именно в это время он пишет «Преступление и наказание». Вплоть до 1873 г. Достоевский будет обращаться к аудитории исключительно как художник-романист, поднимая самые злободневные темы русской жизни. Однако наиболее связанный с политической ситуацией в стране роман «Бесы», вышедший в 1872 г. и вызвавший пристальный читательский интерес, одновременно получил крайне негативные отзывы со стороны либеральной общественности [21, с. 578–580]. Писателя услышали, но диалог получился не со всеми: *«пророк не имеет чести в своем отечестве»* [4, с. 44]. В этот момент Достоевский решает вернуться к публицистической деятельности.

Мотивы для вступления в должность редактора «Гражданина» у Достоевского были разными. Биограф писателя Л. И. Сараскина, опираясь на мемуары А. Г. Достоевской, объясняет это решение усталостью писателя после работы над «Бесами» и необходимостью зарабатывать на жизнь [21, с. 578]. Работа эта (в качестве редактора и автора отдельных статей) была Достоевскому в тягость: в уже упомянутом письме М. П. Погодину он с отчаянием говорит о том, что журнал забирает все его силы и время – на романы и повести, образы которых постоянно «роятся в голове и слагаются в сердце», их остается крайне мало, хотя работа идет ежедневно [14, с. 262]. Результатом ее становится роман «Подросток», опубликованный в 1875 г. Однако есть основания полагать, что работа в «Гражданине» привлекла Достоевского, прежде всего, возможностью осуществить давнюю мечту – разработать новую художественную форму, более актуальную для своего времени (проблема поиска оптимальной формы для диалога с обществом у Достоевского базируется на необходимости выработки нового языка для общения интеллигенции с народом, о которой он пишет в записной книжке 1860–1862 гг. [7, с. 169]), – эпохи нарастания духовного и политического кризиса, когда, по выражению И. Л. Волгина, Россия застыла, «колеблясь над бездной» [3]. Такой формой и стал ДП, позволивший автору и достучаться до сердец самой широкой аудитории, и самовыразиться, осмысляя насущное и вечное. Разработав форму ДП в рамках «Гражданина», Достоевский в 1876 г. выводит ее в самостоятельную жизнь, оставив публицистику как таковую, но продолжая параллельно творить как романист. Еще на уровне замысла этого издания Достоевский рассчитывал на большой интерес аудитории (в письме С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г. писатель не сомневается в том, что оно «может дать деньги очень порядочные» [13, с. 11]). Успех ДП, действительно, был феноменальным. По словам И. Л. Волгина, «нужно было жить в России этих смутных годов, чтобы понять влияние, какое он имел… <> философское влияние Толстого действовало только на умы. Достоевский овладевал сердцами» [5, с. 152]. Популярность ДП с каждым годом росла [5, с. 150–161]. В письме Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. Достоевский подтверждает, что

уже три месяца получает отовсюду очень много писем, причем от людей разных «направлений», «слившихся в общем мне приветствии» [15, с. 79]. М. А. Александров вспоминает о том, что контингент читателей ДП состоял главным образом из интеллигенции и любителей серьезного чтения всех слоев русского общества. Люди читали ДП с благоговением, как Священное писание, смотря на его автора как на духовного наставника [1, с. 280–281]. Успех произведения во многом способствовал тому, что Достоевский, по словам И. Л. Волгина, смог претендовать на роль одного из четырех (трое других: Тургенев, Салтыков-Щедрин и Толстой) духовных вождей нации [4, с. 73]. Обусловлена такая реакция была не только содержанием и проникновенностью слова писателя, но, прежде всего, особой, новой композиционной формой издания.

Замысел ДП в отношении себя как художника связан с двумя творческими идеями Достоевского: размышлениями о создании нового для русской литературы многотомного романа-эпопеи дантовского типа, посвященного высказанной в 1862 г. идее «восстановления погибшего человека», а также романом с условным названием «Житие великого грешника» [23, с. 400–401]. Обе идеи найдут полное воплощение в романе «Братья Карамазовы». О связи же с ними замысла ДП Ф. М. Достоевский пишет в письме Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г.: «…писатель художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность» [15, с. 77]. (В. Н. Захаров отмечает, что в эстетике Достоевского слово «поэма» предстает в целом ряде сложных жанровых и нежанровых значений: как категория творческого процесса, замысел романа (в определении Г. М. Фридлендера – начальная стадия создания поэтической «идеи» произведения [22, с. 135–136]); категория поэтики, то есть эстетическое выражение идеала и художественной идеи произведения; жанр эпического произведения; жанровая форма произведений других типов [17, с. 34]. Имея в виду первые два смысла термина «поэма» применительно к замыслу нового романа «Братья Карамазовы», сам Достоевский в январском выпуске ДП за 1876 г. говорит о том, что поэма для него уже есть, «создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста» [6, с. 7].) Достоевский подчеркивает то, что, готовясь писать большой роман, он хочет погрузиться в изучение именно «подробностей текущего» методом «штудирования» толпы [15, с. 77]. Писатель намерен пристально всматриваться в само существо каждодневных событий русской жизни – от уровня отдельных людей до уровня страны, от быта до политики, стараться **понимать** их и в единичности, и в совокупности как характерные особенности русской жизни, шире – русского бытия. При этом сквозь подлинный материал жизни он хочет глубже понимать слово Бога, себя самого и максимально точно воплощать в слове обретенную и обретаемую в душе поэму. Это разноуровневое рассмотрение обыденности (на уровнях и насущного, и вечного, как мистерии, вершащейся в макро и микрокосмах), на наш взгляд, соответствует методу «реализма в высшем смысле». Он в полной мере проявился и в романном творчестве писателя, и в фельетонах, начиная с «Петербургской летописи». Однако очевидно, что его понимание и экзегеза высших смыслов нуждались в совершенно новой жанровой форме. Отличием ее от традиционных на тот момент жанровых форм должно было стать художественное осмысление автором событий в их последовательности на протяжении определенного промежутка времени.

Первым, осуществленным, замыслом такого рода стали «Зимние заметки о летних впечатлениях», написанные зимой 1862–1863 гг. Это произведение, продолжающее традицию путевых записок [20, с. 357], явило собой, как отмечает В. Н. Захаров, оригинальный жанр, возникший на основе «поэмы» и «фельетона» [17, с. 189]. Его жанровый состав отличается разнообразием, а диалог – разновекторностью. По словам В. Н. Захарова, эта поэма в прозе стала откровением Достоевского [17, с. 189]. Однако при всей оригинальности замысла и построения эта форма не дала автору необходимой широты и глубины диалогического охвата жизни: он продолжил искать новую художественную форму. Следующим замыслом, но уже применительно к истории, стала идея ряда поэтических сочинений, которую Достоевский предложил своему другу А. Н. Майкову в письме от 15 (27) мая 1869 г. [11, с. 39]. Достоевский подчеркивает, что это не летопись, а симбиоз выстроенных в цепочку поэтических произведений как единая «сердечная поэма» [11, с. 41]. Этот неосуществленный замысел соединяет в себе публицистическое и художественное начала: первое связано с историческим материалом и его осмыслением, второе – с его эстетическим переживанием, что для Достоевского наиболее важно.

На наш взгляд, эти идеи оказали влияние на художественную концепцию ДП, в который вошли «рассказы и повести преимущественно о событиях действительных» [6, с. 136]. В отличие от замысла «книги поэм», ДП подчеркнуто рефлексивен: это отчет о событиях, пропущенных автором через сердце, обдуманных, о «выжитых» им ежемесячных впечатлениях [6, с. 136] – диалог «к себе самому» [2, с. 135–136] здесь акцентирован. В письме Вс. С. Соловьеву от 11 января 1876 г. писатель подчеркивает, что событие в ДП показывается с позиции не сиюминутного, а постоянного, связанного «с общей, с цельной идеей» [12, с. 73]. (В то же время у Достоевского был замысел и еще одной художественной формы, сходной с ДП, – переработки «бессмертной народной комедии» (так Достоевский называл балаганные представления петрушечников) путем наполнения ее содержанием на злобу дня. Однако этот проект не осуществился. [19, с. 271]).

Можно полагать, что ДП стал оригинальным произведением (и одновременно «творческой лабораторий» для романа «Братья Карамазовы»), в котором явленная художнику свыше (обретенная им) поэма воплощается на материале текущей жизни, цепляющихся друг за друга внешне разнородных событий и фактов. В них отражается жизнь вновь разлагающаяся и вновь складывающаяся. Ведущей задачей художника было хотя бы отчасти понять и выразить смыслы этого разрушения-созидания.

В целом очевидно, что замысел Достоевского в ДП связан, с одной стороны, с воздействием на читателя, с другой стороны, с решением творческих задач – прежде всего, стремлением с помощью художественного слова понимать себя, Бога и окружающего мира. Поступательная авторская рефлексия происходит при одновременном обращении к Богу как смыслу смыслов и к читателям. Главная цель автора в этом процессе – духовное исцеление, собственное и читательское. Двунаправленость авторского замысла (на читателя и на себя) определяет специфику организации диалога в ДП.

Библиографический список

1. Александров, М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах [Текст] / М. А. Александров // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2-х т. – Т. 2.– М. : Художественная литература, 1990. – С. 251–324.

2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин Собрание сочинений: в 6 т. – М., 2002. – С. 6–300.

3. Волгин, И. Л. Колеблясь над бездной. Достоевский и императорский дом [Текст] / И. Л. Волгин. – М. : Центр гуманитарного образования, 1998. – 656 с.

4. Волгин, И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки [Текст] / И. Л. Волгин, – 4-е изд., испр., доп. – М. : АСТ ; Зебра Е. 2010. – 736 с.

5. Волгин, И. Л. Редакционный архив «Дневника писателя» (1876–1877) / И. Л. Волгин // Русская литература. – 1974. – №1. – С. 150–161.

6. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. Январь-апрель [Текст] / Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 22. – Л. : Наука, 1981. – 407 с.

7. Достоевский, Ф. М. Записная книжка 1860–1862. [Текст] / Ф. М. Достоевский Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 20. Статьи и заметки 1862–1865. – Л. : Наука, 1980. – С. 152–170.

8. Достоевский, Ф. М. Записная тетрадь 1864–1865. [Текст] / Ф. М. Достоевский Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 20. Статьи и заметки 1862–1865. – Л. : Наука, 1980. – С. 179–188.

9. Достоевский, Ф. М. Письма А. Е. Врангелю от 31 марта – 14 апреля 1865 г. [Текст] / Ф. М. Достоевский Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 28 Книга II. Письма 1860–1868. – Л. : Наука, 1985. – С. 115–127.

10. Достоевский, Ф. М. Письмо А. Е. Врангелю от 8 ноября 1865 г. [Текст] / Ф. М. Достоевский Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 28 Книга II. Письма 1860–1868. – Л. : Наука, 1985. – С. 141–142.

11. Достоевский, Ф. М. Письмо А. Н. Майкову от 15 (27 мая) 1869 г. [Текст] / Ф. М. Достоевской Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 29 (I). Письма 1869–1874 гг. – Л. : Наука, 1986 г. – С. 38–46.

12. Достоевский, Ф. М. Письмо Вс. С. Соловьеву от 11 января 1876 г. [Текст] / Ф. М. Достоевской Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 29 (II). Письма 1875–1877. – Л. : Наука, 1986. – С. 72–73.

13. Достоевский, Ф. М. Письмо С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г. [Текст] / Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 29. Книга I Письма 1869-1874. – Л. : Наука, 1981. – С. 9–13.

14. Достоевский, Ф. М. Письмо М. П. Погодину от 26 февраля 1973 г. Петербург [Текст] /

Ф. М. Достоевский Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 29 Книга I. Письма 1869–1874. – Л. : Наука, 1986. – С. 261–264.

15. Достоевский, Ф. М. Письмо Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. [Текст] / Ф. М. Достоевской Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 29 (II). Письма 1875–1877. – Л. : Наука, 1986. – С. 77–80.

16. Захаров, В. Н. Призвание и скорбь пророка [Текст] / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18. т. – Т. 2. Произведения (1847–1849) / Ф. М. Достоевский. – М. : Воскресенье. 2003. – С. 413–426.

17. Захаров, В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика [Текст] / В. Н. Захаров, – Л. : Изд-во Ленингр. университета, 1985. – 209 с.

18. Захарова, Т. В. Эстетические взгляды Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / Т. В. Захарова // Проблемы творчества Ф. М. Достоевского. Поэтика и традиции. – Тюмень, 1982. – С. 27–35.

19. Кийко, Е. И. Примечания к «Дневнику писателя» 1976 г. [Текст] / Е. И. Кийко // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т. 22. Дневник писателя за 1876 г. Январь-апрель / Достоевский Ф. М. – Л. : Наука, 1981. – С. 271–274.

20. Кийко, Е. И. Примечания к очеркам «Зимние заметки о летних впечатлениях» [Текст] / Е. И. Кийко // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Игрок. – Л. : Наука, 1973. – С. 356–374.

21. Сараскина, Л. И Достоевский [Текст] / Л. И. Сараскина. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 825 с.

22. Фридлендер, Г. М. Достоевский и мировая литература [Текст] / Г. М. Фридлендер. – Л. : Советский писатель, 1985. – 456 с.

23. Фридлендер, Г. М. Примечания к роману «Братья Карамазовы» [Текст] / Г. М. Фридлендер // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 15. Братья Карамазовы. – Л. : Наука, 1976. – С. 393–619.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Aleksandrov, M. A. Fjodor Mihajlovich Dostoevskij v vospominanijah tipografskogo naborshhika v 1872–1881 godah [Tekst] / M. A. Aleksandrov // Dostoevskij F. M. v vospominanijah sovremennikov: v 2-h t. – T. 2.– M. : Hudozhestvennaja literatura, 1990. – S. 251–324.

2. Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Tekst] / M. M. Bahtin Sobranie sochinenij: v 6 t. – M., 2002. – C. 6–300.

3. Volgin, I. L. Kolebljas' nad bezdnoj. Do-stoevskij i imperatorskij dom [Tekst] / I. L. Volgin – M. : Centr gumanitarnogo obrazovanija, 1998. – 656 s.

4. Volgin, I. L. Poslednij god Dostoev-skogo: istoricheskie zapiski [Tekst] / I. L. Volgin, – 4-e izd., ispr., dop. – M. : AST ; Zebra E. 2010. – 736 s.

5. Volgin, I. L. Redakcionnyj arhiv «Dnev-nika pisatelja» (1876–1877) / I. L. Volgin // Russkaja literatura. – 1974. – №1. – S. 150–161.

6. Dostoevskij, F. M. Dnevnik pisatelja za 1876 g. Janvar'-aprel' [Tekst] / F. M. Dostoevskij. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T. 22. – L. : Nauka, 1981. – 407 s.

7. Dostoevskij, F. M. Zapisnaja knizhka 1860–1862. [Tekst] / F. M. Dostoevskij Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 20. Stat'i i zametki 1862–1865. – L. : Nauka, 1980. – S. 152–170.

8. Dostoevskij, F. M. Zapisnaja tetrad' 1864–1865. [Tekst] / F. M. Dostoevskij Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 20. Stat'i i zametki 1862–1865. – L. : Nauka, 1980. – S. 179–188.

9. Dostoevskij, F. M. Pis'ma A. E. Vrangelju ot 31 marta – 14 aprelja 1865 g. [Tekst] / F. M. Dostoevskij Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 28 Kniga II. Pis'ma 1860–1868. – L. : Nauka, 1985. – S. 115–127.

10. Dostoevskij, F. M. Pis'mo A. E. Vrangelju ot 8 nojabrja 1865 g. [Tekst] / F. M. Dostoevskij Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 28 Kniga II. Pis'ma 1860–1868. – L. : Nauka, 1985. – S. 141–142.

11. Dostoevskij, F. M. Pis'mo A. N. Majkovu ot 15 (27 maja) 1869 g. [Tekst] / F. M. Dostoevskoj Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 29 (I). Pis'ma 1869–1874 gg. – L. : Nauka, 1986 g. – S. 38–46.

12. Dostoevskij, F. M. Pis'mo Vs. S. Solov'jovu ot 11 janvarja 1876 g. [Tekst] / F. M. Dostoevskoj Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 29 (II). Pis'ma 1875–1877. – L. : Nauka, 1986. – S. 72–73.

13. Dostoevskij, F. M. Pis'mo S. A. Ivanovoj ot 25 janvarja (6 fevralja) 1869 g. [Tekst] / Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 29. Kniga I Pis'ma 1869-1874. – L. : Nauka, 1981. – S. 9–13.

14. Dostoevskij, F. M. Pis'mo M. P. Pogodinu ot 26 fevralja 1973 g. Peterburg [Tekst] / F. M. Dostoevskij Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. –

T. 29 Kniga I. Pis'ma 1869–1874. – L. : Nauka, 1986. – C. 261–264.

15. Dostoevskij, F. M. Pis'mo H. D. Alchevskoj ot 9 aprelja 1876 g. [Tekst] / F. M. Dostoevskoj Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 29 (II). Pis'ma 1875–1877. – L. : Nauka, 1986. – S. 77–80.

16. Zaharov, V. N. Prizvanie i skorb' pro-roka [Tekst] / V. N. Zaharov // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 18. t. – T. 2. Proizvedenija (1847–1849) / F. M. Dostoevskij. – M. : Voskresen'e. 2003. – S. 413–426.

17. Zaharov, V. N. Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologija i pojetika [Tekst] / V. N. Zaharov, – L. : Izd-vo Leningr. universiteta, 1985. – 209 s.

18. Zaharova, T. V. Jesteticheskie vzgljady F. M. Dostoevskogo i M. E. Saltykova-Shhedrina [Tekst] / T. V. Zaharova // Problemy tvorchestva F. M. Dostoevskogo. Pojetika i tradicii. – Tjumen', 1982. – S. 27–35.

19. Kijko, E. I. Primechanija k «Dnevniku pisatelja» 1976 g. [Tekst] / E. I. Kijko // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T. 22. Dnevnik pisatelja za 1876 g. Janvar'-aprel' / Dostoevskij F. M. – L. : Nauka, 1981. – S. 271–274.

20. Kijko, E. I. Primechanija k ocherkam «Zimnie zametki o letnih vpechatlenijah» [Tekst] / E. I. Kijko // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 5. Povesti i rasskazy 1862–1866. Igrok. – L. : Nauka, 1973. – S. 356–374.

21. Saraskina, L. I Dostoevskij [Tekst] / L. I. Saraskina. – M. : Molodaja gvardija, 2011. – 825 s.

22. Fridlender, G. M. Dostoevskij i mirovaja literatura [Tekst] / G. M. Fridlender. – L. : Sovetskij pisatel', 1985. – 456 s.

Fridlender, G. M. Primechanija k romanu «Brat'ja Karamazovy» [Tekst] / G. M. Frid-lender // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. – T. 15. Brat'ja Karamazovy. – L. : Nauka, 1976. – S. 393–619.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 821.161.1

Т. А. Кошемчук

О Бахтине, карнавализации, Рабле и Достоевском

В статье в полемическом ключе иследуется одна из интерпретаций М. М. Бахтина – сцена чтения Евангелия в «Преступлении и наказании» Достоевского. Она предстает у Бахтина как «христианизованная мениппея», то есть проникнутая карнавльной стихией, а само Евангелие – как «карнавальный» жанр, через который происходила и «карнавализация» творчества Достоевского. Анализируются исходные понятия мыслителя: смех, карнавал, мениппея, взятые им в предельно расширенном смысле. Показывается, что подобные интерпретации вытекают из самой сути бахтинской концепции, созвучной советскому атеизму.

Ключевые слова: Бахтин, Достоевский, Евангелие, интерпретация, карнавал, карнавализация, мениппея.

T. A. Koshemchuk

On Bakhtin, carnivalisation, Rable and Dostoevsky

Bakhtin's interpretation of the famous Dostoevsky's episode («Crime and Punishment») in which the text of the Gospel is read is polemically dealt with in the article. The episode is interpreted by Bakhtin as a carnival scene and the Gospel itself as a carnival genre. So the basic starting ideas of the author are analyzed such as laugh, carnival and Mennip's satire taken up by him in the widest meanings. Bakhtin's ideas on the whole and his interpretation of the Dostoevsky's episode are shown to be quite corresponding to the spirit of the soviet atheistic period.

Keywords: Bakhtin, Dostoevsky, Gospel, interpretation, carnival, carnivalisation, Mennip's satire.

Едва ли не каждому исследователю творчества Достоевского, читающему о нем у Бахтина, приходилось недоумевать (как бы он в целом ни относился к бахтинским идеям) по поводу одной интерпретации – ключевой сцены «Преступления и наказания», в которой читается *евангельский текст*, где *сошлись убийца и блудница за чтением великой книги*[1]. Эта сцена охарактеризована у Бахтина как карнавальная[2]: она есть «почти завершенная христианизованная мениппея» [2, с. 180]. Как быть с этим читательским недоумением? Глубокий диссонанс неизбежен здесь при непосредственном восприятии: бахтинский карнавал – это не просто карнавал, смех, веселье, но именно – и прежде всего – осмеяние, снижение, пародирование, травестия, профанация, пусть и с сокрытым утверждающим смыслом. Эта карнавальная стихия определяет собой у Бахтина жанр мениппеи, и таковой представлена названная уникальной в русской литературе сцена с приведенным Достоевским обширным фрагментом из Евангелия. В ней невозможно усмотреть ни отрицания (осмеяния, снижения, пародирования), ни тем более утверждения чего бы то ни было через это отрицание. Причем Бахтин здесь видит не проникновение мениппейного, то есть карнавального, но наоборот, в карнавальное добавлено христианское, карнавальное – *христианизуется*! А ведь мы говорим здесь не только о сюжетной кульминации романа Достоевского, но и о важнейшей особенности его поэтики и о его праидее, о творческом истоке главной мысли писателя. И у Бахтина «снимается» именно эта христианская мысль.

Вопрос стоит поставить так: как возможна интерпретация сцены чтения Евангелия как мениппейной? Ответ может предварительно звучать так: она возможна не как преувеличение, или полемическое заострение, или просто неудача мыслителя (от чего никто не застрахован, и тогда не стоило бы углубляться в случайную фразу) – она возможна, ибо отвечает самой сути бахтинской концепции творчества Достоевского, творчества Рабле, карнавала – и Евангелия.

О евангельских текстах в книге Бахтина о Рабле речь заходит около сорока раз, и всякий раз повторяется одна и та же мысль – о пародировании, снижении, травестии Евангелия (у Бахтина: «евангелия») и отдельных его эпизодов (в средневековой культуре в целом и у Рабле в

© Кошемчук Т. А., 2015

частности). Причем эти мысли возникают вновь и вновь и варьируются с явной исследовательской сочувственной акцентуацией, и то, что могло бы показаться в ином модусе восприятия кощунственным или просто плоским и пошлым, представлено в контексте книги в позитивном ключе.

В «Проблемах поэтики Достоевского» около десятка раз упоминается Евангелие, почти всегда в лаконичных констатациях влияния мениппеи на «христианские жанры»: «Мениппея и родственные жанры, развивающиеся в ее орбите, оказали определяющее влияние на формирующуюся древнехристианскую литературу – греческую, римскую и византийскую» [2, с. 155]; «Основные повествовательные жанры древнехристианской литературы – евангелия, “деяния апостолов”, “апокалипсис” и “жития святых и мучеников” – связаны с античной ареталогией, которая в первые века новой эры развивалась в орбите мениппеи» [Там же, с. 155–156]; «Христианская повествовательная литература (независимо от влияния карнавализованной мениппеи) также подвергалась и непосредственной карнавализации» [Там же, с. 156]; «…древнехристианская повествовательная литература (в том числе и та, которая была канонизована) проникнута элементами мениппеи и карнавализации» [Там же, с.156]. Эти многократные повторения, следующие одно за другим, есть именно констатации как будто очевидного, они оставлены их автором практически без аргументации.

Приведем теперь решающую цитату из Бахтина, выявляющую сущность проблемы, самый нерв бахтинской концепции карнавала в творчестве Достоевского:

«С разновидностями античной мениппеи непосредственнее и теснее всего Достоевский был связан через древнехристианскую литературу (то есть через “евангелия”, “апокалипсис”, “жития” и др.). Но он, безусловно, был знаком с классическими образцами античной мениппеи» [Там же, с. 164].

Если поставить задачу собрать коллекцию самых невероятных суждений о Достоевском, на которые столь щедрым было XX столетие, то приведенная цитата окажется едва ли не самой яркой. Стоит прежде всего отметить, чтобы уже далее оставить это в стороне, отстраняющие, дистанцирующие кавычки и строчные буквы («евангелия»). Позднесоветская эпоха знала подобное, хотя и не возбраняла безусловно следование традиции в назывании христианских памятников – здесь Бахтин превзошел многих. Фон его книг – советский вульгарный атеизм, где просматривается явное сродство приемов и оценок. Но Бахтин, подобно булгаковскому Берлиозу, не доказывает, что Евангелия выдуманы, он утверждает нечто совсем изумительное: Евангелия, Апокалипсис и жития – карнавализованные жанры, непосредственно связанные с античной мениппеей, то есть они есть часть смеховой культуры античности. А Достоевский, читая Евангелие, именно через это чтение приобщился к … карнавальной традиции! Это сказано без обиняков: через Евангелие происходила карнавализация его творчества. И лишь потом отмечается: сами античные мениппеи с их карнавальной стихией могли на него подействовать так же. Такова идея Бахтина. Обратимся к ее истокам.

Конечно, всякий человек, любящий Достоевского, не одобрит такие характеристики: «…биологическая и социальная личность Достоевского с ее эпилепсией и идеологической раздвоенностью…» [Там же, с. 42], или: «Достоевский – человек с «личной неспособностью принять определенное идеологическое решение» [Там же, с. 42], что, по Бахтину, оказалось *оптимальным условием* для создания полифонического романа. То есть личностная ущербность есть основа концепции полифонии. И можно уловить уже здесь, в каком – далеком целевом и в ближнем прицельном – отношении замыслена эта концепция равенства голосов автора и героя. Ее интенция есть устранение именно мировоззрения Достоевского, его, авторского, христианского *сознания* и христианского проникновения в жизнь, его проповеди в художественном слове – этого ведь не может быть у человека *раздвоенного, ничего не решившего, ущербного.* И позиция Достоевского категорически приравнивается как *голос*, пусть и авторский, – к *голосам* героев, а всякое иерархическое сопоставление голосов получает диагноз филологической наивности.

Советская цензура в свое время не случайно пропустила бахтинские книги: при их всей самобытности и яркости, они соответствуют эпохе (его сочинения о Рабле, карнавале и Достоевском). Писатель Достоевский, только что возвращенный после смертного приговора и посмертного изгнания из литературы, в бахтинской версии, широко распространенной в советских изданиях, – не очернен вовсе, наоборот, превознесен, но при этом замещен иным, бахтинским Достоевским, *подменным*: он лишен враждебно-

го атеистической эпохе религиозного мировоззрения, он занимает равное положение в ряду иных сознаний, он не более авторитетен, например, чем взявшийся за топор студент-недоучка, неофит мысли (которого уже объявили гениальным)… и если *голос* все же автору оставляется, то с категорическим требованием своего рода *авторского кенозиса*. В итоге проповедь религиозного мыслителя Достоевского блистательно дезавуирована самобытнейшей подменой: неблизкое Бахтину и враждебное власти – у Достоевского, то есть его христианское, столь искусно снято, что книги читаются не в самиздате, но издаются большими тиражами и изучаются студентами-филологами.

Нетрудно заметить: идея карнавализации служит отмеченной цели. Она оригинальна и редкостно своеобычна для советской эпохи, но расчет здесь не знает промаха: смеющийся амбивалентным смехом «всенародный хор на площади» [3, с. 485, 524], «подлинная площадная всенародность» [Там же, с. 151] – советская идеология не могла ничего противопоставить этому ходу. Идея карнавала, шутовства, смеха, как это нередко у Бахтина, преподносится в модусе «только», «лишь», «все», находка так захватила мыслителя, что становится не на определенное сутью дела место, но стремится покрыть целое культуры. Или – «гипостазируется» [1, с. 475], по слову С. С. Аверинцева, который отмечает, что *правда смеха* является для Бахтина «предметом безусловной философской веры» [Там же], дается в интонации *непререкаемости*. Надо добавить: эта напряженно-проповедническая интонация в целом характерна для ситуации плененности идеей, отсюда искажение пропорций – кто из пишущих о Бахтине не отмечал некоторых его «преувеличений»?

В апологии смеха у Бахтина Аверинцев видит *странную неправду*: смех не воздвигает костров, не создает догматов, в нем не таится насилие, – пишет Бахтин, а Аверинцев, цитируя, легко это опровергает, удивляясь, что Бахтин мог сделать такое утверждение, ибо «вся история буквально вопиет против него», ведь смехом можно заткнуть рот, как кляпом; кульминация – глумление над Христом, суть карнавала – кровь, смерть, казнь, «в начале начал всяческой "карнавализации" – кровь» [Там же, с. 477]. Аверинцев отмечает, что в бахтинских рассуждениях нет христианского отношения к смеху (к чему и обращается). При этом деликатнейший бахтинский критик никак не характеризует его мировоззрение в целом, ссылаясь на трудности противостояния советскому.

Вслед за Аверинцевым можно повторить (и мы сейчас в самих истоках бахтинской идеи карнавализации в творчестве Достоевского): смех для Бахтина – гарантия духовной доброкачественности. С непременным «только» и «все»: только смех остался вне официальной лжи, все жанры, все формы языка и стиля (ряд продолжается и варьируется Бахтиным в разных его сочинениях), все пропиталось ложью, кроме смеха. «Только» смех «остался не зараженным» ложью, «не выродился», «не изолгался» [4, с. 385] – в отличие от всех иных форм «официальной» культуры. Так называет Бахтин в книге о Рабле прежде всего христианскую культуру Средневековья, которой противопоставляет средневековую «смеховую» культуру, внехристианскую, с ее всенародным хором, смеющимся над всем официальным. Таково его понимание Средневековья.

В этой апологии неофициального смеха не случайно читателю видится, несмотря на советский же явный материализм, нечто подспудное «антисоветское». Соединяющее звено как будто несоединимого, советского и антисоветского, – антихристианство. Оно же роднит Бахтина и с постсоветским. Суть дела в том, что советское ставится Бахтиным на один уровень с христианским: и то и другое есть для него *официальная культура, одно и то же, официальное,* и ему противостоит смех, карнавал, а далее в литературе – карнавализация. За невысказанным, подразумеваемым неприятием *одного «официального»* (советского) стоит выраженное вполне неприятие *другого «официального»* – средневекового, христианского, феодального, вертикального. *Официальное* у Бахтина (без различия христианское, советское) отрицается – ради утверждения *реальной, живой, прекрасной жизни.* Она, эта реальность и жизнь (здесь экзистенциально пережитая мысль), дана вполне материалистически как реальность *плоти, телесности, телесного низа*, многократно акцентируемого. Эта ***жизнь*** поэтизируется: она *человечная и трогающая душу, вечно становящаяся, свободная, прекрасная, неуничтожимая* – эпитеты множатся, и на фоне этой эмоции восторга перед *жизнью*, перед реальностью *низа* предстает как нечто враждебное этой прекрасной *реальности* все вертикально-средневековое. Поэтому с такой симпатией Бахтин описывает и с таким обилием цитирует, порой по два раза одно и то же, плотояднейшее, низовое у Рабле: оно важнее для Бахтина, чем

интеллектуальное у интеллектуала Рабле (о чем в бахтинской книге, как уже было замечено, ни слова), – личная симпатия сказывается в оценках раблезианского смеха, противопоставленного *средневековой аскезе с ее мраком*. Миф о *мраке* Средневековья Бахтин в полной мере поддерживает, проповедуя воскресение из этого *мрака* к новой *реальной жизни* через снижение высокого, через «приобщение к жизни нижней части тела, жизни живота и производительных органов, следовательно, и к таким актам, как совокупление, зачатие, беременность, рождение, пожирание, испражнение» [3, с. 28] (этот ряд варьируется многократно), и вертикальности Средневековья противопоставляется горизонталь плотской жизни, причем в жизни плоти выделяется и акцентируется – прямо, бесстрашно и многократно – материально-телесная *преисподняя*. В этой философии плоти, крови, семени, мочи и кала (все эти темы в книге развернуты подробно, рядами цитат) – исток бахтинского отношения к смеху, карнавалу, далее – к карнавализации и к евангельской сцене у Достоевского.

Карнавал для Бахтина есть «*реальная* форма самой жизни» [Там же, с. 12], она же *идеальная* форма жизни, сама жизнь, в ней свобода, равенство и братство. *Материально-телесная преисподняя* карнавала обретает черты праздничного светлого торжества, в нем *подлинная праздничность*, он *свободен и враждебен официальному, мертвому, мрачному, хмурому*, тем самым оно противостоит христианскому, и это противопоставление проведено последовательно и радикально, с захватом в эту орбиту ВСЕЙ культуры: низ – верху, горизонтальное – вертикальному, праздничное – мрачному, свободное – официальному, смех – серьезному, живое – мертвому.

Итак, по Бахтину: читая Евангелия, Достоевский приобщается к карнавалу, иными словами, к радостно-живому торжествующему бесснованию материально-телесно-низовой преисподней, освободившейся от мрака и вертикальности мертвых христианских ценностей.

Следующий шаг концепции Бахтина – идея карнавализации, и характерно, что ее обоснование как литературного явления проводится гораздо менее подробно. Карнавализованная литература – это, по Бахтину, испытавшая на себе прямо или косвенно, через несколько звеньев, влияние карнавального фольклора, *на нее «транспонируется» карнавал* [2, с. 141], во всех ее жанрах есть «веселая относительность» карнавала [Там же, с. 123]. На Достоевского же карнавальная стихия влияла не только через Евангелия, согласно приведенной в начале статьи ключевой цитате, но и (такова была бахтинская добавочная мысль) через саму мениппею, то есть через два жанра, сократический диалог и собственно мениппову сатиру.

Сократический диалог? В диалогах Платона нет ни *веселой относительности*, ни диалогичности истины: истина в них как раз рождается не в споре, вопреки Бахтину, а Сократом, *готовая* (у Бахтина это всегда осуждающее слово), – пропедевтически, учительно преподносится. В конце короткого фрагмента о Платоне Бахтин оговаривается, что сократические диалоги далее *утратили* связь с карнавальным мироощущением. Это обычная для Бахтина оговорка. Карнавальная основа диалогам Платона просто примыслена, и, более того, примыслено даже ее понимание самому Платону: сначала Платон якобы сохранял «признание диалогической природы истины» [Там же, с. 126], а в третий период утратил его!

Понятие же мениппеи Бахтин дает чрезвычайно расширительно: это вся вообще античная литература, кроме эпопеи и трагедии, а далее и средневековая, и едва ли не вся возрожденческая литература. Перечислено все, размытость – крайняя, в единство «смехового» жанра сведены, например, «Утешения философией» Боэция и «Золотой осел». Что в них общего? Это общее, обнаруженное здесь Бахтиным, как и общее со всем морем античной и средневековой литературы, – *наличие противоположностей* и *острые вопросы!* На том же основании и платоновские диалоги, конечно, можно отнести именно к смеховому жанру мениппеи. Все 14 признаков мениппеи, выделенные Бахтиным: смеховой элемент, свобода вымысла, исключительные ситуации, натурализм, «последние вопросы», трехпланное построение, фантастика, изображение необычных состояний, скандалы, наличие утопии, резкие контрасты (например, гетера и мудрец, император и раб) и т. д., – не должны при этом, разумеется, вместе и с обязательностью присутствовать в разновидностях мениппеи, но, по мысли Бахтина, достаточно и двух, много трех признаков, чтобы отнести произведение к этому жанру. На основании двух-трех признаков Бахтин и Евангелие причисляет к карнавализованным жанрам.

Эта бессодержательная размытость в самом определении и в методе рассмотрения жанровой проблемы Бахтиным приводит к тому, что мениппея, один жанр, пусть и чрезвычайно изменчивый, «как Протей» [2, с. 130], покрывает со-

бой почти все. Карнавал же при его предельно расширенной трактовке – сплошь вся культура. Гете, по Бахтину, *не понял* (советская стилистика дает и здесь себя знать…) *космического смысла* в карнавале. Гете видел карнавал и изучил, описал его с натуры, Бахтин же создает целую поэму о карнавале, минуя очевидные факты: карнавал был придуман и допущен церковными кругами приблизительно в X в., ему предшествовали вплоть до XVIII в. церковные предвеликопостные церемонии. Он был дозволен сверху в угоду народным слабостям и пристрастиям. И космический смысл, и амбивалентность брани, и *праздник всеобновляющего времени* (обратимся к Гете, который ведь *умел видеть*, но ничего этого не усмотрел!) – все это примыслено карнавалу Бахтиным, а фамильярный контакт и разгул телесного низа опоэтизирован и поставлен во главу угла. В непристойностях и кощунствах карнавала, отмеченных Гете вскользь, в одном предложении, Бахтин увидел космичность и амбивалентность, коллективно-народное бессмертие и рождение лучшего народного будущего, эпитеты лирически-многообразны: это *торжествующее, веселое, бесстрашное* будущее, с его чувством *целого, вечно-недоконченного, становящегося, развивающегося*.

Итак, кроме общего утверждения причастности к карнавальной стихии всех почти литературных явлений, включая сцену чтения Евангелия у Достоевского, каковы конкретные проявления этой родственности по Бахтину – Евангелия и карнавала? Логика ответа такова: как карнавализация жизни и культуры стала основным процессом в эпоху Возрождения, проникающим «почти во все жанры» [Там же, с. 150], так первостепенным он был и в предшествующую эпоху античности. Потому мениппова сатира оказала «очень большое влияние» [Там же, с. 130], или же «определяющее» [Там же, с. 155], на древнехристианскую литературу, к ней отнесены и Евангелия. Здесь необходима большая цитата; ответ на вопрос о влиянии мениппеи на «христианские жанры» дан в двух абзацах:

«В христианских жанрах это влияние резко усиливается, особенно за счет д и а л о г и ч е с к о г о э л е м е н т а мениппеи. В этих жанрах, особенно в многочисленных «евангелиях» и «деяниях», вырабатываются классические христианские диалогические синкризы: искушаемого (Христа, праведника) с искусителем, верующего с неверующим, праведника с грешником, нищего с богатым, последователя Христа с фарисеем, апостола (христианина) с язычником и др. Синкризы эти известны всем по каноническим евангелиям и деяниям. Вырабатываются и соответствующие анакризы (то есть провоцирование словом или сюжетной ситуацией).

Огромное организующее значение в христианских жанрах, как и в мениппее, имеет и с п ы т а н и е и д е и и е е н о с и т е л я, испытание соблазнами и мученичеством (особенно, конечно, в житийном жанре). Как и в мениппее, здесь сходятся <…> на равных правах властители, богачи, разбойники, нищие, гетеры и т. п. Известное значение имеют здесь, как и в мениппее, сонные видения, безумие и одержимость всякого рода» [Там же, с. 156].

И это – все, что приводится в доказательство! Итак, общее – это диалогический элемент, диалогические синкризы и анакризы (последние не даны ни в одном примере), еще сонные видения и безумия. Ниже добавлена еще «сцена увенчания – развенчания “царя иудейского” из канонических евангелий» как доказательство (без всяких пояснений!) «непосредственной карнавализации евангелий» [Там же, с. 156].

Здесь очевидно перепутывание всего со всем – и делаются далеко идущие выводы. Из того, что слово «гетера» употребляется в карнавале и в Евангелии, делается вывод о влиянии карнавала на Евангелие (почему бы не наоборот?). Рядом Христос и фарисей – это доказательство того же.

Если принять подобную мотивацию карнавализованности Евангелия, то дальнейшее – о карнавале у Достоевского – вполне логично и даже естественно. Если карнавализация – это «эвристический принцип», позволяющий открывать новое [Там же, с. 194], если соседство смерти и смеха, если вообще столкновение противоположностей – это карнавал и если именно карнавализация делает возможным создание большого диалога [Там же, с. 207], то, конечно, у Достоевского все сплошь – карнавал. Если сошлись грех и праведность – карнавал, если люди смеются – карнавал. Поняв в столь безгранично расширенном смысле карнавал и карнавализацию, ничего не остается, как признать именно это: Достоевский – весь сплошь карнавал.

А ключевая сцена «Преступления и наказания» есть «почти завершенная христианизованная мениппея» – «без особой аргументации», как предупредил Бахтин [2, с. 180], по следующим признакам: в ней есть контрасты, «острые диалогические

синкризы» веры и неверия, смирения и гордости, оксюморонное сочетание преступника-мыслителя и проститутки-праведницы, есть и острая анакриза (опять же не названная), оксюморонные сочетания (мыслитель – преступник, проститутка – праведница), обнаженная постановка последних вопросов и «чтение евангелия в трущобной обстановке» [Там же]. Карнавализована и сцена в гостиной Ставрогиных (это не гостиная, это площадь! – восклицает Бахтин). Признак взят один из 14: здесь все неожиданно, неуместно, несовместимо… [Там же, с. 169]. Скандал в келье старца Зосимы назван карнавализованной сценой вообще без единого аргумента. Далее, разговор Алеши и Ивана в кабаке и разговор Ивана с чертом – это мениппеи, потому что первая – в кабаке и «под хлопанье пивных бутылок» [Там же, с. 181].

Выводы таковы: в основе названных карнавальных сцен лежит «глубокое карнавальное мироощущение» автора [Там же, с. 179], мениппея с ее особенностями определяет «*всю* сюжетно-композиционную структуру» *всех* романов Достоевского [Там же, с. 181]. А так как мениппея – глубоко карнавализованный жанр, то карнавал пронизывает *все* романы Достоевского. А заодно и многие произведения Пушкина, названы: «Бориса Годунов», «Повести Белкина», болдинские трагедии и «Пиковая дама» [Там же, с. 185].

Итак, неизбежна дилемма: принять полностью приведенную в начале статьи мысль Бахтина о карнавальности сцены чтения Евангелия в «Преступлении и наказании», а значит, и всю концепцию карнавала, карнавализации, карнавализации Евангелия – или же НЕ принять концепцию в ее целом. Такой гранью оборачивается поставленный в начале статьи вопрос о возможности одной интерпретации евангельской сцены в «Преступлении и наказании».

Но поскольку автор все свои концептуальные тезисы дает, как он и предупредил, «без особой аргументации», то читателю впору оставить эти тезисы без особого внимания, а влияющий на Достоевского карнавал, это «великое *всенародное* мироощущение прошлых тысячелетий» [Там же, с. 186], противостоящее официальной религии с ее серьезностью, «односторонней, официальной и хмурой» [Там же, с. 186], оставить в истории мысли как одно из причудливейших и, ценой нашего доверчивого невнимания к чужим словам, чрезвычайно действенных явлений.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Бахтин, смех, христианская культура [Текст] / С. С. Аверинцев // М. М. Бахтин: Pro et Contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. Том 1. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001.

2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979.

3. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1990.

4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Averincev, S. S. Bahtin, smeh, hristian-skaja kul'tura [Tekst] / S. S. Averincev // M. M. Bahtin: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo M. M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj gumanitarnoj mysli. Antologija. Tom 1. – SPb. : Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001.

2. Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Sovetskaja Rossija, 1979.

3. Bahtin, M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura sredne vekov'ja i Renessansa [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1990.

Bahtin, M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj pojetike [Tekst] / M. M. Bahtin Voprosy literatury i jestetiki. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.06.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

[1] Здесь и далее, в цитатах, курсив мой – Т. К.

[2] Это недоумение было высказано в докладе И. А. Есаулова на семинаре «Карнавал / карнавализация в литературе: юродство и шутовство» (Калининград, 2012).

УДК 891.711.09-1

Г. Ю. Филипповский

Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве»

Статья посвящена аспектам научной полемики о природе текста «Слова о полку Игореве», средневековой эпической поэмы Руси, в сравнении с эпическими текстами европейского Средневековья XI–XIII вв.: «Песнь о Роланде», «Беовульф», «Песнь о Гильоме Оранжском», «Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели. В центре внимания – споры о литературной (авторской) или фольклорной (коллективно-авторской) природе текста «Слова» и других средневековых поэм в свете новых работ американского ученого Р. Манна, считающего, что «Слово» появилось как фольклорный текст в XII в. и было записано около 1215 г. Автор, критикуя позицию Р. Манна, настаивает на литературной (авторской) природе «Слова о полку Игореве».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», проблемы поэтики, средневековые эпические поэмы, мотивы Света и Тьмы, литературные тексты, фольклорные тексты, литературно-фольклорная дилемма, научная полемика.

G. Ju. Filippovskij

Modern problems in «The Igor`s Tale» research

The paper deals with the aspects of modern polemics on “The Igor`s Tale” poetical nature. Medieval European epics like “Beowulf”, “The Song of Roland”, “The Song of Guilliom de Orange”, “The Knight in the Tiger`s Skin” are typologically compared with «The Igor`s Tale». The central problem of the paper is the actual discussion on literary or folklore dilemma as far as “The Igor`s Tale” origin is concerned. Some new publications of American scholar R. Mann insist on folklore roots of «The Igor`s Tale»` poetics that is criticized by the author of the present paper.

Keywords: «The Igor`s Tale», the problems of poetics, medieval epic poems, Light and Darkness, motives, literary texts, folklore texts, literary- folklore dilemma, polemical discourse.

Каковы бы ни были подходы или взгляды на «Слово о полку Игореве», безотносительно ко времени их появления, – с конца XVIII в. у первых «самовидцев» рукописи «Слова» архиеп. Арсения (Верещагина) и гр. А. И. Мусина-Пушкина, И. П. Елагина и И. Н. Болтина, А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыш-Каменского [10], у специалистов по «Слову» – филологов XX в.: Д. С. Лихачева, А. С. Орлова, Л. А. Дмитриева и у других ученых [3] – вплоть до первых десятилетий XXI в., до современности, всегда слова «проблемы изучения “Слова”» сохраняли и сохраняют свой смысл. Поскольку единственная в свое время найденная рукопись «Слова» пропала (погибла) и другой не представляется возможности обнаружить, бесценным текстовым источником остается издание 1800 г. (т. наз. «Екатерининская копия»), за что мы должны благодарить издателя гр. А. И. Мусина-Пушкина безотносительно ко всем драматическим перипетиям истории мусин-пушкинской рукописи «Слова», как, впрочем, и других древнерусских раритетов его уникальной коллекции. Практически никогда не было и нет отрицания текста «Слова» как такового, но были и есть его интерпретаторы. И здесь картина самая пестрая! Но, пожалуй, на сегодняшний день версию о «Слове» как «подделке нового времени под Средневековье» (наподобие версии Э. Кинана [32]) следует признать несостоятельной (после работ Г. Н. Моисеевой [31, с. 266–274], Ю. М. Лотмана [16], А. А. Зализняка [7], других ученых).

Любопытно вспомнить грани научной проблематики «Слова», заявленные например, в 1958 г. [24] и в 1985 г. [9] в трудах IV Международного съезда славистов и юбилейного года 800-летия похода героя «Слова» князя Игоря Святославича на половцев. В «Сборнике ответов на вопросы по литературоведению» [24] IV съезда славистов вопрос № 7 «Какие возникают задачи дальнейшего изучения «Слова о полку Игореве» включает проблемные статьи Н. К. Гудзия, Н. Н. Дылевского, Л. А. Дмитриева, А. А. Назаревского, А. В. Позднеева, Д. Н. Альшица, А. Н. Робинсона [24, с. 25–45]. Стоит отметить, что многие задачи, поставленные в 1958 г.: о создании

© Филипповский Г. Ю., 2015

аннотированной библиографии «Слова», комментария, в том числе, лексикографического, – решены на сегодняшний день изданием 5-томной Энциклопедии «Слова о полку Игореве» под редакцией Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, Л. В. Соколовой [31], 6-томного «Словаря-справочника «Слова о полку Игореве» В. Л. Виноградовой [26], трудов В. П. Адриановой-Перетц [31], А. А. Зализняка [7]. Вопрос Н. К. Гудзия об отношении «Слова» к устно-поэтическому творчеству принадлежит к числу «вечных вопросов» и составит основной предмет настоящей статьи. Тесно связан с ним вопрос об авторстве «Слова», который Н. К. Гудзий считал «бесполезным» с точки зрения «догадок о конкретном авторе «Слова» [24, с. 25–26]. С этой позиции, однако, напрямую сплетена проблема литературной (авторской) или устно-поэтической («безавторской» или коллективно-авторской) природы текста «Слова», а также его жанровой специфики. Поэтому с принципиальной точки зрения мнение Н. К. Гудзия (и ему подобных) о нерелевантности авторского статуса «Слова» не может быть признано продуктивным, а следовательно, проблема авторства «Слова», так или иначе, с повестки научных работ не снимается.

Н. Н. Дылевский призвал «по-новому подойти к основным проблемам «Слова» [24, с. 26–31], и эти возможности подтвердили блестящие результаты таких ученых, как, например, А. А. Зализняк. Другой важной позицией Н. Н. Дылевского надо считать принципиальное и верное, на наш взгляд, мнение о недопустимости каких-либо поправок текста «Слова» 1800 г. Так была отвергнута затем гипотеза Гудзия о перестановке в начале текста «Слова». Такие специалисты, как Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, Р. О. Якобсон, Н. А. Мещерский [31], призвали с максимально возможной осторожностью и вниманием относиться к тексту издания 1800 г., не калечить его произвольными «вивисекциями». Эта позиция весьма пригодится нам в данной статье при рассмотрении гипотез о «Слове» американского ученого Роберта Манна [31, с. 218], как и точка зрения Л. А. Дмитриева [9, с. 146–157], касающаяся так называемых «скептиков», полемики вокруг «Слова» с начала XIX в. и до наших дней. В сборнике задач IV съезда славистов приведена гипотеза Д. Н. Альшица [24, с. 37–41] о создании «Слова» в XIII в., что тоже имеет отношение к работе американского профессора. На наш взгляд, интересны мысли Д. Н. Альшица об «исторической ретроспекции» применительно к тексту «Слова», его фрагмента под названием «золотое слово Святослава Киевского» [27], которое представляет собой не столько исторически актуальное обращение к князьям, сколько художественное обобщение идеи единства Русской земли. Именно так считал в своих работах Д. С. Лихачев [31, с. 172–177], уподобляя образ Святослава из «Слова» образу «седобородого» Карла в «Песни о Роланде», тем самым, сопоставляя два памятника средневекового книжного эпоса XI–XIII вв.

Важным по смыслу в статьях IV съезда славистов является текст А. Н. Робинсона. Посвящен он поэтике «Слова», где подчеркивается, что изучение «Слова» не должно быть имманентным, а должно «продвигаться в направлении широкого типологического сопоставления... в сфере пересечения отечественных…. с аналогичными традициями народов Востока и Запада» [23, с. 41–45]. А. Н. Робинсон упоминает в частности такие памятники, как «Беовульф», старогрузинскую поэму Шота Руставели начала XIII в. «Витязь в барсовой шкуре» («Вепхисткаосани»), отмечая, что в них «новаторство писателя проявилось… в обогащении новыми идеями и образами». Авторство поэмы Руставели и ее связь со «Словом о полку Игореве» типологически указывает на авторскую природу «Слова» [23].

Продолжением рассуждений А. Н. Робинсона 1958 г. служит ценная статья Л. И. Сазоновой [9] в юбилейном выпуске «К 800-летию «Слова» журнала «Вопросы литературы», где участвовали также Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев, Н. С. Демкова [9, с. 169–178]. Л. И. Сазонова отмечает, в частности, что «изучение жанровой природы «Слова» начинает выходить на путь широких сравнительно-исторических и сопоставительно-типологических наблюдений; это обещает дать обильный материал для установления международной типологии и национальной оригинальности «Слова» [9, с. 169–178]. Трактовка «Слова» как поэтического, а не хроникально-документального текста позволяет автору статьи 1985 г. прийти к выводу: «Несоответствия историко-поэтической системы «Слова» реальной ситуации XII в., дававшее скептикам повод для сомнений в оригинальности и подлинности, оказывается следствием общего для всех эпосов (книжных эпосов Средневековья) закона – эпической идеализации и гиперболизации; анонимность «Слова» не является случайной утратой имени его творца, а предстает

как закономерность поэтики – безымянно большинство произведений героической эпики…» [9, с. 169–178]. Действительно, большинство, но не все, – «Витязь в барсовой шкуре» упоминает имя автора Руставели. Л. И. Сазонова говорит о «внутренней мере» книжного эпоса, и она есть везде – и в «Беовульфе», и в «Слове о полку Игореве», и в «Витязе в барсовой шкуре». Работами многих ученых: В. Н. Перетца, М. М. Бахтина, А. М. Панченко, И. П. Смирнова, Д. С. Лихачева, Т. М. Николаевой, Г. Ю. Филипповского [29] – установлен художественный код этих средневековых поэм, связанный с противостоянием, противоборством Света и Тьмы. Данная антиномия соотносится с христианской ситуацией Средневековья, евангельским мотивом слов Христа в Евангелии от Иоанна. Установлено, что этот мотив в древнерусской литературе присущ еще «Слову о Законе и Благодати» Илариона XI в. [28].

Л. И. Сазонова критикует подход к «Слову» как историческому документу, что «приводит к наивным попыткам вычислить и представить в хронологической таблице событий похода Игоря, дату, когда Ярославна плакала на стенах Путивля…» [9, с. 169–178]. Кроме того, что важно, Л. И. Сазонова настаивает на христианской мотивации художественной логики поэмы – это же подтвердилось при определении художественного кода «Слова» в работах Г. Ю. Филипповского [29] . Речь идет о художественном замысле автора «Слова», который противопоставляет мотивы тьмы и поражения первой части текста иным, противоположным, после плача-моления Ярославны, – мотивам спасения, света, возвращение героя на Русскую землю, к ее христианским ценностям, *«къ святеи Богородицы Пирогощей*» (то есть, башенной в Киеве как символе Русской земли).

Материал того же 1985 г. Н. С. Демковой [9] открывается ссылкой на давнюю работу Д. С. Лихачева «Устные истоки художественной системы “Слова о полку Игореве”» 1950 г. [14] – того периода, который сам автор впоследствии критиковал. Древнерусская поэма, авторский книжный эпос «Слова о полку Игореве» рассматривается Н. С. Демковой как устно-поэтический по истокам текст: «Одно из важнейших направлений в изучении “Слова” – установление глубинных связей его образной системы с традициями устной художественной речи» [9, с. 169–178]. Конечно, тема библейско-христианских истоков становящейся русской литературы XI–XIII в. не была популярна в советской науке 1950–1980-х гг. Тем не менее, современная наука видит в истоках литературы Руси именно книжно-библейскую основу. Наследие народной культуры ранней Руси, конечно, было известно древнерусским авторам (например, «Повести временных лет»), однако интерпретировалось ими в ключе христианско-средневековых ценностей: например, мотивы архаической богатырской сказки участвуют в формировании текста «Слова о полку Игореве», но авторское решение здесь делает доминантными именно христианские мотивы спасения героя: *«Князю Игорю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую»*. Поскольку данные по русской фольклорной культуре, записи фольклора относятся не ранее, чем к Новому времени, спекулятивная прививка этих текстов к древнерусским книжным памятникам почти всегда чревата приблизительностью, а очень часто – рискованными передержками.

Так случилось, в упомянутой выше статье Н. С. Демковой [9], так случилось, в работах современного американского исследователя Роберта Манна. Как и в сочинениях по поводу «Слова о полку Игореве» историка А. А. Зимина [8], отправным моментов в работах Р. Манна [17–19] выступают тексты Куликовского цикла XV–XVII вв., в части которых использован текст «Слова о полку Игореве». Р. Манн в работе «”Песнь о полку Игореве”. Новые открытия» признает: «…Решающее значение имеет «Задонщина», произведение в какой-то мере подражавшее «Слову» [17] . Американский исследователь спокойно пишет о подражательности «Задонщины» по отношению к «Слову», поскольку его внимание обращено к другому тексту Куликовского цикла – «Головинской» рукописи «Сказания о Мамаевом побоище», также несущей следы заимствований из «Слова». Давно уже было известно ученым, что составители различных текстов Куликовского цикла в разной мере, но нередко обращались к тексту домонгольской поэмы об Игоревом походе. Если говорить о текстах Куликовского цикла и «Слове» в сочинениях историка А. А. Зимина [8], то его версия о «Слове» как подделке под Средневековье убедительно отвергнута (как и версия Э. Кинана [32]) монографическим исследованием академика-слависта, лингвиста А. А. Зализняка [7] , которое увидело свет в 2004 г.

В отличие от историка А. А. Зимина филолог Роберт Манн открывает свой текст о «Слове»

рассуждением о глагольной конструкции в первой фразе «Слова» *«бяшетъ»* – в форме прошедшего времени (имперфект) [17]. На этом разыскании американский ученый основывает свою далеко идущую концепцию не просто интерпретаций, но – корректив, исправлений базового текста «Слова» 1800 г.: «Есть определенные основания считать начало нашего текста “Слова” неполным» [17]. «Неполнота» эта, как считает Р. Манн, скрывает утраченный фрагмент изначального вступления, причем «недостача» эта воссоздается Манном все из той же «Задонщины», хотя такое заключение и противоречит уже сделанным им же заявлениям о подражательности «Задонщины» в отношении «Слова». Р. Манн делает вывод: «На основе лингвистических данных и киевских деталей во вступлении “Задонщины”, предшествующем началу уцелевшего списка “Слова”, можно предположить, что начало “Слова” пропало и наш список является неполным» [17].

Подобного рода «открытиями» наполнены и сочинения А. А. Зимина [8], а несостоятельность гипотетических рассуждений Р. Манна выясняется, если мы обратимся к известному и принятому наукой прочтению первых фраз «Слова» А. С. Пушкина [12]. Наш великий поэт, готовивший комментированное издание «Слова», чему помешала дуэль и смерть, писал в подготовительных материалах: «(начальная фраза “Слова”)… смысла вопросительного не дает, то выйдет: *«Не прилично, братья, начать…»*. Глагол *«бяшетъ»* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает условную частицу – *“Не прилично было бы”*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего». К мнению А. С. Пушкина присоединяются два квалифицированных лингвиста, Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин [25], – издатели и комментаторы текста «Слова» в серии «Библиотека поэта» – 1985: «”Нелепо ли ны бяшеть”. Принято думать, что текст памятника начинается риторическим вопросом: “не следует ли начать?”, “не пристало ли начать повествование о походе Игоря?”. Такое понимание не бесспорно. Мы принимаем толкование, данное А. С. Пушкиным, согласно которому в начале памятника мы встречаем не вопросительное, а утвердительное предложение: “Неприлично было бы…”. Данное прочтение согласуется с пунктуацией текста в первом издании, где в конце первой фразы стоит восклицательный знак» [25].

Вышеприведенное прочтение первой фразы «Слова» А. С. Пушкиным, а вслед за ним – Н. А. Мещерским и А. А. Бурыкиным противостоит общепринятому, «ниспровергателем» которого выступает Р. Манн, но ему осталось неведома упомянутая интерпретация А. С. Пушкина и двух крупных русских лингвистов. Соответственно, разрушается вся гипотетическая конструкция аргументов Р. Манна. Если первая глава его работы именуется «Пропавший лист в начале “Слова о полку Игореве”» – весьма рекламно и амбициозно (что на деле оказалось шатко и безосновательно), то вторая глава звучит не менее хлестко: «Эпическая песнь или сочинения писателя?» [17]. Оказалось, что в данном случае аргументация Р. Манна опирается, прежде всего, на «самопризнание» автора «Слова» в тексте вступления к поэме. Вторая фраза «Слова» подхватывает вслед за первой мотив «начала»: *«Начати же ся тъи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню»*. Жанровое обозначение «песня» повторяется трижды во вступлении, причем дважды в отношении «песен Бояна». Р. Манн делает вывод, что «песнь» как жанр устного народного творчества и является характеристикой жанровой специфики «Слова»: «С самого начала “Слова” (дошедшего до нас текста) повествователь указывает на устную традицию, которая породила его песнь о полку Игореве. Когда он называет свое творчество «песнью», он употребляет этот термин в самом прямом смысле» [17, с. 6]. Речь, тем самым, идет о той устно-поэтической природе, которая составляет, по мнению Н. С. Демковой [9], специфику художественной природы текста «Слова». Эпитеты *«старый», «старые словеса»* Р. Манн относит к некоему устно-поэтическому прототексту, воспроизведенному автором «Слова» уже не в XII в., а в начале XIII в. Автор «Слова» уже не оригинальный поэт, а «повествователь», воспроизводящий или репродуцирующий уже существовавший ранее поэтический текст о походе Игоря, якобы бытовавший в устной традиции: «”Слово” – текст эпической песни, записанной через несколько десятилетий после неудачного похода 1185 г.» [17, с. 6]. Таков вывод Р. Манна. Больше того, эта эпическая песня, как считает американский ученый, продолжила свое существование, бытование в устной традиции и далее, вплоть до рубежа XVI в., когда отложилась в текстах Куликовского цикла. Да, – говорит

Р. Манн, – «Слово» – не поздняя подделка под Средневековье и даже не позднесредневековый текст, зависимый от памятников Куликовского цикла. «Слово» – ранняя, чудом дошедшая до нас фиксация устно-поэтического эпического текста, бытовавшего после похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Природа «Слова» – не авторская, литературная, а устно-народно-поэтическая [17]. Р. Манн – очередной «ниспровергатель» «Слова о полку Игореве» как авторского древнерусского текста, поэмы, – книжного эпоса, оригинального произведения литературы домонгольской Руси. Кстати сказать, некоторые западные слависты считают, что именно литературы в эпоху домонгольской Руси не существовало вообще. Поэтому вопрос о «Слове» как памятнике литературном имеет принципиальный характер, хотя произведений литературы в наследии Руси XI–XIII вв. и без «Слова» достаточно много.

Гипотезы Р. Манна требуют контрагрументов, и первый, связанный с предложенной А. С. Пушкиным и поддержанный крупными специалистами-лингвистами Н. А. Мещерским и А. А. Бурыкиным трактовкой первой фразы «Слова», приведен выше. Кроме того, в начале данной статьи говорилось о негативном отношении Д. С. Лихачева и большинства специалистов-медиевистов к слишком вольному отношению к базовому тексту «Слова» в публикации 1800 г., разного рода «поправкам», «перестановкам», которые Д. С. Лихачев называл «вивисекциями». К такого рода «улучшениям» текста «Слова» относится и «поправка» Р. Манна [17], к тому же ее аргументация не выдерживает критики. Давно замечено, что фраза *«старыми словесы»* в начале поэмы напрямую соотнесена с *«замышлением Бояна»* из второй фразы. Боян «Слова» – *«Велесов внуче»* – образ и воплощение этих самых *«старых словес»*. Как поэтической манеры древности, «старых слав» старым князьям. Поэтике вступления «Слова» посвящены многие работы ученых, но Р. Манн этих вопросов не касается вовсе, и понятно почему: для американского ученого понятие автор «Слова» не существует, есть только «повествователь». Рассуждая о «поправках» к вступлению «Слова», Р. Манн элиминирует де факто реально существующий текст вступления поэмы, он как бы «не видит», не замечает этот реальный текст, находясь под гипнозом своей априорной гипотезы [17].

Между тем существует другой реальный текст, и тоже поэмы, и тоже начала XIII в. (такова датировка Р. Манна существующего текста «Слова»). И этот текст также открывается вступлением, где автор называет себя (в отличие от «Слова»), также рассуждает о жанровой специфике своего текста: песнь, рассказ, поэма (в «Слове» – песнь, слово, повесть). Это поэма, широко известная в наследии мирового книжного авторского эпоса эпохи Высокого Средневековья начала XIII в., – «Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели [3], выдающийся старогрузинский литературный памятник, никогда не вызывавший каких бы то ни было сомнений и скептицизма. Никому никогда не могло в голову прийти считать «Витязя» произведением грузинского старинного фольклора, хотя **народность как достоинство поэмы** никогда не вызывало сомнений. Свадебная сюжетная тема «Витязя», как и «свадебная» образность в «Слове», заслуживает особого разговора и именно в связи со «свадебными» увлечениями в работах Р. Манна [17].

Итак, рассуждения о жанровой специфике или жанровых предпочтениях в начале текста произведения – дань древней, еще античной или раннесредневековой традиции (об этом писал И. П. Еремин [6]). Но это всегда касается авторских текстов и никогда – фольклорных, в которых рассуждения о жанре никогда не практиковались, невозможны, тем более, о веере жанров. Вступление в «Слове» открывается жанровым понятием «повесть» (в заглавии – «слово») и этим же понятием и завершается: *«Почнемъ же, братие, повесть сию…»*. В поэме Руставели, в ее вступлении находим жанровое определение «рассказ»: *«Но лишь тот отмечен светом, назовется тот поэтом, долгий кто пропел "рассказ"»*. Но примечательно, что Руставели, называя себя поэтом, употребляет словосочетание *«пропел рассказ». «Вот запел я, Руставели»,* – значит не более, чем сочиненные автором стихи, прочитанные нараспев. Понятие «песнь» многократно использована автором во вступлении, впрочем, как и в тексте поэмы: *«Песнь сложил я, Руставели, умирая от любви»*. Поэт адресует свой текст царице Тамар, поет ей свою песнь любви: *«Так поэт в поэме сложной ход направит бестревожный…»*. В финале Руставели, как и автор «Слова», использует слово «песнь», поет славу своим героям: *«Я певец села Рустави из Месхети песню славе здесь сложил и записал. Для грузинской я богини… песнь сложил, в ней повесть сжата, для царицы – жемчуга»*. То, что поэма Руставели – авторский, письменный (а не только произнесенный) текст, ясно из вступления: *«Как молитвой в светлом*

храме, восхвалю в стихах ее. Янтарем пишу я черным, тростником черчу узорным...». Как и у Руставели, «Слово» и написано, и предназначалось для произнесения вслух. В любом случае, оба текста весьма близки по поэтике, пронизаны неповторимым поэтическим колоритом своей эпохи – европейско-восточного Высокого Средневековья, колоритом аутентичным, а не искусственным, придуманным рациональным мышлением Нового времени. Так же соотносительны поэтика «Слова» и другой великой поэмы Высокого Средневековья – «Беовульфа» [30].

Соотнесение «Слова» с «Песнью о Роланде», великим книжным эпосом европейского Средневековья, исследованы в работах В. А. Дынник [5], соотнесение «Слова» с текстовыми эпизодами «Беовульфа», «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели, «Песни о Гильоме Оранжском», – в работах А. Н. Робинсона [23], В. Д. Кузьминой [11], Г. Ю. Филипповского [29]. Но американскому филологу Р. Манну все это, кажется, неведомо. Он увлечен навязчивой идеей фольклорной природы «Слова», хотя сама эта фольклорно-эпическая «подоснова» и все алгоритмы соотнесения с ней «Слова» выглядят весьма призрачно. Стремление приватизировать некую «тайну» отчетливо просматривается у Р. Манна, например, в его статье «Головинская» редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и ее значение для памятников Куликовского цикла», напечатанной в 63 томе «Трудов отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома [19]. На поверхности – заботы о рукописной и литературной традиции Куликовского цикла, но внутри – все мысли, умозаключения и гипотезы выстроены исключительно «в интересах» «Слова о полку Игореве». Похоже больше не на науку, а на некое «тайнознание», и этим «тайнознателем» выступает автор своих публикаций Р. Манн. Впрочем, такое «тайнознание» ни на йоту не продвигает реальное исследование текста «Слова».

Формулярная статья «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (Т. 3, с. 218) о Р. Манне как исследователе «Слова» отмечает его стабильный, давний интерес к участию или причастности устно-народно-поэтического или устно-легендарно-поэтического материала в сложении «Слова»: «Манн считает “Слово” устной эпической песней, возникшей на фоне многовековой эпической традиции». Возникает вопрос: а разве «многовековая эпическая традиция» непричастна к появлению на свет авторской поэмы Руставели? Или авторской поэмы Беовульф? Или авторской поэмы «Песнь о Роланде»? Или средневековой поэмы «Песнь о Гильоме Оранжском»? Конечно, «многовековая эпическая традиция» безусловно причастна и к появлению на свет авторской поэмы «Слово о полку Игореве». Но это не значит, что природа текста «Слова» имеет устно-поэтический характер.

Абсолютизация устно-поэтического начала как доминантного в сложении «Слова» пришла в работы Р. Манна из его наблюдений над материалами записей русского свадебного фольклора XIX–XX вв. Так возникли его статьи 1985 г. и 1986 г. в юбилейном сборнике Д. С. Лихачева к 800-летию Игорева похода [18]. Наблюдения весьма интересные, но … некорректные. Ибо, по мнению самого же Р. Манна, «Слово» – памятник начала XIII в., а никак не XIX–XX вв., а именно материалы записей фольклора, прежде всего, свадебного XIX–XX вв., автор привлекает и сопоставляет их с текстом «Слова» начала XIII в., что некорректно ни с научной, ни с какой другой точки зрения. Все это весьма любопытно, но не более того. И из приведенных параллелей еще ничего нельзя заключать. Однако отмеченные сближения и сходства так вдохновили американского ученого, что он начал масштабные сопоставления текста «Слова», например, с памятниками «Куликовского цикла» (что до него делали многие, включая А. Мазона, А. Зимина, и т. д.). Но Р. Манн настолько уверился в том, что нашел некие «ключи», некое «тайнознание», что остановить его весьма затруднительно. И что странно, в работах Р. Манна не найти ссылок ни на А. Мазона [31], А. Зимина [8], ни на работы по «устной истории» С. Н. Азбелева [1]. А ведь проблемами изучения «Слова» занимались и многие фольклористы, и специалисты, работавшие на стыке литературы и фольклора, например, В. П. Адрианова-Перетц [31. С. 38–40] или Д. С. Лихачев [14]. Но Р. Манн, как правило, мало прибегает к ссылкам-сноскам на работы других коллег, предпочитая развивать в одиночку свои «гениальные» прозрения.

Вместе с тем среди средневековых поэм XII–XIII вв. есть, например, «Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели, придворного казначея грузинской царицы Тамар, где основной сюжет эпической поэмы строится на свадебной теме, мотивах свадьбы или свадеб главных героев. И все это вовсе не значит, что устно-поэтические истоки определяют природу этого текста – авторского книжного эпоса, имеющего средневеково-христианскую философскую подоснову в виде ссылок и идей Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Как и в «Слове о полку Игореве», на первом плане – мотивы Света, победившего Тьму, в сущности, мотивы евангельские по своей природе (известные слова Христа из Евангелия от Иоанна). В «Слове» этот мотив определяет сюжетно-композиционную структуру текста поэмы, в «Витязе» уже говорилось о доминантном мотиве света: *«Где же свет, что тьму просветит? Пусть ваш разум мне ответит. Пусть венец чело отметит светлой дочери моей… Лик же солнца золотого, дочь твоя, светлей зари»* [3, с. 12]. Образы женщин – ведущие в «Витязе», впрочем, как и в «Слове» образ Ярославны – ключевой во многих отношениях, прежде всего, в сюжетно-композиционном. Поэтика названных средневеково-европейских памятников книжного эпоса во многом коррелятивна, и это обстоятельство является основополагающим, а не какие-то гипотетические устно-поэтические их предтечи, лучше сказать, метафорично-поэтические «базы данных» в предшествующих памятниках письменности и фольклора (о которых применительно к эпохе XII–XIII вв. мы можем только догадываться или гадать).

Все же хочется поддержать гипотезу Р. Манна в части времени создания «Слова» – около 1215 г.: аргументы ученого здесь представляются нам достаточно убедительными, тем более, что разные ученые (прежде всего, украинские – Н. Ф. Котляр, Б. И. Яценко) не только склонялись, но категорически датировали «Слово» не ранее начала XIII в. Однако подобная датировка возникновения «Слова» отнюдь не означает правоту гипотезы Р. Манна об устных истоках текста поэмы в XII в. и ее фиксации около 1215 г. Наша версия авторства «Слова» (автор – вел. кн. Константин Всеволодович Владимирский) связывает логику появления «Слова» с неудачным походом 1215 г. на половцев Владимира Всеволодовича, брата вел. кн. Константина, причем неудачный поход состоялся сразу после свадьбы молодого князя (что перекликается с мотивами свадьбы в «Слове о полку Игореве») [29]. Автор «Слова» Константин (по нашей версии) – книжник, писатель, эрудит, создал свою поэму в ретроспективном ключе, – так же, как были созданы и «Песнь о Роланде», и «Беовульф», и «Песнь о Гильоме Оранжском», и многие другие произведения книжного эпоса высокого европейского Средневековья.

На сегодняшний день, несмотря на предпринятые на Западе попытки блокировать изучение «Слова о полку Игореве» (и отголоски этих попыток в России), объективно проблемные исследования «Слова», особенно в части его литературной и лингвистической поэтики, продолжаются и приносят ощутимые результаты.

Библиографический список

1. Азбелев, С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли [Текст] / С. Н. Азбелев. – СПб., 2007.

2. Бахтин, М. М. Собрание сочинений в 5 т. [Текст] / М. М. Бахтин. М., 1997.

3. Витязь в барсовой шкуре [Текст] / Пер. К. Бальмонта. – СПб., 2010.

4. Гогешвили, А. А. Три источника «Слова о полку Игореве» [Текст] / А. А. Гогешвили. – М., 1999.

5. Дынник, В. А. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» [Текст] : сборник статей / В. А. Дынник // Старинная русская повесть. – М. ; Л., 1941. С. 48–64.

6. Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики [Текст] / И. П. Еремин. – Л., 1966. – С. 144–163.

7. Зализняк, А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста [Текст] / А. А. Зализняк. – М., 2004.

8. Зимин, А. А. Слово о полку Игореве [Текст] / А. А. Зимин. – СПб., 2006.

9. К 800-летию «Слова о полку Игореве»: достижения, проблемы и нерешенные задачи [Текст] // Вопросы литературы. – 1985. – № 9. – С. 140–181.

10. Козлов, В. П. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в [Текст] / А. И. Кружок, В. П. Козлов. – М., 1988.

11. Кузьмина, В. Д. «Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы [Текст] : сборник статей / В. Д. Кузьмина // Слово о полку Игореве. – М., 1947. – С. 7–42.

12. Лапицкий, И. П. «Слово о полку Игореве» в оценке А. С. Пушкина [Текст] : сборник статей / И. П. Лапицкий // Слово о полку Игореве. – М. ; Л., 1950. – С. 255–282.

13. Лихачев, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени [Текст] / Д. С. Лихачев. – Л., 1985.

14. Лихачев, Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. ; Л., 1950. – С. 53–92.

15. Лихачев, Д. С. Возникновение русской литературы [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. ; Л., 1952.

16. Лотман, Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX вв. [Текст] / Ю. М. Лотман // «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. – М. ; Л., 1962. – С. 330–405.

17. Манн, Р. «Песнь о полку Игореве». Новые открытия [Текст] / Р. Манн. – М., 2009.

18. Манн, Р. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» [Текст] : сборник статей / Р. Манн ; под ред. Д. С. Лихачева// Слово о полку Игореве. – Л., 1986. – С. 129–137.

19. Манн, Р. «Головинская» редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и ее значения для памятников Куликовского цикла» [Текст] / Р. Манн // ТОДРЛ. Т. 63. – СПб., 2014. – С. 278–304.

20. Николаева, Т. М. Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве» [Текст] : сборник статей / Т. М. Николаева // «Слово о полку Игореве»: комплексные исследования. – М., 1988. – С. 103–124.

21. Панченко, А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии XX в. [Текст] / А. М. Панченко, И. П. Смирнов // ТОДРЛ. Т. 26. – Л., 1971. – С. 33–43.

22. Перетц, В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве» [Текст] / В. Н. Перетц. –Л.,1926.

23. Робинсон, А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. [Текст] / А. Н. Робинсон. – М., 1980.

24. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов [Текст] / АН СССР. – М., 1958. – С. 25–44.

25. Слово о полку Игореве. Статьи и комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина [Текст]. Л., 1985. – (Библиотека поэта).

26. Словарь-справочник «Слово о полку Игореве»: в 6 т. [Текст] / сост. и ред. В. Л. Виноградова. – М. ; Л., 1965–1984.

27. Соколова, Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» [Текст] / // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. – С. 7–46.

28. Сырцова, Е. Н. Философско-мировоззренческие коннотации поэтики «Слова о полку Игореве» [Текст] : сборник статей / Е. Н. Сырцова // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. – Киев, 1990. – С. 41–46.

29. Филипповский, Г. Ю. Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве» [Текст] / Г. Ю. Филипповский. – Ярославль, 2014.

30. Филипповский, Г. Ю. Поэтика литературы Средневековья: «Беовульф» и «Слово о полку Игореве» [Текст] / Г. Ю. Филипповский // Культура. Литература. Язык. Материалы международной конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль, 2013. – С. 194–201.

31. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. [Текст] / Отв. ред. О. В. Творогов, Д. С. Лихачев. – СПб, 1995.

32. Keenan, E. L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor`s Tale. Cambridge (M), 2003.

33. Mann R. The Igor Tales and their folkloric background. Karacharovo, 2005.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Azbelev, S. N. Ustnaja istorija v pamjatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli [Tekst] / S. N. Azbelev. – SPb., 2007.

2. Bahtin, M. M. Sobranie sochinenij v 5 t. [Tekst] / M. M. Bahtin. M., 1997.

3. Vitjaz' v barsovoj shkure [Tekst] / Per. K. Bal'monta. – SPb., 2010.

4. Gogeshvili, A. A. Tri istochnika «Slova o polku Igoreve» [Tekst] / A. A. Gogeshvili. – M., 1999.

5. Dynnik, V. A. «Slovo o polku Igoreve» i «Pesn' o Rolande» [Tekst] : sbornik statej / V. A. Dynnik // Starinnaja russkaja povest'. – M. ; L., 1941. S. 48–64.

6. Eremin I. P. Literatura Drevnej Rusi. Jetjudy i harakteristiki [Tekst] / I. P. Eremin. – L., 1966. – S. 144–163.

7. Zaliznjak, A. A. «Slovo o polku Igoreve»: vzgljad lingvista [Tekst] / A. A. Zaliznjak. – M., 2004.

8. Zimin, A. A. Slovo o polku Igoreve [Tekst] / A. A. Zimin. – SPb., 2006.

9. K 800-letiju «Slova o polku Igoreve»: dostizhenija, problemy i nereshennye zadachi [Tekst] // Voprosy literatury. – 1985. – № 9. – S. 140–181.

10. Kozlov, V. P. Musina-Pushkina i «Slovo o polku Igoreve». Novye stranicy istorii drevnerusskoj pojemy v XVIII v [Tekst] / A. I. Kruzhok, V. P. Kozlov. – M., 1988.

11. Kuz'mina, V. D. «Slovo o polku Igo-reve» kak pamjatnik mirovoj literatury [Tekst] : sbornik statej / V. D. Kuz'mina // Slovo o polku Igoreve. – M., 1947. – S. 7–42.

12. Lapickij, I. P. «Slovo o polku Igore-ve» v ocenke A. S. Pushkina [Tekst] : sbornik statej / I. P. Lapickij // Slovo o polku Igoreve. – M. ; L., 1950. – S. 255–282.

13. Lihachev, D. S. «Slovo o polku Igore-ve» i kul'tura ego vremeni [Tekst] / D. S. Lihachev. – L., 1985.

14. Lihachev, D. S. Ustnye istoki hudozhestvennoj sistemy «Slova o polku Igoreve» [Tekst] / D. S. Lihachev. – M. ; L., 1950. – S. 53–92.

15. Lihachev, D. S. Vozniknovenie russkoj literatury [Tekst] / D. S. Lihachev. – M. ; L., 1952.

16. Lotman, Ju. M. «Slovo o polku Igo-reve» i literaturnaja tradicija XVIII – nachala XIX vv. [Tekst] / Ju. M. Lotman // «Slovo o polku Igoreve» – pamjatnik XII veka. – M. ; L., 1962. – S. 330–405.

17. Mann, R. «Pesn' o polku Igoreve». Novye otkrytija [Tekst] / R. Mann. – M., 2009.

18. Mann, R. Zametki k tekstu «Slova o polku Igoreve» [Tekst] : sbornik statej / R. Mann ; pod red. D. S. Lihacheva// Slovo o polku Igoreve. – L., 1986. – S. 129–137.

19. Mann, R. «Golovinskaja» redakcija «Skazanija o Mamaevom poboishhe» i ee znachenija dlja pamjatnikov Kulikovskogo cikla» [Tekst] / R. Mann // TODRL. T. 63. – SPb., 2014. – S. 278–304.

20. Nikolaeva, T. M. Funkcional'no-smyslovaja struktura antitez i povtorov v «Slove o polku Igoreve» [Tekst] : sbornik statej / T. M. Nikolaeva // «Slovo o polku Igoreve»: kompleksnye issledovanija. – M., 1988. – S. 103–124.

21. Panchenko, A. M., Smirnov I. P. Metaforicheskie arhetipy v russkoj srednevekovoj slovesnosti i v pojezii XX v. [Tekst] / A. M. Panchenko, I. P. Smirnov // TODRL. T. 26. – L., 1971. – S. 33–43.

22. Peretc, V. N. K izucheniju «Slova o polku Igoreve» [Tekst] / V. N. Peretc. –L.,1926.

23. Robinson, A. N. Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe Srednevekov'ja XI–XIII vv. [Tekst] / A. N. Robinson. – M., 1980.

24. Sbornik otvetov na voprosy po literaturovedeniju. IV Mezhdunarodnyj sezd slavistov [Tekst] / AN SSSR. – M., 1958. – S. 25–44.

25. Slovo o polku Igoreve. Stat'i i kommentarii N. A. Meshherskogo i A. A. Burykina [Tekst]. L., 1985. – (Biblioteka pojeta).

26. Slovar'-spravochnik «Slovo o polku Igoreve»: v 6 t. [Tekst] / sost. i red. V. L. Vinogradova. – M. ; L., 1965–1984.

27. Sokolova, L. V. Svjatoslav Vsevolodovich Kievskij i ego «zlato slovo» v «Slove o polku Igoreve» [Tekst] / // TODRL. T. 52. SPb., 2001. – S. 7–46.

28. Syrcova, E. N. Filosofsko-mirovozzrencheskie konnotacii pojetiki «Slova o polku Igoreve» [Tekst] : sbornik statej / E. N. Syrcova // «Slovo o polku Igoreve» i mirovozzrenie ego jepohi. – Kiev, 1990. – S. 41–46.

29. Filippovskij, G. Ju. Srednevekovaja identichnost' «Slova o polku Igoreve» [Tekst] / G. Ju. Filippovskij. – Jaroslavl', 2014.

30. Filippovskij, G. Ju. Pojetika literatury Srednevekov'ja: «Beovul'f» i «Slovo o polku Igoreve» [Tekst] / G. Ju. Filippovskij // Kul'tura. Literatura. Jazyk. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». – Jaroslavl', 2013. – S. 194–201.

31. Jenciklopedija «Slova o polku Igore-ve»: v 5 t. [Tekst] / Otv. red. O. V. Tvorogov, D. S. Lihachev. – SPb, 1995.

32. Keenan, E. L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor`s Tale. Cambridge (M), 2003.

33. Mann R. The Igor Tales and their folkloric background. Karacharovo, 2005.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.06.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 82-0

Н. К. Шутая

Роль хронотопа «присутственное место» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

В статье рассмотрен пример реализации хронотопа «присутственное место» в романе Достоевского «Преступление и наказание» и выявлены возможности данного хронотопа для раскрытия характеров и психологической мотивации поступков героев литературного произведения.

Ключевые слова: русский роман, Ф. М. Достоевский, хронотоп, сюжетная схема.

N. K. Shutaya

The role of chronotope «public office» in F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment»

The article describes an example of implementing the chronotope "public office" in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and reveals the possibilities of this chronotope for the understanding of the characters and psychological motivation of their actions in literary works.

Keywords: Russian novel, Fyodor Dostoyevsky, chronotope, plot scheme.

М. М. Бахтин, введя понятие хронотопа, рассматривал данные образы-символы как «организационные центры основных сюжетных событий романа», в которых «завязываются и развязываются сюжетные узлы», и тем самым указал место хронотопа в системе поэтики романа [1, с. 398].

Необходимо подчеркнуть, что хронотоп как тип повествования и литературно-художественный метод имеет определенные художественные функции, определяемые его высокими изобразительными возможностями, благодаря которым время в хронотопе приобретает «чувственно-наглядный характер; сюжетные события <...> конкретизуются, обрастают плотью, наполняются кровью» [1, с. 398].

М. М. Бахтин выделил и описал в своем исследовании определенные типы хронотопов («Дорога», «Замок», «Гостиная-салон», «Провинциальный городок», «Порог» и др.), тем самым пунктирно очертив сферу использования хронотопа в романе. Наряду с выделенными М. М. Бахтиным типами хронотопов можно указать и другие типы, характерные для определенных жанров романа (напомним, что М. М. Бахтин прямо связал жанр и жанровые разновидности именно с хронотопом).

Не будет ошибкой сказать, что в отечественном литературоведении уже сформировалась традиция выявления и описания таких типов хронотопов. Особый интерес представляют подходы, в рамках которых исследуются возможности хронотопа в раскрытии характеров и психологии героев. Так, А. Я. Гуревич, исследуя пространственно-временной континуум «Песни о Нибелунгах», пришел к заключению, что из героев этого произведения тесно спаян с собственным хронотопом таким образом, что через сопоставление, столкновение различных хронотопов выражается основной конфликт героев [2, с. 120]. В этом мы видим развитие идеи Бахтина о том, что «хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [1, с. 234].

И. Силантьев обнаружил определенную функциональную близость хронотопа к мотиву, сама структура которого предполагает «семантическое насыщение признаками пространства и времени, – в той мере, в которой представляющие данный мотив события актуализируют эти признаки в конкретных фабульных поворотах и сюжетных ситуациях» [3, с. 84]. Выявляя пространственно-временные признаки определенного мотивного действия, в частности мотива встречи, исследователь отмечает связь хронотопов, входящих в семантическую орбиту мотива встречи, с идей движения и выделяет различные виды топосов [Там же].

© Шутая Н. К., 2015

Вышеупомянутые подходы позволили нам выделить и описать устойчивый тип хронотопа «присутственное место». Как показал анализ эталонных произведений русской классики, данный хронотоп имеет не только устойчивые пространственные и временные характеристики, но и устойчивые и сюжетные функции, которые воспроизводятся в разных романах на протяжении длительного исторического периода [5].

Было установлено, что данный хронотоп порождает развертывание одной и той же сюжетной схемы, представляющей собой не что иное, как реализацию функций сюжетного мотива, который можно назвать: «Победитель и его Сообщники глумятся и торжествуют над Жертвой в присутственном месте». В обоих случаях данный мотив с необходимостью порождает следующую последовательность мотивов: «Глумление усиливается»; «Поведение Жертвы под влиянием усилившегося глумления изменяется» и «Победитель испытывает огорчение (раскаяние, жалость) и отходит от Сообщников».

Глубокую связь между выразительными возможностями хронотопа «присутственное место» и реализацией описанной сюжетной схемы можно обнаружить и в романах Достоевского, в частности в романе «Преступление и наказание», к тексту которого мы и обратимся.

В главе первой части второй романа описывается визит Раскольникова в конторы квартального надзирателя. Он вызван туда повесткой. *«Лестница была узенькая, крутая и вся в помоях. <…> Вверх и вниз всходили и сходили дворники с книжками под мышкой, хожалые и разный люд обоего пола – посетители. <…> Все крошечные и низенькие были комнаты. <…> Никто не замечал его. Во второй комнате сидели и писали какие-то писцы <…>»* [3, с. 75]. Перед нами типичный хронотоп присутственного места: все пространственно-временные характеристики выражают неуютность помещения, безликость и отчужденность людей, механистичность и бессмысленность совершаемых ими действий с бумагами.

Раскольников переходит в комнату письмоводителя, там ему снова приходится ждать в обстановке той же казенной отчужденности, после чего у него происходит перепалка с «горячим поручиком» Ильей Петровичем, помощником квартального надзирателя. Илья Петрович открыто оскорбляет посетителей, пользуясь их бесправностью и своей безнаказанностью, нападает он и на Раскольникова, тот пытается не оставаться в долгу, но остается глубоко подавленным всей обстановкой присутственного места. Входит квартальный надзиратель Никодим Фомич и, слыша крики помощника, добродушно защищает его, становясь таким образом на его сторону, выражая солидарность со своим подчиненным, хотя он и не прав: *«Известно, порох, не мог обиды перенести. Вы чем-нибудь, верно, против него обиделись и сами не удержались, <…> но это вы напрасно: на-и-бла-га-а-ар-роднейший, я вам скажу, человек, но порох, порох! Вспылил, вскипел, сгорел – и нет! И все прошло! И в результате одно только золото сердца! Его и в полку прозвали: «поручик-порох»...»* [3, с. 80].

Раскольников, уже поняв, что вызов в контору никак не связан с убийством процентщицы, внутренне ликует и вновь вступает в разговор, порываясь рассказать о своей умершей невесте, но Илья Петрович его дважды грубо обрывает. *«Все эти чувствительные подробности, милостисдарь, до нас не касаются, – нагло отрезал Илья Петрович, – вы должны дать отзыв и обязательство, а что вы там изволили быть влюблены и все эти трагические места, до этого нам совсем дела нет».* И тут происходит неожиданная перемена в квартальном надзирателе: *«Ну уж ты... жестоко... – пробормотал Никодим Фомич, усаживаясь к столу и тоже принимаясь подписывать. Ему как-то стыдно стало»* [3, с. 81].

Как видим, и здесь соблюдена выявленная нами схема развития взаимоотношений между *гонителями* и *жертвой* в хронотопе присутственного места, и здесь среди *гонителей* находится как минимум один (не считая письмоводителя, сразу показазавшегося Раскольникову довольно интеллигентным человеком), которому «как-то стыдно стало».

Еще один пример из «Преступления и наказания», подтверждающий регулярность использования данной схемы в русском классическом романе. В главе пятой части четвертой романа Раскольников приходит в отделение пристава следственных дел. Здесь в роли присутственного места выступает кабинет Порфирия Петровича. Это *«комната ни большая, ни маленькая; стояли в ней: большой письменный стол перед диваном, обитым клеенкой, бюро, шкаф в углу и несколько стульев все казенной мебели, из желтого отполированного дерева. В углу, в задней стене, или, лучше сказать, в перегородке, была запертая дверь: там далее, за перегородкой, должны были, стало быть, находиться еще какие-то ком-*

наты». Из данного описания возникает образ безликого казенного помещения. Хронотопичность описания выражается в том, что пространственные характеристики помещения переплетены с временными: перед тем как войти в кабинет следователя, Раскольникову приходится долго ждать: «*Он даже удивился тому, как долго не принимали его: прошло, по крайней мере, десять минут, пока его позвали. А по его расчету, должны бы были, кажется, так сразу на него и наброситься. Между тем он стоял в приемной, а мимо него ходили и проходили люди, которым, по-видимому, никакого до него не было дела. В следующей комнате, похожей на канцелярию, сидело и писало несколько писцов, и очевидно было, что никто из них даже понятия не имел: кто и что такое Раскольников? Беспокойным и подозрительным взглядом следил он кругом себя, высматривая: нет ли около него хоть какого-нибудь конвойного, какого-нибудь таинственного взгляда, назначенного его стеречь, чтоб он куда не ушел? Но ничего подобного не было: он видел только одни канцелярские, мелкоозабоченные лица, потом еще каких-то людей, и никому-то не было до него никакой надобности: хоть иди он сейчас же на все четыре стороны»* [3, с. 254].

Таким образом, мы видим здесь типичные признаки хронотопа присутственного места: казенность помещения, множество чиновников, занятых непонятной канцелярской деятельностью, которым нет дела до живого человека, ощущение скуки, тоски, томительного ожидания своей участи.

Наконец Раскольников входит в кабинет Порфирия Петровича. Их продолжительный диалог носит напряженный характер, Раскольников чувствует себя прижатым к стенке. Порфирий Петрович старается спровоцировать его на решительное признание своей вины. Психологический поединок между следователем и преступником продолжается, доставляя невыносимые страдания Раскольникову и доводя его до исступления. Психологические приемы, применяемые следователем, оборачиваются изощренным издевательством над подозреваемым. Раскольников срывается и почти выдает себя. Но неожиданно допрос прерывается «странным происшествием», которого не ожидали ни Порфирий Петрович, ни Раскольников, – признанием Николая в якобы совершенном им убийстве. Раскольников уходит. Неожиданно к нему в комнату является *«вчерашний человека из-под земли»* – мещанин, который подстерег его на улице и обвинил в убийстве. Он кается в *«злобных мыслях»* и в том, что оговорил Раскольникова, поведение которого показалось ему подозрительным. Как выясняется, во время допроса, который учинил Раскольникову Порфирий Петрович, он сидел за перегородкой, в смежной комнате, и все слышал. Еще вчера, да и сегодня утром, направляясь к Порфирию, он имел твердое намерение свидетельствовать против Раскольникова – даже не потому, что был уверен в его виновности, а потому что ему *«обидно стало»*, что Раскольникова *«втуне оставили»*, не привлекли к следствию. Им двигало не чувство справедливости и даже не стремление к наказанию виновного, а *«злобные мысли»*, жестокое желание почувствовать свою причастность к карательной машине, ощутить власть над человеком. Однако, понаблюдав из задней комнаты (в буквальном смысле, *с изнанки*) за тем, как действует эта машина на живого человека, как она *«истязает»,* он не только оставляет свое жестокое намерение, но и чувствует потребность в покаянии.

Задумаемся: почему последовательность одних и тех же мотивов реализуется в разных произведениях с такой предзаданной необходимостью, что позволяет говорить именно не о простой последовательности мотивов, а о наличии сюжетной схемы с достаточно жесткой внутренней взамосвязанностью следующих друг за другом мотивов?

Ответ на этот вопрос находится в прямой связи со свойствами хронотопа «присутственное место». Именно хронотоп задает такие условия для развертывающихся в нем человеческих взаимоотношений, в которых у людей притупляется способность воспринимать страдание и боль другого человека, поэтому степень торжества *гонителя* становится несоразмерной степени страдания *жертвы*, и в результате первый не только не испытывает удовлетворения от своего торжества, но в конечном счете, после пробуждения у него способности к сочувствию, испытывает разочарование и раскаяние.

Таким образом, анализ хронотопа «присутственное место» способствует более глубокому раскрытию характеров и психологической мотивации поступков героев литературного произведения.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

2. Гуревич, А. Я. Пространственно-временной континуум в «Песни о Нибелунгах» [Текст] / А. Я. Гуревич // Традиция в истории культуры. – М. : Наука, 1978. – С. 112–127.

3. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание [Текст] / Ф. М. Достоевский // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Т.6. – Л. : Наука, 1973.

4. Силантьев, И. Поэтика мотива [Текст] / И. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

5. Шутая, Н. К. Сюжетные возможности хронотопа «Присутственное место» и их использование в произведениях классической русской литературе Х1Х в. (на примере прозаических произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого) [Текст] / Н. К. Шутая // Вестник Московского университета. – 2005. – № 5. – С. 64–75. – (Филология).

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Bahtin, M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj pojetike [Tekst] // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – S.234–407.

2. Gurevich, A. Ja. Prostranstvenno-vremennoj kontinuum v «Pesni o Nibelungah» [Tekst] / A. Ja. Gurevich // Tradicija v istorii kul'tury. – M. : Nauka, 1978. – S. 112–127.

3. Dostoevskij, F. M. Prestuplenie i nakazanie [Tekst] / F. M. Dostoevskij // F. M. Dostoevskij. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – T.6. – L. : Nauka, 1973.

4. Silant'ev, I. Pojetika motiva [Tekst] / I. Silant'ev. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 296 s.

5. Shutaja, N. K. Sjuzhetnye vozmozhnosti hronotopa «Prisutstvennoe mesto» i ih ispol'zovanie v proizvedenijah klassicheskoj russkoj literature H1H v. (na primere prozaicheskih proizvedenij A. S. Pushkina, N. V. Gogolja i L. N. Tolstogo) [Tekst] / N. K. Shutaja // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2005. – № 5. – S. 64–75. – (Filologija).

Дата поступления статьи в редакцию: 01.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:316.33/.35; 008:316.42

Т. С. Злотникова

Живая власть: от ненависти до любви

Выполнено по гранту РНФ № 14-18-01833

В данной статье анализируется культурологическое понимание власти в России как значимого объекта восприятия и понимания, показан диапазон отношений творческих личностей разных эпох к власти в России. Власть показана в интерпретации классиков русской литературы (Пушкин, Островский) как социально-нравственный феномен. Впервые выявлены особенности интерпретации представителей советской власти в телевизионной продукции начала нынешнего века (неигровые и игровые сериалы о Хрущеве, Сталине, Брежневе, Фурцевой), где господствуют идиллические, «теплые» интонации.

Ключевые слова. Власть, Россия, искусство, классика, телевидение, социально-нравственный феномен, Пушкин, Островский, Годунов, Хрущев, Сталин, Брежнев, Фурцева.

CULTURAL SCIENCE

T. S. Zlotnikova

Live power: from hatred to love

The article analyzes cultural understanding of power in Russia as a significant object of perception and understanding and shows the attitude of creative personalities from different periods to power in Russia. The authority is shown in the interpretation of the classics of Russian literature (Pushkin, Ostrovsky) as a social and moral phenomenon. For the first time, the author identifies the peculiarities of interpreting representatives of Soviet power in television production at the beginning of the current century (documentary and feature series about Khrushchev, Stalin, Brezhnev, Furtseva), dominated by idyllic, warm tone.

Keywords: authority, Russia, art, classic, television, social and moral phenomenon, Pushkin, Ostrovsky, Godunov, Khrushchev, Stalin, Brezhnev, Furtseva.

Власть для России почти никогда не воспринимается как функциональная или институциональная проблема; власть в России – это значимый объект восприятия и понимания, ненависти, любви и презрения; это субъект, с которым обыденная личность (частный человек, гражданин, житель, подданный) вступает едва ли не в интимную связь, пусть видит властителя только на портрете в газете или по телевидению. Власть для России – это предмет постоянного интереса множества творцов, которые осознанно или бессознательно апеллируют к людям и ситуациям, эмоционально «присваемым» и страстно переживаемым. Именно на таком подходе основана наша статья, где анализируется диапазон отношения творческих личностей разных эпох к власти в России и развиваются идеи, высказанные в прежних публикациях [3].

Традиционная для отечественной культуры, для национального самосознания бинарность (социокультурная и социально-психологическая оппозиция) видится нам следующей: с одной стороны, отношение к истории как актуальной политической проблеме (Пушкин, «Борис Годунов», 1825 год, прозорливость рефлексии над проблемой неправедной власти, странностей ее

© Злотникова Т. С., 2015

обретения и ужасов обладания ею); с другой стороны, отношение к политике, недавним коллизиям, еще помнящимся реальным людям, как к далекой истории, которую последовательно и темпераментно трансформируют, подвергают мифологизации, словно находя в этом утешение в связи с невзгодами и несчастьями, которых, может быть, и не было, как, возможно, не было убийства царевича Димитрия (телевизионная продукция, наполненная «утепленными» образами первых лиц отечественной власти 1950–1980-х гг.). Именно об этих сторонах названной бинарности пойдет речь ниже.

1. Власть в России: интерпретация классиков

Существенной особенностью изучаемых нами явлений следует считать то, что являющаяся по сути дела вечной проблема власти в ее социально-историческом аспекте, связанном с преемственностью, наследованием, борьбой за обладание, нарушением этических норм и формированием новых принципов межличностной коммуникации, новых гендерных проявлений, – это удел стран «старого света» с их войнами, мифами, династиями. Удел же России – это проживание неприятия, раздражения, ненависти и к власти как внеличностной сфере социума, и к любому конкретному человеку как носителю власти, от царя до городового, от губернатора до дворника.

Особенно характерным для России представляется властный модус, актуализирующий дистанцированное соотношение творца и власти не только в случае, когда власть детерминирует в том или ином варианте жизнь творца, но и в том случае, когда *творец интерпретирует действия, да и само существование власти*. Так, весьма показательным и значимым становится изучение представлений о власти как системе и о власти как воплощении личностных, причем ярко выраженных в негативном плане интенций в произведениях искусства [5], в разного рода сферах культуры, например, в СМИ [4].

Итак, мы рассматриваем власть как объект интерпретации (художественной рефлексии) русскими классиками.

Привычной в XX веке для научных и публицистических высказываний стала констатация оппозиции «власть / личность», органично трансформирующейся в оппозицию «власть / творческая личность». Причем для России этот ракурс имеет исторически удаленные корни – в размышлениях Г. В. Плеханова о «государственных музах», сам факт присвоения которых властью низводит творцов на недостойный уровень [8]. В XX же веке понятие «власть» достаточно вольно и при этом чрезвычайно темпераментно идентифицируется с понятиями «государство» (что возможно) и «тоталитаризм» (что понятно, но достаточно ограниченно очерчивает научный горизонт). Таковые были филиппики Ж. Маритена [6], В. Набокова [7], не говоря уже о «горестных заметах» Н.Бердяева, противопоставлявшего мощь власти / государства и силу личности / творца [2].

Власть как субъект воздействия и объект анализа русских творцов воплощена в художественной практике весьма разнообразно. Так, аспект историко-политический представлен в драматических сочинениях – у А. С. Пушкина, а также у следовавших за ним либо полемизировавших с ним авторов, например, А. К. Толстого или А. Н. Островского. (Добавим, оставляя пока в стороне эту часть произведений: аспект социально-нравственный представлен у русских сатириков, начиная с Я. Капниста и Д. И. Фонвизина и имея продолжение у А. В. Сухово-Кобылина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, достигая апогея у Н. В. Гоголя). Аспект, который мы бы назвали подсознательным, психолого-психиатрическим, поскольку он связан с образной актуализаций абсурдности жизни как бытия в социуме, представлен работами как упомянутых классических авторов-сатириков, так и авторов XX в., в частности, постмодернистов, таких как В. Пелевин, Н. Коляда. Причем у последних власть настолько размыта, деперсонализирована, что анализ их образной структуры следует предпринимать отдельно.

В дневнике 1831 г. Пушкин полусерьезно-полуиронически заметил: «Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими отношениями с государем» [9: Т.8, с. 23]. К финалу пушкинской драмы Борис Годунов остается только венценосцем в самом прямом и узком смысле: человеком, которому сейчас принадлежит власть (уже не престол и не государство). Для народа он сейчас не повелитель и не герой. По-человечески этот несчастный и гибнущий у всех на глазах царь вызывает те же чувства, что и обиженный Богом юродивый: сочувствие (в обоих случаях более или менее по обязанности), любопытство (искреннее) и чуть брезгливый страх.

В «Борисе Годунове» *власть* определяет помыслы многих героев. Жаждой власти одержимы, кроме уже царствующего Бориса, и Самозванец, и Шуйский, и Марина (она из носитель-

ницы любовной интриги, какой ее ожидали увидеть современники Пушкина, превращается в еще одну, и значительную, вариацию темы властолюбия), и Басманов (ради власти он решается пренебречь бедствиями народа). В. Г. Белинский очень точно отметил размах и многозначность решения этой темы в «Борисе Годунове»: «Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – властолюбие... Ни одна страсть не стоила человечеству столько страданий и крови, сколько властолюбие» [1, с. 577].

По сей день явно не устарело политически зрелое мнение В. Г. Белинского, расходившегося с Пушкиным по очень многим вопросам в связи с историей, но совпавшего с ним в связи с пониманием «суда» истории. Белинский писал: «Суд истории должен быть осторожен и беспристрастен, как суд присяжных по уголовным делам» [1, с. 575]. Как видим, Белинский не приравнивает буквально суд истории к уголовному суду, и в этом он близок Пушкину, категорически заявлявшему: «*уголовная палата* не судит мертвых царей по существующим ныне законам. Судит их история, ибо на царей и на мертвых нет иного суда» [9: Т. 7, с. 571].

Сегодня кажется странным то, как Годунов, пришедший в драме Пушкина в смятение при известии о «воскресении» Димитрия, пытается защититься мыслью о прочности принятой им власти «царей надежных, назначенных, избранных всенародно».

На самом деле, здесь нет странности, все оправдано и исторически, и политически. У Пушкина слова о всенародном избрании в устах узурпатора звучат не столько апелляцией к справедливости «мнения народного», сколько привычной ссылкой, ставшей застывшей формулой, привычным же атрибутом самодержавия. Политическая интерпретация истории осложняется психологическими мотивировками, что и сегодня придает актуальное звучание классическим произведениям о судьбе власти в России.

Особенно ярко политическая отчетливость взгляда Пушкина на психологию власти становится видна рядом с пьесами А. Н. Островского «Царь Димитрий Самозванец и Василий Шуйский» и А. К. Толстого «Царь Борис». Хронику Островского заключает наивно-верноподданическое восклицание Голицына:
«На трон свободный / Садится лишь избранник всенародный».

Почти буквальное повторение пушкинских слов – «избранник всенародный» – подчеркивает глубокое различие в существе этих реплик. Если у Пушкина эту фразу произносил царь-узурпатор, защищавшийся от возможных обвинений, то у Островского это говорит человек, мужественно и яростно сражавшийся с Самозванцем, желающий счастья своему народу. Не по хронологическим, но по политическим признакам Островский явно шел позади Пушкина: он признавал власть истинной при условии ее всеобщего признания / избрания.

Отличается, причем существенно, от пушкинского отношение к власти у А. К. Толстого. По Пушкину, Годунов мог стать царем только и именно потому, что соответствовал принятым психологическим, нравственным, политическим «стандартам». По Толстому, доброкачественный человеческий «материал» в Борисе погубила власть, попавшая к нему в руки.

У Толстого, по сути дела, рассматривается абстрактная власть над «некоей» страной и ее населением, а не конкретная (самодержавная) – над «убогой и обильной» Россией. Перенесение акцента с политических на моральные проблемы снимает у Толстого звучание проблемы *самовластия*, ставит фигуру царя на мученические котурны, которые некоторые критики-современники (в частности, и очень настойчиво – Д. Аверкиев) пытались приписать и пушкинскому Борису.

У Пушкина и у А. К. Толстого (по вполне понятным причинам, диктуемым замыслом его трилогии о трех последовательно правивших Россией царях) пьеса названа именем Годунова. У всех остальных авторов, начиная с первого, незавершенного опыта решения этой темы в пьесе Лопе де Вега «Великий князь Московский», с пьесы Шиллера и кончая пьесами Н. Чаева и А. Суворина, завершавшими XIX в., в центре был Димитрий Самозванец.

Таким образом, прозорливость и объемность пушкинского подхода к власти опередила и свое время, и произведения более поздних авторов. Недаром Пушкин обнаружил, что именно «тихое» самозванство, без выстрелов и криков толпы, гораздо более свойственно русской истории, нежели громогласное и этим эффектное. Даже в письме Бенкендорфу он писал: «Все смуты похожи одна на другую» [9: Т.10, с. 807]. Письмо от 16 апреля 1830 г. написано по-французски, дословно так: «Tous les trubles se ressemblement» [Там же, с. 281].

Отказавшись от внешних эффектов, Пушкин глазами человека более поздней эпохи увидел опасность самозванства, в понимание которого

вложил особенно глубокий смысл. Это и наследная власть, но до срока захваченная; это и узурпирование власти, когда некто оказывается на троне без потрясения основ его и без вовлечения в действие народных масс. Пушкин увидел опасность такого «тихого» самозванства, которое подготавливалось Годуновым в течение царствования двух прежних государей.

Русская классическая драма дала художественное воплощение сарказма, в частности, в версии Салтыкова-Щедрина, заметившего, что «потребность самооплевания есть очень живая и притом законная потребность», которая, к ужасу нормального человека, «могла доходить до наслаждения своим безобразием и до привлечения к такому же наслаждению совершенно посторонних» [10, с. 123]. Такая «потребность самооплевания» реализована в известной парадигме взаимодействия обывателя с государственной системой России: с одной стороны, в версии пушкинского «Бориса Годунова» («живая власть для черни ненавистна»), когда человек презирает любое персонифицированное воплощение власти и одновременно боится его; с другой стороны, в версии Сухово-Кобылина, когда государственная машина доводит маленького человека до исступления, в котором тот рождает идею проверить «всех лиц» – «не оборачивались ли» – и в бреду видит вокруг себя диких зверей.

2. Власть в России: интерпретация начала XXI века

Любить власть в ее персонифицированном выражении для России – нонсенс. Самозванцы и убийцы всходили на троны и трибуны многих стран, но только в России доблестью почиталось противостояние власти как таковой. В. Жуковскому «прощали» его службу в качестве наставника наследника престола, видя в этом едва ли не позор для поэта; Екатерине же II не забывали «поставить в вину» ее амурные похождения, которые должны были негативно уравновесить доблести покровительницы наук и искусств.

Отечественные СМИ, с одной стороны, откликаясь на ожидания публики, с другой же стороны, откликаясь на «социальный заказ» самой власти, попытались в начале нового века и в новых политических условиях преломить представления о властителях советского периода через призму «теплоты», «человечности», приблизить развенчанных было властителей к публике, которая должна / может в каждом обладателе власти увидеть не столько великого, сколько обыкновенного, заслуживающего понимания и сочувствия человека. Социокультурный посыл *конформности*, очевидно, имел целью стабилизацию общественного сознания, попутно выполняя функцию «политпросвета». Наши длительные наблюдения за появлением на отечественном телевидении сериалов о первых лицах страны позволили установить следующие особенности процесса.

В 2004 года на канале «Россия» почти за три недели до 110-летия со дня рождения Н. С. Хрущева (отметим попутно – накануне Дня смеха и 195-летия со дня рождения Гоголя) показали премьеру неигрового фильма под жалобным названием «Как “добивали” Хрущева». Уместнее было бы назвать его «Как “лакировали” Хрущева» – ибо не история гонений или хотя бы конфликтов вокруг архитектора «оттепели», но обрывки из улыбчивых воспоминаний членов семьи вперемежку с избитой кинохроникой составили основу фильма Василия Пичула.

Для этого режиссера и сценариста, родившегося в 1961 году, власть, представленная фигурой свергнутого в 1964 году Хрущева, так же мифологична, как власть в лице Ленина, Сталина или Берии, о которых он прежде снял фильмы. И даже то, что этот режиссер учился кинематографическому мастерству у М. Хуциева, снявшего свои знаменитые фильмы о начале и конце «оттепели» – «Мне двадцать лет» и «Июльский дождь», – не сделало вождей прежних поколений для него фактом его личной биографии. Равно удаленные в историю, все они не были для Пичула «живой властью», выстроившись в единый ряд «перестроечных» кичевых матрешек с Арбата. Режиссер, возможно, и пытался придать одной из этих «матрешек» свойства живого человека, обратившись к воспоминаниям его ближайших родственников, невесть почему выбранного для рассказа о покойном генсеске фотографа, да еще сотрудника немецкой разведки. Но результат ни в публицистическом, ни в психологическом плане достигнут не был.

«Живая власть для черни ненавистна». Пушкин написал в «Борисе Годунове» эту фразу лукаво: конечно, он имел в виду не только живого правителя (поскольку всякий мертвый в России моментально становится обожаемым идолом, как и всякий, чей приход еще только ожидается), но и собственно *живую* власть. То есть – действенную, активно проявляющуюся. Власть Хрущева была именно живой, с опытами и экспериментами от кукурузы до публикаций Солженицына. Причем о первой в фильме Пичула говорится непомерно много и не очень толково, а вот о

вторых – ни слова… Более того: создатели фильма не поняли, что после страшного предшественника Хрущева его власть не могла быть ненавистной.

Фильм Пичула актуализировал воспоминание о том, как незадолго до демонстрации ленты в Ульяновске расспрашивал земляков Ленина о причинах революционного настроя у детей из обеспеченной семьи, как за год до того показал трогательный фильм о Сталине. Отработав материалы сексуальной революции и получив запас доверия публики после некогда модного фильма «Маленькая Вера», Пичул стал говорить о политике в духе своего развлекательного телепроекта, «Старых песен о главном»: немножко лирики, немножко забавных намеков, немножко стилизации. Впрочем, последняя в фильме о Хрущеве заменена, дабы не особо напрягаться и самим ничего не изготавливать, врезками из игрового фильма о Хрущеве «Серые волки», где роль первого человека государства играл едва ли не первый комик этого государства Р. Быков.

Самое главное достоинство художественного дискурса власти – ассоциативность образного ряда – весьма редко востребуется в современной публицистике. Хрущев-колобок банален и вовсе не сложен, хотя есть немало людей, которые и по собственному опыту, и по сведениям близких знают о нем иное. Вот на экране орет и машет кулаком пожилой функционер на молодого поэта, а поэт со странно выгнутой вперед шеей выброшенного из гнезда гадкого утенка стоит на трибуне… И… почему-то… не поворачивает голову к крикуну, смотрит в одну точку, словно вот-вот в обморок свалится. Но именно в стране, крикливым функционером отпущенной с короткого поводка на более длинный, этот не просто поэт, но к началу 2000-х мэтр, Андрей Вознесенский, вместе со своей женой Зоей Богуславской смог учредить негосударственную и некоммерческую, элегантно-своевольную, по деньгам более богатую, чем иные государственные, премию «Триумф». И это ли – не триумф той оттепели, что с Хрущевым в истории нашей страны связана?

Накануне почти круглой даты Гоголя вышел фильм, где не удалось развить мысль Пушкина о живой власти; где идеально мог бы проступить, но так и не был показан образ русского чиновника, странного и незаурядного. А ведь именно о таком человеке в поездке на Сахалин еще один классик, Чехов, написал как о помеси Держиморды и Яго.

Фильм о Хрущеве вроде бы должен был показать, что и его, политика, «добивали». Но показал другое: как не умеет человек из поколения кино- и телепублицистов, привыкших к «стебу» вместо юмора, к прямым издевкам вместо тонких намеков, рассказывать «истории» из родной истории. Власть, оставшаяся в памяти жителей страны, была живее и интереснее, чем попытка поиграть с этой памятью.

Чуть позднее, в ноябре 2004 г., то и дело на алом фоне, медленно выплывая из-за неведомого водного простора, на государственном телеканале «Россия» появилось слово-знак, слово-пароль, слово-восторг и слово-ужас: «*Сталин*». Канал этот, как и Первый, и НТВ, где в течение буквально одной недели прошли фильмы и программы еще и о Котовском, Ворошилове, Буденном, Яг***о***де, определенно заявил главную тему своего прайм-тайм.

Если добавить сюда начавшийся тогда же по Первому каналу показ сериала по роману А. Рыбакова «Дети Арбата», то станет ясно: телевидение бежало впереди прогресса и готовилось отметить век с четвертью со дня рождения «отца народов» и «лучшего друга физкультурников» (цитата из упомянутого документального фильма) – Сталина.

«Грузия – особый мир», – в былинном стиле повествовал закадровый голос и объяснял эту «особость» популярностью в стране воинов, священников и поэтов. Авторы документального двухсерийного фильма о человеке, руководившем ныне исчезнувшим СССР на протяжении тридцати лет, рассказали о том, как не получился из слагавшего стихи горячего юноши священник, о том, как давали ему обидные детские клички. Прозвучали даже слова «комплекс карлика», сопровождавшие информацию о физических диспропорциях тела. Однако прозвучали и стихи этого «мальчика со странностями»: обычные юношеские штампы типа «ветер пахнет фиалками». Рядом со словами о Грузии, ставшей «одной из лабораторий для жестоких опытов», промелькнуло имя «грузинского Робина Гуда».

Потомки знакомых и родственников создавали в «документальном» фильме портрет человека странного, приложившего немалые усилия для уничтожения конкретных сведений о своем происхождении, но и к созданию мифа о себе. Те же, кто знают унизительную для великого писателя (при этом добровольно им сочиненную) пьесу М. Булгакова «Батум» или общались с людьми, жившими в Грузии при всесоюзном правлении Сталина, были разочарованы: ни слова ранее неизвестной информации (впрочем, где же ее взять?), ни грамма новых эмоциональных красок

(а вот их можно было взять в собственном жизненном и художественном опыте).

Спрессованное борцами за личную власть (под видом борьбы за процветание нации) пространство с помощью телевидения оттенялось временем, спрессованным в короткие промежутки между рекламными роликами. Тем временем, которое отделяет нынешних зрителей от времени публикации романа «Дети Арбата» (а это – около 30 лет) и от времени действия этого романа (а это – 70 лет). События, факты и политические оценки, которыми в свое время поразил читателей роман Рыбакова, известного до той поры как автора милых романтических повестей о подростках начала 1920-х гг., – сегодня уже утратили остроту воздействия. Тот колоссальный художественный и документальный массив, который сегодня буквально давит на нас, вобрал в себя и факты, куда более значительные и страшные, и толкование их, куда более яркое и выразительное, чем это было у автора романа. Подернулись дымкой времени первые впечатления от его сочинения, но осталось стойкое ощущение писательской смелости, щемящее ощущение наивности и доверчивости молодых людей, их незакомплексованности, безумной несправедливости того, что происходило со всеми – и с лучшими, и даже с худшими из них.

Частный человек в его обыденной жизни постоянно оказывается заложником чужих амбиций, чужих поползновений, чужой борьбы за власть. Дети Арбата оказываются под пятой... А вот с этого места – поподробнее. «Пята», подавлявшая страну, в версии писателя была интересна своей внешней обыденностью. Современник-ровесник этих «детей», поэт Борис Слуцкий, писал когда-то о проезде именно по Арбату «бога» в пяти машинах. Не мог один человек распространиться на пять машин – это могло сделать только сказочное, пусть и страшное, существо. А Рыбаков показал существо несказочное, занятое, а подчас и не занятое вовсе обычными разговорами и делами. Но в фильме, где долгий крупный план дает знаменитые шерстяные носки вождя, бессильно притулившегося на диване, возникает дополнительный, тщательно отработанный эффект. Сталину по хронологии событий в начале тридцатых годов – немногим более 50 лет, в фильме же он – глубокий старик, развалина с седыми волосами и бессильно-сиплым голосом. Представить себе, что этот человек (а не его имя) сможет привести страну к победе в Отечественной войне, не говоря о способности держать власть в своих руках еще почти два десятилетия, не позволяет даже самое буйное воображение. Известный своими гротесковыми ролями Максим Суханов при съемках в роли Сталина явно получил четкий «заказ»: показать, что властелин только фактом своего существования, а не реальными действиями влияет на судьбу страны.

Сойдясь в эфире одной и той же недели 2004 г., якобы документальный фильм о начале *(«Сталин. Детство, отрочество, юность» и «Сталин. Личная жизнь в революции»)* и якобы художественный фильм о преждевременном финале *(«Дети Арбата»)* показали не столько лицо власти, сколько желание высказаться о качестве власти. Если она была жестокой и неправомерной, то почему сегодня о ней не только помнят, но с нею соизмеряют более поздние события? А если она ровно соответствовала потребностям и ожиданиям людей, то почему и сам ее носитель, и его окружение после их ухода из жизни стали воплощенным образом зла?

Наше в меру гибкое, не слишком отчетливое в публицистике и не слишком художественное в экранизации телевидение дает нам возможность предположить развитие эфирных событий. Так часто и подробно обращаясь к изображению властелина, оно подсказывает мысль о том, что в его исторической жизни еще не наступил конец...

Почти до самой премьеры у опуса о Л. И. Брежневе (апрель 2005 г.) было другое название – «Сумерки империи», но, очевидно, сообразив, что следом пойдет еще сериал под названием «Гибель империи» (о России начала XX в.), заменили названием «простым, как мычание», по имени главного героя, сыгранного в сложнейшем гриме С. Шакуровым.

Загадкой остается то, кого именно видел в качестве своей аудитории режиссер Л. Снежкин, ставивший до того фильмы по произведениям модных прежде А. Кабакова и М. Полякова. Итак, что зрители? Люди, для кого «членовоз» (вереница этих автомобилей то и дело движется по Москве или по загородному шоссе по ходу фильма) и «бровеносец» (спичрайтер репетирует будущую речь вождя с пародийными наклейками на лице) – полузапретные словечки для внутреннего употребления? Для кого чеховский рассказ «Лев и солнце» о любителе всяческих наград (вождь примеряет казахский костюм-подарок и демонстрирует любимой медсестре два кителя, с орденами и с планками) – реалия их собственной жизни, в которой только и изобретались награды и премии для поощрения?

Если фильм был сделан для них, то тягостное созерцание тягостных передвижений и свистяще-

го дыхания с причмокиванием не стоило безмерных затрат на гримерные работы. А если для нового поколения (вспомним, как в любимом фильме Брежнева «17 мгновений весны», за который его перепуганные сотрудники вынуждены были дать режиссеру и актерам массу непредвиденных орденов, говорилось, что родятся новые поколения, которые не будут знать трагедий и лишений, для них это будет легенда?), – то эти, новые, смотрят в полдесятого вечера другие, музыкальные и развлекательные программы, а во время утренних повторов сидят в классах и аудиториях.

Актерский труд в этом фильме – хорошее упражнение по мастерству, когда поражает выдержка уникально-однообразного Шакурова. Портретное и поведенческое сходство – весьма различно: уместен Громыко–В. Яковлев; полностью не похож рослый Прыгунов на здравствующего еще кремлевского врача, академика Чазова, не слишком ярко намекает на будущую карьеру многозначительность Андропова–Ланового, загадочен (уж больно артист яркий) мало кому тогда заметный предсовмина Тихонов–Ивченко.

О Брежневе сняли фильм-анамнез (в медицинском смысле), не дотянувшийся до диагноза (в политическом). Нравственный смысл: еще один слабый, но симпатичный человек у власти, наш, советский «Федор Иоаннович», да еще с «теплинкой» – которую вносили жуткие по своей банальности эпизоды покупки колбасы в сельском магазине с пустыми прилавками и заводского цеха (привет от «производственных» пьес, которые автор сценария В. Черных писал при жизни Брежнева).

Узнаваемый и характерный образ жизни предстал на ТВ у ткачихи, которую сегодня возвели в ранг Екатерины Третьей (сентябрь 2011 г.). В меру погруженный в посуду, квартиры, мебель, в меру разжиженный понятными объятиями-изменами, в меру приперченный шепелявостью, лысинами, акцентом партийных вождей, подкладными плечами женских платьев и раритетными автомобилями. Беспомощная (Фурцева в молодости, Т. Арнтгольц) и трогательно-жесткая (Фурцева взрослая, И. Розанова) актерская пара получила максимально достойное актерское же обрамление: это и В. Сухоруков–Хрущев, вовсе лишенный суетливого хамства, то задумчивый, то едва ли не мучительно сомневающийся; это и С. Юрский–Пастернак, с необычной для актера прической «наискосок», с лучшим, что мог сделать актер в такой непрописанной и всего лишь вставленной в фильм роли, – молчанием.

Ностальгия, в том числе касающаяся политических деятелей и реальных исторических ситуаций, – всегда прибежище бытовых мифов. В данном случае – о женственной и не по статусу умной Фурцевой. Куда этой ностальгии до привычной в годы министерского правления Фурцевой (бывшая ткачиха – министр культуры, «хозяйка» МХАТа и Большого театра с десятками народных артистов СССР, посетительница вернисажей художников, чьи имена была не в силах произнести) ее клички, пренебрежительной, почти ласковой – «Катька». До известного убеждения руководителей театров, оркестров, киностудий: надо, минуя все промежуточные инстанции, забежать к ней, улыбнуться, покаяться, попечалиться, и вопрос будет решен! Недаром появляется в короткой сценке сын выдающегося основателя театра «Современник» Олега Ефремова, Михаил (разумеется, в роли отца): напоминание о всепрощающем отношении министерши к этому нежесткому противнику официоза. Да, он мог улыбнуться – как принято считать, обезоруживающе, попросить разрешения на увольнение кучи артистов, получить отказ, примириться, выпросить за это разрешение на постановку какой-нибудь запрещенной «Медной бабушки», поторговаться, опять получить отказ (мол, нельзя нашего национального гения Пушкина играть этому «уродцу» Ролану Быкову), согласиться самому, длинному и нескладному, играть роль низкорослого поэта… И попросить разрешение хоть изредка играть в кино «роль маленькую, но, по возможности, главную».

Таким образом, эмоциональный тонус оценок, дискуссионность суждений, поиски моральных оправданий и художественных воплощений, сопровождающих каждое обращение творцов к образам власти, свидетельствуют о том, что в России власть воспринимается как живая, как объект, который можно возненавидеть, даже если она удалена в истории, или полюбить, даже если ее жестокость была явлена совсем недавно.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Статьи и рецензии (1843–1848) [Текст] / В. Г. Белинский Собрание сочинений: в 3-х томах. – Т. 3. – М. : ГИХЛ, 1948.

2. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря [Текст] / Н. А. Бердяев // Н. А. Бердяев. Судьба России. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 275.

3. Злотникова, Т. С. Власть и творческая личность: творец как лидер [Текст] /

Т. С. Злотникова // Философские науки. – 2012. – № 10. – С. 128–132.

4. Злотникова, Т. С. Короли начинают и проигрывают [Текст] / Т. С. Злотникова //Культура и безопасность в современном мире : Материалы междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием. – М. : Академия государственной противопожарной службы МЧС России, 2013. – С. 86–90.

5. Злотникова, Т. С. Творческое самосознание личности в контексте имперского бессознательного [Текст] / Т. С. Злотникова // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», 29–31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. – СПб. : Эйдос, 2013.

6. Маритен, Ж. Ответственность художника [Текст] : сборник / Ж. Маритен // Самосознание европейской культуры XX века : мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе: перевод. – М. : Политиздат, 1991. – С. 187.

7. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Тургенев [Текст] / В. В. Набоков ; пер. с англ. – М. : Независимая газета, 1998. – С. 22–23.

8. Плеханов, Г. В. Искусство и общественная жизнь [Текст] / Г. В. Плеханов // Эстетика и социология искусства : в 2 т.– Т. 1. – М. : Искусство, 1978. – С. 330.

9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т [Текст] / А. С. Пушкин. – М. ; Л., 1949.

10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Наша общественная жизнь: Статьи: 1863 [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин // М. Е. Салтыков-Щедрин Собрание сочинений: в 20 т. – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1965–1977. 1968. – С. 263–264.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Belinskij, V. G. Stat'i i recenzii (1843–1848) [Tekst] / V. G. Belinskij Sobranie sochinenij: v 3-h tomah. – T. 3. – M. : GIHL, 1948.

2. Berdjaev, N. A. Carstvo duha i carstvo kesarja [Tekst] / N. A. Berdjaev // N. A. Berdjaev. Sud'ba Rossii. – M. : Sovetskij pisatel', 1990. – S. 275.

3. Zlotnikova, T. S. Vlast' i tvorcheskaja lichnost': tvorec kak lider [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Filosofskie nauki. – 2012. – № 10. – S. 128–132.

4. Zlotnikova, T. S. Koroli nachinajut i proigryvajut [Tekst] / T. S. Zlotnikova //Kul'tura i bezopasnost' v sovremennom mire : Materialy mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – M. : Akademija gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii, 2013. – S. 86–90.

5. Zlotnikova, T. S. Tvorcheskoe samoso-znanie lichnosti v kontekste imperskogo bessoznatel'nogo [Tekst] / T. S. Zlotnikova // IV Rossijskij kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Lichnost' v prostranstve kul'tury», 29–31 oktjabrja 2013 goda. Tezisy i vystuplenija uchastnikov. – SPb. : Jejdos, 2013.

6. Mariten, Zh. Otvetstvennost' hudozhnika [Tekst] : sbornik / Zh. Mariten // Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka : mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshhestve: perevod. – M. : Politizdat, 1991. – C. 187.

7. Nabokov, V. V. Lekcii po russkoj litera-ture: Chehov, Dostoevskij, Gogol', Gor'kij, Turgenev [Tekst] / V. V. Nabokov ; per. s angl. – M. : Nezavisimaja gazeta, 1998. – S. 22–23.

8. Plehanov, G. V. Iskusstvo i obshhestven-naja zhizn' [Tekst] / G. V. Plehanov // Jestetika i sociologija iskusstva : v 2 t.– T. 1. – M. : Iskusstvo, 1978. – S. 330.

9. Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochine-nij: v 10 t [Tekst] / A. S. Pushkin. – M. ; L., 1949.

10. Saltykov-Shhedrin, M. E. Nasha obshhestvennaja zhizn': Stat'i: 1863 [Tekst] / M. E. Saltykov-Shhedrin // M. E. Saltykov-Shhedrin Sobranie sochinenij: v 20 t. – T. 6. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1965–1977. 1968. – S. 263–264.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.06.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 008 (091)

Н. Н. Летина, Н. В. Киселева, А. С. Моцевик

Расовая и этническая идентификация персонажей художественного фильма Д. Кэмерона «Аватар»

В статье выявлены и проанализированы расовые и этнические аспекты идентификации персонажей-людей («Небесные люди») и персонажей-инопланетян (На'ви), характеризующие видение репрезентативным представителем современной американской киноиндустрии проблемы дегуманизации современного цивилизованного человека и человечества, а также деградации западной цивилизации. Установлено, что основой идентификации «Небесных людей» является их принадлежность к макроорганизациям (бизнесмены, военные, ученые), совокупность признаков которых дает возможность определить и национальную (американская), и наднациональную (человек Запада) идентичность «Небесных людей». Выявлено, что пандорийцы интерпретированы как интегративный образ внеземной расы гуманоидов с аллюзиями этносов традиционной культуры – носителей подлинной человечности.

Ключевые слова: расовая идентификация, этническая идентификация, Небесные люди, На'ви, космополитизм, дегуманизация, Д. Кэмерон, «Аватар».

N. N. Letina, N. V. Kiseleva, A. S. Motsevik

Race and ethnic identity of characters in D. Cameron's feature film «Avatar»

The article analyses race and ethnic aspects of identifying human characters (the Sky People) and alien characters (Na'vi) which show how a representative of modern American film industry sees the problem of dehumanization in a modern civilized person and the whole of mankind, as well as degradation of Western civilization. It is stated in the article that the basis for the Sky People's identity is their belonging to macro-organizations (business people, military people, scientists) which defines both national (American) and supranational (Western) identity of the Sky People. Pandora's indigenous people are interpreted as an integrated image of extraterrestrial humanoid race with allusions to ethnic groups of traditional culture – those who possess true humanity.

Keywords: racial identity, ethnic identity, the Sky People, Na'vi, cosmopolitism, dehumanization, D. Cameron, Avatar.

С момента признания антропологами моноцентрической теории антропогенеза наиболее убедительной, можно обоснованно утверждать, что в начале человечество было единым. Не было принципиальных отличий ни в биологической природе (кроме разве что деления по принципу биологического пола), ни в месте и условиях проживания (Восточная Африка). Следовательно, первоначально не было антропологических, этнических, геополитических границ – рас, народов, стран. Затем, перефразируя известное выражение Х. Ортеги-и-Гассета, человечество пережило ряд испытаний на прочность, и… раскололось. Тоска по утраченной цельности сочеталась с появлением культурных механизмов по ее формированию. Среди них – эллинизм, культурный проект Александра Македонского по объединению Запада и Востока; Осевое время (VIII–II вв. до н. э.) – по К. Ясперсу, период формирования религиозно-философских способов восстановления утраченной связи с Абсолютом; латынь – единый язык книжной культуры Средневековья в противовес призраку Вавилонского столпотворения и смешения языков; синтез искусств рубежа XIX–XX вв. Сегодня процессы глобализации ведут к интеграции стран и народов в единое мультикультурное пространство.

В ситуации глобализации происходит снижение значимости национальных оснований идентичности личности, ослабление чувства принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре. Актуализируется известная со времени Диогена и Александра Македонского космополитическая идея «человека ми-

© Летина Н. Н., Киселева Н. В., Моцевик А. С., 2015

ра». Но приходится признать, что к началу третьего тысячелетия человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются» в связи с глобализацией культурного пространства, высокой коммуникативностью, плюрализацией культурных языков и кодов. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся макрогрупповым множествам, человек стал носителем сложной, множественной идентичности.

В русле подобных мировоззренческих и социокультурных коллизий симптоматичным и показательным представляется появление фильма «Аватар» Дж. Кэмерона. Проблема людей и народов решается здесь в глобальном – отчасти космополитическом, но в большей мере космическом масштабе.

На'ви – гуманоиды, характерной особенностью которых является трехметровый рост. Тела пандорийцев вытянуты, обладают крепким телосложением, очень пластичны, без видимых физических недостатков. Кости укреплены естественным углеродным волокном, поэтому отличаются большой прочностью. Обращает на себя внимание тонкая талия и у мужчин, и у женщин, независимо от возраста, а также характерно развитые мышцы ног, рук, пресса, грудной области. Здесь верифицируется апелляция к античным куросам и корам, воплощавшим идеал человека.

Важная отличительная особенность внешности На'ви – длинный прямой хвост с кисточкой, сходный с львиным, напоминающий о встречающемся рудименте внешности. С антропологической точки зрения, данное обстоятельство свидетельствует о переходной стадии инопланетян в отношении их физического тела от животного к гуманоиду.

Мужчины и женщины На'ви – обладатели длинных темных прямых волос. И хотя волосы пандорийцев по своей структуре отличаются от человеческих большей толщиной, на Земле подобного рода волосы характерны для представителей монголоидной расы. Создатели фильма большое внимание уделяют разнообразию мужских причесок, в которые вплетены перья, дополнительные украшения, что является аллюзией на индейский опыт. У всех жителей волосы заплетены в маленькие косички (здесь напрашивается сравнение уже с африканцами), но среди них есть одна большая коса, на конце которой находится кисточка с волокнами живой материи, обеспечивающая контакт с окружающим миром (цахейло).

Цвет кожи На'ви складывается из разных оттенков синего цвета, причем это чередование образует определенный рисунок, у каждого он свой. Синий цвет у многих народов символизирует небо и вечность. Он также может символизировать доброту, верность, постоянство, а в геральдике – целомудрие, честность, добрую славу и верность. «Голубая кровь» говорит о благородном происхождении. Возможно, в фильме это выражение приобретает не условный характер, а реальный, но перевернутый: кровь На'ви красная, а кожа – синяя. Во-вторых, стоит заметить, что их кожа начинает точечно светиться в ночное время суток. Точно такое же свечение мы наблюдаем и в окружающем На'ви мире, что еще раз подчеркивает неотделимость На'ви от природы.

Лицо На'ви тоже имеет свои особенности. Впалые щеки, ярко выраженные скулы. Нос – прямой, приплюснутый, нет характерного изгиба, как у человека, больше напоминает нос дикой кошки. Уши большие и длинные, могут вращаться, что помогает обнаружить источник звука. Самое эффектное – большие и выразительные кошачьи глаза (широко поставленные, внешний угол глаза выше внутреннего) с человеческими ресницами и монголоидным разрезом.

На'ви обладают богатой культурой и собственным языком. Язык На'ви – искусственный, разработанный профессиональным лингвистом Полом Фроммером специально для этого фильма. По своему строению язык На'ви представляет собой уникальное сочетание различных языков Земли. В частности, велико влияние папуасских и австралийских языков, хотя некоторые слова близки к немецкому, а другие – к полинезийским языкам. Существуют также определенные сходства с кавказскими и некоторыми другими языками. По сценарию, фильма народ На'ви не имеет письменности.

Речь героев зависит от того, с кем они общаются. По отношению к своим соплеменникам ритм речи плавный, тембр голоса мягкий, интонация – спокойная. Они общаются и с помощью визуального контакта. Но все меняется, когда рядом оказывается чужой. Взгляд становится враждебным, в речи начинают преобладать более резкие щелкающие и шипяще-свистящие звуки, как у рассерженной кошки. Так, речевая характеристика На'ви решается сочетанием языков народов Земли, близких к традиционной культуре, и звуков представителей семейства кошачьих.

Общество На'ви организовано иерархически, во главе его – Верховный вождь и его супруга, Верховная жрица Эйвы. Это почти теократия, поскольку самые ответственные решения принимаются только после совета Верховной жрицы с Эйвой – Великой матерью. Вероятно, сходная структура и у общества других племен, населяющих Пандору. Тем не менее, идеализированный социальный мир На'ви похож на большую семью, одним из обращений друг другу является «братья» и «сестры».

Культура повседневности На'ви интерпретирована в фильме как традиционная культура собирателей и охотников в мирное время, при необходимости – воинов. Она организована по принципу гармонии и принципам магической культуры. В частности, инициационное становление Джейка проходит через обучение (установление контакта с природой), испытания (покорение скакуна и летающего дракона) и подвиги (покорение Турук Макто, спасение Пандоры). Обрядовая природа ряда других сцен несомненна (сцена охоты, похорон).

В конце фильма мы встречаемся с распространенными среди аборигенов, первобытных людей магическими обрядами, которые не могли обходиться без заклинаний, ритуальных телодвижений и коллективных обращений. В фильме мы встречаемся с ритуальным песнопением народов На'ви, когда после разгрома дерева-дома они приходят к Эйве просить защиты, а также, чтобы спасти Грэйс Овгустин.

Собственно, главная характеристика культуры На'ви – их религия. По типу – это магия, но не политестическая, а монотеистическая, дополненная верой в переселение душ и всеобщим анимизмом. Сакрум народа На'ви представлен своеобразной версией мифологемы Мирового древа – Древом души, с помощью которого осуществляется связь всего живого, включая души уже умерших физически, связь с Эйвой – Великой матерью, Богиней Пандоры. Но Древо Души уникально, поскольку является не только священным центром пространства, но и коллективной душой На'ви. По словам Нейтри, нет священного места – нет народа. Поэтому главный удар Небесные люди пытались нанести именно по Древу жизни.

Таким образом, пандорийцы – сложный образ внеземной расы и в то же время народа, внешне интерпретированный на основании синтеза ряда человеческих и животных характеристик. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторыми внешними данными, например, разрезом глаз, цветом и фактурой волос, На'ви визуально напоминают представителей монголоидной расы, а телосложением – древних представителей европеоидной расы. Этнические маркированные особенности внешности – характер прически – одновременно напоминают африканцев и индейцев. Таков антропологический ресурс внешности гуманоидов. Хвост, особенности лица, прежде всего нос и глаза, выводят облик На'ви в зооморфную, кошачью сферу. Среди уникальных особенностей внешности – коса с кисточкой особых волокон, предназначение которой – установление связи со всем живым на планете.

Не менее сложен образ «чистого» духовно-нравственного и культурного склада На'ви, повседневная культура которых решена преимущественно в индейском колорите на фоне вполне вьетнамских, только что фантастических, джунглей и озвучена языком, в составе которого доминируют языки близких к традиционным народов. Анимизм и магия также характерны для первобытной культуры и народов традиционной культур. Религиозный же культ Всеобщей матери Эйвы, связующей все живое, – уникален и, по всей видимости, воплощает мечту создателей фильма о всеобщей целостности. Так, пандорийцы оказываются художественным упреком конкретному народу и в целом людям Земли, а также образцом космополитизма – подлинного гражданства мира, раздвинувшегося до размеров Вселенной.

История появления Небесных людей на планете Пандора весьма прозаична для фантастического сюжета. Землянам нужен был редкий минерал, имеющий огромное значение для выхода Земли из энергетического кризиса. Преодолевая несколько световых лет, лучшие наемники планеты прилетают на Пандору. Вместе с ними работают ученые. По расовой принадлежности большинство землян – европеоиды, но встречаются и негроиды. Этнических различий, на первый взгляд, выявить невозможно. Люди скорее разделены по своеобразным профессиональным кланам, что позволяет нам классифицировать их по трем наиболее репрезентативным в профессиональном отношении группам.

Военные. Ими руководит полковник Майлс Куаритч. Первое знакомство с ним визуально начинается со спины, с ног (камера движется снизу вверх). Размашистые и твердые шаги выдают в нем уверенного в себе и в своем деле человека, сжатые кулаки – затаенную агрессию. Крепкого телосложения, накачанный, динамич-

ный Куаритч излучает опасность. Лицо полковника типично для офицера, побывавшего не в одной боевой операции: на нем множество следов от ранений. В холодных серо-голубых глазах – ни намека на чувства.

Поскольку воздух Пандоры токсичен, все носят специальные маски. Одежда военных, как и положено, монохромная, никаких цветовых оттенков.

В фильме из военных произносит речи в основном полковник Куаритч, остальные, как роботы, выполняют его задания. Скудный словарный запас, очевидный цинизм – характеристика большинства военных. Обращает на себя внимание речь командира при проведении инструктажа по технике безопасности: *«Вот там, за этими воротами, начинается дикий и жестокий мир, и каждая тварь, ползает она, летает или сидит в грязи, хочет убить вас и сожрать ваши глаза на десерт, и, если ад на земле существует, вы сможете там отдохнуть после службы на Пандоре»* [1]. Его речевой запас богаче, чем у подчиненных, речь эмоциональна, пафосна, очевидно, он не только опытный военный, но и оратор. Другое дело, что его ораторское искусство типично для военной пропаганды и убедительно лишь до тех пор, пока не выясняется, что его задача – запугать, настроить на враждебность, чтобы обеспечить себе абсолютную власть и авторитет.

Ключевая характеристика внутреннего мира военных – бездушие. Постоянное участие в сражениях привело к тому, что души героев вымерли, и главный носитель бездушия – полковник. Он метафорически слеп, в поле его зрения – только враги и подчиненные. Собственно, именно он и пропагандирует ценности военных: безупречная дисциплина и постоянная боевая готовность в целях выживания и выполнения поставленной задачи.

Значима для военных физическая сила, сила оружия, сила как таковая. Для большинства имеют значение деньги. В начале фильма точную характеристику этой группе землян дает Джеймс Салли: *«Раньше они были героями, элитой, парнями, сражавшимися за свою страну, а теперь они наемники, убивающие за деньги»* [1], а затем и доктор Грейс: *«придурки с автоматами наперевес»* [1]. Полковник же – идеолог и фанатик милитаризма, для которого материальное вознаграждение – лишь дополнительный стимул.

Ученые. Их возглавляет доктор Грейс Аугустин, она также наиболее яркий представитель «клана». Ученые создали программу «Аватар», в которой сознание людей подключается к аватару – биологическому телу с дистанционным управлением, помогающему находиться в губительной для человека атмосфере планеты Пандора. Аватары – гибриды, созданные при помощи генной инженерии и полученные комбинированием человеческой ДНК и ДНК народа На’ви.

Ученые, как и военные, преданы своему делу, причем для ученых применимо выражение «всей душой». Режиссер Кэмерон показывает, как они болезненно реагируют на действия военных, особенно, когда отдается приказ уничтожить Древо жизни народа На’ви.

Ученые – разные по внешнему типажу, в отличие от однообразных, словно калиброванных военных, люди науки. Стройная, подтянутая доктор Грейс; невысокого роста, плотного телосложения, круглолицый, с бородой средних размеров доктор Марк Спенсер; длинный, худощавый, с короткой бородкой доктор Норм.

Их лица способны выражать разные эмоции: огорчение, радость, негодование. Ярким примером может служить сцена, когда Грейс решительным шагом входит в кабинет начальника базы с одной целью: остановить уничтожение не только проекта «Аватар», но и народа На’ви планеты Пандора. На ее лице мы видим проявление различных эмоций: от раздражения до пренебрежения. Внутреннее нервное напряжение героини передает деталь: она постоянно курит.

В речи ученых, с одной стороны, преобладает научная терминология, с другой стороны, грубая лексика, вероятно, как результат общения с военными (первая встреча Грейс и Джеймса Салли). Мягкие интонации, сдержанность при разговоре проявляется тогда, когда речь заходит о народе На’ви или когда они разговаривают с представителями аборигенов. Насколько дружелюбны и трогательные отношения ученых с представителями инопланетян, можно судить по фотографиям, сделанными Грейс. Об особом отношении к этому народу говорит и тот факт, что они самовольно покидают базу и пытаются спасти народ ценою собственной жизни.

Важная деталь, раскрывающая внутренний мир ученых, – ведение дневников-отчетов, которое, как поясняет доктор Норман, еще поможет не «свихнуться». Ученые пытаются понять На’ви и суть происходящего на планете. Познание и понимание – главные ценности ученых.

Бизнесмены – самая малочисленная элитарная группа на Пандоре, олицетворяющая власть денег. Единственным представителем бизнеса на

Пандоре является Селдвидж, маленький, с милой улыбкой на лице, по-детски широко открытыми глазами, человек. Он говорит мягко, но за этой мягкостью скрывается жесткость, даже жестокость (он дал разрешение начать атаку на инопланетян).

Персонаж одет в отглаженные темные брюки, белую рубашку с галстуком, как и положено топ-менеджеру. Костюм свидетельствует, что за пределы здания Селдвидж не выходит, он дистанцируется от происходящего на планете и стеной цинизма, и буквально – стенами военно-научного комплекса. Селдвиджа не интересует ни Пандора с ее неповторимой красотой, ни народ, населяющий планету. Его интерес – анаптаниум, драгоценное сырье, окупающее все: и веселье военных, и науку ученых. Значимая деталь, характеризующая героя, – игра в гольф, так, даже развлечение является для него способом маркировать свою элитарность. На первый взгляд, складывается образ эгоистического избалованного «золотого» ребенка, которому все равно, как и какой ценой достанется ему его игрушка. В действительности, инфантилизмом – социальная маска. Ключевые ценности героя – выгода и власть.

Таким образом, внешние данные Небесных людей различны: унифицированы у военных, индивидуализированы у ученых, элитарны у бизнесмена. В расовом отношении доминируют европеоиды, встречаются негроиды. Национальные признаки по внешним данным идентифицировать не удается, вероятно, так и задумано: в глобальном мире принадлежность к макроорганизациям постепенно становится более значимой, чем приписанность к этнонациональным общностям.

В фильме Д. Кэмерона «Аватар» нашла свое воплощение космополитическая идея «человека мира», трансформировавшаяся в идею человека космоса, Вселенной. Каждая группа Небесных людей воплощает свою систему ценностей и традиций: военные – власть силы, ученые – власть науки, бизнесмены – власть денег. В совокупности же этих признаков – возможность определить и национальную, и наднациональную идентичность Небесных людей. Концентрация власти милитаристской машины, науки и финансов в современном мире, вне всякого сомнения, присутствует на территории Запада, признанный лидер западного мира в данный момент – США. Дополнительные аргументы: колониальная политика, сходство пандорийцев с индейцами, природных условий – с Вьетнамом, сырьевых возможностей – с Востоком. Таким образом, Небесные люди могут быть идентифицированы с американцами и в целом людьми Запада. Важный нюанс: отсутствие единой системы ценностей, которая бы смогла объединить таких разных людей, как Грейс, Куаритч, Селдвидж

Главный герой фильма Джейк Салли, с точки зрения расовой идентичности, – человек, европеоид, с точки зрения национальной идентичности, – типичный американец. В художественной реальности фильма Джейк – маргинал, пограничная личность во всех отношениях. В социальном плане он принадлежит одновременно двум «кланам» – военным, сообразно своей прежней профессии, и ученым, сообразно актуальному контракту. Первые для него – свои, подобно им, он отважен и дисциплинирован. Вторые – чужие, в противовес им Джейк не знает ни местного языка, ни местных обычаев. К тому же ученые напоминают ему врачей, от чьих запретов он устал на Земле. В физическом и медицинском смысле Джейк – инвалид, выброшенный из профессии и из активной жизни, он может ощутить полноценность существования лишь в теле аватара. В психологическом плане он постоянно на грани – от проживания и осознания своей пограничности. Но в интеллектуальном и духовном плане он – подлинный (пусть неосторожный, но любознательный и открытый знанию и чувству) ребенок, его «чаша пуста», именно это обстоятельство – чистая душа – и позволяет ему стать героем, спасти Пандору. Наполнение же чаши внутреннего мира Джейка, которое происходит в фильме, приводит его к духовной самоидентификации с На'ви. И к ожидаемому, но от этого не менее парадоксальному решению – отказу от своего человеческого тела и бесчеловечного прошлого и окончательному слиянию со своим аватаром. Следуя логике создателей фильма, – к торжеству человечности в высшем ее понимании, не зависящем ни от цвета кожи и разреза глаз, ни от языка и территории проживания.

Библиографический список

1. Аватар. Фантастический боевик. Режиссер и автор сценария Дж. Кэмерон. США: Двадцатый век фокс, 2009.

2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации [Текст] : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин ; под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

3. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход [Текст] / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – Н. Новгород, 2003.

4. Искусство [Текст] / Глав. ред. М. Д. Аксенова // Энциклопедия для детей. – Т. 7. – Ч. 1. – 2-е изд., испр. – М. : Аванта +, 1998.

5. Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс. – М., 1985.

6. Отзывы и рецензии на «Аватар» Дж. Кэмерона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kino-glazov.ru/reviews/reviews-on-avatar/. – (Дата обращения: 24.05.2015).

7. Отзывы и рецензии на «Аватар» Дж. Кэмерона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.megacritic.ru/film/1059.html, http://cinepocalypse.ru/2010/01/06/avatar-movie-review/. – (Дата обращения: 24.05.2015).

8. Отзывы и рецензии на «Аватар» Дж. Кэмерона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avataromania.com/index.php?topic=45.0. – (Дата обращения: 24.05.2015).

9. Официальный сайт фильма Аватар в России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.avatar-movie.ru/. – (Дата обращения: 24.05.2015).

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Avatar. Fantasticheskij boevik. Rezhis-ser i avtor scenarija Dzh. Kjemeron. SShA: Dvadcatyj vek foks, 2009.

2. Grushevickaja, T. G. Osnovy mezhkul'-turnoj kommunikacii [Tekst] : uchebnik dlja vuzov / T. G. Grushevickaja, V. D. Popkov, A. P. Sadohin ; pod red. A. P. Sadohina. – M. : JuNITI-DANA, 2002.

3. Zinchenko, V. G. Mezhkul'turnaja kommunikacija. Sistemnyj podhod [Tekst] / V. G. Zinchenko, V. G. Zusman, Z. I. Kirnoze. – N. Novgorod, 2003.

4. Iskusstvo [Tekst] / Glav. red. M. D. Aksenova // Jenciklopedija dlja detej. – T. 7. – Ch. 1. – 2-e izd., ispr. – M. : Avanta +, 1998.

5. Levi-Stros, K. Strukturnaja antropologija [Tekst] / K. Levi-Stros. – M., 1985.

6. Otzyvy i recenzii na «Avatar» Dzh. Kjemerona [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.kino-glazov.ru/reviews/reviews-on-avatar/. – (Data obrashhenija: 24.05.2015).

7. Otzyvy i recenzii na «Avatar» Dzh. Kjemerona [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.megacritic.ru/film/1059.html, http://cinepocalypse.ru/2010/01/06/avatar-movie-review/. – (Data obrashhenija: 24.05.2015).

8. Otzyvy i recenzii na «Avatar» Dzh. Kjemerona [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://avataromania.com/index.php?topic=45.0. – (Data obrashhenija: 24.05.2015).

9. Oficial'nyj sajt fil'ma Avatar v Rossii [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://www.avatar-movie.ru/. – (Data obrashhenija: 24.05.2015).

Дата поступления статьи в редакцию: 15.03.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 008(091); УДК 069; 069.01

М. Е. Мариничева

Вузовский музей как фактор присутствия интеллигенции в провинциальном городе

В статье поставлена проблема обоснования исследования роли вузовского музея в процессе формирования особой социокультурной общности – интеллигенции провинциального города. Сделан акцент на особой смысловой нагрузке понятия и особой социокультурной роли феномена интеллигенции в отечественной культуре в сопоставлении с европейской традицией понимания сущности интеллектуала. Обосновано, что формирование интеллектуальной элиты как в Европе, так и в России детерминировано рядом факторов, одним из которых является университетская среда. Определено, что вузовский музей обладает достаточной социокультурной базой для формирования вузовской, а затем и общегородской интеллигентской среды.

Ключевые слова: вузовский музей, провинциальный город, формирование интеллигенции, «университетский город», городская среда, университетская среда.

M. E. Marinicheva

University museum to indicate the existence of intelligentsia in a provincial town

The article substantiates the role of a university museum in forming a special socio-cultural community – intelligentsia of a provincial city. The author pays attention to a particular meaning of the notion and a particular socio-cultural role of the phenomenon ‘intelligentsia’ in Russian culture and compares it with European tradition in understanding the essence of an intellectual. It is proved in the article that forming intellectual elite both in Europe and in Russia is determined by a number of factors, one of which is university environment. A university museum possesses a sufficient socio-cultural basis for establishing intellectual environment first within a university and then citywide.

Key words: university museum, provincial city, formation of intelligentsia, “university city”, city environment, university environment.

Особый интерес в аспекте теории и истории культуры представляет феномен формирования интеллигенции в культурной городской среде, признаваемой одной из ведущих сил культурной и общественно-политической жизни общества. В связи с этим актуальным, на наш взгляд, является обращение к проблеме оценки роли вузовского музея в данном культурологическом процессе.

Следует отметить, что в то время как в русской культуре укрепилось понятие «интеллигенция», в европейской культуре принято определение «интеллектуал». Общим срезом в отечественных исследованиях стало утверждение уникальности русской интеллигенции как неповторимого, своеобразного явления, сформировавшегося в рамках национальной культуры под влиянием специфических факторов. Сам термин «прижился» практически только в России, закрепив за собой уникальное ценностно-смысловое содержание [2, с. 179].

В то время как на Западе термин «интеллектуал» характеризует профессиональную деятельность в социальной структуре и продажу своего интеллектуального ресурса, в России понятие «интеллигенция» традиционно несет в себе целый комплекс значений, предполагающих, в том числе, морально-этическую и социально-культурную нагрузку. Специфика русской и российской интеллигенции, особенности ее происхождения и формирования рассматривались в работах Ю. М. Лотмана, А. С. Панарина, В. Ф. Кормера, В. М. Живова. Концептуальное различие парадигм интеллигента и интеллектуала исследовали Б. М. Фирсов, Ю. А. Левада. Если «интеллектуал» – это специалист умственного труда и только, то «интеллигент» – это всегда нечто большее.

История развития современного человеческого общества говорит о благотворном воздействии высших учебных заведений на социально-культурную жизнь городских провинциальных поселений. Существует даже устойчивое словосочетание «университетский город», означающее – культурный, интеллигентный, толерантный. Вузы

© Мариничева М. Е., 2015

являются сердцем средних и малых городов, вокруг которых вращается городская жизнь, в них зреют идеи и формируются решения, создается культурно-интеллектуальная среда.

В современной России понятие «университетский город» не является строго научным, статусным или нормативным понятием. Его толкований нет ни в учебных пособиях, ни в последних законодательных актах. Вместе с тем слова «университетский город», «университетский человек», «университетский дух» значат для русского человека чрезвычайно много. Их часто можно слышать в научных кругах, и они прочно заняли свое место не только в современном лексиконе, но и в общественном сознании.

И это понятно, поскольку их употребление является отражением той особой, уникальной роли, которую в течение длительного времени играли и продолжают играть в жизни российского общества высшие учебные заведения.

Если в Западной Европе университеты – это главные центры и хранители науки, то в нашей стране университеты всегда были не только учебными и научными заведениями, но и важными центрами культурной и общественной жизни: в этом их особенность и своеобразие [1, с. 111].

Исторически сложилось так, что знания, полученные в высшем учебном заведении, отличались фундаментальностью, что является основным показателем высшего образования и позволяет студентам сравнительно быстро менять направления своей деятельности. Выпускники вузов всегда ощущают духовное единство и через всю жизнь несут чувство своей принадлежности к нему. Появляется понятие «университетский человек». Преемственность поколений и стала одной из основ университетской жизни, формирования «университетского человека». Для него характерны тяга к самообразованию, работа над собой, привычка постоянно учиться и расчет только на собственные знания.

Полученные в университетской среде навыки к интеллектуальной работе и самосовершенствованию, постоянному пополнению запаса знаний, а также стремление к совместному обсуждению и отстаиванию своих идеалов в сочетании с высоким уровнем культуры и образованности стали чертами нового типа поведения, характерного для «университетского человека», который в свою очередь является основой для формирования интеллигенции в социуме города [4, с. 53–54].

Формирование интеллигенции – это длительный процесс, который начинается в семье, продолжается в средней школе и не завершается с окончанием высшего учебного заведения. Между тем период обучения в высшей школе является важнейшим этапом в развитии человека. Именно поэтому выяснение совокупности факторов, влияющих на становление ценностных установок и качество профессиональной подготовки студентов, имеет большое значение [3, с. 23].

Что же может стать связующим звеном и ядром в формировании интеллигенции в университетской, а затем и в городской среде? На наш взгляд, такую роль мог бы сыграть вузовский музей.

Вузовские музеи действуют во многих высших учебных заведениях. Достоинствами вузовского музея является высокая научная ценность проводимых здесь исследований, достоверность и обоснованность краеведческой информации и успешное воспроизводство краеведческих кадров, сбор экспонатов по различной тематике, касающихся не только истории конкретного вуза, но и истории города в общем течении.

Вузовский музей, являясь чаще всего структурным подразделением в высшем учебном заведении, обладает относительно неплохой материальной базой, что при правильном подходе можно использовать при создании среды для культурного и творческого воспитания и развития преподавателей, сотрудников, а главное, студентов вуза, формирования корпоративной культуры, которая, как и любой процесс развития, не имеет ограничений и пределов совершенства. Это длительная, сложная и кропотливая работа, но для вузов она тем более важна, поскольку во внутренней организационной среде формируются молодые специалисты, которые в дальнейшем будут транслировать эту культуру в городской среде. Для успешного формирования интеллигенции в городском масштабе следует обратить внимание на корпоративную культурную среду вуза, которая воплощается в следующих аспектах работы музеев в высшем учебном заведении:

- ✓ создании и поддержании постоянных экспозиций музея;
- ✓ создании и пополнении фондов музея;
- ✓ экскурсионной деятельности;
- ✓ выставочной деятельности по разнообразной тематике:

– государственные праздники и международные Дни памяти;

– различные юбилейные даты в истории страны, области, города и вуза;

– юбилейные даты, связанные с выдающимися деятелями вуза, факультетами, кафедрами, другими структурными подразделениями вуза;

– ретроспективные выставки научной и учебно-методической продукции преподавателей вуза, печатных изданий, изобретательской деятельности и т. п.;

– выдающиеся события в культурной жизни вуза;

– спортивные достижения студентов вуза;

– разнообразные коллекции, собранные преподавателями, сотрудниками и студентами вуза;

– творчество преподавателей, сотрудников, студентов и др.;

✓ воспитательной и просветительной работе, клубной деятельности;

✓ профессионально-ориентационной деятельности;

✓ рекламной и издательской деятельности.

При реализации музеем (или вузовским культурным центром) поставленных задач мы получим базу для формирования и развития университетского социума, «общины» студентов, интеллектуальной городской среды.

Вузовский музей часто становится площадкой для проведения исследований и мероприятий в масштабах не только вуза, но и города: конференции, форумы, выставки достижений в науке и производстве. Таким образом, деятельность музея не ограничивается экспонированием и сбором информации. Музей становится живым, подвижным организмом, где формируются новые традиции, а уже устоявшиеся изучаются и поддерживаются. В свою очередь университетские традиции быстро выходят за стены вуза, обретая значимость в городской среде: студенческие спартакиады, фестивали культуры и искусства, образовательные выставки и форумы.

Таким образом, мы видим, что вузовский музей обладает достаточной социокультурной базой для формирования вокруг себя вузовской, а затем и общегородской интеллигентской среды.

Особая вузовская среда, «воспитанная» в частности вузовским музеем, со своими традициями, ритуалами, уникальными культурными явлениями и особым социумом уже может стать основой для формирования городской интеллигенции, которая, в свою очередь, выполняет в провинции важные культурообразующие функции.

Вузовский музей может и способен стать точкой интеграции и коммуникации отдельных учебных заведений за счет создания единой системы культурных, социальных и научных связей, представляющих культурологический и музейный интерес. В данном вопросе важно найти применение междисциплинарному и межвузовскому подходу при разработке научных и социально-культурных проектов, значимых для городской среды и выполняющихся с учетом потребностей этой городской среды.

Примером взаимодействия «город-вузовский музей» может стать Иваново – город, который исторически принял на себя бренд «Город вузов и студентов». Здесь вузовские музеи часто выходят на общегородской уровень, становясь одним из культурообразующих факторов городской среды.

В практике **культурно-исторического центра «Наследие» (Текстильный институт ИВГПУ)** существует достаточный опыт установления связей город–музей. Таким проектом, например, стал *выставочный проект «Мигачевы: штрихи к портрету века»,* где был представлен личный архив и уникальные вещи одной семьи, рассказывающие посетителям историю нашей страны начиная со времени Первой мировой войны глазами одной семьи. Здесь можно было увидеть подлинные документы и фотографии, книги и картины, пластинки и письма, которые являются, по сути, носителями истории локальной и глобальной. На первый взгляд, подобные проекты не имеют прямого отношения к вузовскому пространству, однако именно здесь удается воспитать и установить связь поколений, возродить интерес студенческой среды к истории своей страны через историю бытовую, локальную. Данный выставочный проект имел большой резонанс в музейных кругах города.

Выставочный проект, приуроченный к 140-летию образования города Иванова-Вознесенска, выполненный силами преподавателей и студентов. Вся история существования города была представлена в виде пяти временных отрезков и показана глазами молодежи данного периода. Занятия, увлечение, книги, учебные заведения, музыка, мода – вот то, что раскрывало тематику каждого «лика» из пяти поколений молодежи нашего города. Основу экспозиции составили личные вещи из семейных архивов студентов и преподавателей. К пополнению экспозиционного пространства присоединились вузовские и городские музеи. Выставочный проект был освещен в

СМИ и стал частью большого количества мероприятий, посвященных этой юбилейной дате.

4 апреля 2012 года наша страна отмечала 80-летие со дня рождения Андрея Тарковского, культового режиссера, уроженца Ивановской области. Центр «Наследие» не остался в стороне от этой даты. Здесь была организована *выставка «Полароиды Андрея Тарковского».* Основу экспозиции составили переснятые специальным способом с оригиналов фотографии мастера. Выставочное пространство было организовано символическими композициями по мотивам фильмов режиссера, знаковых моментов его биографии. На открытии выставки присутствовали гости из России и Европы, изучающие творчество Андрея Тарковского, представители городского музейного сообщества.

Описанная выше деятельность **культурно-исторического центра «Наследие»** является примером способности вузовского музея к сохранению культурных и социально значимых традиций вузовского сообщества и внедрению их в развитие культурной среды города.

Библиографический список

1. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года [Текст] / Ред. В. Г. Кинелев. – М. : НИИВО, 1995. – С. 111.

2. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. М., 1992. – С. 179.

3. Меметов, В. С., Будник Г. А. Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы [Текст] / В. С. Меметов, Г. А. Будник // Интеллигенция и мир. – 2004. – № 1–2. – С. 22–32.

4. Московский университет в воспоминаниях современников [Текст] : сборник / сост. Ю. М. Емельянов. – М. : Современник, 1989. – С. 53–54.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Vysshee obrazovanie v Rossii: ocherk istorii do 1917 goda [Tekst] / Red. V. G. Kinelev. – M. : NIIVO, 1995. – S. 111.

2. Lotman, Ju. M. Kul'tura i vzryv [Tekst] / Ju. M. Lotman. M., 1992. – S. 179.

3. Memetov, V. S., Budnik G. A. Teoreticheskie osnovy formirovanija intelligencii v obrazovatel'nom prostranstve vysshej shkoly [Tekst] / V. S. Memetov, G. A. Budnik // Intelligencija i mir. – 2004. – № 1–2. – S. 22–32.

4. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov [Tekst] : sbornik / sost. Ju. M. Emel'janov. – M. : Sovremennik, 1989. – S. 53–54.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.06.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 008

О. Н. Скибинская

Н. Островский в региональном историко-культурном контексте: от актуального образа автора-героя к мемориализации

В статье автор исследует репрезентацию биографической и художественной составляющей образа автора-героя – А. Н. Островского и Павки Корчагина – в региональном историко-культурном контексте. Идеологический миф (с середины 1930-х гг. в Ярославском крае актуализированный и в пространстве книжной культуры, и через молодежное корчагинское движение) со сменой в конце XX века парадигмы политического развития страны завершает свое существование: военно-патриотическая деятельность школы юных журналистов в середине 1980-х гг. расценивается нами как итоговая в мемориализации памяти о Н. А. Островском в региональном историко-культурном пространстве.

Ключевые слова: переиздание, книжная культура, Н. А. Островский, «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей», Л. Б. Генкин, фундаментальная библиотека Ярославского государственного педагогического университета, Ярославское областное издательство.

O. N. Skibinskaya

N. Ostrovskiy in the regional historical and cultural context: from the actual image of the author-hero to memorialization

This article considers the representation of biographical and artistic component of the author-hero Nikolay Ostrovskiy and Pavel Korchagin, in the regional historical and cultural context. In the mid-1930s, the ideological myth was actualized in books and in the youth Korchagin movement. But at the end of the XX century the political development paradigm has changed which put an end to this myth. As a result of this, mid 1980s is regarded by the authors as the final stage in memorialization of Nikolay Ostrovskiy.

Keywords: reprint, book culture, Nikolay Ostrovskiy, “How the Steel Was Tempered”, “Born of the Storm”, L. D. Genkin, Fundamental Library of the Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl regional publishing house.

Николай Алексеевич Островский (1904–1936) значился в числе десяти наиболее издаваемых в СССР в 1918–1986 гг. советских писателей: его книги выходили 750 раз на 74 языках общим тиражом почти 52 млн экз. [6, с. 395].

Основные вехи биографии писателя без идеологического антуража таковы. Участник Гражданской войны: с 15 лет воевал в кавалерийской бригаде Г. И. Котовского и в Первой Конной армии; демобилизован после тяжелого ранения. Боролся с повстанческим движением в составе частей особого назначения, по некоторым данным служил сотрудником ЧК, затем перешел на комсомольскую работу. Во время участия в строительстве железнодорожной ветки к Киеву сильно простудился, болел тифом. С 1927 г. и до конца жизни оставался прикованным к постели тяжелой болезнью (по официальной версии – как следствие ранения и тяжелой работы; в начале XXI в. на основе достижений современной медицины выдвигается гипотеза, что действительный диагноз писателя – болезнь Бехтерева – могла носить наследственный характер).

Основным произведением писателя является роман «Как закалялась сталь». В данной статье мы не анализируем роль в создании текста романа ответственного редактора издательства «Молодая гвардия» А. Караваевой, зам. редактора издательства М. Колосова и писателя А. Серафимовича, которым при подготовке первого издания романа «Как закалялась сталь» в 1932 г. «приходилось (по заданию партии) не просто редактировать рукопись, но и дописывать и даже переписывать ее…» [11]; позже Н. А. Островский и сам признавал их значительную роль в работе над текстом.

Главный герой романа, Павка Корчагин, полвека являл советскому массовому читателю идеал строителя нового коммунистического общества – достаточно убедительный, казалось бы, не

© Скибинская О. Н., 2015

только идеологический, но и художественный образ. Но для нас он интересен тем, что в советской литературе феномен мифологизации как автора, так и его героя в одном историческом контексте до этого встречается, пожалуй, только в случае с Д. А. Фурмановым и его «Чапаевым». Однако образ героя Н. А. Островского, на наш взгляд, впервые в истории советской литературы практически сливается с образом автора (последний, по А. Фадееву, сам «жил героической жизнью… сталинских дней», нес в массы новые идеалы – «великую преданность делу трудящихся, страстность борцов-революционеров, <…> бесстрашный революционный ум»), тем самым «обеспечивая» экспрессивность, притягательность и кажущуюся доступность предлагаемого читателю идеала.

Ранний уход Островского из жизни органично вписывался в заданный единый образ автора-героя – борца-мученика, своего рода нового Христа нового общества, а потому (как ни антигуманно это звучит) был насущно необходим: он одарил жизнь «писателя-коммуниста» логической, а образ его героя – художественной завершенностью, доведя героизацию до высшей, почти неловкой в рамках соцреализма степени, почти созидая невозможный мировоззренческий метод художественного творчества – социалистический сюрреализм.

Главное произведение Н. А. Островского с 1932 г. при жизни автора издавалось 41 раз. Вышедший в 1937 г. в Ярославском областном издательстве роман «Как закалялась сталь» стал 42-м переизданием [12] и, как мы установили в ходе наших исследований, первым посмертным.

Государственное книжное издательство начало действовать в Ярославле с конца 1936 г. как одна из региональных структур Объединения книжно-журнальных государственных издательств (ОГИЗ). Его первым руководителем являлся Лазарь Борисович Генкин (1936–1939), до этого активно занимавшийся комсомольской и партийной работой (в дальнейшем Л. Б. Генкин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук; в 1945–1962 гг. работал в Ярославском педагогическом институте доцентом, а затем профессором, заведующим кафедрой истории СССР, в 1962-м переехал работать в Воронежский университет). Книжный репертуар местного издательства в СССР не мог не быть идеологически ориентированным, хотя при этом необходимо отметить, что идеологическая составляющая учитывала и региональные историко-культурные аспекты: среди первых ярославских изданий – брошюра с речью М. И. Калинина на первом ярославском областном слете колхозников-льноводов; сборник воспоминаний ярославцев – участников гражданской войны; очерк об истории Углича; первыми художественными изданиями были заявлены роман Николая Островского «Как закалялась сталь» и трехтомник произведений Н. А. Некрасова.

Литературным редактором переиздания романа «Как закалялась стать» выступил сам Л. Б. Генкин. Ни автор романа, родившийся на Украине, ни события, описанные в его произведении, не имеют никакого отношения к Ярославскому краю, но идеологическое значение книги было столь высоко, что региональные аспекты отступали на второй план, теряли свою актуальность (мы полагаем, что местным издательствам была «спущена» соответствующая директива ОГИЗа). Уроженец Киева Л. Б. Генкин (видимо, на правах земляка) лично встречался с Н. А. Островским в Москве и договаривался с писателем об издании в Ярославле его произведений. Вот как Генкин вспоминал об этой встрече:

«Я коротко излагаю свою просьбу. И он сразу же соглашается на издание. Говорит, что книга “Как закалялась сталь” особенно дорога ему – в ней история его жизни.

Николай Алексеевич спрашивает, что говорят читатели о его книге. Я рассказываю о конференциях, которые проходили в Ярославле на крупных предприятиях. Затем разговор переходит на другие темы: о работе ярославских заводов, о гражданской войне в Испании, которая волновала тогда всех нас… Многогранная и кипучая жизнь Советской страны, деятельность зарубежных революционеров – обо всем этом он говорит с полным знанием дела, страстно, горячо. Болезнь и страдания не властны над его могучим и непокорным духом, пытливым умом… Он задает все новые и новые вопросы, рассказывает о книге, которую почти закончил – “Рожденные бурей”, и приглашает меня участвовать в ее обсуждении. Пользуюсь случаем и прошу его, когда новая книга будет закончена, разрешить опубликовать ее в Ярославле. Он охотно дает согласие…

В декабре того же 1936 года я снова был в Москве. Поднимаюсь по знакомой уже лестнице. Смело открываю дверь в прихожую. Что это? В прихожей горит синяя лампочка. У столика, уставленного медикаментами, стоит женщина в белом халате. Больно сжимается сердце. Ночью я

уехал обратно. Поезд приходил в Ярославль утром. Когда я вышел из вагона, радио передавало последние известия. Сообщалось о смерти Николая Алексеевича Островского» [1, с. 144–155].

Николай Алексеевич Островский умер 22 декабря 1936 г. Судя по дате сдачи редактуры романа «Как закалялась сталь» в производство, 1 декабря 1936 г. редакционная подготовка переиздания была закончена еще при жизни писателя. Но подписано к печати оно 26 января 1937 г., уже после его смерти. Книгу издали тиражом 10 тыс. экземпляров. Печатали издание в Костромской типографии им. М. Горького. Первая часть тиража вышла в конце января 1937 г., оставшаяся часть – в феврале [4].

Единственный выявленный нами экземпляр из этого ярославского тиража, с аутентичным переплетом, своего рода артефакт, хранится по настоящее время в редком фонде фундаментальной библиотеки ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Издание открывает статья «Жизнь и смерть большевика» – передовица из «Правды» от 23 декабря 1936 г., опубликованная на другой день после смерти писателя. В ней в очередной раз презентируется официально оформленный миф, в который изначально была трансформирована биография автора, который «горел жаждой жизни и борьбы», автора, создавшего «незабываемые образы новых людей, закаленных, как сталь, в огне Октябрьской революции», в которых «многомиллионное эхо читателей узнавало себя и свое поколение» [5, с. 5–7]. Далее напечатан текст выступления по радио самого Николая Островского «Мужество рождается в борьбе» – приветствие IX съезду ЛКСМУ. Ярославское издание проиллюстрировано портретом Н. А. Островского, довольно сильно отретушированным. Примечательный момент: видимо, при перефотографировании или верстке книги второпях была допущена оплошность – изображение писателя перевернули, в результате чего орден оказался «прикреплен» к правой стороне груди (по статуту орден Ленина носят на левой стороне груди).

«Интерес к этой книге в Ярославле был огромен, – вспоминает Г. М. Калинкина, которая трудилась в те годы в библиотеке Ярославского пединститута. – Она никого не оставляла равнодушным, звала к жизни, полнокровной, на благо общества» [4]. Позже роман «Как закалялась статья» многократно переиздавался в областных издательствах. В Ярославле местное издательство выпускало главное произведение Николая Островского к юбилейным датам памяти писателя: в 1950, 1966, 1976, 1986 гг. Экземпляры тиража 1950 г. издания нами в ярославских библиотеках не выявлены (в частности, в библиотеке ЯГПУ, со слов его сотрудников, издание было списано и уничтожено из-за ветхого состояния). Издание 1966 г., вышедшее в Ярославле тиражом в 150 тыс. экземпляров, сопровождалось вступительной статьей Михаила Кольцова, иллюстрировано Наркисом Флоринским [13].

Н. А. Островский ушел из жизни, едва завершив работу над первой книгой нового произведения – «Рожденные бурей». Тем не менее этот незаконченный роман входил в десятку наиболее издаваемых в СССР произведений советских авторов: с 1918 по 1986 г. его издали 169 раз общим тиражом почти 8,9 млн. экз. [6, с. 397]. Новый роман задумывался как произведение о борьбе пролетариата Украины против Польши и одновременно о грядущей борьбе с фашизмом.

Первое издание романа «Рожденные бурей» напечатано было в местном издательстве в Курске [14; см. также: 3; 17]. В первом полугодии 1937 г. и Ярославское областное издательство выпускает первую книгу романа Островского «Рожденные бурей» объемом в 10 авторских листов тиражом 20 200 экземпляров [15].

Подготовленная к изданию рукопись была сдана в производство 14 марта 1937 г., то есть менее чем через три месяца после смерти автора. В предисловии к изданию (не исключено, что оно написано Л. Б. Генкиным, хотя нередко случалось, что идейно выверенные тексты «спускали» на места из центра; о высоком статусе автора данного текста говорят сохранившиеся грамматические ошибки, которые «рядовой» корректор просто не смел исправлять), говорится: «Роман “Рожденные бурей” писателя-орденоносца Н. Островского глубоко и правдиво показывает организацию коммунистической партией сил рабочего класса и беднейшего крестьянства Западной Украины и Польши на борьбу против магнатов и белогвардейской военной клики за Великую социалистическую революцию. Во 2-й и 3-й книгах романа автор хотел показать рост партизанского движения, петлюровщину, работу комсомола в подполье, польско-советскую войну 1920 года и освобождении Украины от белополяков… Роман издается по окончательному тексту рукописи» [15, с. 2]. Стилистика текста вполне соответствует стилистике массово-политических публицистических текстов конца 1930-х гг.

Экземпляры из данного тиража с аутентичной переплетной крышкой в ярославских книгохранилищах нами не выявлены. Сохранившийся в фонде фундаментальной библиотеки ЯГПУ экземпляр был подвергнут реставрации. Указанное издание иллюстрировано тем же «каноническим» портретом писателя, но орден уже находится на «законной», левой, стороне груди.

Однако биография-миф Н. А. Островского в 1930–1980-х гг. репрезентировалась в Ярославском крае не только в контексте формирующейся региональной книжной культуры. Широкое распространение среди молодежи получило так называемое корчагинское движение.

В октябре 1936 г. ярославцы, участники автопробега, организованного для испытания шин Ярославского резино-асбестового комбината, побывали в Сочи в гостях у писателя (в 1935 г. Николай Островский, пятый среди писателей, становится орденоносцем; правительство строит ему дом в Сочи, дает квартиру в Москве). Предпринятая акция освещалась на страницах областной газеты «Северный край» руководителем автопробега, начальником областной автоинспекции Н. Ф. Емельяновым [7]. В 1964 г. состоялся второй автопробег Ярославль – Сочи – Ярославль, приуроченный к 60-й годовщине со дня рождения писателя; в 1968 г. – третий. Каждый раз обязательным пунктом программы было посещение комсомольцами Ярославского шинного завода музея Н. А. Островского в Сочи.

Ярославский скульптор Е. Б. Югова в середине 1960-х создает трехметровую скульптуру в бронзе «За власть Советов», которой уже «в процессе изготовления в литейном цехе завода “Пролетарская свобода” рабочие дали название “Павка Корчагин”… Стремительно скачущему в буденовке с обнаженной шашкой юноше прообразом послужил дед Елены Борисовны, ходивший в походы конницы Буденного. Скульптуру увезли в Ленинградский военный округ, позднее ее след затерялся… в Москве в высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ сохранилась гипсовая копия этой работы» [16]. Изначально скульптура предназначалась для музея Н. А. Островского в Москве [2].

До конца 1980-х гг. имя Николая Островского в Ярославской области носили загородный пионерский лагерь фабрики «Красный Перекоп» [10], лагерь труда и отдыха школы № 27 [18], десятки школьных дружин и пионерских отрядов и др.

В середине 1980-х гг. руководитель Ярославской городской школы юных журналистов В. А. Горобченко стал инициатором и организатором активной военно-патриотической деятельности юнкоров. Школьники встречались с участниками автопробегов, записывали их воспоминания и публиковали их в местной печати; переписывались с сестрой писателя, Екатериной Алексеевной, с его матерью – Ольгой Осиповной Островской [4], интервьюировали актера Василия Ланового, сыгравшего роль Павки Корчагина [8], установили связь практически со всеми музеями Н. А. Островского в стране, побывали во многих из них. Часть материалов, выявленных школой юных журналистов в ходе поисковой работы, – фотографий, документов, записанных воспоминаний ветеранов войны и труда – были переданы в музеи Н. А. Островского в Москве, Сочи, Шепетовке.

Был сформирован и в 1986 г. издан каталог «Николай Островский и Ярославский край» [9]. В него включены указатели публицистических выступлений Н. А. Островского, воспоминаний о писателе, литературоведческих исследований, библиографические указатели изданий, вышедших в центральных издательствах («Просвещение», «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Книга» и др.), а также в некоторых местных издательствах. В отдельные разделы каталога вынесены произведения писателя, выпущенные ярославским издательством, и публикации 1960–1980-х гг. в областных газетах «Северный край» и «Юность» – воспоминания участников автопробега 1936 г. и статьи юнкоров, занимавшихся поисковой работой, и т. д.

Как видим, пятьдесят лет спустя, в середине 1980-х годов, в историко-культурном контексте актуализируется связанная с Н. А. Островским мемориальная составляющая (80-летие со дня рождения отмечалось в 1984 г.; 50-летие со дня смерти – в 1986 г.). В Верхне-Волжском книжном издательстве вышло очередное переиздание основного произведения писателя (1986). Результаты военно-патриотической деятельности ярославских юнкоров: письменная фиксация воспоминаний ярославцев – участников автопробегов 1936 и 1964 гг.; выявление документов и других материалов, связанных с жизнью и деятельностью писателя; активная публицистическая деятельность; подготовка и издание каталога «Николай Островский и Ярославский край». В контексте смены в конце XX в. парадигмы политического развития страны эту деятельность можно расценить как итоговую в мемориализа-

ции памяти о Н. А. Островском в региональном историко-культурном пространстве.

Библиографический список

1. Генкин, Л. Юность моего поколения [Текст] / Л. Генкин // Подъем. – 1969. – № 1.

2. Горбачев, В. Заложен парк имени писателя-большевика [Текст] / В. Горбачев // Северный рабочий. – 1964. – 29 октября.

3. Горобченко, В. Неизвестное издание [Текст] / В. Горобченко // Северный рабочий. – 1986. – 3 августа.

4. Горобченко, В. Память об Островском [Текст] / В. Горобченко // Северный рабочий. – 1986. – 4 января.

5. Жизнь и смерть большевика [Текст] // Островский, Н. Как закалялась сталь : Роман в двух частях. – 42-е изд. – Ярославль : Яр. обл. изд-во, 1937.

6. Карайченцева, С. А. Книговедение: литературно-художественная и детская книга. Издания по филологии и искусству [Текст] : учеб. для вузов / С. А. Карайченцева. – М. : МГУП, 2004. – 424 с.

7. Козлова, Е. Вице-командор, собкор «Северного» [Текст] / Е. Козлова // Северный рабочий. – 1986. – 11 апреля.

8. Лановой, В. Мне дорог Павка… [Текст] / В. Лановой // Юность. – 1986. – 2 октября.

9. Николай Островский и Ярославский край (к 50-летию памяти писателя) [Текст] : рекоменд. список-указатель литературы / сост. В. А. Горобченко, А. С. Шильников, А. Б. Насибова. – Ярославль : РИО Яросл. гос. ун-та., 1986. – 10 с.

10. Образцова, И. Поднимает флаги пионерский лагерь [Текст] / И. Образцова // Юность. – 1986. – 20 марта.

11. Островский Н. А. [Электронный ресурс] // Биографии. – Сайт Litra.ru. – Режим доступа: http://www.litra.ru/biography/get/wrid/00012601184773068338/. – (Дата обращения: 29.04.2015).

12. Островский, Н. Как закалялась сталь [Текст] : Роман в двух частях / Н. Островский. – 42-е изд. – Ярославль : Яр. обл. изд-во, 1937. – 366 с.

13. Островский Н. А. Как закалялась сталь [Текст] / Н. А. Островский. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966. – 351 с.

14. Островский, Н. Рожденные бурей [Текст] : роман / Н. Островский. – 1-е изд. – Курск : Облиздат, 1936. – 184 с.

15. Островский, Н. Рожденные бурей [Текст] : Роман. Книга первая / Н. Островский. – Ярославль : Яр. обл. изд-во, 1937. – 211 с.

16. Танчук, А. Творить по чести и правде [Текст] / А. Танчук // Северный край. – 2002. – 15 октября.

17. Травина, А. Книга-боец: О первом издании в Курске книги Н. Островского «Рожденные бурей» [Текст] / А. Травина // Курская правда. – 1986. – 14 сентября.

18. Третьякова, О. Дела «Корчагинца» [Текст] / О. Третьякова // Юность. – 1986. – 2 сентября.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

1. Genkin, L. Junost' moego pokolenija [Tekst] / L. Genkin // Pod#em. – 1969. – № 1.

2. Gorbachev, V. Zalozhen park imeni pisa-telja-bol'shevika [Tekst] / V. Gorbachev // Severnyj rabochij. – 1964. – 29 oktjabrja.

3. Gorobchenko, V. Neizvestnoe izdanie [Tekst] / V. Gorobchenko // Severnyj rabochij. – 1986. – 3 avgusta.

4. Gorobchenko, V. Pamjat' ob Ostrovskom [Tekst] / V. Gorobchenko // Severnyj rabochij. – 1986. – 4 janvarja.

5. Zhizn' i smert' bol'shevika [Tekst] // Ostrovskij, N. Kak zakaljalas' stal' : Roman v dvuh chastjah. – 42-e izd. – Jaroslavl' : Jar. obl. izd-vo, 1937.

6. Karajchenceva, S. A. Knigovedenie: literaturno-hudozhestvennaja i detskaja kniga. Izdanija po filologii i iskusstvu [Tekst] : ucheb. dlja vuzov / S. A. Karajchenceva. – M. : MGUP, 2004. – 424 s.

7. Kozlova, E. Vice-komandor, sobkor «Severnogo» [Tekst] / E. Kozlova // Severnyj rabochij. – 1986. – 11 aprelja.

8. Lanovoj, V. Mne dorog Pavka… [Tekst] / V. Lanovoj // Junost'. – 1986. – 2 oktjabrja.

9. Nikolaj Ostrovskij i Jaroslavskij kraj (k 50-letiju pamjati pisatelja) [Tekst] : rekomend. spisok-ukazatel' literatury / sost. V. A. Gorobchenko, A. S. Shil'nikov, A. B. Nasibova. – Jaroslavl' : RIO Jarosl. gos. un-ta., 1986. – 10 s.

10. Obrazcova, I. Podnimaet flagi pionerskij lager' [Tekst] / I. Obrazcova // Junost'. – 1986. – 20 marta.

11. Ostrovskij N. A. [Jelektronnyj re-surs] // Biografii. – Sajt Litra.ru. – Rezhim dostupa: http://www.litra.ru/biography/get/wrid/00012601184773068338/. – (Data obrashhenija: 29.04.2015).

12. Ostrovskij, N. Kak zakaljalas' stal' [Tekst] : Roman v dvuh chastjah / N. Ostrovskij. – 42-e izd. – Jaroslavl' : Jar. obl. izd-vo, 1937. – 366 s.

13. Ostrovskij N. A. Kak zakaljalas' stal' [Tekst] / N. A. Ostrovskij. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1966. – 351 s.

14. Ostrovskij, N. Rozhdennye burej [Tekst] : roman / N. Ostrovskij. – 1-e izd. – Kursk : Obllitizdat, 1936. – 184 s.

15. Ostrovskij, N. Rozhdennye burej [Tekst] : Roman. Kniga pervaja / N. Ostrovskij. – Jaroslavl' : Jar. obl. izd-vo, 1937. – 211 s.

16. Tanchuk, A. Tvorit' po chesti i pravde [Tekst] / A. Tanchuk // Severnyj kraj. – 2002. – 15 oktjabrja.

17. Travina, A. Kniga-boec: O pervom izda-nii v Kurske knigi N. Ostrovskogo «Rozhdennye burej» [Tekst] / A. Travina // Kurskaja pravda. – 1986. – 14 sentjabrja.

18. Tret'jakova, O. Dela «Korchaginca» [Tekst] / O. Tret'jakova // Junost'. – 1986. – 2 sentjabrja.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

УДК 008:1–027.21, 008(091)

Н. А. Хренов

Утопия по-советски: хилиастическая изнанка революционного авангарда

Статья представляет собой вторую часть культурфилософского исследования утопического комплекса русского искусства первой половины XX века. Обосновывается типология утопии: либерально-гуманистический, консервативный, социалистическо-коммунистический и хилиастический варианты. Раскрываются основания и установки консервативного типа утопии. Раскрывается культурфилософский смысл утопизма авангарда как синтеза социалистическо-коммунистической и хилиастической утопий.

Ключевые слова: утопический комплекс, русское искусство, первая половина XX века, авангард, типология утопии.

N. A. Khrenov

Utopia Soviet style: chiliastic underside of revolutionary avant-garde

This article is the second part of a cultural-philosophic research. The author studies the utopian complex of the Russian art in the first half of the XX century. Utopian typology is substantiated. The variants are the following: liberal-humanistic, conservative, socialist-communist and chiliastic. The conservative type of utopia is analyzed. The author shows cultural-philosophic meaning of avant-garde utopism as the synthesis of socialist-communist and chiliastic utopias.

Key words: utopian complex, Russian art, first half of the XX century, avant-garde, typology of utopia.

В предыдущей статье, посвященной утопическим аспектам художественного авангарда начала XX в., мы показали, как авангард, возникший в эпоху Серебряного века, трансформируется в авангард советский, революционный. Он утрачивает пассеистическое начало и развивается в футуристическую систему, что ему и позволило вписаться в новую идеологию.

Наиболее интересной темой является **установка на прошлое как основа консервативной утопии и как содержание «коллективного бессознательного» в авангарде.**

Вернемся непосредственно к опыту русского авангарда, трансформировавшегося в авангард советский, утративший пассеистское начало и развившийся в футуристическую систему, что ему и позволило вписаться до поры до времени в политический авангард. Наиболее интересной темой здесь, пожалуй, будет соотношение в авангарде 20-х гг. сознания и подсознания. Каким бы сильным ни было увлекаемое идеологией как футуристической утопией сознание авангарда, свидетельствующее о радикализме, революционности и готовности разрушить все консервативное, все же авангард не переставал оставаться художественной стихией, а ведь именно подсознание ее и питает. Поэтому творческие порождения демонстрируют не только футуристическую утопию в политически оформленное мировоззрение, но подсознательно постоянно реабилитируют утопию в ее консервативной форме.

Вот эта амбивалентность творческих порождений авангарда не будет понятной до конца, если не учитывать очень существенного фактора, максимально проявившегося в 20-е гг. Фактора, способствовавшего трансформации символизма в свое радикальное крыло – футуризм. Речь идет о грандиозном омассовлении культуры. Рождающийся символизм был чрезвычайно элитарным направлением. Но вызванные им художественные формы были обращены в будущее, а будущее было связано с тем, что Х. Ортега-и-Гассет обозначил как «восстание масс». Поэтому в формах футуризма символизм пытался овладеть массовой стихией, ведь, как известно, с футуризмом связан культ масс, ориентация на массу. Собственно, это одна из острых проблем, которую пришлось решать кинематографу 20-х гг. и, в особенности, киноавангарду.

Теоретические сочинения С. Эйзенштейна позволяют судить о том, какой острой была эта

© Хренов Н. А., 2015

проблема. Но эта проблема контакта с массой означала и представление о ментальности массы, которая любое историческое явление способна воспринимать в фольклорном, то есть в средневековом духе. Хотя масса – это порождение процессов урбанизации и, следовательно, становления уже городской культуры, тем не менее, на ранних этапах города масса все еще сохраняет в своем сознании фольклорные способы мышления. Выступая на первом совещании работников советской кинематографии, С. Эйзенштейн сформулировал связь рождающегося языка кино с фольклорными формами.

Но здесь важно, что в фольклоре зафиксированы особые формы утопии, в частности, утопии в форме пространства. К. Чистов исследовал вопрос об образе Беловодья как утопического пространства [16], в поисках которого двигались те, которых Ф. Достоевский в своей знаменитой речи на юбилее А. Пушкина назвал странниками. Но тип странника, которого можно обнаружить не только в крестьянине как носителе традиционной культуры, но и во всех других слоях населения, в том числе, и интеллигенции, в концепции Г. Федотова вообще выражает дух «культуры Два». Ясно, что эта утопия в ее традиционном, фольклорном виде в возбужденном, катастрофическом сознании массы 20-х гг. не могла не актуализироваться. Сама масса, а не только художники авангарда, жаждала утопии.

В России в первых десятилетиях XX в. все было начинено утопией: и художественная элита в виде авангарда, и крестьянская масса, и те слои этой массы, что мигрировали в город и там оседали, и, наконец, носители большевистской идеологии, вобравшей в себя революционный утопизм, во всяком случае, до своего перерождения. Тем не менее, разрыв между утопическим сознанием и сознанием массы все же существовал. В кинематографе этот разрыв ощущался особенно остро. Ведь, скажем, супрематические полотна К. Малевича могли существовать и без контакта с массой, но фильмы без массовой публики существовать не могут. Ясно, что история – это в то же время и история рождения и осуществления утопий. В соответствии с «коллективным бессознательным» К. Юнга эти утопии постоянно трансформировались, представая в зависимости от исторических ситуаций в разных вариантах. В этом смысле утопизм 20-х гг. представляет громадный интерес.

От ситуации в русской культуре XX века к типологизации видов утопии

Какие же варианты утопии всплывали в сознании человека 20-х гг.? Ясно, что, как можно представить, в этом катастрофическом сознании всплывали осколки разных вариантов утопии, начиная функционировать одновременно. Чтобы в этом разобраться, необходимо поставить вопрос, а какие вообще бывают варианты или типы утопии. Как известно, по К. Манхейму, такая типология исчерпывается четырьмя основными типами. Перечислим их. Это *либерально-гуманистическая, консервативная, социалистическо-коммунистическая* и *хилиастическая утопии*.

Конечно, определившая многое в XX в. русская революция 1917 г. демонстрирует переход от *либерально-гуманистической утопии*, которую в ее развитом виде демонстрирует западный мир и носители которой к началу XX в. имели место и в России. Во второй половине XIX в. капитализм успешно развивался, и уже тогда появились «новые русские», которые стали исчезать после 1917 г., а вместе с ними тот слой населения, который на Западе называют «третьим сословием». Следовательно, исчезли и носители либерально-гуманистической утопии. Что касается утопии *либерально-гуманистического типа,* то она не перечеркивает прошлое, но все же ориентируется на изменение миропорядка, правда это изменение должно быть не революционным, разрушительным, а постепенным, то есть эволюционным. Значит, тут особая спешка не предвидится. В результате этой революции, а точнее реформы, мир должен выйти за пределы церковно-теологического видения мира. Этому должен был способствовать приходящий на арену истории средний слой, который со временем на основе разума и построит новый, более гуманный социум.

Иначе говоря, в этой утопии определяющей идеей является идея прогресса, вовсе не предполагающая ее мгновенной реализации. Разумеется, рождением этой идеи мир обязан философии Просвещения. Как известно, эта философия своей целью ставит радикальное изменение миропорядка, но реализацию этой цели она перемещает в отдаленное будущее, не допуская мгновенной ломки государства и социума. Понятно, что прежде чем получить выражение в философии Просвещения, *либерально-гуманистическая утопия* в предшествующей истории уже существовала в виде каких-то массовых движений и

идеологий, пусть это и могло проявляться уже в религиозных формах. Таким образом, утопия этого типа имеет предысторию.

Что касается *социалистическо-коммунистической утопии*, то она тоже связана с философией Просвещения и с вызванной ею к жизни идеей прогресса. Но эта уже знакомая по просветительскому сознанию идея в своей новой форме предстает предельно радикализированной и существенно переинтерпретированной. Если иметь в виду Россию, то здесь имела место не просто возникающая на основе марксистской идеологии *социально-коммунистическая утопия*. В России основой этой утопии был марксизм в редакции Ленина и, пожалуй, в преломлении в соответствии со средневековой ментальностью. Если иметь в виду осуществление этой идеи в России, то здесь следует учитывать специфическую ментальность, ориентированную, как считал Н. Бердяев, на апокалиптическую трактовку прогресса. Ведь русскому миру ценности середины не знакомы. *Как либерально-гуманистическая*, так и *социалистическо-коммунистическая утопия* ориентирована на будущее. Это **футуристическая утопия.**

Понятно, что выразителем утопического сознания этого типа является уже не средний класс, а пролетариат. В этой среде получают признание носители самых радикальных идей, в том числе, и идеи немедленного разрушения государства, всех его институтов и имевшего место социума. Собственно, мировосприятие, соответствующее *социалистическо-коммунистической утопии*, в его крайних формах имело место в России в первых десятилетиях XX в. Видимо, проблематику художественного авангарда можно было бы вписать в мировосприятие этого типа, что в литературе о художественном авангарде и делается. Тем не менее, имеются все основания коснуться существования и других типов утопии, которые в эту эпоху тоже актуализируются.

Прежде всего, *утопии консервативного типа*, которую нельзя недооценивать. Ведь именно она, в конечном счете, придет на смену тому крайнему выражению **футуристического утопизма**, который характерен для 20-х гг. Именно футуристическая утопия и спровоцировала взрыв и реализацию *консервативной утопии*. С *консервативной утопией* обычно связана идеализация каких-то временных периодов в истории или каких-то географических мест. Понятно, что утопическое сознание вторгается в представления о пространстве и времени. Может быть, *консервативная утопия* возникла и по-настоящему определилась лишь в результате возникновения утопии *либерально-гуманистического типа,* в соответствии с которой общества должны были динамично развиваться и двигаться к более разумно устроенному социуму. Радикализм *либерально-гуманистической утопии* спровоцировал сопротивление, которое и предстало в *консервативной утопии.*

Таким образом, можно утверждать, что *утопия консервативного типа* возникает как реакция на имевшие место издержки при реализации *либерально-гуманистической утопии.* В соответствии с логикой прогресса социум постоянно переживает волны «перестроек», в результате которых разрушается не только социум, но и культура, в которой этот социум возникает. В этом смысле, конечно, в *утопии консервативного типа* имеется смысл, ведь именно она позволяет восстановить равновесие и блокирует разрушительные процессы, неизбежные в результате динамизма в развитии создаваемого третьим классом индустриального общества. Когда К. Манхейм выделяет *утопию консервативного типа* и дает ей характеристику, то он именно этого обстоятельства, то есть культуры, не учитывает. Между тем, культура – это стихия, развивающаяся между двумя полюсами – уклоном в будущее и уклоном в прошлое. Тот и другой уклон – крайности. Всякая крайность может быть опасной. Например, уклон в прошлое как опасность был аргументирован Ф. Ницше [17]. Еще и в начале XXI в. мы постигаем последствия вспыхнувшего в начале прошлого столетия уклона в будущее.

Однако если на уровне политики и стремления перестраивать социум побеждает футуризм, то *консервативная утопия* стремится к крайнему проявлению этого комплекса – противостоять. Так, собственно, обстояло дело и в России. Чем активней распространяется *либерально-гуманистическая утопия*, тем более заметным оказывался комплекс романтизма с присущей ему реабилитацией Средневековья. Эта реабилитация, кстати, распространялась на фольклор. Ведь этот пласт культуры был реабилитирован именно в эпоху романтизма с присущим ему культом народности и национальности. Но в 20-е гг. эти категории оказывались откинутыми, и они вспыхнут в коллективном сознании вновь в эпоху оттепели, например у А. Солженицына и у писателей-деревенщиков.

В России XIX в. дух консерватизма и идеализация допетровской России были присущи сла-

вянофилам. Собственно, это начало улавливается в общественных настроениях до сих пор. На рубеже XX–XXI вв. этот комплекс в формах фундаментализма заметно заявляет о себе на Ближнем Востоке. Однако спровоцированный *либерально-гуманистической утопией* консерватизм в еще большей степени противостоит *социалистическо-коммунистической утопии* в силу того, что она ориентирует не на постепенное движение к желаемому идеалу, а допускает крайний радикализм, предполагающий мгновенный слом, разрушение государственных институтов и государства в целом. Конечно, *утопия консервативного типа* характерна не только для славянофилов XIX в. По сути, она возобладала и стала доминантной в «культуре Два», то есть в сталинскую эпоху. Утопия этого типа возникает как реакция на революционную и постреволюционную катастрофу, на то видение прогресса, когда ради будущего многое, в том числе, культура приносится в жертву.

Утопизм авангарда 20-х гг. как синтез социалистическо-коммунистической и хилиастической утопий

Наконец, нельзя не сказать и о последней разновидности утопии, а именно, *утопии хилиастического типа.* Конечно, это наиболее древняя разновидность утопии, и потому она часто предстает в религиозных формах, хотя считается чужеродной христианской религии. Эта разновидность утопического сознания далека от своего философского и политического оформления. Она реализуется обычно в массовых протестных формах. Это наиболее радикальная из всех утопий, ибо ориентирована на разрушение не только государства и социума, но и культуры. При этом, в отличие от *либерально-гуманистической утопии*, усматривающей свою окончательную реализацию в будущем, хилиастическая утопия предполагает немедленное осуществление свой радикальной, разрушительной идеи. Видимо, это самая революционная из всех существующих утопий, преследующая разрушение как условие радикального преображения мира. Но раз немедленного преображения произойти не может, то это происходит в мистическом порыве. На этой позиции, как известно, стоял М. Бакунин, что, собственно, и послужило причиной его расхождения с К. Марксом, который хотя и аргументировал разрешение классового конфликта с помощью неизбежной революции, все же не был мистиком.

Поскольку носителем утопии этого типа являются угнетенные массы, то понятно, что она перекликается с *социалистическо-коммунистической утопией*. Возникая и утверждаясь в границах религиозного сознания, утопия этого типа преследуется со стороны церкви, которая стоит на консервативных началах. А уж православие-то точно является консервативной религией, ибо в своей истории избегло того, что на Западе называют Реформацией, хотя, конечно, какое-то движение в этом направлении имело место и в православной церкви. Кроме того, расхождение *хилиазма* с церковью объясняется тем, что реализацию тысячелетнего царства церковь связывала с потусторонним миром. *Хилиазм* его осуществление преследовал в посюстороннем мире, на земле и обязательно в настоящем времени. Это очень созвучно тому, что происходило в революции 1917 г., которая, по мнению Н. Бердяева, может быть включена не только в историю политики, но и в историю религии.

Это не означает, что *хилиасты* одобряют все, что связано с настоящим. Они предрасположены к радикальному пересозданию этого настоящего, к утверждению утопии, а значит, преследуют преображение настоящего непременно «здесь» и «теперь». Но поскольку в реальности мгновенно этого сделать невозможно, то на помощь приходит мистика. *Хилиазм* – это мистически окрашенное утопическое мировосприятие. Если в реальности осуществить прорыв в иной, более справедливый мир невозможно, то это можно проделать в форме мгновенного мистического прыжка в будущее. В отличие от носителя *либерально-гуманистической утопии, хилиаст* не расположен осуществление своей идеи отодвигать в далекое будущее. Он, как всякий мистик, безразличен к истории и к времени вообще. Он время игнорирует. Именно поэтому он предстает безжалостным разрушителем по отношению не только к государству и социуму, но и к культуре.

Может быть, в России постоянная недооценка культуры связана именно с тем, что в ментальности русских хилиастическая традиция является весьма активной. Проявился же *хилиазм* в революционном сознании XX в. Значит, в своих латентных формах он проявляется и в отношении к разным другим явлениям, в том числе, к культуре. Пытаясь разобраться в исключительных признаках *утопии хилиастического типа*, мы, по сути, возвращаемся к мировосприятию символистов, для которых мистическое восприятие мира многое определяло. Более того, именно в эпоху

символизма и не без активного участия символистов и происходит в России вспышка мистицизма. Вспомним, например, стихотворение раннего А. Блока из его книги «Стихи о Прекрасной Даме», передающее атмосферу крайнего возбуждения в результате экзальтированного ожидания появления Софии, когда неизбежно наступит преображение всего мира (*«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо / Все в облике одном предчувствую Тебя…»*).

Мировосприятие этого типа, родившись в элитарной среде символистов, распространялось в массовой среде. Однако точнее было бы сказать, что оно даже не распространялось благодаря символистам, а в массовой среде пробуждалось, поскольку в этой среде, еще сохраняющей средневековые фольклорные черты, оно имело место вплоть до XX в. Собственно, воспроизводя в своем романе «Серебряный голубь» сектантскую Русь, А. Белый и имел в виду этот мистицизм, столь реальный в ментальности массы.

Активность утопии хилиастического типа в русской культуре XX в. Революционное сознание как религиозное сознание

Перечислив все возможные типы утопий, вернемся к уже заявленной в самом начале мысли о том, что в реальной истории России первых десятилетий XX в. трудно выделить активизацию какого-то одного утопического сознания. Как уже отмечалось, все они актуализировались одновременно. Мы уже успели отметить, что до 1917 г. были активны и *либерально-гуманистическая,* и даже ею же спровоцированная *консервативная утопия.* Однако вместе с поражением Февральской революции в России была похоронена *либерально-гуманистическая утопия*, и ее место заняла более радикальная и даже иррациональная *социалистическо-коммунистическая утопия.* Это привело к полной замене **пассеизма футуризмом**, но уже не как художественного мировосприятия, а как политической доктрины.

Носителями *социалистическо-коммунистической утопии* явились большевики. В революционной ситуации им удалось внедрить свойственную им утопическую идею в сознание массы. Однако дело даже не в том, что им удалось внедрить в массовое сознание какую-то новую идею, в частности, *утопическую*. Их заслугой является скорее то, что они разбудили коллективное бессознательное, что привело к тому, что самая радикальная и самая жестокая утопия *социалистическо-коммунистического типа* оказалась упакованной в древнюю *хилиастическую* стихию. Революционнные настроения стали причиной взрыва архаического сознания и, соответственно, хилиастического сознания массы. Ведь в массовом сознании утопизм всегда «дремал». Как утверждает исследователь утопического народного сознания К. Чистов, историю утопизма следует начинать с народных утопических идей в форме легенд. Исходной точкой утопии является представление об острове, на который переселяются души предков. Еще в эпоху и гражданской войны, и коллективизации в крестьянской массе грезили о Беловодье [19].

Среди таких легенд фольклорного типа, как утверждает А. Панченко, имели место именно легенды *хилиастического типа* [20]. Хилиастическая составляющая коллективного бессознательного стала основой объединения самых разных форм утопизма. Именно она позволила усматривать в анархическом революционном взрыве, истоком которого был атеизм и рационализм Просвещения, религиозный смысл, о чем превосходно писал С. Булгаков в статье, опубликованной в знаменитом сборнике «Вехи». О том, что социалистическая идея на уровне массового сознания трансформировалась в идею религиозную, догадывался не только А. Луначарский, издавший на эту тему два тома под названием «Религия и социализм», но и, в том числе, Н. Бердяев, высказавшийся об этом в книге о Достоевском, а также С. Булгаков, глубоко проникнувший в религиозную суть революционной ментальности.

Именно это обстоятельство – окраска *социалистическо-коммунистической утопии* **хилиазмом** – стало причиной того, почему характерные для русской революции, как и вообще для всякой революции, в том числе, и Французской, которой грезил юный С. Эйзенштейн, образы жестокости не оттолкнули массу. Как не оттолкнули от русской революции на ее ранней стадии народы всего мира. Благодаря **хилиазму** была вызвана к жизни благородная аура жестокого революционного взрыва, которая стала ослабевать лишь во второй половине XX в., что и привело к новым потрясениям. Следует воздать должное К. Манхейму, констатирующему, что одухотворяет революционное насилие именно **хилиазм.** Он становится причиной возникновения приемлемой и гипнотически воздействующей на массу ауры. Когда же восприятие революции лишается этой ауры, то происходит ее переоценка, что со временем в России и произошло. «В тех случаях, – пишет К. Манхейм, – когда хилиазм теряет свою

интенсивность и порывает с революционным движением, в мире остается лишь неприкрытая ярость масс и неодухотворенное буйство» [21, с. 101].

Однако вспышка авангарда (а эта вспышка весьма значима для первых десятилетий XX в., позволяющих идентифицировать эту эпоху как славянский или русский культурный ренессанс) соотносится лишь с этим прорывом в большевистское сознание хилиастической стихии. Когда в результате террора и гражданской войны **хилиазм** постепенно угасает, авангард в своей истории заканчивает самый блестящий период своей жизни. Приходящая на смену *хилиастической утопии* в эпоху Сталина *утопия консервативного типа* позволила А. Раппапорту утверждать, что сталинизм лишил авангард возможности умереть собственной смертью [22]. Поэтому и не следует преувеличивать то значение, которое имела для творческой вспышки в виде авангарда революция. Во многом эта вспышка обязана прорыву **хилиазма** и **мистицизма**, что было характерно уже для мировосприятия символистов.

Библиографический список

16. Чистов, К. Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд) [Текст] / К. Чистов. – СПб., 2003.

17. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни [Текст] // Ницше, Ф. Сочинения в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 158.

18. Степун, Ф. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма [Текст] / Ф. Степун. – СПб, 2012.

19. Чистов, К. Утопии и современность [Текст] / К. Чистов // Русские утопии. – СПб., 1995. – С. 53.

20. Панченко, А. Религиозный утопизм русских мистических сект [Текст] / А. Панченко // Русские утопии. – СПб., 1995. – С. 207.

21. Манхейм, К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Манхейм. – М., 1994. – С. 184.

22. Раппапорт, А. Утопия и авангард: портрет у Малевича и Филонова [Текст] / А. Раппапорт // Вопросы философии. – 1991. – № 11. – С. 33.

Bibliograficheskij spisok *(in Russ)*

16. Chistov, K. Russkaja narodnaja utopija (Genezis i funkcii social'no-utopicheskih legend) [Tekst] / K. Chistov. – SPb., 2003.

17. Nicshe, F. O pol'ze i vrede istorii dlja zhizni // Nicshe, F. Sochinenija v 2-h t. – T. 1. – M., 1990. – S. 158.

18. Stepun, F. Misticheskoe mirovidenie. Pjat' obrazov russkogo simvolizma [Tekst] / F. Stepun. – SPb, 2012.

19. Chistov, K. Utopii i sovremennost' [Tekst] / K. Chistov // Russkie utopii. – SPb., 1995. – S. 53.

20. Panchenko, A. Religioznyj utopizm rus-skih misticheskih sekt [Tekst] / A. Panchenko // Russkie utopii. – SPb., 1995. – S. 207.

21. Manhejm, K. Diagnoz nashego vremeni [Tekst] / K. Manhejm. – M., 1994. – S. 184.

22. Rappaport, A. Utopija i avangard: portret u Malevicha i Felonova [Tekst] / A. Rappaport // Voprosy filosofii. – 1991. – № 11. – S. 33.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.03.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 81+026.06 (63)

Е. Г. Борисова

Лингвопрагматика сегодня: заметки с XIV конференции Международной прагматической ассоциации (Антверпен, Бельгия, июль 2015 года)

Дается обзор докладов и выступлений на XIV конференции Международной прагматической ассоциации, посвященной развитию основных научных тенденции в прагматике.

Ключевые слова: прагматика, взаимодействие, речевые акты, дискурсивные маркеры, метонимия.

ACCOUNTS AND REVIEWS

E. G. Borisova

Pragmatics today: XIV conference of International Pragmatics Association (Antwerp, Belgium, July 2015)

The article presents an overview of the reports and talks at the XIV Conference of International Pragmatics Association devoted to the development of the main scientific trends in pragmatics.

Key-words: Pragmatics, interaction, speech acts, discourse markers, metonymy.

Лингвопрагматика, или, как говорят лингвисты, прагматика, – далеко не новое понятие и в мире, и в России. В начале 80-х гг. в СССР, в г. Калинин (Тверь), прошла первая Всесоюзная конференция в данной области. Инициатором выступил И. П. Сусов, приехали известные исследователи из Москвы, Ленинграда и многих других городов. По времени это совпадает с началом международной активности в данной области: специалисты-прагматики отмечают тридцатилетие конференции в Виареджо (Италия, 1985г.), которую считают первой в ряду конференций Прагматической ассоциации (IPrA). И отечественные – советские, а затем российские, украинские, литовские и другие исследователи – принимали участие в целом ряде конференций, входили в ассоциацию. Среди них – Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, И. М. Богуславский, А. А. Кибрик, М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, А. Д. Шмелев и многие другие.

Однако в целом интерес к лингвистическому направлению «прагматика» в России сейчас очень невелик. У нас не читают курсов по прагматике, соответственно, нет учебников, научной периодики. Вместе с тем многие отечественные исследования достаточно близки по тематике к направлению, широко распространенному в Европе, США, Канаде, Японии, Китае и многих других странах мира. Чтобы убедиться в этом, стоит познакомиться с тематикой XIV конференции Международной прагматической ассоциации, проходившей в Антверпене (Бельгия) в июле 2015 г. и собравшей более 700 участников.

В основе выделения прагматики в отдельное направление лежат три кита: **теория речевых актов**, **постулаты Грайса** и **идея взаимодействия (interaction)**, которые и послужили основой для исследований. Естественно, что за четыре десятилетия развития прагматического направления фокус внимания несколько сместился по мере того, как исследователи получали

© Борисова Е. Г., 2015

новые результаты. Ставшие классическими постулаты Грайса, естественно, не отменены, но во многом были вытеснены исследованиями принципа релевантности, провозглашенного Дейдре Уилсон и Дэном Спербером в начале 90-х гг. Вопросы взаимодействия рассматриваются в самых различных направлениях – от описания структуры диалога до выявления гендерных и (что появилось недавно!) возрастных особенностей собеседников. Все эти тенденции нашли отражение в выступлениях на антверпенской конференции.

Широко обсуждалось взаимодействие участников общения в различных условиях – как с позиций иерархии, вежливости, построения диалога (в частности turn-taking, то есть переход роли говорящего от одного участника другому), так и в зависимости от сфер общения: семейное, профессиональное, учебное. Конечно, было немало докладов о политической коммуникации, оказываемом воздействии, о чем, в частности, говорил и известный М. Сильверстейн (Silverstein). Очень много было сообщений по особенностям интернет-коммуникаций, соцсетям, использовании символов и т. п.

Что касается речевых актов, которые рассматривались на круглом столе под руководством одного из основателей Прагматической ассоциации Марины Сбиса (Marina Sbis), то в основном речь шла о достаточно специфических актах, связанных с проблемами вежливости, косвенными актами и речевым поведением. В частности, в докладе самой Сбиса рассматривались как отдельный тип актов экзерситивы – сообщения о решении (приказы или разрешения).

Естественно, традиционное внимание уделялось дискурсивным маркерам и модальным (усилительным) частицам. Среди выступавших были признанные специалисты: Карин Аймер (K. Aijmer) (Гетеборг), автор работ по английским частицам и дискурсивным маркерам, и Керстин Фишер (K. Fischer) из Дании, благодаря которой в поле зрения исследователей попали частицы датского языка. Из дискурсивных маркеров в этом году особое внимание вызвали трансформировавшиеся глаголы типа «видеть», «думать» и т. п., широко используемые в различных языках для поддержки внимания, как хезитаторы и т. п. Интересно, что обсуждение дискурсивных маркеров шло в рамках круглого стола по субъективности, в ходе которого затрагивалась и проблема общих знаний (common ground) участников общения.

Развитие идеи релевантности нашло отражение в обсуждении проблем понимания метафоры (уже не очень активном) и метонимии. По этому вопросу высказалась Дейдре Уилсон и многие другие исследователи на круглом столе под руководством Чень Синьжень (Xinren Chen). Близким к этой проблеме был и вопрос понимания иронии, активно обсуждавшийся в разных аспектах, в основном, вместе с проблемами юмора.

В сфере внимания прагматистов постоянно находится и изучение жанров как устной, так и письменной речи. На 14 конференции этому был посвящен многодневный круглый стол (panel), руководимый Х. Грубером (H. Gruber) из Австрии, где среди исследовавших новые жанры выступила известный русист Ренате Ратмайр. Она анализировала жанр собеседования, действительно, относительно новый для России.

Ставились и вопросы взаимодействия прагматики и семантики, прагматики и грамматики – в основном, категории эведенциальности, но также лица, времени и вида.

Прикладные направления – обучение прагматике иностранного языка, речевое воздействие, педагогическое общение – обсуждались широко и активно.

К сожалению, я не могу дать полного обзора всех круглых столов (а именно они были основной формой организации обсуждений), лекций, стендовых докладов (где обнаружились и наши молодые соотечественники - компьютерщики из С-Петербурга, отмечавшие особенности профессионального общения). Для тех, кто хочет познакомиться с программой и материалами поближе, рекомендую сайт IPrA. В целом думаю, что сообществу лингвопрагматистов очень не хватает общения с теми российскими коллегами, кто занимается лингвистикой с учетом речевой деятельности. Ну и этим коллегам тоже вхождение в международное прагматическое сообщество пошло бы на пользу.

В заключение хочу поблагодарить организаторов конференции – Жефа Вершурена и Анну Веерт – за общие (нечеловеческие!) усилия по проведению столь грандиозного мероприятия и за внимание к российским исследователям.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.08.2015
Дата принятия статьи к печати: 03.09.2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Любовь Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики коммуникации ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

E-mail: antonova_lubov@mail.ru.

Бокарев Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: manrico@newmail.ru.

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: e71mih@mail.ru.

Борисова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: efcomconf@list.ru.

Бурнашева Нина Ильдаровна – доктор филологических наук; профессор ФГБОУ ВПО «Московский архитектурный институт (государственная академия)». 107031, г. Москва, улица Рождественка, дом 11/4, корпус 1, стр. 4.

E-mail: bur.ni@mail.ru.

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского». 241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.

E-mail: a.p.vasilenko@mail.ru.

Васильева Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Института иностранных языков ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет». 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33.

E-mail: libellule_26@mail.ru.

Викулова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зам. директора ИИЯ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет». 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

E-mail: vikulovalg@mail.ru.

Вишневская Галина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор Межвузовского центра гуманитарного образования ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39.

E-mail: galamail2002@mail.ru.

Гаврилова Лиана Анатольевна – аспирант кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: lion@newmail.ru.

Горошко Елена Игоревна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». Украина. 61002, г. Харьков, ул. Фрунзе, д. 21.

E-mail: olena.goroshko@yandex.ru.

Емельянов Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Ивановский филиал)».

E-mail: marveille777@yandex.ru.

Жельвис Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com.

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», Заслуженный деятель науки РФ. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: cij_yar@mail.ru.

Иванова Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

E-mail: olliva95@yandex.ru.

Киселева Наталья Витальевна – кандидат культурологии, учитель МХК МОУ СОШ №36 г. Ярославля, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГОАУ ЯО «Институт развития образования». 150014, г. Ярославль, ул. Богдановича, д. 16.

E-mail: scorti@mail.ru.

Кошемчук Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский аграрный университет». 196600, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 2

E-mail: koshemchukt@mail.ru.

Лебедева Елена Александровна – магистрант факультета филологии и коммуникации ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

E-mail: ellenl@bk.ru.

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: liotina@yandex.ru.

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: oloukine@mail.ru.

Мариничева Марина Евгеньевна – аспирант ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», старший преподаватель кафедры искусства, костюма и текстиля Института архитектуры, дизайна и искусства ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный политехнический университет». 153037, Ивановская область, г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 20.

E-mail: mzhgutova@yandex.ru.

Моцевик Артем Сергеевич – студент 1-ого курса факультета иностранных языков ФГБВОУ ВПО «Военный университет». 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14.

E-mail: motsevik96@yandex.ru.

Наумова Мария Максимовна – аспирант кафедры языкознания ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27.

E-mail: naumovamm@gmail.com.

Павлова Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». Украина. 61002, г. Харьков, ул. Фрунзе, д. 21.

E-mail: larchik.pavlovoy@gmail.com.

Панченко Надежда Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27.

E-mail: panchnn@yandex.ru.

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: rvrazumov@list.ru.

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

E-mail: oseverskaya@mail.ru.

Скибинская Ольга Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики и издательского дела, руководитель Ярославского центра регионального литературоведения факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: book-os@rambler.ru.

Суханова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru.

Тортунова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальныйуниверситет». 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

E-mail: tortunova@yandex.ru.

Филлиповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: rector@yspu.yar.ru.

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор ФГБ НИУ «Государственный институт искусствознания», главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры.

E-mail: nihrenov@mail.ru.

Цветкова Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: astra-211@ mail.ru

Цумарев Алексей Эдуардович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела культуры русской речи ФГБУН «Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

E-mail: zumarew@yandex.ru.

Шаронов Игорь Алексеевич – доктор филологических наук, декан института лингвистики ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

E-mail: igor_sharonov@mail.ru.

Шмелева Елена Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

E-mail: eshkind@mail.ru.

Шутая Наталья Константиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальныйуниверситет». 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

E-mail: Shutaya@y andex.ru.

AUTHORS

Antonova Lubov Gennadyevna – Doctor of Education, Professor, Department of Theory and Practice of Communication, Yaroslavl Demidov State University. 150000, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14.
E-mail: antonova_lubov@mail.ru.

Bokarev Alexei Sergeevich – Candidate of Philology, Senior lecturer, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.
E-mail: manrico@newmail.ru.

Boldyreva Elena Mikhailovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.
E-mail: e71mih@mail.ru.

Borisova Elena Georgievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University, 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38
E-mail: efcomconf@list.ru.

Burnasheva Nina Ildarovna – Doctor of Philology, Professor, Moscow Architectural Institute (State Academy). 107031, Moscow, Rozhdestvenka st., 11/4, house 1, building 4.
E-mail: bur.ni@mail.ru.

Vasilenko Anatoly Petrovich – Doctor of Philology, Professor, Department of the French Language, I.G. Petrovsky Bryansk State University. 241036, Bryansk, Bezhitskaya st., 14.
E-mail: a.p.vasilenko@mail.ru.

Vasilieva Ekaterina Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University. 185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin av., 33.
E-mail: libellule_26@mail.ru.

Vikulova Larisa Georgievna – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director on scientific work and international cooperation, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University. 129226, Moscow, 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, 4/1.
E-mail: vikulovalg@mail.ru.

Vishnevskaya Galina Mikhailovna –Doctor of Philology, Professor of Intercollegiate Centre of Humanitarian Education, Ivanovo State University. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39.
E-mail: galamail2002@mail.ru.

Gavrilova Liana Anatolievna – post-graduate student, Department of Russian Literature, Yaroslavl Ushinsky State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.
E-mail: lion@newmail.ru.

Goroshko Elena Igorevna – Doctor of Philology, Professor, Head of department of Cross-cultural Communication and Foreign Languages, National Technical University "Kharkov Polytechnic Institute", Ukraine. 61002, Kharkov, Frunze st., 21
E-mail: olena.goroshko@yandex.ru.

Emelyanov Aleksei Anatolievich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences, Plekhanov Russian University of Economics (Ivanovo).
E-mail: marveille777@yandex.ru.

Zhelvis Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.
E-mail: v.zhelvis@gmail.com.

Zlotnikova Tatiana Semenovna – Doctor of Art, Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl, Honoured Scientist of Russian Federation. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.
E-mail: cij_yar@mail.ru.

Ivanova Olga Evgenievna – Candidate of Philology, leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.
E-mail: olliva95@yandex.ru.

Kiseleva Natalia Vitalievna – Candidate of Cultural Science, teacher of secondary school № 36, Yaroslavl, Associate Professor, Department of Humanities, Yaroslavl Regional Institute for Education Development. 150014, Yaroslavl, Bogdanovich st., 16.
E-mail: scorti@mail.ru.

Koshemchuk Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, St.-Petersburg Agricultural University. 196600, St.-Petersburg, Peterburgskoye rd., 2.
E-mail: koshemchukt@mail.ru.

Lebedeva Elena Aleksandrovna – postgraduate student, Faculty of Philology and Communication, Yaroslavl Demidov State University. 150000, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14.
E-mail: ellenl@bk.ru.

Letina Natalya Nikolayevna **–** Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: liotina@yandex.ru.

Lukin Oleg Vladimirovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of department of the Theory of Language and the German Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: oloukine@mail.ru.

Marinicheva Marina Evgenievna – postgraduate student, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Senior lecturer, Department of Art, Costume and Textile, Institute of Architecture, Design and Art, Ivanovo State Polytechnic University. 153037, Ivanovo region, Ivanovo, 8 Marta st., 20.

E-mail: mzhgutova@yandex.ru.

Motsevik Artem Sergeevich – 1st year student, Faculty of Foreign Languages, Military University. 123001, Moscow, Bolshaya Sadovaya st., 14.

E-mail: motsevik96@yandex.ru**.**

Naumova Maria Maksimovna – postgraduate student, Department of Linguistics, Volgograd State Pedagogical University. 400066, Volgograd, V.I. Lenin av., 27.

E-mail: naumovamm@gmail.com.

Pavlova Larisa Vasilievna - Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Cross-cultural Communication and Foreign Languages, National Technical University "Kharkov Polytechnic Institute", Ukraine. 61002, Kharkov, Frunze st., 21.

E-mail: larchik.pavlovoy@gmail.com.

Panchenko Nadezhda Nikolayevna **–** Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Volgograd State Pedagogical University. 400066, Volgograd, V.I. Lenin av., 27.

E-mail: panchnn@yandex.ru.

Razumov Roman Viktorovich **–** Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: rvrazumov@list.ru.

Severskaya Olga Igorevna **–** Candidate of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.

E-mail: oseverskaya@mail.ru.

Skibinskaya Olga Nikolayevna **–** Candidate of Cultural Science, Associate Professor of Journalism and Publishing Department YSPU, Head of Yaroslavl Regional Centre for Literary Studies, Faculty of Russian Philology and Culture, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: book-os@rambler.ru.

Sukhanova Irina Alekseevna **–** Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru.

Tortunova Irina Anatolievna **–** Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Russian State Social University. 129226, Moscow, Vilgelm Pik st., house 4, building 1.

E-mail: tortunova@yandex.ru.

Filippovsky German Yurievich **–** Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: rector@yspu.yar.ru.

Khrenov Nikolai Andreevich **–** Doctor of Philosophy, Professor, Federal Research Institution "State Institute of Art Studies", Chief Research Officer, Department of Mass Media and Arts, Section of Entertaining Culture.

E-mail: nihrenov@mail.ru.

Tsvetkova Olga Leonidovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory of Communication and Advertising, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108.

E-mail: astra-211@ mail.ru.

Tsumarev Alexei Eduardovich – Candidate of Philology, Senior researcher, Department of Russian Speech Culture, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.

E-mail: zumarew@yandex.ru.

Sharonov Igor Alekseevich **–** Doctor of Philology, Dean of the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6.

E-mail: igor_sharonov@mail.ru.

Shmeleva Elena Yakovlevna **–** Candidate of Philology, Senior researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.

E-mail: eshkind@mail.ru.

Shutaya Natalia Konstantinovna **–** Doctor of Philosophy, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Russian State Social University. 129226, Moscow, Vilgelma Pika st., house 4, building 1.

E-mail: Shutaya@y andex.ru.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

− 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

− поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;

− гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением.doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

− Ф. И. О. автора;

− почтовый адрес с индексом;

− контактный телефон;

− e-mail;

− ученая степень и звание;

− должность;

− место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте http://vv.yspu.org/).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

− каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;

− рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);

− следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;

− надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;

− в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

− Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.

− Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

8. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

9. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

10. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжского филологического вестника», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL "VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN" AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

− 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

− margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

− font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

− surname, first name, patronymic name (if applicable);
− address with postcode;
− contact phone number;
− e-mail;
− scientific degree and status;
− job title;
− place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1–2003. "Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules" (example can be found at http://vv.yspu.org/).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

− each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

− pictures must be grouped (i. e. they must not "fall apart" when moved or formatted);

− pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

− captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

− the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

− 2 copies of completed and signed author's contract.

− An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of "Verhnevolzhski Philological Bulletin" and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор К. С. Лапшина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова
Объем 26 п. л., 20,08 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 291. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.10.2015
Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВПО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69